This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

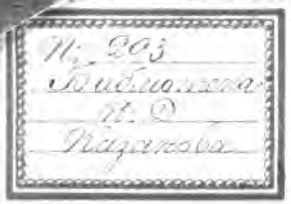
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3 3433 07465350 6

1. Aphorisms, Russian,
2. Essays, Russian



Not in
2/21/35
139

Not in
L. C
3/6/35
B2

*QDX
Pogodin

Н. Казаковъ
Николаевская, 46.
Н. Казаковъ.

ПРОСТАЯ РѢЧЬ

О

МУДРЕНЫХЪ ВЕЩАХЪ

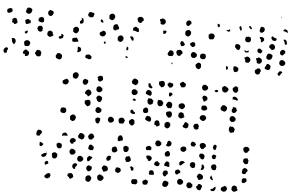
СОЧИНЕНІЕ

Михаила Погодина

NEW YORK PUBLIC LIBRARY

МОСКВА.
Типографія В. И. Фришъ, Никитская ул., д. Воейковой
1873.
BD
PRINTED IN RUSSIA.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
761545 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1936 L



ПРОСТАЯ РѢЧЬ
О
МУДРЕНЫХЪ ВЕЩАХЪ.

Жизнь, смерть, начало, конецъ, добро, зло, счастіе, несчастіе, душа, безсмертіе, другой міръ, вѣра, вѣчность, вселенная, человѣкъ, Христосъ, Богъ!... о какихъ выспреннихъ предметахъ осмѣливаюсь я повести рѣчь свою! Но какіе другіе предметы ближе ихъ къ человѣку? Какіе предметы должны больше всего занимать его? Съ какими вопросами тѣснѣе соединено настоящее бытіе наше, и будущая участь, какая бы ни была она—ничтожество, по мнѣнію модныхъ философовъ, или вѣчная жизнь, по ученію христіанскому!

Напрасно особыя науки, — философія, богословія, — присвоили себѣ исключительно эти предметы, ставя ихъ крайней цѣлію своихъ изслѣдованій. Напрасно, потому что они должны сопутствовать всякому человѣку, грядущему въ міръ, занимая его умъ, питая сердце, направляя волю, — однимъ словомъ, составляя сущность его жизни: всякій человѣкъ долженъ думать о томъ, для чего онъ живетъ; и только по этимъ понятіямъ онъ можетъ устроивать свою жизнь такъ, а не иначе; безъ этого знанія, чѣмъ же онъ будетъ? куклою, животнымъ!

JAN 18 1935

Раздѣленіе знаній и изслѣдованій, какъ раздѣленіе труда, раздѣленіе занятій, принесло пользу въ свое время, но вмѣстѣ послужило препятствіемъ къ развитію большинства. Сдѣлавшись достояніемъ науки, взятые изъ жизни въ школу, эти вопросы подчинились ея отвлеченнымъ условіямъ и требованіямъ, уподобились почти алгебраическимъ буквамъ въ понятіи ученыхъ, привилегированныхъ спеціалистовъ, въ родѣ Египетскихъ жрецовъ, потеряли свою жизненность или обмерли, и подъ хламомъ такъ называемыхъ свѣдѣній, наполнившихъ библіотеки, безъ приложенія, утратили для многихъ свое настоящее назначеніе, свой житейскій смыслъ. Онѣ сдѣлались трупомъ подъ ножемъ прозектора, который можетъ дѣлать надъ нимъ изслѣдованія съ различными успѣхами, но съ трудомъ можетъ вообразить по немъ живаго, мыслящаго человѣка, и еще менѣе научить его, какъ ему жить, — да и самъ не научается.

Наука сама по себѣ, жизнь сама по себѣ. Жизнь осталась лицемъ къ лицу одной физической нужды, и ограничилась изысканіемъ средствъ, въ потѣ лица, для ея удовлетворенія, а потомъ, увлекшись, забывшись, и для искусственнаго умноженія нуждъ, себѣ на голову. Изъ-за средствъ потерялась изъ виду цѣль.

Можетъ быть иначе и нельзя было: можетъ быть это естественный ходъ вещей, послѣдовательность ступеней въ таинственной лѣстницѣ Іаковлевой, непости-

жимый теперь для насъ порядокъ допущенный въ высшемъ домостроительствѣ Божіемъ.

Въ наше время наступаетъ пора распространенія знаній, простѣйшаго ихъ изложенія, облегченія общаго къ нимъ доступа.

И человѣчество должно привѣтствовать эту новую эру съ благодарностію усерднымъ проповѣдникамъ,— но да будутъ прокляты тѣ, которые начинаютъ всенародную, общедоступную проповѣдь съ отрицаній, сомнѣній, осужденій, и оборачиваютъ человѣческія мысли налѣво, а не на право, о которыхъ сатанѣ нечего просить, чтобъ ихъ сѣять (просѣвать) яко пшеницу, которые не помнятъ словъ Спасителя: „кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше-бы, если-бъ мельничный жерновъ повѣсить ему на шею и потопить его въ глубинѣ морской". „Надобно придти и соблазнамъ; но горе человѣку тому, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ".

Давно началъ я записывать въ особой тетради мысли и выраженія о духовныхъ предметахъ, приходившія мнѣ на умъ,—особенные случаи, встрѣчавшіеся со мною самимъ въ продолженіи жизни, и слышанные отъ другихъ, на кои имѣются строго-критическія доказательства. Лѣтъ тридцать слишкомъ назадъ зародилось во мнѣ желаніе огласить ихъ простою рѣчью, внѣ всякихъ школьныхъ правилъ, справокъ и предубѣжденій, какъ представлялись мнѣ эти вопросы

среди чтеній, размышленій, наблюденій, опытовъ, или созрѣли внутренно, безъ непосредственнаго моего въ томъ участія. Нѣсколько разъ, въ теченіи этого долгаго времени, при разныхъ случаяхъ, почему-бы то ни было меня поражавшихъ, вызывавшихъ на размышленія, предетавлявшихся мнѣ какъ-бы знаменіями времени, порывался я къ перу, и принимался писать, но мысль внезапно останавливалась, я бывалъ недоволенъ своими приступами, не находилъ силъ справиться съ задачей, не могъ продолжать, и откладывалъ задуманную бесѣду до другаго времени.

Года три тому назадъ, разбирая въ своемъ „Русскомъ“ возмутительный Петербургскій процессъ по дѣламъ печати, гдѣ поносилось между прочимъ за религіозныя вѣрованія, яко бы наслѣдованныя отъ Московскихъ просвиренъ, имя одного изъ моихъ покойныхъ друзей, Ивана Васильевича Кирѣевскаго, человѣка высоко образованнаго и высоко-нравственнаго, я долженъ былъ коснуться нѣкоторыхъ мыслей этого рода, и помѣстилъ въ статьѣ выписки изъ моей тетради. Пересматривая ее тогда, я подумалъ, не лучше ли передать ее, какъ она есть, собрать написанныя начала или приступы, и всѣ разсѣянныя замѣтки и отрывки, указать нѣкоторые вопросы и недоумѣнія, коими для мыслящихъ могутъ быть замѣнены иныя положенія, приведя все только въ нѣкоторый наружный порядокъ по предметамъ,

не заботясь ни о какой системѣ, ни о какой полнотѣ. И въ самомъ дѣлѣ! Систематизировать потребовало бы много времени, которое у меня, 72-хъ почти лѣтъ, уже на исходѣ, — да и было-бы мнѣ уже не подъ силу. Притомъ систематическихъ сочиненій много, и онѣ при всѣхъ достоинствахъ имѣютъ свою невыгоду, оставаясь непривлекательными или недоступными для большинства, какъ бы для дѣтей иногда учебныя книги. Нужды нѣтъ, что собраніе мое представитъ какую-то смѣсь съ недостатками всякаго рода, повтореніями, уклоненіями, вставками, отступленіями, съ одной стороны съ пробѣлами, а съ другой съ представленіями одной и той-же мысли въ разныхъ только видахъ и оборотахъ; нужды нѣтъ, что собраніе мое будетъ состоять изъ разноцвѣтныхъ и разношерстныхъ, такъ сказать, лоскутковъ, сшитыхъ на живую нитку. Дѣло не въ искусствѣ, не въ авторствѣ, не въ формѣ, а въ содержаніи: цѣль моя не строить, не предлагать системы, а произвести извѣстное впечатлѣніе, привлечь вниманіе, содѣйствовать душевному настроенію, возбудить большее уваженіе къ жизни, благоговѣніе предъ ея высокими задачами, удержать сколько нибудь отъ дерзкаго умничанья и легкомысленнаго отрицанія нашу несчастную молодежь.

Окончаніе древней моей исторіи не оставило мнѣ тогда времени на приведеніе въ исполненіе этого плана.

Въ предпрошедшемъ году лекціи нашего почтеннаго богослова Н. А. Сергіевскаго возбудили во мнѣ желаніе прочесть съ каѳедры простую рѣчь—и опять намѣреніе не состоялось за новою работою, которая потребовала всего моего времени.

Но вотъ я говѣю теперь: надо отрѣшиться отъ злобы дня. Какое занятіе лучше, цѣлесообразнѣе, размышленія о высшихъ человѣческихъ вопросахъ,—и я вздумалъ посвятить все свободное время на приведеніе въ порядокъ моихъ отрывковъ и замѣтокъ. Дѣло пошло на этотъ разъ успѣшно. На страстной и святой недѣлѣ я переписалъ, разумѣется на черно, и кое гдѣ исправилъ, старую тетрадь,—мнѣ вдругъ захотѣлось, не отлагая вдаль, приготовить ее тотчасъ къ изданію, что теперь и исполняю, занявшись ею на досугѣ въ Емсѣ.

Сентября 16 дня, 1872 года. Москва.

Прежде всего я передамъ написанные мною въ разное время приступы или начала безъ концовъ, и укажу на случаи, которые производили во мнѣ особенное впечатлѣніе, и напоминали о задуманномъ дѣлѣ,— присоединяя по мѣстамъ новыя замѣчанія, которыя вспадаютъ на умъ...

Случилось мнѣ однажды возвращаться домой поздно вечеромъ по пустынному Дѣвичьему полю. Полный мѣсяцъ катился прямо предъ моими глазами, пробиваясь сквозь кучи легкихъ, тонкихъ, облаковъ! Вотъ онъ кажется падаетъ, сейчасъ упадетъ, сорвется.... ну если.... взабытьи становилось страшно.... Нѣтъ, онъ не сорвется, не упадетъ! Тысячи лѣтъ уже онъ совершаетъ свой путь по одной и той же линіи, не уклоняясь отъ нея ни на волосъ, — и всѣ эти миріады звѣздъ, которыхъ быстротечный свѣтъ достигаетъ до насъ вѣками, носятся въ своихъ безграничныхъ пространствахъ, не мѣшая одна другой, не забѣгая ни на единую черту въ чужую орбиту. Кто-же указалъ имъ пути? Кто держитъ ихъ на вѣсу?

Гдѣ, въ чьихъ рукахъ этотъ камертонъ, по которому онѣ движутся тысячелѣтія безъ малѣйшей ошибки?

Міры держатся силою притяженія,—нашелъ славный Ньютонъ великую истину. А притяженіе то кто сообщилъ имъ? Да и что такое притяженіе, что въ немъ есть? Сила, духъ, идея?

А мы, муравьи, копышемся въ своихъ кучкахъ, топыремся и мечтаемъ, что значимъ что-то въ этой безграничной вселенной.

Но мы въ самомъ дѣлѣ значимъ что-то въ сравненіи съ настоящими муравьями, какъ и муравьи—гиганты въ сравненіи съ инфузоріями (наливчатыми, микроскопическими животными, у которыхъ есть свои сложные организмы). . . . . .

. . . . . .

Однажды, въ срединѣ Кавказа, передъ Сурамскимъ переваломъ, ночью, въ ожиданіи лошадей на станціи, лежалъ я навзничь въ своемъ тарантасѣ, среди тишины тишайшей, невозмутимой, и смотрѣлъ на синее великолѣпное небо, разстилавшееся необозримымъ шатромъ надъ моей головою, усыпанное яркими, сверкающими звѣздами. Мнѣ слышалось, что оно какъ будто *пѣло*... гармонія ощущалась въ душѣ,—и были для меня понятными слова боговдохновеннаго пророка, что небеса повѣдаютъ славу Божію. . . . .

. . . . . .

Сгорѣлъ огромный балаганъ на масляницѣ, передъ Зимнимъ дворцемъ; нѣсколько сотъ человѣкъ погибло, и могущественнѣйшій въ Европѣ Государь, со средствами столичной полиціи, съ силами всей гвардіи, на берегу рѣки, среди широкой площади, *не могъ* подать помощи ни одному несчастному, не могъ спасти ни одной жизни, и долженъ былъ слышать стоны людей, погибавшихъ въ страшныхъ мученіяхъ. Какъ это могло случиться?... Что значитъ сила человѣческая!....

Вскорѣ послѣ этаго плачевнаго происшествія, на одной почти недѣлѣ сгорѣла биржа въ Лондонѣ, опера въ Парижѣ и Зимній дворецъ въ Петербургѣ. Три главные народа въ Европѣ лишились въ одно время своихъ славныхъ памятниковъ, на коихъ сосредоточиваются ихъ завѣтныя, задушевныя чувства: для Француза зрѣлища, для Англичанина деньги, для Русскаго царская идея. Отстроить дворецъ къ слѣдующему году, сказалъ Императоръ Николай Павловичъ; Англичане скинулись по гинеѣ; Французы устроили заемъ, — и пожара какъ не бывало! Суетное, легкомысленное племя! Ты не видѣло здѣсь страшныхъ знаменій, ты не поняло здѣсь грозныхъ напоминаній— подумать о томъ, о чемъ ты думать отвыкло: такъ-ли ты живешь, какъ тебѣ жить надо? То-ли дѣлаешь, что тебѣ дѣлать надо!.....

Покушеніе на жизнь Государя 4-го Апрѣля въ Петербургѣ, внезапная кончина Наслѣдника, вырваннаго какъ будто изъ среды семейства въ глазахъ у всѣхъ окружающихъ, покушеніе Березовскаго на жизнь Государя въ Парижѣ, поразили меня сильно...

Удивительныя событія нашего времени столь же мало обращаютъ на себя вниманіе ослѣпленнаго поколѣнія.

Парижъ, городъ, который полторы тысячи лѣтъ возвеличивался постоянно, и сдѣлался дѣйствительно столицею міра,—гдѣ наука, искусство, промышленность, достигли высокой степени совершенства, гдѣ на всякомъ шагу поражали путешественника обиліе, богатство, роскошь, соединенные съ особеннымъ изяществомъ, утонченностью, любезностью,—городъ, которому всѣ страны свѣта спѣшили приносить свою дань, гдѣ можно было, кажется, найдти птичье молоко, — этотъ Парижъ, въ одинъ мѣсяцъ очутился въ такой нуждѣ, что крысы и кошки были ему въ сласть! Неужели это не чудо?

И сама Франція, передовое могущественнѣйшее государство въ Европѣ,—улыбнется бывало Наполеонъ какому нибудь посланнику на поздравленіи въ день

Новаго года, или взглянетъ косо на другаго, и во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ кабинетахъ поднимутся толки, конца но было догадкамъ, спорамъ, предположеніямъ!—Франція, считающая сорокъ милліоновъ своего народа, и какого народа? таланливаго, пылкаго, самолюбиваго въ высшей степени, на все способнаго, храбрѣйшаго, поражена такъ въ два-три мѣсяца, что изъ перваго класса ниспадаетъ на эту пору не во второй, не въ третій, а развѣ, говоря по нашему, въ четырнадцатый. Три арміи, по двѣсти тысячь каждая, сдаются въ плѣнъ непріятелю, чего не случалось никогда во всеобщей военной исторіи. Треть всей страны разорена, опустошена, выжжена; тысячи народа безъ хлѣба, безъ пристанища, должны ходить по міру; всѣ дѣла остановилися. Наконецъ въ крайности заключенъ миръ самый унизительный: богатыя, преданныя до самоотверженія провинціи отняты: враги остались хозяйничать на неопредѣленное время; наложена страшная неслыханная контрибуція въ пять милліардовъ, которыхъ, говорятъ, во всей Епропѣ мудрено собрать вдругъ наличными деньгами! Неужели это можно объяснить самонадѣянностью Наполеона, легкомысліемъ Граммона, оплошностію Лебефа. Тѣ же люди были около Наполеона впродолженіи 18 лѣтъ—и побѣждали и властвовали! Судьба ихъ была тѣсно связана съ его судьбою; какимъ образомъ могли они, не спросясь броду, сунуться въ воду, и поставить на

карту свою будущность. На всѣхъ нашло затменіе! Въ томъ-то и дѣло, что на всѣхъ нашло затменіе! недаромъ вѣдь говорятъ: кого хочетъ наказать Богъ, того лишаетъ разума, dementat. —Казалось, испита была вся чаша горечи, которая можетъ достаться въ наказаніе государству, народу;—нѣтъ, это было только начало „болѣзнемъ“. На днѣ чаши оставалась еще желчь, ядовитая желчь—и Французы, которые не имѣли силы бороться съ врагами, нашли силу воевать между собою, и вотъ три мѣсяца они дерутся не на животъ, а на смерть. Война объявлена не только настоящему порядку вещей, но и прошедшему, съ которымъ разрывается всякая связь, и всѣ историческіе памятники разрушаются съ какимъ-то остервененіемъ и вмѣстѣ съ наслажденіемъ. Тюльери сожженъ до тла, Луксенбургскій дворецъ въ развалинахъ, Лувра, съ его сокровищами, едва осталась третья часть. Вчера получено извѣстіе, что горитъ Ратуша, Префектура полиціи, Ломбардъ. О статуяхъ Генриха IV и Людовика XIV и говорить нечего. Наконецъ Вандомская колонна, гигантскій памятникъ всесвѣтныхъ побѣдъ, которыми такъ любили хвалиться Французы, обложенная навозомъ, повалена усиліями механики, вдоль улицы Мира, rue de la Paix,—(какая страшная иронія!),—у героя, стоявшаго на высотѣ ея, въ порфирѣ и лавровомъ вѣнцѣ, отлетаетъ голова, и туловище раскалывается на двое при неистовыхъ рукоплесканіяхъ толпы. Кости

его изъ почетной гробницы Дома инвалидовъ хотятъ бросить въ могилу подлаго, презрѣннаго убійцы. Какія поразительныя явленія, знаменія, и вмѣстѣ уроки для современниковъ, для всѣхъ, имѣющихъ очи видѣти и уши слышати!

Когда вышла Штраусова книга о жизни Іисуса Христа,—прочитавъ первую главу, гдѣ авторъ, разбирая явленіе ангела въ алтарѣ Захаріѣ, отцу Іоанна Крестителя, прикладываетъ къ этому сказанію Шлецерову буквенную, щепетильную критику лѣтописныхъ сказаній: съ которой стороны явился ангелъ, могъ ли увидѣть его народъ, стоявшій внѣ алтаря и проч., я началъ было писать письмо: Вы не вѣрите чудесамъ, такъ зачѣмъ же вы принимаетесь разсуждать объ Евангельскихъ чудесахъ? Вы не признаете бытія ангеловъ, такъ зачѣмъ же толковать, съ какой стороны невозможный ангелъ могъ быть видѣнъ, или слышанъ народу?...

Вы не признаете чудесъ, но вы сами, человѣкъ, развѣ не чудо? Откуда вы взялись, какъ въ каплѣ сѣмени зародились вашъ умъ, совѣсть, воля? И вотъ вы написали книгу.. . Какъ происходили ваши мысли, какъ онѣ находили себѣ выраженія. . . . . .

. . . . . .

Въ 1856 году, изъ Геильбронна я ѣздилъ нарочно къ Юстину Кернеру разспросить о явленіяхъ, разска-

занныхъ имъ въ die Seherin von Prevorst, передать ему извѣстные мнѣ случаи, свидѣтельствующіе объ явленіяхъ и силахъ міра невидимаго, и начать ими рѣчь, но не нашелъ его дома: онъ отъѣхалъ наканунѣ именно туда, откуда я выѣхалъ для его посѣщенія (въ Вильдбадъ, въ Вюртембергскомъ королевствѣ)... и намѣреніе мое не исполнилось.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, услышавъ мелькомъ объ образованіи въ Университетѣ между студентами общества для распространенія новѣйшихъ попытокъ матеріалистовъ, я началъ къ нимъ посланіе.

Пишу, незная къ кому, и лишь зная объ чемъ. До слуха моего, въ уединенной кельѣ, дошли извѣстія о какихъ-то отрицательныхъ сочиненіяхъ религіознаго и политическаго содержанія, кои ходятъ по рукамъ между студентами, переводятся ими и сообщаются другъ отъ друга. Преданный Университету отъ всей души, любя студентовъ, къ которому принадлежалъ самъ, между которыми находится теперь мой сынъ, я рѣшился сказать нѣсколько словъ молодымъ друзьямъ, хотя и неизвѣстнымъ.

Въ послѣднее время судьба кинула меня на поприще вопросовъ общественныхъ: не обинуясь говорилъ я искренно свое мнѣніе о современныхъ опасныхъ для насъ обстоятельствахъ, *не смотря ни на какія лица*; не обинуясь скажу и теперь вамъ, что не менѣе опасно,—

хоть и въ другомъ отношеніи—о взятомъ вами направленіи. Предметъ этотъ слишкомъ важенъ, но, къ сожалѣнію, онъ все еще не занимаетъ подобающаго ему мѣста въ системѣ государственнаго управленія. Принимая его къ сердцу, я боюсь, чтобъ другіе, *осѣдомленные*, не разумѣя дѣла, не принялись говорить съ вами иначе, т. е. дѣйствовать по своему, и не принеслибъ вреда вмѣсто пользы, чтобъ не возрастили зла вмѣсто его искорененія.

Прежде всего я похвалю ваше стремленіе къ истинѣ: блаженни алчущіе правды, яко тіи насытятся, сказалъ Тотъ, кого надобы вамъ спрашивать и слушать чаще, читая Евангеліе.

(Большая часть отрицательныхъ сочиненій въ наше время, по всѣмъ отраслямъ жизни, замѣчу здѣсь кстати, принадлежитъ, кажется Евреямъ, въ которыхъ дѣйствуетъ какъ будто тайная, невѣдомая имъ самимъ роковая сила, влекущая ихъ къ борьбѣ съ Христіанствомъ и его началами).

Вашъ возрастъ самый опасный: умъ вступаетъ въ права свои, кровь кипитъ, сердце волнуется, страсти зарождаются, вопросы встрѣчаются на каждомъ шагу: какъ, почему, зачѣмъ, на что? Обыкновенные отвѣты неудовлетворительны, и вотъ для юныхъ искателей

Сомнѣнья тучей обложилось
Священной истины чело.

Чистое сердце ваше оскорбляется ежедневными явленіями зла. Кажется все не такъ, все должно быть перемѣнено, и какъ все это легко!

И вотъ являются благонамѣренные, но ограниченные учители, руководители, или отчаянные, неизлѣчимые мечтатели. Они обѣщаютъ все, и давно уже обѣщаютъ, но разберите, что же исполнилось изъ ихъ обѣщаній?

Куда пришла Франція послѣ всѣхъ кровавыхъ опытовъ съ 1789 года? А сколько было тамъ умныхъ людей! Какіе таланты! Были истинные геніи по всѣмъ путямъ человѣческой жизни. Сколько книгъ написано, одна другой лучше; читаешь ихъ съ увлеченіемъ, восторгомъ, и какіе же плоды?

Нынѣшніе эмигранты сулятъ, если отдать имъ въ руки управленіе, такую республику, отъ которой съ ужасомъ отворачиваются самые либеральные граждане, и хватаются за желѣзную руку Лудовика Бонапарта, надѣясь въ ней найти опору.

Эти эмигранты имѣли власть въ своихъ рукахъ, что же они сдѣлали? Они могли говорить въ своей палатѣ все, что имъ было угодно, что же они сказали?

Еслибъ было у кого изъ нихъ слово-дѣло, ясное, простое, способное осчастливить гражданское общество, или по крайней мѣрѣ помочь добру и помѣшать злу, слово, которое тотчасъ можнобъ приложить къ жизни, навѣрное оно заставило бы сердце биться у всякаго

образованнаго, мыслящаго человѣка на обоихъ полушаріяхъ; нашло бы вездѣ себѣ много друзей, исполнителей; но нѣтъ, не было такого слова-дѣла, да и нѣтъ его...

Не нашли его всѣ глубокомысленные философы Франкфуртскаго сейма, которые столько времени посвятили на разсужденіе объ основныхъ правахъ гражданина, Grundrechte.

Не сказали его ни Маццини, ни Герценъ.

Луи Бланъ съ работниками въ Луксенбургѣ, разсуждая о droit du travail, представилъ смѣшное зрѣлище, — одно пустозвонство!

Хороши проповѣди и отца Анфантена въ Египтѣ.

Читаешь Жоржа Занда, Прудона, — прекрасно, краснорѣчиво, трогательно, и вздохнешь и задумаешься и улыбнешься, но въ концѣ концевъ опять спросишь: да что-же это все? Если и не то, что общія мѣста, а умныя вещи, но безъ приложенія: ничего съ ними не подѣлаешь!

Вспомните извѣстіе о смерти Кабе въ Икаріи, о тѣхъ явленіяхъ, коими отравлены были послѣдніе его дни въ основанныхъ имъ фаланстеріяхъ.

Вотъ Коссидьеръ такъ благую часть избра, открывъ винный погребокъ въ Лондонѣ.

Не многому путному въ этомъ отношеніи научаетъ насъ и Америка съ свободою, часто необузданною. Живутъ Американцы вольнѣе, но счастливѣе-ли?

Ихъ братоубійственная война представляетъ страшное зрѣлище даже для Стараго свѣта, который прожилъ подольше Новаго, и видѣлъ много всякаго зла на своемъ вѣку.

Болѣзни, язвы, раны, злоупотребленія общества, увидѣть, описать, легко, и плакать надъ ними также. Во всѣ времена являлись добрые, сострадательные люди и писатели, которые живо чувствовали ихъ, принимали къ сердцу и описывали красно и трогательно. Почитайте хоть одного Руссо: — Но лѣкарства-то какія и кѣмъ найдены и указаны? Чирья вырѣзываются, по вѣрной, хотя и неблагозвучной русской пословицѣ, а болячки вставляются. Такова исторія многихъ преобразованій въ родѣ нашей замѣны откупной системы акцизною, съ которой народъ спивается до нельзя.

Другіе не только жаловались, но брались исправить, и начинали съ истребленія, что-же вышло?

Посмотрите на портреты передовыхъ, такъ называемыхъ, дѣятелей нашего времени, начерченные мастерскою кистью Герцена. А ихъ приверженцы и послѣдователи—что за лица? Какіе задатки для спасенія народовъ отъ этого озлобленнаго отребья? Герценъ оказалъ великую услугу, познакомивъ насъ съ этими героями.

Полячи просто жалки! Какая путаница, какая ералашь! Сами не знаютъ, чего хотятъ, а рвутся, очертя голову, на пропалую. Никакая побѣда не

пошла бы впрокъ такимъ политическимъ вертопрахамъ и вѣтрогонамъ.

Что же сказать о нашихъ выходцахъ и эмигрантахъ? Они могутъ писать все: что-же они пишутъ, дѣлаютъ и говорятъ?

Нетерпѣніе похвально въ своемъ основаніи, но бываетъ пагубно въ своихъ приложеніяхъ. Старайтесь исправлять себя, дѣлаться въ середу лучше, чѣмъ были во вторникъ, какъ училъ Карамзинъ! Но нѣтъ, мы хотимъ все учить другихъ, кроемъ чужую кровлю, воздѣлываемъ чужое поле, а свое, глядишь, покрывается терніемъ и волчцами, и мы поступаемъ сами въ число больныхъ, иногда отчаянныхъ, вмѣсто того, чтобы дѣлаться лѣкарями, какъ бы намъ хотѣлось или мечталось.

Выходитъ ежегодно изъ нашихъ Университетовъ чуть-ли не тысяча студентовъ, оканчивающихъ курсъ,—(а сколько уже вышло ихъ со времени основанія Университетовъ!)—что если бы изъ этой тысячи хоть одна сотня начинала дѣйствовать такъ, какъ вы теперь требуете, положимъ, отъ правительства, отъ общества, но, спрашиваю я васъ, скажите, положа руку на сердце:—бываетъ-ли такъ, и не начинаетъ ли эта сотня, съ немногими исключеніями, черезъ годъ, черезъ два, черезъ пять лѣтъ, выть съ волками по волчьи, а потомъ и превращаться въ волковъ.... образованныхъ, патентованныхъ, и тѣмъ болѣе опасныхъ и вредныхъ?

Подумайте-ка объ этомъ, друзья мои, вмѣсто занятій дрянными переводами книгъ, которыя выросли не на нашей почвѣ, и такъ пристали къ Русскимъ студентамъ, какъ къ коровѣ сѣдло.

Еслибъ триста человѣкъ, 14 Декабря, изъ которыхъ большая часть, судя по свидѣтельствамъ, были люди истинно благонамѣренные, чистые, любившіе отечество искренно, умные, способные, избрали себѣ, взявшись рука за руку, другой образъ дѣйствія, и нейдя на площадь, поступили-бы въ канцеляріи, департаменты, на службу, съ благими своими намѣреніями; изъ нихъ черезъ немного лѣтъ вѣдь вышло-бы двадцать, тридцать губернаторовъ, министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта, и какое поприще открылось бы для ихъ дѣйствій, сколько добра моглибъ они сдѣлать! Далеко бъ мы ушли.... Міръ ихъ праху! Помяни ихъ Господи во царствіи Твоемъ!

Точно тоже должно сказать и объ ихъ преемникахъ, которые продолжаются одни за другими,—такъ или иначе, и погибаютъ безслѣдно...

Что-же дѣлать намъ, спросите вы? Сидѣть, сложивши руки? Сидѣть, сложивши руки, все таки лучше, чѣмъ махать ими безъ толку и тратить силу по пустому. Но есть занятія пополезнѣе: учиться, учиться и учиться, не мудрствуя лукаво! Друзья мои, друзья мои! за работу, за работу! за ученье!

Нѣтъ въ мірѣ царства столь пространна,
Гдѣбъ можно было столь добра творить.

На всякомъ мѣстѣ можно у насъ сдѣлать много, много добра: учитель, исправникъ, лѣкарь, священникъ, староста, офицеръ, смотритель, экономъ, не говоря уже о высшихъ должностяхъ — а какъ исправляется большая часть этихъ должностей, и все вслѣдствіе недостатка въ истинномъ образованіи.

Учись и дѣлай каждый свое дѣло!....

Я становлюсь на точку Карамзина, но.... но какія же точки тверже, особенно въ наше время?. . . . .

. . . . . .

Явились сочиненія Герцена за границей. Пока онъ былъ дома и писалъ въ Отечественныхъ запискахъ, въ Современникѣ, я считалъ его одной изъ тѣхъ жалкихъ посредственностей, которые вырастаютъ у насъ ежегодно по журналамъ, какъ грибы послѣ дождя, съ охотой смертною и участью горькою.

Помню, какъ однажды въ профессорской комнатѣ Перевощиковъ указалъ намъ описаніе среднихъ вѣковъ, предложенное Герценомъ въ какой-то статьѣ О. З., и какъ мы всѣ хохотали надъ нимъ, стараясь представить ихъ положеніе по данному Герценомъ чертежу....

Но когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, я познакомился съ его сочиненіями за границею, я увидѣлъ, что онъ выросъ до высоты, для всѣхъ его товарищей недосягаемой, явилъ силу слова до него неизвѣстную, сообщилъ наблюденія, мысли, какихъ никому въ

голову не приходило, образовалъ свой родъ сочиненія, занялъ высокое мѣсто въ Европейской литературѣ силою таланта необыкновеннаго.

Между тѣмъ онъ шелъ по пути разрушенія, по пути, иже вводяй въ пагубу; онъ судилъ объ основахъ общества легкомысленно, относился къ религіи болѣе чѣмъ легкомысленно, дерзко шутилъ съ огнемъ, и не ограничиваясь собою, пытался распространять свой образъ мыслей, старался о пропагандѣ.

Мнѣ жаль было, что такой необыкновенный талантъ пропадаетъ для отечества въ нѣкоторомъ отношеніи, а въ другомъ приноситъ вредъ вмѣсто пользы.

По ходу его мыслей, я увидѣлъ впослѣдствіи, что онъ началъ склоняться на правую сторону.

Я былъ увѣренъ, что Герценъ находится въ процессѣ развитія, что онъ не останется на теперешнемъ своемъ мѣстѣ, и что ему предлежитъ еще много метаморфозъ.

Обращеніе его сдѣлалось моимъ искреннимъ, горячимъ желаніемъ, потому что я чуялъ въ его брани, въ его хулѣ, въ его увлеченіяхъ, въ его заблужденіяхъ, среди его отчаянныхъ парадоксовъ, звуки теплой любви къ отечеству и доказательства ума сильнаго.

Нѣсколько разъ пытался я писать къ нему, при разныхъ замѣчательныхъ у насъ событіяхъ нынѣшняго царствованія, письмо, и начать этимъ письмомъ

задуманную рѣчь. Мнѣ хотѣлось сообщить Герцену нѣкоторыя явленія изъ міра невидимаго, имъ отвергаемаго, явленія, подлинность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но всякій разъ что нибудь мѣшало мнѣ, письмо не вырабатывалось, и я оставлялъ намѣреніе *

Герценъ, (какъ и другіе), принимаетъ весь міръ, всю природу, человѣка со всѣми его способностями, comme un fait accompli. Ему нѣтъ дѣла ни до начала, ни до конца. Онъ хочетъ разбирать только сущее, настоящее, не считая нужнымъ заботиться о прочемъ. Это очень удобно и покойно. Но можетъ ли дерзость быть безумнѣе? Шутка—вселенная un fait accompli! Можно признать теперь соединеніе Молдавіи и Валахіи съ Княземъ Кузою, comme un fait accompli, да и то хочется спросить: почему согласилась Россія, отъ чего уступила Турція, что имѣли въ виду Англія, Франція? и проч. и проч. Движеніе звѣздъ, дѣйствія ума человѣческаго, творенія искусства, сіяетъ солнце и оживотворяетъ природу, свѣтитъ мѣсяцъ, листъ зеленый нараждается со всякимъ лѣтомъ — все это faits accomplis! А когда оно началось, когда кончится, объ этомъ нечего и думать.

---

* Послѣ я встрѣтился съ Герценомъ въ Монтре, куда посылали меня врачи послѣ усиленныхъ трудовъ надъ біографіей Карамзина, въ 1866 г. См. мою статью объ этой встрѣчѣ, и по поводу смерти Герцена въ 1869 г. № 2.

Размышленія объ этихъ предметахъ, скажутъ, не приводятъ ни къ какимъ результатамъ. А развѣ это не великій результатъ: убѣжденіе въ невозможности достичь какихъ нибудь положительныхъ результатовъ о всѣхъ высочайшихъ вопросахъ? Не можете понять ничего, ну такъ сознайтесь въ ограниченности человѣческаго разума, почувствуйте смиреніе, а у васъ вѣдь господствуетъ гордость, или лучше спѣсь глупаго мѣщанина во дворянствѣ!

Назидательны послѣднія, предсмертныя размышленія Герцена. Мнѣ было пріятно найти у него нѣкоторыя свои мысли, давно высказанныя. Но онъ все еще оставался въ прежнемъ безусловномъ невѣріи, и все еще носился въ воздушныхъ пространствахъ общаго! Онъ все таки думалъ, кажется, сочинить государство на свой ладъ, и старая закваска въ немъ не выдохлась. Грустно, что онъ упалъ на полдорогѣ, и не дошелъ ни до какой пристани на землѣ...

А въ какомъ омутѣ онъ погрязалъ и тонулъ, въ какой атмосферѣ задыхался, — и сколько времени! Надо было имѣть крѣпкую голову, чтобы не очумѣть и не свихнуться, а онъ выходилъ на прямую дорогу....

Наконецъ вотъ одинъ изъ первыхъ моихъ приступовъ:

Съ чего начать мнѣ простую рѣчь о мудреныхъ вещахъ? Совершенствованіе, просвѣщеніе — самая

сладкая, любимая мечта моей юности! Съ какимъ восторгомъ представлялъ я себѣ то время, когда человѣкъ, на лонѣ природы, въ мирѣ съ самимъ собою, съ своей совѣстью, со всѣмъ его окружающимъ, въ кругу своего семейства, будетъ наслаждаться жизнію, проводя ее въ изысканіяхъ таинъ мірозданія, таинъ исторіи, въ твореніяхъ мысли и чувства, поклоняясь Творцу духомъ и истиною! И я былъ увѣренъ, что оно наступитъ! Содѣйствовать приближенію этого времени—какое счастіе! Дайте мнѣ хоть орангутанга, думалъ я въ восторгѣ, идя однажды съ Дмитріемъ Веневитиновымъ и бесѣдуя о золотомъ вѣкѣ, и если я успѣю выдвинуть его на нѣсколько шаговъ впередъ на его пути, то я не пожелаю ничего болѣе. Это было въ двадцатыхъ годахъ. Текло время, занимался я исторіею, и опыты жизни опровергали мечту о постепенномъ усовершенствованіи людей, государствъ и народовъ. Нѣтъ, думалъ я, это оттого, что просвѣщеніе не полное, что одна часть воздѣлывается на счетъ другой,—и писалъ о счастіи въ своихъ повѣстяхъ, разсуждалъ въ афоризмахъ, внушенныхъ философіею Шеллинга *.

Такъ ли я думаю теперь, спросятъ меня, послѣ того, какъ я долго прожилъ, читалъ, думалъ, испыталъ, видѣлъ, слышалъ? Утвердился ли я въ убѣжденіяхъ своей молодости? Увы! Гдѣ это усовер-

* См. Историческіе афоризмы. Москва 1836 г.

шенствованіе? Можетъ быть въ лицахъ недѣлимыхъ! Усовершенствована Астрономія, Физика, Химія, Философія—но не человѣкъ, еще менѣе родъ человѣческій. Каинъ убилъ Авеля дубиною, а Шаспо (Франція), Крупъ (Германія), Армстронгъ (Англія), валятъ людей тысячами изъ своихъ пушекъ и ружей.

Мы называемъ просвѣщеннымъ человѣкомъ того, кто отличается познаніями, сочиненіями, въ Математикѣ, Словесности, Богословіи, имѣетъ много свѣдѣній о тѣхъ или другихъ предметахъ, но Гегель умираетъ отъ несваренія желудка, но Гёте находитъ удовольствіе въ титулѣ Тайнаго Совѣтника, по свидѣтельству Гумбольта, который шутя и самъ признается въ этомъ малодушіи: и я это люблю, сказалъ онъ въ Москвѣ К. К. Яниш, (послѣ Павловой), совѣтуя ей на пакетѣ, передаваемомъ для Гёте, прописать этотъ чинъ. Байронъ кичился больше своимъ происхожденіемъ отъ Норманскихъ бароновъ, чѣмъ своею поэзіей! Неужели это просвѣщеніе?....

Между умомъ и сердцемъ такая-же бездна, черезъ которую нѣтъ моста, какъ прежде, какъ всегда, и если они соединяются иногда, то не наукою, а чѣмъ-то инымъ... наука, могущественная въ свой сферѣ, имѣетъ здѣсь вліяніе, но не рѣшительное, условное....

Обращаюсь къ тетради, и передамъ теперь набросанныя мысли и выраженія, раздѣливъ ихъ на группы по предметамъ.

Бытіе — кто мы, что мы, откуда, куда, для чего?

Быть, жить, существовать,—что же такое жизнь, откуда взялась, чѣмъ сохраняется, какъ прекращается, куда дѣнется!

Какая тайна глубже, непостижимѣе, тайны бытія! Однако же мы есмы, живемъ, существуемъ!

Отвергнемъ ли мы наше существованіе по той только причинѣ, что мы не понимаемъ его?

Нѣтъ, этого никто не дѣлаетъ, да и не можетъ дѣлать, т. е. не можетъ сказать, что его нѣтъ. Это было бы безуміемъ.

Такъ не безумно ли отвергать многое другое, потому только, что его не понимаемъ. не видимъ, или не можемъ ощупать руками?

Быть, не быть; бытіе, *небытіе*—что непостижимѣе?

Ничто, — что это такое? Можетъ ли быть, существовать ничто? Это было бы ужь не ничто, а нѣчто.

Откуда же взялось все?

Все было всегда.

А это „всегда“ что значитъ?

Развѣ это также не тайна, не непостижимость?

Что понять легче: ничто или все?

Ничтожества въ началѣ, сзади, никакъ вообразить нельзя, а ничтожество въ концѣ, впереди, нѣкоторые наши умники утверждаютъ для себя смѣло!

Безпредѣльность—что это такое? Изъ какихъ пространствъ она составилась?

Какъ можетъ быть что нибудь безъ предѣловъ?

Но нельзя вообразить себѣ и *предѣловъ*; что же заними?

Опять тайна и непостижимость!

Безпредѣльность непостижима, а точка постижимѣе ли?

Что такое начало? Что такое конецъ? Гдѣ начало, гдѣ конецъ? А до начала-то что? А послѣ конца-то что? Когда начало, когда конецъ? Или: все не имѣетъ ни начала, ни конца? Это еще мудренѣе.

Міръ и все, что есть въ немъ, и на немъ, откуда онъ? А безъ него, что же было на его мѣстѣ? *Пустота*, пустота безпредѣльная, которой опять ни понять, ни вообразить не возможно.

(Никакіе Бокли и Дреперы, Дарвины и Фохты, не смогутъ объяснить пустоты,—даже при помощи нашихъ доморощеныхъ философовъ-самоучекъ, которые, по слѣдамъ Гоголева Ляпкина-Тяпкина, дошли сами собою до выспреннихъ вещей, — и сами пусты до нельзя).

И вдругъ, въ этой безпредѣльной пустотѣ, зародилось гдѣ то, и наполнило ее всю, явилось какое-то вещество. Возникла въ немъ какая-то сила. Произошла жизнь. Жизнь зажила. Началось — твореніе наиразнообразнѣйшее. *

Не довольно ли этой непостижимости, чтобы потеряться въ безднѣ мысли, и склониться главою въ недоумѣніи!

Какія чудеса представляетъ вселенная! Изъ чего это все? Изъ ничего.

Неужели это понятно? Изъ ничего произошло и происходитъ все!

Когда же и гдѣ начало всему изъ ничего?

Нѣтъ и начала.

А это понятнѣе?

Міръ, говорятъ, сотворился изъ ничего.

Міръ существовалъ всегда.

Что понятнѣе, что мудренѣе?

Отъ чего міръ сотворился, произошелъ такой, а не другой? Почему всѣхъ тварей произошло столько-то и въ такихъ-то видахъ?

---

* И начали подбираться Дарвиновы виды, отъ которыхъ произошелъ наконецъ какой-то косматый звѣрь съ хвостомъ, породившій двойни: обезьяну и человѣка!

Какое разнообразіе, какая сложность, — и все это заключалось въ первоначальномъ..... въ чемъ? Въ какомъ сѣмени? Въ какомъ пространствѣ?

Оно не имѣло предѣловъ, и времени для него небыло.

Да что же это такое? Пустота всезаключающая!

Вѣдь это непостижимо, а между тѣмъ нельзя обойтись безъ такого предположенія: какъ иначе опредѣлить, выразить ничто?

И такъ все это только слова! Есть еще подобное слово: *хаосъ*, къ которому можно приложить тѣже вопросы: откуда взялся, когда и *проч. и проч.*

Откуда взялась матерія, вещество? Какой духъ живилъ ее? Откуда явился онъ? Какъ въ этой пустотѣ, по какимъ часамъ, годамъ, вѣкамъ, періодамъ, начала образовываться вселенная! Будетъ ли конецъ ей? Общій, частный? Началась она точкою въ одномъ мѣстѣ, или вдругъ занято было все чѣмъ-то, которое начало развиваться?

Когда? Почему? Отчего завтра, а не послѣ завтра?

Какой конецъ?

Атомъ — что такое, а изъ атомовъ, говорятъ, состоитъ все! Какъ атомы сливаются между собою, чтобы составить все?

Какъ мгновенія сливаются между собою, чтобы составить время?

Эти міры неужели только блестки, не заключаютъ въ себѣ ничего, не чувствуютъ, не мыслятъ? Да и на чтобы ихъ столько? Къ чемубъ такая роскошная мебель?

Какъ они разставились и размежевались, какъ распредѣлились разстоянія въ этой безпредѣльности и безконечности, такъ что и упасть ничему некуда, да и не возможно!

Безконечность во времени непостижима.

Вѣчность еще болѣе.

Ограниченность пространства непостижима.

Безпредѣльность пространства непостижима.

Безконечная дѣлимость вещества непостижима.

Все это для насъ непостижимости, какую-бы систему мы ни приняли, съ какой-бы стороны ни подошли къ нимъ, какъ-бы ни оборотили вопросы. Все это тайны, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ, и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, лишь только задумаешься....

Ясно-ли что ума нашего не хватаетъ на эти представленія? Ясно-ли, что умъ нашъ, или, пожалуй мозгъ, имѣетъ какіе-то предѣлы, дальше которыхъ, внѣ времени и пространства, не можетъ двигаться, впечатляться, т. е. понимать, воображать; не можетъ составлять ни какихъ понятій ни о безначальности,

ни о безконечности, ни о безпредѣльности, ни о дѣлимости?...

Мы знаемъ, слѣдовательно, только предѣлы его собственные!

Да, *умъ* человѣческій *ограниченъ*, — а въ этомъ-то слѣпая, дерзкая кичливость, особенно въ наше время, и не хочетъ согласиться.

Есть модное слово — *сила*. Что это такое? Нѣчто духовное или вещественное? Ни того, ни другаго вообразить мы не можемъ... Слѣдовательно опять это только слово безъ смысла, одинъ звукъ, которымъ заглушается наше невѣжество.

Какимъ образомъ слѣпыя силы могли дойдти до того, чтобъ сочинить голодъ и жажду въ человѣкѣ, и подготовить средства ихъ утоленія, и устроить желудокъ съ безпрестанными требованіями, (которыхъ удовлетвореніе, прибавимъ кстати, и должно составить внѣшнее содержаніе, рамку всей исторіи человѣческаго рода), раздѣлить родъ человѣческій на два пола, мужскій и женскій, сообщить имъ такую-то наружность, снабдивъ одинъ полъ красотою, другой силою, со взаимными нуждами и вожделѣніями, которыми обезпечивалось бы продолженіе, то есть существованіе человѣческаго рода!

Какъ это случилось, что откуда-то взявшаяся безумная сила сотворила такіе сложные организмы, распредѣлила занятія между ихъ частями, поставила ихъ во взаимныя отношенія, одно другому содѣйствующія и отнюдь немѣшающія,—нигдѣ ни сучка, ни задоринки!

———

Строеніе женщины съ ея удивительными отправленіями—очищеніемъ, зарожденіемъ, плодоношеніемъ, какое чудо! Капелька, заранѣе помѣщенная въ ея тайникахъ, оживотворяется какимъ-то движеніемъ, и изъ этого сѣмячка происходитъ Ньютонъ съ его биномомъ, Рафаель съ Мадонною, Моцартъ съ Донъ-Жуаномъ, образуется Петрова воля, Волтеровъ, Наполеоновъ умъ, сердце Карамзина!....

———

Все твореніе, съ человѣкомъ включительно, приписывается движенію какой-то силы или силъ. Хорошо, — но почему же эти зиждущія силы, сотворивъ одного человѣка, одну пару, Адама съ Еввою, перестали творить людей, и предоставили одной этой парѣ, сотворенной или сотворившейся, продолженіе человѣческаго рода? Почему не могли онѣ сотворить больше паръ? Почему не могли сами творить безпрестанно во времени, то есть продолжать такое твореніе? Какъ избрали онѣ, или избралось мѣсто, точка на земномъ шарѣ, гдѣ первый человѣкъ могъ зародиться? Почему могла оказаться удобною только одна точка,

а не многія? Какъ-же онъ зародился? въ какомъ видѣ? Такою-же капелькою, какою зарождается теперь? Но теперешняя капелька оживляется, развивается въ теченіи девяти мѣсяцевъ, въ утробѣ матерней, и питается отъ ея жизненныхъ силъ! Но вѣдь все таки нужны двѣ капельки, совершенно различныя, изъ которыхъ должны были произойти мужчина и женщина! И онѣ должны были быть оживотворены, и въ этихъ капелькахъ должны были быть помѣщены зародыши всѣхъ человѣческихъ способностей, съ различіемъ мужскихъ отъ женскихъ. Надо-же имъ еще сообщить способность соединяться, рождать....

Натворивъ столько всякой всячины, бывъ такъ могущественны и умны, какъ же эти силы перестали двигаться, остановились, какъ будто лишенныя способности творить, предоставляя все ими натворенное на произволъ случая, остались безъ занятія, ограничились сохраненіемъ statu quo, обмерли? изчезли? куда дѣлись?

Вселенная сотворилась движеніемъ силы. Въ чемъ же сила-то сама заключалась? Какой былъ ея первоначальный видъ, и какимъ образомъ она вышла изъ него? Чѣмъ подвиглась?

Сила! Да отчего-же ей вздумалось сотворить такую вселенную, а не иную? Откуда явилась у ней такая

возможность? Да и сама-то она откуда взялась? Какъ вздумала сочинять, и изъ чего начала творить вселенную?

Все это только слова, которыя ровно ничего не значатъ, и которыхъ никакъ понять не можемъ, какъ-бы ихъ ни обертывали!

Сила сотворила все,—кто-же этому всему предначерталъ планъ, сообщилъ разнообразіе?

Наши невѣжи скажутъ: сила,—да и успокоятся, какъ будто-бъ поняли и рѣшили все!

Одни говорятъ: сила; другіе говорятъ: силы. Если силы, то сколько-же ихъ? Какъ опредѣлилось ихъ число? Явились онѣ вдругъ, или по очереди? Отчего же явилось столько-то, а не столько, напримѣръ пять, а не десять. Какія онѣ? одинакія или разныя? Въ послѣднемъ случаѣ отчего разность?

Онѣ были всегда, не имѣли начала. Какую-же имѣли форму, въ какихъ отношеніяхъ находились между собою? Развѣ вы, господа понимаете, развѣ можете понять это?

Сила, по общему употребленію языка, есть нѣчто отвлеченное, духъ; она дѣйствуетъ въ чемъ нибудь; нужно, чтобъ прежде было что нибудь, т. е. вещество.

Какое-же было это вещество? Гдѣ оно находилось? Вездѣ? Откуда явилось? Когда? Существовало всегда. Въ какомъ видѣ или количествѣ? Какимъ образомъ возникла или зародилась въ немъ сила?

По какимъ законамъ, въ какой послѣдовательности вещество развивалося?

Опять тѣ же вопросы неразрѣшимые, предъ которыми нельзя не поникнуть со страхомъ, (хорошо, еслибъ наши философы могли выговорить) Божіимъ!

А что сказать о природѣ на землѣ и о чудесномъ разнообразіи въ трехъ ея царствахъ: ископаемыхъ, прозябаемыхъ и животныхъ! Почему число произведеній такое-то, а не иное?

Были средоточія силъ, или одно у всѣхъ средоточіе? Въ какой мѣрѣ или въ какой степени силы дѣйствовали изъ этого средоточія,—равно,—или увеличиваясь въ своемъ дѣйствіи, актѣ творенія?

Или—сила была разлита во всемъ веществѣ, то есть повсюду безъ предѣловъ? Вещество имѣло силу? А потомъ начала она сгущаться въ извѣстныхъ пунктахъ, образуя пустоту около себя?

Образовать пустоту- это что такое?

Строеніе человѣка не есть-ли чудо? Да и всякій его органъ, отдѣльно взятый не есть-ли чудо?

Какъ слѣпая сила могла сочинить человѣка, составить его тѣло изъ милліоновъ клѣточекъ, устроить ему глазъ съ зрительнымъ нервомъ изъ безчисленнаго множества нитей, соединенныхъ между собою неразрывными узами,— одна другой мудренѣе,—и такоже ухо, горло, языкъ со вкусомъ, осяваніе, обоняніе, мозгъ со тьмою составныхъ частицъ, подвижныхъ, самосознательныхъ, устроить дыханіе, питаніе, кровообращеніе, пищевареніе, произвожденіе,—съ сердцемъ, печенью, легкими и проч.?

Отправленіе каждаго органа не есть-ли чудо, а ихъ совокупность и взаимное дѣйствіе!

Сколько хитрости надо предположить въ этихъ слѣпыхъ, безумныхъ силахъ, чтобы онѣ могли выработать такую сложную, изъ разнообразныхъ частей, колесъ, рычаговъ, винтовъ, пружинъ, состоящую машину съ особеннымъ урокомъ для каждой, машину, имѣющую полное право на названіе малаго міра!

Или силы были, жили, представлялись, воплощались твореніемъ, то есть, все творилось собственною внутреннею силою, которая слѣдовательно должна была также найдти себѣ мѣсто, гдѣбъ могла развиться, выразиться человѣкомъ!

Тайны, поражающія мыслящаго наблюдателя своею непостижимостію; возбуждающія его благоговѣніе къ

міровой Премудрости, какимъ бы именемъ она ни называлась, въ какомъ бы видѣ ни существовала!

Ну положимъ—вещественная природа сотворилась, произошла изъ какого-то хаоса, изъ какой-то матеріи, откуда-то взявшейся, произошли камни, растенія, животныя, подобрались ихъ виды, и явился косматый Дарвиновъ звѣрь, съ хвостомъ, произведшій двойни: обезьяну и человѣка,—а умъ-то какъ могъ произойти, какъ могъ сотвориться, изъ какихъ сѣмянъ произойти? Отъ чего такое различіе въ близнецахъ? За что такъ обижена обезьяна, если близнецы были такъ близки между собой?

Какимъ образомъ можно понять, допустить, чтобъ вещество, какое-бы ни было, но все таки вещество, могло имѣть или произвести такія свойства, какія имѣетъ умъ, съ его памятью, воображеніемъ, творчествомъ? Нѣтъ, это не тоже, не вещество! Это что-то другое...

Какія хитрости употребила эта сила, уложивъ мозгъ подъ черепомъ, проведя къ нему милліоны различныхъ путей отъ всѣхъ органовъ и частей тѣла, соединивъ въ немъ всѣ впечатлѣнія, сообщивъ ему способность осмысливать ихъ, и передавать кому-то для дальнѣйшихъ распоряженій съ полученнымъ мате-

ріаломъ! Неужели это была сила безсознательная, дѣйствовавшая, куда кривая ни вынесетъ?

Мы знаемъ пути, по которымъ впечатлѣнія внѣшняго предмета доходятъ черезъ пять нашихъ чувствъ до мозга; мы знаемъ, какое движеніе происходитъ въ мозгу, въ милліонахъ его клѣточекъ, отъ того или другаго-впечатлѣнія. Но какъ это движеніе осмысливается? Вѣдь это явленіе совершенно уже иное. Кѣмъ и къ кому доносится потомъ этотъ возникшій смыслъ? Еще новое явленіе! Кто-же, чѣмъ, заставляетъ этотъ мозгъ двигаться уже по своему распоряженію, безъ настоящихъ впечатлѣній, и производить новыя мысли, какъ-бы играя на фортепьяно? Кто берется импровизировать, сочинять новыя увертюры?

Умъ — что это за чудо! Какъ онъ можетъ заключать въ себѣ все дѣйствительно-прошедшее и настоящее, творить ежеминутно еще свое новое настоящее, прошедшее и будущее, возобновлять отсюда и оттуда, что заблагоразсудится ему по выбору, производить вновь разныя сочетанія и выводить заключенія, и въ то-же время оставаться какъ будто ничѣмъ!

А *воля* и *сердце*, дѣйствующія единовременно!

Умъ — что это за вмѣстилище безпредѣльное представленій, понятій, образовъ, съ способностью тво-

рить міры новые, несуществующіе, аки-существующіе, въ связи съ сердцемъ чувствующимъ, съ волею рѣшающей и дѣйствующей! Какъ было возможно пріурочить всѣ эти отправленія къ мозгу, и поставить ихъ въ исключительную его зависимость—отказывается понять всякая мысль. Сосѣдство съ обезьяною и даже со вновь отысканнымъ Дарвиновымъ косматымъ звѣремъ не объясняетъ указанныхъ явленій, а только покрываетъ ихъ новымъ густымъ мракомъ.

Зарожденіе мыслей въ головѣ есть необъяснимое чудо, не меньше всѣхъ прочихъ чудесъ. Мысли принадлежатъ, кажется, собственно человѣку, онъ думаетъ,—и онѣ налетаютъ или изникаютъ откуда-то, и онъ не понимаетъ, какъ будто посторонній, какимъ образомъ это происходитъ. Только постучитъ, кажется, и вотъ является цѣлый полкъ, и становится во фрунтъ, какъ риѳмы на зовъ опытнаго стихотворца; творится цѣлый міръ, новый безпрестанно смѣняющійся...

Любовь! Есть-ли она? Кажется, нельзя въ томъ сомнѣваться, (хоть она въ наше время изсякаетъ). Какъ-же она сотворилась? По какому предусмотрѣнному плану? Съ какою цѣлію? Или тоже случайно? Что за назначеніе ея на землѣ, если принять систему

какого-то безличнаго, господствующаго, во всемъ мертвенно-живаго механическаго закона.

А *совѣсть*! Это еще что такое? Какой законъ, или какая сила ухитрилась поселить въ человѣкѣ такое странное, антиматеріальное чувство!

Наконецъ сознательная воля, врожденное любопытство, желаніе совершенствоваться, стремленіе куда-то, къ чему-то, какъ будто тоска по отчизнѣ,—исключительныя принадлежности человѣка,—не могутъ никакими намѣками, никакими софизмами, быть объяснены изъ матеріальныхъ теорій.

Что сказать еще объ *языкѣ* и его происхожденіи! Какъ объяснить это явленіе: языковъ есть милліоны, словъ есть милліарды, по числу языковъ, и всѣ эти различныя слова производятъ одинакія впечатлѣнія въ умахъ каждаго народа — и у Англичанина, и у Эскимоса, и у жителя Огненной Земли! А Меццофантіево языкознаніе!

Есть одинъ кругъ понятій у всѣхъ народовъ, у одного уже, у другаго шире, по мѣрѣ развитія и образованія, къ которому всѣ они однако-жъ одинаково способны.

Вѣдь вотъ что модные философы заставляютъ дѣлать эту неизвѣстную силу, которую между тѣмъ лишаютъ смысла!

Сила безсознательная произвела міры, землю, человѣка, но такъ, что никакой сознательный умъ не можетъ сочинить, вообразить лучше, правильнѣе, ни одной милліонной доли ихъ миніатюры, не можетъ прибавить никуда ни единой іоты!

Я понимаю, что слѣпая сила можетъ произвести изверженіе Везувія посредствомъ подземнаго огня, и создать новый островъ на морѣ изъ готоваго впрочемъ матеріала, но наши философы хотятъ, чтобъ эта сила построила для нихъ и домъ на изверженномъ островѣ, раздѣлила на нѣсколько этажей съ полнымъ комфортомъ, и развела садъ въ англійскомъ вкусѣ для ихъ прогулокъ, и устроила гроты для ихъ оргій!

Сила производитъ изъ соотвѣтственныхъ матеріаловъ снѣгъ, дождь, громъ, изливаетъ лаву,—а какимъ образомъ произведетъ она пальму, розу, ананасъ, кипарисъ, одаритъ ихъ разнымъ видомъ, вкусомъ, запахомъ? Какъ она поселитъ въ сердцѣ симпатію, вызоветъ смѣхъ, извлечетъ слезы, доставитъ удовольствіе, сдѣлаетъ добро и зло?

Все происходитъ по *законамъ*! Опять только слово иное, которое нисколько не разрѣшаетъ вопроса, и не удовлетворяетъ любопытства. Точно—все происходитъ по законамъ, но откуда взялись эти законы, съ чего начались? Когда? Какою силою? Въ чемъ состоятъ? Какъ сложились и обнаружились? По очереди? По одиночкѣ? Вмѣстѣ, суммою? Есть-ли предѣлы для существованія этихъ законовъ? Чѣмъ они держатся и условливаются! Развиваются, или нѣтъ? Есть-ли предѣлы развитія, или оно безконечно? Кто, или что можетъ положить предѣлы развитія? А до законовъ-то что было?

Законъ, законы, все это только слова, какъ сила и силы, которыми утѣшается наше невольное невѣжество, и прикрываются, отстраняются неизбѣжные вопросы, оставаясь во всей своей силѣ.

И со всѣхъ сторонъ, куда ни оглянешься, окружены мы вопросами, тайнами и непостижимостями. Жизнь, Смерть,—О чудесе! Что сіе же о насъ бысть таинство!

Что на землѣ не есть чудо? А на небѣ?

Какая часть, частица природы, не заключаетъ въ себѣ тайнъ, предъ которыми безпрестанно долженъ останавливаться пытливый умъ, разбирающій иногда

по складамъ какія нибудь простыя или осязательныя явленія.

Всѣ чудеса эти мы должны допускать, признавать, принимать, comme des faits accomplis, потому что онѣ предъ нами, около насъ, у насъ, въ насъ. И человѣкъ не можетъ не чувствовать предъ ними благоговѣнія, если онъ еще не одеревенѣлъ, не окаменѣлъ, не ожесточился, не сроднился заднимъ числомъ съ своимъ Дарвиновымъ прародителемъ, подобно нашимъ несчастнымъ аки-философамъ. Умъ человѣческій долженъ преклониться предъ этою премудростію и непостижимостію со страхомъ!

Не такой-ли страхъ (Божій) древній Соломонъ почиталъ началомъ премудрости?

Настоящій матеріалистъ, знакомый вполнѣ съ міромъ матеріи, долженъ бы быть самымъ благочестивымъ человѣкомъ; по преимуществу онъ долженъ-бы, кажется, дѣлаться самымъ пламеннымъ идеалистомъ!

И геній науки положительной, Ньютонъ, снимаетъ шляпу, произнося имя Божіе.

Судя по тѣмъ малымъ успѣхамъ, какъ бы, кажется, уму не смириться! Если онъ такъ несостоятеленъ даже относительно того, съ чѣмъ онъ могъ-

бы кое какъ справиться, то какъ же ему топыриться къ недосягаемому, и, при сознаваемой ежеминутно невозможности, какъ ему можно отвергать съ дерзостію его существованіе! Щепкой онъ хочетъ сдвинуть гору,— не можетъ,— и вмѣсто того, чтобъ, отерши съ себя потъ, сознаться въ безсиліи, онъ отрицаетъ и даже произноситъ хулу: не дерзкая ли это и вмѣстѣ безразсудная гордость!

Мудрѣйшіе люди на свѣтѣ были однакожъ всегда убѣждены въ ограниченности разума, и сознавались въ своемъ невѣжествѣ. Я знаю, что ничего незнаю, говорилъ Сократъ. Анаксагоръ сказалъ даже: ничего нельзя узнать, ничему нельзя научиться, ни въ чемъ нельзя удостовѣриться: чувства ограничены, разумъ слабъ, жизнь коротка.

Что же остается дѣлать человѣку? спросили-бы мы его. Онъ, разумѣется, отвѣчалъ-бы: не знаю *.

Ничего основнаго понять нельзя, первыя причины остаются въ неизвѣстности, и покрывало съ Изиды поднять никто изъ смертныхъ не былъ въ состояніи. Всѣ науки описываютъ и объясняютъ, такъ или иначе, съ грѣхомъ пополамъ, явленія наглядныя, подлежащія чувствамъ, (или считаютъ себя пони-

---

* А наши мыслители разрѣшаютъ смѣло: что хочетъ!—Молодцы! За словомъ въ карманъ не полѣзутъ.

мающими), проникаютъ иногда въ связь между нѣкоторыми явленіями, но далеко не между всѣми, и опредѣляютъ взаимное дѣйствіе, объ чемъ впрочемъ не прекращаются споры, доходятъ иногда до причинъ ближайшихъ, то есть пятыхъ, десятыхъ, и наконецъ предъ первыми становятся въ тупикъ или попадаютъ въ просакъ.

Всѣ философіи только что смѣняются—круговращеніе! И что же такое Философія, спрашиваешь себя наконецъ. Она *заикается* на первомъ словѣ, или начинаетъ предположеніемъ, выводитъ изъ него слѣдствія, дѣлаетъ заключенія, то есть строитъ домъ на пескѣ, который и стоитъ только до перваго вихря, очищая мѣсто другому, такому-же скудельному зданію, избушкѣ на курьихъ ножкахъ.

Во всѣхъ системахъ принимается, предполагается нѣчто, и на этомъ нѣчто строится уже система, слѣдовательно, всякая такая система есть условная. А нѣтъ ничего такого сущаго, твердаго, вѣрнаго, положительнаго, что должнобъ безусловно принять за основаніе.

Сколько системъ было на свѣтѣ! И всѣ эти системы смѣняются, какъ смѣняются листья каждую осень. Всякій молодецъ на свой образецъ. Этого мало:

они всѣ спорятъ между собою, и бьютъ другъ друга на повалъ. Хоть бы начинали такъ: *Кажется* мнѣ вотъ что. Нѣтъ, каждый думаетъ, что онъ нашелъ истину....

Исторія всѣхъ наукъ представляетъ однѣ и тѣ-же явленія: чѣмъ болѣе кто занимается какою бы то ни было наукою, тѣмъ яснѣе видитъ, пройдя извѣстный путь ея, что онъ упирается въ глухой переулокъ, въ тайну. Чѣмъ болѣе кто знаетъ, тѣмъ яснѣе понимаетъ, что не знаетъ ничего главнаго, перваго, основнаго, а знаетъ только поверхностныя явленія, отношенія, условія, взаимныя вліянія. Мы не понимаемъ даже собственныхъ дѣлъ своихъ, условій своего сочиненія, то есть Исторіи, состоящей изъ событій человѣческой жизни.

Всѣ наши поскудныя объясненія, изъ которыхъ съ каждымъ, если кому удается найдти какое, мы носимся, кудахча, какъ курица, снесшая яйце, всѣ наши науки, которыми мы такъ кичимся, въ какой пропорціи относятся къ чудесамъ міра сего?—(А тотъ!)—какъ пылинка къ солнцу, какъ капля къ океану. И есть люди, особенно въ наше время, которые бываютъ очень довольны своими открытіями, и, снеся по яйцу, чаще по болтуну, удостоиваются апотеоза предъ рукоплещущимъ Панурговымъ стадомъ!

(Да не увидятъ здѣсь моего неуваженія къ наукамъ. Оборони Боже! Нѣтъ ничего благороднѣе, возвышеннѣе, достойнѣе для ума человѣческаго занятій науками, но въ духѣ смиренія, а не гордости.)

Статистика явленій, пожалуй, анатомія ихъ, физіологія, генеалогія,—такъ называемыя науки,—должны бы, подходя къ первымъ причинамъ, Причинѣ причинъ, къ завѣсѣ, отдѣляющей Святая Святыхъ, восклицать: Двери, двери! Премудростію вонмемъ!

(Удивительная способность человѣка, отвергая все высшее, вѣровать въ собственныя догадки и фантазіи, и довольствоваться ими; отрицая все, съѣхавши на нѣтъ, успокоиваться, да и другихъ успокоивать, даже негодовать, за чѣмъ не успокоиваются)!

Вселенная, природа земная, человѣкъ — какимъ образомъ безсознательная сила, или совокупность безсознательныхъ силъ могла сотворить все сущее разнообразіе! Кто начертилъ имъ планъ, кто сдѣлалъ рисунокъ, назначилъ количество и качество матеріаловъ, почему число ихъ было ограничено такъ или иначе?

Изъ милліоновъ клѣточекъ состоятъ разные органы въ человѣкѣ, которые взаимно дѣйствуютъ другъ на

друга, подвергаясь въ тоже время множеству другихъ вліяній. А тамъ еще безпредѣльные міры, міріады звѣздъ, отстоящихъ одна отъ другой на неизмѣримыя разстоянія, и опять-таки взаимно дѣйствующія одна на другую, что̀ земля замѣчаетъ на себѣ по солнцу и лунѣ. И все это сотворилось само собою по неизвѣстному никому плану, котораго милліардную долю, іоту едину, величайшіе геніи сочинить, прибавить, убавить не могутъ!

Отчего- же теперь ничего не устроивается само собою? Напротивъ,—какъ глупымъ дѣтямъ не въ помощь отцовское богатство, такъ мы изъ готовыхъ матеріаловъ, со всевозможными средствами, не можемъ устроить себѣ ничего порядочно, даже въ нашемъ мелкомъ смыслѣ!

Какая цѣлесообразность явствуетъ во всѣхъ произведеніяхъ природы и ея дѣйствіяхъ! Птицы летаютъ, рыбы плаваютъ, черви ползаютъ, человѣкъ находитъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ нуждъ, полы соотвѣтствуютъ одинъ къ другому во всѣхъ отношеніяхъ....

Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ, по свидѣтельству мудраго: нѣсть Бога, а новые безумцы идутъ еще дальше: ничто не имѣетъ цѣли! Природа или сила, человѣкъ, живутъ, дѣйствуютъ, творятъ чудеса—умри, и всѣ концы въ воду или въ землю, куда нибудь, и все какъ не бывало, non avenu!

Кому приписать всю эту цѣлесообразность? Неужели можно успокоиться на мысли: все это сдѣлалось само собою изъ какого-то безсмысленнаго, невѣсть откуда взявшагося хаоса, на который снизошла откуда-то особая невѣдомая сила, сотворила все въ удивительномъ порядкѣ, съ удивительнымъ разнообразіемъ, назначила всему предѣлы, nec plus ultra, и успокоилась, исчезла!

Звѣзды, которыя въ пять тысячъ извѣстныхъ лѣтъ не прислали еще намъ свѣта, хотя свѣтъ проникаетъ въ секунду 290 тысячъ верстъ,— солнце, которое, бывъ къ намъ ближе всѣхъ звѣздъ, отстоитъ на 144 милліона верстъ, (а за нимъ сколько еще видимаго, а дальше невидимаго), и всѣ эти безчисленные міры, которые носятся въ безпредѣльномъ пространствѣ вселенной, и составляютъ одно цѣлое, въ стройномъ порядкѣ, въ совершенной гармоніи,—вездѣ все въ мѣру, и ничего черезъ край, — одну великую эпопею, одинъ тьмоголосный хоръ, въ которомъ не слышится ни одной фальшивой нотки.... И все это произошло само собою!

Какое великолѣпное зданіе! что за соотвѣтственность во всѣхъ частяхъ! Гдѣ-же зодчій? Зодчаго нѣтъ. Гдѣ матеріалы? Матеріаловъ нѣтъ. Не можетъ этого быть: зданію нельзя выстроиться безъ матеріаловъ, безъ мысли творческой!

Глина не горшечникъ, и горшечникъ не автоматъ.

Вотъ лексиконъ, собраніе всѣхъ словъ языка: встряхните его — не выйдетъ-ли Державинская ода „Богъ?“ Пушкинская „Деревня?“

Раздаются звуки форте-піано! Оно само играетъ? Нѣтъ, не можетъ оно играть само: играетъ Листъ, Рубинштейнъ.

Всѣ чудеса вселенной могутъ-ли быть преходящими, мимолетными явленіями, существующими безъ цѣли, зависящими отъ случая, могущими уничтожиться всякую минуту! И въ чемъ могло-бы состоять уничтоженіе? Гдѣ помѣстились-бы развалины, и что сталобы съ ними? На чемъ онѣ будутъ держаться, или куда упадутъ? Неужели вѣчно будутъ только что падать, и, совершивъ въ теченіи вѣковъ столько-то правильныхъ круговращеній, будутъ другіе вѣка носиться неправильно, разлагаться на новый, сложный хаосъ?

Одно созерцаніе мірозданія, наблюденіе надъ движеніемъ свѣтилъ въ безпредѣльномъ пространствѣ небесъ, взглядъ на чудеса природы, побуждаетъ предположить существо высочайшее, міроправящее,—это и свидѣтельствуютъ намъ всѣ дикіе народы съ своими различными представленіями о Божествѣ.

А почему являются отрицатели? Отрицатели являются уже въ обществахъ образованныхъ, гдѣ сложились разныя, болѣе или менѣе гадательныя и ученыя, системы, вѣрованія, противъ которыхъ и возстаютъ такъ называемые мыслители, esprits forts, соблазняясь собственно ученіями катехическими, забывая или упуская изъ виду природу, произведшую первыя мысли и убѣжденія, не говоря уже объ Откровеніи.

Принять все безъ причины, безъ цѣли, приписать все случаю, гораздо труднѣе, невозможнѣе, чѣмъ предположить причину, Творца.

Міръ существуетъ. Случайно произошелъ онъ? Если произошелъ случайно, то можетъ и погибнуть случайно; но онъ не погибаетъ, да и не примѣтно, чтобъ могъ погибнуть когда нибудь самъ собою; такъ прочно, кажется, онъ устроенъ! Въ чемъ-же состоятъ условія его сохраненія? Чѣмъ или кѣмъ, какою силою, какою премудростью, онъ держится и сохраняется?

Всѣ дѣйствія и всѣ явленія имѣютъ свои причины; должна быть и разумная причина всѣхъ причинъ—Богъ.

Если творящей силѣ нельзя отказать въ сознаніи, то кольми паче нельзя не приписать сознанія силѣ сохраняющей, управляющей.

Если творящая сила была сознательною въ началѣ, то и остаться должна сознательною.

Если есть Богъ, то Онъ что нибудь дѣлаетъ, хранитъ, ведетъ, управляетъ, то есть, есть *Промыслъ*, есть путь, есть цѣль для земли, для вселенной.

Созданый ухо, ужели не слышитъ? И устроивый глазъ, ужели не видитъ? Пс. XCIII, ст. 9.

Сознательная сила творящая — это Богъ.

Сознательную силу управляющую—мы называемъ божественнымъ Промысломъ, Провидѣніемъ.

Не въ этомъ-ли смыслѣ и сказано, что волосъ съ головы нашей не падаетъ безъ воли Божіей?

Если-бъ не было ума, то мы никакъ не могли-бы вообразить его, составить о немъ понятіе, кромѣ того, что и воображать, составлять понятіе было-бы нечѣмъ. (Это неясно, но не умѣю на этотъ разъ выразиться лучше, не нахожу выраженія). Но умъ есть, обнимаетъ и творитъ. Такъ мы не должны, не имѣемъ права отрицать, чтобъ не было Ума высшаго, который обнимаетъ вселенную, который былъ-бы Всѣмъ во всемъ...

Царю небесный, Утѣшителю Душе истинный, иже вездѣ сый, и вся исполняяй... пріиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны...

Бытіе Божіе можетъ выводиться умозаключеніями, можетъ еще лучше чувствоваться, но все таки остается непостижимымъ.

Что же это за существо творящее, сохраняющее, промышляющее? Откуда оно взялось, и если не отъ куда ему взяться, то какъ-же оно есть, и творитъ, и сохраняетъ, и промышляетъ?

И для чего? Для своей славы — это опять человѣческія, условныя слова, неимѣющія понятнаго для насъ смысла!

А откуда зло? Для чего оно допускается?

(Читатели должны помнить при всѣхъ вопросахъ этого рода, что они предполагаются по естественному ходу мыслей въ человѣкѣ, — а для вѣрующаго христіанина, просвѣщеннаго Откровеніемъ, они, разумѣется, не существуютъ).

Богъ, вѣчность, всевѣдѣніе — здѣсь все вѣдь заключается: всѣ міры съ ихъ населеніями и съ исторіей этихъ населеній.

Какое-же отношеніе времени къ вѣчности, и человѣка къ Богу?

Сколько пережило людей на свѣтѣ? Сколько перебывало у нихъ мыслей, чувствъ, побужденій, — и все это цѣло, въ чемъ-то заключается, гдѣ-то хранится, и все припомнится!

Въ мірѣ физическомъ не пропадетъ ни одна порошинка—такъ и въ мірѣ нравственномъ не пропадаетъ ни одна мысль, ни одно чувство, ни одно движеніе.

Духовная вселенная, пространная не менѣе вещественной, или, лучше, столько-же безпредѣльная!

Существо вѣчное, которое не можетъ не быть, и которое должно оставаться всегда въ одномъ положеніи, и это чувствовать, вмѣстѣ съ невозможностію измѣняться, при всемъ своемъ всемогуществѣ и всевѣдѣніи — непостижимая непостижимость!

Но если есть множество непостижимостей предъ нашими глазами, которые мы должны признавать, и которымъ, при всемъ своемъ расположеніи къ невѣрію, должны вѣрить, то на какомъ-же основаніи нѣкоторые люди осмѣливаются быть взыскательными, и требовать понятности только отъ высочайшихъ тайнъ, какъ бытіе и существо Божіе, и изъ-за непониманія отвергаютъ ихъ безусловно.

Своего бытія и существа человѣкъ не понимаетъ, а хочетъ понять бытіе и существо Божіе! Не можетъ понять и отвергаетъ, а самъ онъ вѣдь есть, хоть и не понимаетъ себя. Не есть-ли совершенная нелѣпость, или вопіющее противорѣчіе—одно принимать и другое отвергать при тѣхъ-же условіяхъ!

Выше представлены примѣры безчисленныхъ тайнъ въ мірѣ видимомъ, осязательномъ, которыя мы

должны принимать безпрекословно: какое-же право имѣемъ мы отвергать тайны, назовемъ ихъ духовными, или религіозными, по той только причинѣ, что не можемъ объяснить ихъ себѣ?

Отвергая религіозныя тайны, вольнодумцы становятся-ли умнѣе, способнѣе понимать прочія тайны? Нисколько. Ни на волосъ не узнаютъ, не выразумѣваютъ они ничего больше! Изъ чего-же бѣснуются они столько?

Но не вѣруютъ-ли люди всѣ одинаково, то есть, всѣ они, неисключая Волтеровъ, и кольми паче Волтеріанцевъ, не одинаково-ли чувствуютъ, но чувства свои выражаютъ разными словами, или присоединяютъ къ однѣмъ словамъ разныя понятія, о которыхъ и спорятъ, отрѣшаясь отъ существеннаго ихъ значенія?

То есть всѣ атеисты, древніе и новые, всѣ нигилисты, признаютъ бытіе Божіе, признаютъ одного и того-же Бога, только называютъ его разными именами, прикладываютъ свои понятія о немъ къ разнымъ словамъ, и спорятъ съ ожесточеніемъ объ этихъ словахъ, не догадываясь, что всѣ согласны между собою, и только отвергаютъ общепринятое названіе или имя. А Богу-то нѣтъ и имени: Сый!

Они признаютъ какую-то силу творческую, и не могутъ отказать ей въ разумности, они чтутъ ее. Она и есть Богъ. Что есть высшаго, святѣйшаго изъ

дѣйствій этой силы? Христіанство. Они поклоняются, слѣдовательно и Христу, только подъ другимъ понятіемъ, въ другомъ видѣ, съ другимъ именемъ. Вѣдь это недоразумѣніе!

Сколько человѣкъ можетъ вмѣщать въ умѣ своемъ, настоящаго, прошедшаго, будущаго, сколько мыслей, чувствъ, намѣреній, надеждъ, мечтаній, желаній, разнообразнѣйшихъ: нельзя-ли составить отсюда понятія *приблизительнаю* о Божіемъ всемогуществѣ и всевѣденіи? Сравнивать нельзя, какъ безконечно малую миніатюру съ безконечно великимъ оригиналомъ, но нельзя-ли видѣть здѣсь хоть нѣкоторую тѣнь, слабый отблескъ, нельзя-ли предугадывать бытія Ума всеобъемлющаго, согласно съ священнымъ сказаніемъ, что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію?

Тѣло, душа, духъ, составляютъ человѣка. А человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію!

Мысль, звукъ, смыслъ, составляющіе слово, представляютъ еще примѣръ подобія.

Отецъ, Сынъ, Духъ Святый — Троица Святая! Слава тебѣ!

(Нигилисты должны-бы быть довольны указаніемъ на отраженіе Троицы въ тройствѣ естества человѣческаго, потому что они не раздѣляютъ этихъ составныхъ частей человѣка. Единосущность должна быть понятнѣе для нихъ, чѣмъ для насъ).

Я началъ читать Бокля, и послѣ первыхъ страницъ вспали мнѣ на умъ стихи Державина:

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ-бы умъ высокій....

Умъ высокій Бокля счелъ нѣсколько песчинокъ, счелъ нѣсколько лучей планетныхъ, а сколько ихъ осталось?

Другіе умы высокіе, и еще высшіе, сочтутъ еще нѣсколько песчинокъ и лучей, даже больше, приложатъ къ его суммамъ еще нѣкоторыя количества, и все таки должны будутъ сознаться:

Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!

Бокль очень остроуменъ, очень проницателенъ, въ томъ или другомъ уголку знанія, но изъ-за деревьевъ, изъ-за кустовъ, не видитъ онъ, кажется, лѣса, изъ-за травокъ не обозрѣваетъ луга.

Частныя его замѣчанія, исчисленія песчинокъ и лучей, имѣютъ, разумѣется, полное право на уваженіе *).

---

*) Какъ самоучка онъ считаетъ впрочемъ открытіемъ то, что за долго до него было извѣстно и переизвѣстно, но не попадалось ему подъ руку; за новость предъявляетъ онъ нѣкоторыя свои требованія отъ исторіи, а они даже на русскомъ языкѣ были оглашены прежде, чѣмъ онъ родился, или выучился грамотѣ. А наши-то невѣжи каковы, разѣвая ротъ на мнимыя Боклевы открытія безъ исключенія!

Такъ точно нѣкоторые и изъ другихъ философовъ, досчитываются до десяти, до ста, до тысячи, а тамъ много еще остается считать *)! Они уразумѣваютъ, угадываютъ, описываютъ частички, единицы, дроби, десятичныя, милліонныя дроби міроздания, а между тѣмъ изъ этихъ гомеопатическихъ уразумѣній, угадокъ и догадокъ дѣлаютъ посылки ко *Всему*. Въ томъ-то и бѣда. Не только Все имъ недоступно, но они не обращаютъ вниманія даже на то, какую связь со Всѣмъ имѣютъ ихъ собственныя открытія.

Ограниченны и односторонни эти философы со всею ихъ начитанностію, остроуміемъ, глубокомысліемъ. Они гоняются за частностями, которыхъ есть милліарды, тьмы темъ, и дорожатъ ими, а великое цѣлое для нихъ какъ будто не существуетъ! Ко всѣмъ имъ можно примѣнить басню Крылова: Любопытный.

Они трудятся усердно, находятъ иногда удачныя объясненія, а потомъ все таки приходятъ ко тьмѣ, гдѣ ни зги Божіей для нихъ не видно, (это выраженіе здѣсь кстати), но не сознаются, а оборачиваются спиною, начинаютъ умничать, и несутъ дичь, если не поютъ аллилуію, то есть непостижимость замѣняютъ дичью, не только непонятною, но и безсмысленною

(*) Хорошо еще, кто достигаетъ до такихъ почтенныхъ цифръ, а вѣдь у насъ есть такіе удальцы, которые двухъ перечесть не умѣютъ, а кричатъ, какъ будто-бъ милліоны имъ были ни почемъ!

и должны бываютъ умолкнуть, если не имѣютъ добросовѣстности повторить стихи вдохновеннаго поэта:

Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ,
Но будучи я столь чудесенъ,
Откуль я произшель, безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ!

Иные останавливаются на полдорогѣ, предъ тѣмъ или другимъ положеніемъ науки, предъ собственнымъ открытіемъ, и отвергаютъ прочее, какъ будто-бъ его и не бывало. —

А если-бъ они имѣли силу ступить еще шагъ-другой, подняться по выше, то они сами увидѣли-бы,— можетъ быть, другое, и стали-бы судить иначе.

Идучи по горѣ, встрѣчая повсюду преграды и заборы, бугры и ямы, устаешь по неволѣ, останавливаешься, но смѣшно вѣдь судить и толковать о видахъ, имѣя горизонтъ, со всѣхъ сторонъ стѣсненный и закрытый, о томъ, что представляется на открытой со всѣхъ сторонъ вершинѣ. Взойдите на верхъ горы, очистите чувствія и узрите!

Сравните, сколько узнано, съ тѣмъ, что узнавать остается. Да и узнанное не безпрестанно ли перемѣняется? Не то, не такъ, ошиблись!

Неужели весь родъ человѣческій осужденъ на Сизифову работу—встаскивать съ усиліемъ на гору камень, который скатывается оттуда внизъ? или на занятія Данаидъ, которыя должны были накачивать

бездонныя кадки? Можетъ-ли быть такъ? Неужели такъ должно быть, и этому не будетъ конца? Умъ отказывается вѣрить такому ученію. Что нибудь, да не такъ. По одному пути науки, разумѣется, въ своей степени необходимому, нельзя видно найдти истины.

Разумъ, говорятъ, не можетъ быть покойнымъ подъ игомъ удручающихъ его тайнъ. Но развѣ одни эти тайны удручаютъ его? Онъ окруженъ тайнами всякими.

Еслибъ мы поняли что нибудь совершенно, если-бъ могли имѣть надежду, по вѣрнымъ даннымъ, что можемъ понять и узнать все, хоть мало по малу, то наше невѣріе могло бъ сколько нибудь оправдываться. Но вѣдь мы остаемся во мракѣ среди своихъ усиленныхъ, напряженныхъ изслѣдованій, и не должны имѣть никакой надежды выдти на свѣтъ по одному этому пути, подъ руководствомъ разума.

Родъ человѣческій трудится, ломаетъ себѣ голову, напрягаетъ всѣ способности, проливаетъ потъ и кровь: ну что же онъ понялъ? По всѣмъ даннымъ и по всѣмъ опытамъ видишь, дальше чего не можетъ идти наука или разумъ: онъ можетъ описать явленія, найдти связь между ними, аналогію, опредѣлить взаимное вліяніе, облегчить обозрѣніе — и только! Но и до этого еще далеко!

Всѣ науки даютъ отвѣтъ неудовлетворительный, или даже отчаянный, о предметахъ своихъ изслѣдованій. Этого мало: судя по тому, что мы узнали, должно принять, что мы и узнаемъ не много больше на этомъ пути, сколько-бы ни бились, сколько-бы ни изрѣзали лягушекъ, и какую бы аналогію ни нашли въ человѣческомъ тѣлѣ съ тѣломъ двурогихъ, четвероногихъ или такихъ-сякихъ животныхъ.

Откуда все взялось, какъ произошло, кто далъ намъ жизнь, что̀ она такое, для чего мы живемъ, что̀ такое смерть, безконечность, безпредѣльность, вѣчность, пустота? Понять, объяснить это вы не можете, а допускать должны, слѣдовательно и къ прочимъ высшимъ тайнамъ должны относиться съ большимъ почтеніемъ и смиреніемъ.

Сочините чертежъ новой вселенной. Вселенной! Да, сочините устройство хоть какой нибудь новой мошки, какой нибудь новой былинки. Что? Силы не хватаетъ, да и воображенія не достаетъ? А эта вселенная произошла сама собою, ни съ того, ни съ сего, изъ ничего, случайно?!

Вы отвергаете то и то, и очень довольны своими доказательствами, ясными и убѣдительными. Ну, теперь попытайтесь представить ваши положенія,

утвержденія, на мѣсто уничтоженныхъ вами, дайте намъ свой катехизисъ, свой символъ вѣры. Вотъ тутъ-то ясно вы увидите всю пустоту и скудельность вашего образа мыслей. Отрицать очень легко, утверждать мудренѣе. Вы ничего не скажете, а если и ухитритесь, то встрѣтите возраженій гораздо больше, нежели сколько дѣлаете сами своимъ противникамъ.

Осмотритесь кругомъ: никакое дѣло, самое пустое, не дѣлается само собою, безъ причины, безъ повода! Какимъ-же образомъ вся эта удивительная машина, совокупность машинъ, составляющихъ одно великое, безпредѣльное, цѣлое, могла произойти сама собою? помощію безсмысленной силы сотворилось чудо?

Всѣ чудеса вы отвергаете, а самое великое чудо, чудо чудесъ, вы допускаете въ вашей системѣ смѣло, безъ малѣйшаго сомнѣнія. Неужели здѣсь нѣтъ вопіющаго противорѣчія!

Уничтоживъ, какъ имъ кажется, прежнія вѣрованія, они успокоиваются, какъ будто все поняли, все рѣшили, все сдѣлали, а они дѣлаютъ только мракъ гуще.

И какія-же другія вѣрованія даютъ они? Чѣмъ замѣняютъ уничтоженное?

Можно недоумѣвать, можно сомнѣваться, можно быть неувѣрену, и говорить: не понимаемъ, не знаемъ, но отрицать безусловно непонимаемое—есть и дерзость и невѣжество.

А вы развѣ понимаете, спрашиваютъ философы своихъ противниковъ? Нѣтъ, не понимаемъ, — тѣ отвѣчаютъ,—и даже болѣе, не смѣемъ сказать, что вѣримъ, но можемъ сказать, что преклоняемся со страхомъ и трепетомъ предъ вѣчною премудростью, чьею-бы то ни было, говоря вашимъ языкомъ, передъ Богомъ, какъ мы ее называемъ, благоговѣемъ предъ Спасителемъ, великимъ учителемъ рода человѣческаго, Іисусомъ Христомъ.

Вѣруемъ, Господи, помози нашему невѣрію!

Мы не понимаемъ и смиряемся предъ непостижимостью, а вы богохульствуете.

Хотя-бъ въ силу очевидной невозможности разрѣшить первые вопросы, если ни сердце, ни умъ, не даютъ вамъ другихъ основаній, вамъ слѣдовалобы смириться, подумать о пагубныхъ слѣдствіяхъ, и устрашиться вашей проповѣди, смущающей людей слабыхъ, которые ниже васъ образованіемъ или способностями, и слѣдуютъ за вами, зажмуря глаза, очертя голову.

Удивительна дерзость или ограниченность тѣхъ философовъ, которые непщуютъ объяснить необъяснимое, и въ безсиліи объяснить, отрицаютъ все и вся.

Вы приписываете все твореніе какой-то силѣ: ну, вотъ это и есть Богъ. Слово только другое. Или у вашей силы нѣтъ сознанія, то есть, она творитъ чудеса премудрости, бывъ сама безумною?

Приходитъ мнѣ на память странное выраженіе въ славянскомъ переводѣ книги *Іова*: не даде безумія Богу. Это переводъ неправильный, но онъ какъ разъ помогаетъ выразить положеніе новыхъ философовъ, которые даютъ безуміе Богу своими нелѣпыми системами.

Послушайте одного изъ боговдохновенныхъ, премудрыхъ людей, когда либо на землѣ бывшихъ, который какъ будто предусмотрѣлъ ваши несчастныя заблужденія: „Открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ, (которые подавляютъ истину неправдою), зане разумное Божіе, (еже возможно разумѣти о Богѣ), явѣ есть въ нихъ; Богъ бо явилъ есть имъ, (поелику то, что можно знать о Богѣ, явно для нихъ, явлено имъ). Невидимая бо его

отъ созданія міра, творенми помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и божество, во еже быти имъ безотвѣтнымъ, (такъ что они безотвѣтны). Зане же разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша, или благодариша, но осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце. Глаголющеся быти мудри, объюродѣша. *И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ.... И почтоша и послужиша твари паче Творца*, иже есть благословенъ во вѣки. Аминь. Къ Рим. 1, 19—25.

Еслибъ сатана помогъ этимъ философамъ убѣдить людей въ ихъ системѣ безбожія, то не счастіе принесли-бы они въ даръ человѣческому роду, а гибель, даже временную гибель, хотя-бъ и не было вѣчной. Въ обществѣ произошелъ-бы совершенный хаосъ, и господство физической силы, какая была при его началѣ.

Вы толкуете о долгѣ, но пока человѣкъ съ этою системою дойдетъ до познанія своего долга предъ самимъ собою, до тѣхъ поръ цѣлыя поколѣнія погибнутъ въ потокахъ крови.

Вѣка должны пройдти въ страданіяхъ и мученіяхъ, пока люди зажили-бы лучше, — остальные послѣ рѣзни.

Да и долгъ-то, какъ вы докажете потомкамъ Дарвинова звѣря?

Если съ нынѣшними понятіями и вѣрованіями, въ нынѣшней уздѣ, человѣкъ, говоря вообще, такъ мало подвинулся впередъ по пути добра и нравственности, то разнузданный, гдѣ-бы онъ очутился?

Скоро-ли вы внушите чувство вашего долга, когда самой религіи, принимаемой съ вѣрою, недостаточно, при испорченности человѣческой природы, для этого внушенія!

Берсье, Парижскій проповѣдникъ, спрашиваетъ: Сколько учениковъ пріобрѣли, и на долго-ли сохранили ихъ учители, не вамъ чета: Маркъ Аврелій-Епиктетъ, Сенека? Плохая надежда на вашихъ адептовъ долга.

Тихой, смирной, покойной части человѣческаго рода, не мудрствующей лукаво, изъ чего-бы жить, при вашемъ ученіи, на землѣ, съ ея болѣзнями, печалями и воздыханіями? Безъ Бога какъ не приходить ей въ отчаяніе? Кого попросить о помощи, къ кому прибѣгнуть подъ покровительство, на кого понадѣяться, гдѣ искать утѣшенія, къ чему прислониться?

Умирающій прощается съ остающимися. Какія понятія приписываете вы ему въ эту минуту, и ка-

имѣете сами? Что значатъ его слова: не помяните меня лихомъ? Не все ли то равно для него, будутъ-ли проклинать или благословлять его: къ чему забота о доброй славѣ? Вѣдь это было-бы пустословіемъ?

Нѣтъ, здравый смыслъ отказывается принимать такое ученіе, какъ-бы ни силились вы его доказывать!

Послушаемъ просвѣщенныхъ мыслителей: „Двѣ вещи“, говоритъ Эммануилъ Кантъ, „поражаютъ меня страхомъ: звѣздное небо и сознаніе нравственной отвѣтственности человѣка. И при всей полнотѣ здоровья и силы, когда напряженіе дѣятельности прекращается, и наступаетъ остановка размышленія, научный изслѣдователь чувствуетъ, что его объемлетъ тотъ-же страхъ. Отрывая его отъ земныхъ затрудненій чувство это пріобщаетъ ему силу, которая даетъ полноту и тонъ его существованію, но которую онъ не можетъ ни анализировать, ни понять.“

(*Лекція профессора Тиндаля на съѣздѣ Британскихъ естествоиспытателей, 16 Сентября 1870 года, въ переводѣ Русскаго Вѣстника*).

Есть природа видимая, міръ вещественный, мы его видимъ, осязаемъ, его можно ощупать помощію нашихъ чувствъ. Явленія его узнаются мало по малу, уразумѣваются, описываются. Науки, имъ посвященныя, становятся въ этомъ смыслѣ шире и шире, хотя пробѣловъ еще много, хотя множайшія подроб-

ности и частности остаются еще неизвѣстными, а другія представляются даже непостижимыми. Но есть еще область явленій другаго рода, которая обнимается знаменитымъ изрѣченіемъ Декарта: cogito, ergo sum. Нѣкоторые ученые, размножившіеся особенно въ послѣднее время, говорятъ, что эта область есть одна и таже, что здѣсь дѣйствуетъ таже вещественная природа только другою стороною своей силы, что тѣло есть вмѣстѣ и душа. Глазъ видитъ, ухо слышитъ, а мозгъ, какъ-то оборачиваясь и двигаясь, отражаетъ въ своемъ зеркалѣ принятую чувствами природу, создаетъ самъ (!) рикошетомъ, какіе ему угодно, новые образы, которые въ тоже время находятъ себѣ выраженіе въ подбѣгающихъ къ нимъ со всѣхъ сторонъ словахъ, у одного народа въ такихъ, у инаго въ другихъ, въ третьихъ, до безконечности, выговариваются разными звуками, и сообщаются понятнымъ для всѣхъ образомъ.

Еслибъ душа была только функціей тѣла, то откудажъ бы объяснить нѣкоторыя особенныя движенія, отъ тѣла какъ-будто совершенно независимыя! Тѣло не можетъ двигаться безъ особеннаго побужденія и управленія, а душа не только двигается въ своей какой-то особой области, но и двигаетъ тѣло, двигаетъ чуждыя, постороннія массы,— и возлетаетъ на третье небо.

Еслибъ душа и тѣло были одно и тоже, то какъ-бы могъ человѣкъ чувствовать *вмѣстѣ* удовольствіе и неудовольствіе? Какъ при больномъ тѣлѣ могъ-бы оставаться крѣпкій самодѣятельный умъ, и, на оборотъ, какъ при здоровомъ тѣлѣ моглибъ удручать человѣка душевныя болѣзни? Что значило-бы выраженіе врачей: этой болѣзни мы лечить не можемъ— это болѣзнь нравственная, душевная?

Еслибъ не было души, особой отъ тѣла, то выходило-бы по вашему, чтобъ все на землѣ было безъ конца, а только одинъ человѣкъ съ концемъ!

Почему сотворилось-бы или почему сотворенъ-бы былъ человѣкъ со смертію, а природа сотворена-бъ была вѣчно юною?

Животныя, говорятъ, имѣютъ свою душу, которая должна-бы также сохранить частицу своею безсмертія. Нѣтъ, не имѣютъ животныя своей души, мыслящей, желающей, способной вѣрить, каяться, совершенствоваться и проч. У нѣкоторыхъ есть только утонченный инстинктъ, который замѣтенъ, напримѣръ, въ собакѣ, лошади, слонѣ. Есть материнское чувство въ курицѣ, уткѣ, но срокъ прошелъ и сынъ бросается на мать, а дочь гуляетъ съ отцемъ. Есть инстинктъ и въ камняхъ, подъ другимъ именемъ: такъ магнитъ имѣетъ способность притягивать къ себѣ желѣзо, янтарь— вещества легчайшія.

Премудрость въ устройствѣ вселенной, во всѣхъ ея частяхъ, въ человѣкѣ и его органахъ, въ жизни всякаго растенія, въ дѣйствіяхъ способностей человѣческихъ, такъ велика, что умъ отказывается положить ей *предѣлъ*.

Если эта, положимъ-ваша безумная, или наша творческая сила, (Богъ), сотворила все, то какъ-же понять, чтобъ она остановилась? Не творится-ли еще что ею?

Въ человѣкѣ, въ природѣ, въ исторіи, въ умѣ — столько чудесъ, составляющихъ одну цѣпь изъ колесъ, одно другаго совершеннѣе, что естественное продолженіе ихъ представляется уму само собою; напротивъ, было-бы не понятно, еслибъ онѣ здѣсь прекращались.

Совокупность силъ, или, Богъ, сотворилъ человѣка и одарилъ его разумомъ. Ну такъ почему-же ограничивать ихъ, Его, дѣйствія человѣкомъ? Почему-же не предположить продолженіе творенія существами болѣе совершенными, какими, напримѣръ Священное писаніе представляетъ Ангеловъ, Архангеловъ, Серафимовъ, Херувимовъ, и такъ далѣе, или — и такъ выше и совершеннѣе.

Не продолжается-ли твореніе въ области разума, духа, который также можетъ имѣть свои степени

развитія, въ предѣлахъ міра невидимаго — что я говорю,—въ безпредѣльности міра духовнаго?

Въ срединѣ творенія вы не можете вообразить ничего новаго, кольми паче съ краю, то есть за предѣлами вашихъ пяти чувствъ.

Кювье по костямъ могъ открыть существованіе животныхъ міра допотопнаго, но не безъ костей.

Дарвинъ нашелъ какого-то звѣря прародителя (?), но все таки въ промежуткѣ между двумя извѣстными существами.

Такъ не отвергайте существъ другихъ, невидимыхъ, или новыхъ твореній, происхожденій, превращеній.

Если мы въ очію видѣли бездну непостижимую премудрости, въ нашемъ собственномъ существѣ, и во всемъ окружающемъ насъ мірѣ, если не можемъ проникнуть нисколько въ тайну творенія, то какъ смѣемъ отрицать существованіе сферъ высшихъ, хотя и недоступныхъ нашему воображенію?

Почему сильному, могущественному, богатому уму человѣческому, не дано, ни на какой степени его развитія, проникнуть въ таинства творенія? Отъ чего самые жгучіе его вопросы не могутъ быть удовлетворены нисколько? Для чего онъ становится безпрестанно въ тупикъ?

Какъ-же это такъ случилось, что при всей премудрости творенія, человѣкъ, вѣнецъ творенія, ничего не понимаетъ о сущности чудесъ, и понимать не можетъ, какъ будто-бъ умъ его оборвался, и понятію, познанію, положенъ предѣлъ. Неизвѣстная сила начинила его вопросами, и остановилась!

Еслибъ человѣкъ понялъ здѣсь все, еслибъ могъ понять все, еслибъ за этимъ только дѣло было, то зачѣмъ-бы ему оставалось жить здѣсь, или тамъ!

Очевидная невозможность понимать столько вещей, неизбѣжность бродить въ потемкахъ, играть въ жмурки, бѣгать по колесу, не должна-ли убѣждать насъ радикально, съ одной стороны, что мы поставлены здѣсь въ предѣлы кѣмъ-то, чѣмъ-то, изъ-за которыхъ выступить ни какъ не можемъ! Ктоже, чтоже, поставило эти предѣлы? Съ другой стороны эти предѣлы возбуждаютъ однакожъ какое-то ожиданіе, чаяніе о другомъ положеніи. Должно быть что-то за ними!

У насъ есть здѣсь множество вопросовъ бозотвѣтныхъ: не ясно-ли, что гдѣ нибудь должны находиться отвѣты: безъ отвѣтовъ вопросы, какъ зародиться, такъ и остаться не могутъ. Если есть вопросъ, то есть и отвѣтъ. Какъ могъ бы изъ ничего возникнуть, родиться вопросъ, если-бы не имѣлся гдѣ нибудь отвѣтъ. Это былъ-бы non sens.

Если-бы все оканчивалось здѣшнею жизнію, и ничего-бъ послѣ нея не было, то все здѣсь и было-бы (кажется должно-бы быть) понято, и не оставалось-бы у насъ ни какихъ вопросовъ и недоумѣній.

Какъ, для чего, на что, почему-же, остаются здѣсь вопросы безъ отвѣта? Опять тайна и тайна. Тайна, которая однакожъ самою натурою своею предполагаетъ объясненіе когда нибудь, гдѣ нибудь, какъ нибудь.

Ничто не останется тайною, все будетъ объяснено, сказалъ величайшій Учитель человѣческаго рода, Іисусъ Христосъ.

Первыхъ вопросовъ не растолкуетъ здѣсь никто. Если здѣсь нельзя, то видно въ другомъ мѣстѣ.

Развѣ онъ есть?

А почему-же нѣтъ?

Невозможность разрѣшить здѣсь всѣ главные вопросы служатъ доказательствомъ, кромѣ другихъ убѣжденій, что есть *другой свѣтъ*, будущая жизнь, то есть, что душа наша безсмертна. Кому нужно разрѣшеніе вопросовъ здѣшнихъ, кромѣ человѣка?

Изъ этой другой жизни, изъ этого другаго міра, слышатся подчасъ тихіе благовѣсты въ нашей юдоли,

являются смутные образы, но мы такъ одеревенѣли, такъ ожесточились, сердце наше такъ отолстѣло, зрѣніе отуманилось, слухъ притупился, обоняніе огрубѣло, мозгъ угорѣлъ въ чаду страстей, что мы видяще не видимъ, слышаще не разумѣемъ. *

Изъ чего мы здѣсь хлопочемъ? Для чего живемъ? Если-бъ не было другой жизни, то эту не стоило бы жить съ ея нуждами, трудами, лишеніями, опасностями, болѣзнями, несчастіями, нечаянными ударами и проч! Наши желанія, роптанія, усилія, не имѣли бъ смысла, уподобились-бы пересыпанью изъ пустаго въ порожнее....

Поклонники разума, считающіе цѣлію жизни его полное торжество, что̀ могутъ отвѣчать на слѣдующій простой вопросъ: допустимъ, хоть и считаемъ это невозможностью, что настоящій разумъ пойметъ все, а послѣ что съ нимъ будетъ? Онъ уничтожится, за неимѣніемъ дѣла и занятія? Есть изъ чего жить и хлопотать! Всѣ вѣка, труды всѣхъ поколѣній, безчисленныя жертвы—для одной минуты, которая промелькнетъ когда то, для кого то, и конченъ балъ. Нелѣпость, которую разумъ, при всей своей ограниченности, принимать бы не долженъ.

---

* См. ниже отдѣленіе объ особыхъ случаяхъ.

А безсмертіе,—что это такое? жизнь нескончаемая, измѣняться, прекращаться не могущая?

И когда подумаешь, что все это узнается только въ минуту такъ называемой смерти!

А если нѣтъ, если потерю земнаго бытія и чувствовать некому, нечему!

Страхъ беретъ при этихъ мысляхъ, и потому всякое опрометчивое отношеніе къ этой пучинѣ чудесъ, которое распространяется въ нашей молодежи, благодаря дикимъ воплямъ незваныхъ учителей, возмущаетъ духъ, возбуждаетъ негодованіе къ учителямъ и состраданіе къ ученикамъ.

Съ другой стороны врываются вопросы: почему жизнь дается человѣку на срокъ? Почему сроки даются различные, долгіе и короткіе, даже минутные?

Для чего нужна смерть? Душа безсмертна, человѣкъ безсмертенъ,—зачѣмъ-же эта вставка, такая тяжелая, съ такою прискорбною обстановкою смертью?

Что собственно смерть, относительно жизни, или что собственно жизнь со смертію и безсмертіемъ? Кощунство скажетъ: комедія съ переодѣваніемъ?

Если душа наша безсмертна, если есть для насъ другая жизнь, то должна быть какая нибудь *цѣль* здѣшней жизни. Нельзя представить ее безъ цѣли, (а вѣдь такъ должны принимать модные философы). Случайность, безцѣльность, равнозначительны съ нелѣпостью или безсмыслицею.

Въ природѣ все цѣлесообразно: одна только человѣческая жизнь, самое мудреное явленіе, было бы безъ цѣли! Какъ бы это могло случиться!

Съ другой стороны, безъ цѣли, не зная для чего мы живемъ, на что̀ бы и жить, чтобъ кончить ничѣмъ? Что это была-бы за жизнь? Мимолетный обманъ. Лучше бъ смерть...

Неужели надо жить только для препровожденія времени, которое этою-же жизнію и образуется и измѣряется? Живите, терпите, хлопочите, возноситесь,—ударъ,—и finita la comedia! Что за нелѣпости!

Что такое человѣкъ? Пылинка. А весь родъ человѣческій со всею землею—пылинка въ сравненіи съ миріадами міровъ, но онъ обнимаетъ мыслію всю эту безпредѣльную вселенную, и возлетаетъ въ своемъ воображеніи выше ея изъ подъ костянаго своего черепа.

Такому благородному, высокому, могущественному творенію должна быть предназначена какая-нибудь великая цѣль.

Цѣли мы не понимаемъ сами, понимать не можемъ, но это не даетъ намъ права отвергать ее; принимать ее мы должны.

Должна быть цѣль! Какая-же?
Надо искать ее человѣку: вотъ въ чемъ и должна состоять его главная забота!

Если есть другая жизнь, то эта должна быть, видно, приготовительнымъ классомъ, служить для насъ школою, по окончаніи курса въ которой намъ предстоитъ по экзамену переселеніе въ другой міръ.

Мы должны, отвѣтъ естественный и единственный, стараться о томъ, чтобъ жить какъ можно лучше. Болѣе ничего придумать нельзя.

Чтоже намъ дѣлать?
Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнозѣ службѣ, едино же есть на потребу, сказалъ тотъ-же Учитель, котораго мудрѣе на землѣ не было никого.

Какъ-же можемъ мы жить лучше? Этому должна научать насъ наша совѣсть.
Но опытъ однакожъ показываетъ, что улучшаться сами собою мы едвали можемъ.
Мы должны по крайней мѣрѣ желать искренно улучшенія, стараться по мѣрѣ силъ объ исполненіи этого желанія, и *молиться*!

Родъ человѣческій совершенствуется, говорятъ, въ теченіи времени, (хоть это въ нѣкоторомъ смыслѣ и неправда): слѣдовательно, всѣ поколѣнія работаютъ для одного, послѣдняго, счастливаго, которому предоставлено пожать плоды всѣхъ прежнихъ трудовъ? Еслибъ это и было такъ, то не значило-бы, чтобы всякій человѣкъ не могъ въ свое время вырабатывать себя, усовершенствоваться относительно, на сколько ему назначено, то есть на данные ему пять талантовъ, напримѣръ, не пріобрѣсти другіе пять талантовъ: не одни только послѣдніе могутъ быть и сдѣлаться совершенными. Усовершаемость всякому человѣку предлежитъ въ его времени, а не въ общемъ.

Развиваясь больше и больше вмѣстѣ съ сердцемъ и волею, поднимаясь выше и выше, природа человѣческая достигала возможной высоты въ лицѣ непорочной Дѣвы Маріи, которая чистотою своею и святостію была честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ. Духъ Святый снизшелъ на Нее, и сила Вышняго осѣнила Ее, и Она удостоилась родить Сына Божія, который былъ вмѣстѣ и сыномъ человѣческимъ,—свѣтъ міру и идеалъ.

Се раба Господня! Буди мнѣ по глаголу Твоему, отвѣчала она благовѣстителю, предаваясь безусловно въ волю Божію.

Вотъ этихъ словъ ожидалъ древній міръ, въ исполненіе обѣтованія, даннаго праматери Еввѣ, что сынъ жены сотретъ главу змія.

Не требуется-ли и отъ всякаго человѣка, скажемъ здѣсь кстати, въ исполненіе какого-то непостижимаго закона, нѣчто подобное — Рождество Христово въ его душѣ? Но мы требованія этого не только исполнить, но и уразумѣть бываемъ большею частію все-таки не въ состояніи, или знать не хотимъ, развѣ малая часть избранныхъ, какъ будто искони предназначенныхъ, ихъ-же имена написана суть?

Отъ чего-же такъ? Опять непостижимость, подобная прочимъ, опять убѣжденіе, что человѣкъ можетъ только стараться о своемъ улучшеніи, молиться со страхомъ и трепетомъ, и предаваться въ волю Божію.

Душа безсмертна, слѣдовательно наша смерть— это только перемѣна одежды? Умирая, мы только снимаемъ платье?

А какое-же надѣваемъ? Въ какомъ видѣ жизнь продолжается?

Какую форму приметъ душа человѣчества, оставивъ свою земную оболочку?

Какое мѣсто займетъ во вселенной?

Въ какое отношеніе станетъ къ ней?

Если всякія даже искусственныя человѣческія учрежденія, какъ будто случайныя и временныя, имѣютъ, предъ глазами нашими, какую-то кристаллизацію, что при нѣкоторыхъ случаяхъ подмѣчено удачно Боклемъ, то почему-же не предположить, или не допустить такую-же и духовную кристаллизацію изъ всѣхъ нашихъ дѣйствій, мыслей и чувствованій для будущей жизни?

Что-то подобное читалъ я, помнится, у Юстина Кернера, въ его Die Seherinn vin Prevorst.

Въ дому отца моего обители многи суть, сказалъ божественный основатель Христіанской религіи.

Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его! (Къ Кор. 1, 9).

Помяни насъ Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.

Познать себя, связь свою со всѣмъ окружавшимъ, обозрѣть пройденный путь со всѣми его извилинами, разобрать всѣ явленія, понять сдѣланное добро и зло съ ихъ послѣдствіями, истину своихъ отношеній къ ближнимъ, свои вины и заслуги — увидѣть ясно, что представлялось во мракѣ и возбуждало сомнѣнія, — какое наслажденіе для мыслящаго существа!

Будетъ-ли оно? Не можетъ, кажется, не быть. Но какъ—умъ недоумѣваетъ?

Изъ этого безчисленнаго множества впечатлѣній, ощущеній, воспоминаній, мечтаній,—легко заключить, что можетъ быть золото и безъ лигатуры, воздухъ безъ азота, кадка меду безъ ложки дегтю, вмѣсто здѣшней кадки дегтю съ ложкою меда.

Пройдемъ всѣ лѣтописи, обозримъ всѣ государства, изслѣдуемъ всѣ памятники, изучимъ всѣ произведенія искусства, обозримъ настоящую жизнь, призовемъ на помощь воображеніе — найдется-ли что нибудь выше, чище, совершеннѣе ученія *Христова?* Найдется-ли что нибудь благороднѣе, любовнѣе, святѣе, Его образа дѣйствій, даже до самыя смерти крестныя?

Былъ-ли, приближался-ли кто, въ теченіи вѣковъ, хоть сколько нибудь, къ этому идеалу, даже мысленно? Любите враги ваши, творите добро ненавидящимъ васъ.

Блажени плачущіи, яко тіи утѣшены будутъ.

Блажени алчущіи правды, яко тіи насытятся.

Простить-ли мнѣ брата моего семь разъ, спрашиваетъ Его ученикъ.

Не семь разъ, а седмерицею семь, отвѣчаетъ Онъ.

Кто не знаетъ за собою грѣха, то брось камень въ виноватую.

Да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя.

Есть-ли что нибудь въ природѣ, въ области духа, подобное, близкое къ этому небесному голосу любви?

На всѣ эти вопросы отвѣтъ одинъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Это явленіе единственное въ исторіи человѣческаго рода, ни съ какимъ несравненное, особенное, чудесное. Ни прежде, ни послѣ, нигдѣ, никогда, ни на яву, ни во снѣ, не видано, не слыхано, не думано, не воображено ничего подобнаго.

И всю свою жизнь Іисусъ Христосъ былъ вѣренъ, какъ свидѣтельствуютъ памятники, (мы говоримъ теперь только въ историко-критическомъ смыслѣ), ни одною чертою непоказалъ ни въ чемъ противорѣчія, не обмолвился ни разу ни единымъ словомъ, не провинился ни разу ни однимъ дѣломъ, въ продолженіе всей своей жизни, не смотря на всѣ искушенія, козни, сѣти, подсматриванія и подслушиванія, желанія враговъ и ненавистниковъ поймать и уличить,— кровію наконецъ запечатлѣлъ свое ученіе, и, распятый на крестѣ, воскликнулъ: Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ—бо, что творятъ.

Одна эта особенность, необыкновенность, безпримѣрная исключительность, не возбуждаютъ-ли мысли о сверхъ-естественности или божественности явленія?

Жизнь Іисуса Христа—неужели можно примѣтить въ ней что нибудь человѣческое?

Такое ученіе могло сойдти только съ неба.

На землѣ ничего не могло произойдти подобнаго.

Это божественное откровеніе.

Если-бъ Онъ былъ только человѣкомъ, то долженъ-бы быть обоготворенъ.

Отстранимъ вопросъ о сверхъ-естественности и божественности; не станемъ разсуждать о томъ, что значитъ Сынъ Божій и сынъ человѣческій; займемся сначала только вопросомъ историческимъ: былъ-ли на землѣ кто нибудь именовавшійся Іисусомъ Христомъ, и проповѣдовавшій такое-то ученіе?

Не прибѣгая къ историческимъ и прочимъ свидѣтельствамъ, можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, что одни Евреи, въ настоящемъ своемъ положеніи, доказываютъ всего убѣдительнѣе существованіе Іисуса Христа, и подлинность сказаній Евангельскихъ объ Его жизни и ученіи. Возми, возми, распни Его, мы слышимъ, кажется, какъ кричатъ они до сихъ поръ, кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ....

Это свидѣтельство вѣрнѣе всѣхъ: Іисусъ Христосъ жилъ въ показанное время при императорахъ Августѣ и Тиверіѣ.

Всѣ пророки и всѣ писанія Еврейскія, подлинныя, твердятъ о Мессіи. Критика, самая строгая, самая скептическая, враждебная, принимаетъ эти писанія и вѣрованія, какъ дѣйствительно существовавшія.

Онѣ существуютъ и теперь; ожиданія продолжаются предъ нашими глазами. Евреи испоконъ вѣка ожидали Мессіи, и ожидаютъ его до сихъ поръ. Никакого вѣрованія нѣтъ у нихъ тверже. Они ожидаютъ Мессію въ видѣ великаго царя, который ихъ вознесетъ на высокую степень могущества и славы; очевидно, что это образъ грубый, вещественный, соотвѣтственный ихъ дѣтски-грубымъ понятіямъ. Они ожидали такого избавителя двѣ тысячи лѣтъ. Мессія пришелъ къ нимъ, зракъ раба пріимъ, проповѣдуя терпѣніе, смиреніе, Евреи неузнали Его. Это не Онъ, восклицали они и осудили за хулу, яко человѣкъ сый, Сына Божія себя сотвори. Вотъ прошло еще двѣ тысячи лѣтъ. Никто неприходитъ. Но убѣжденіе ихъ не колеблется: они все ждутъ.... *).

(Не случится ли тожъ касательно антихриста? Его неузнаютъ-ли можетъ быть такъ, какъ Евреи не узнали Христа! Онъ, совокупность, легіонъ, или образъ мыслей такой-то, живетъ уже, можетъ быть, между людьми, но люди не видятъ не осязаютъ его, и думаютъ, что нѣтъ его).

*) Не могу не разсказать кстати, какъ мнѣ случилось однажды (1860) зайдти въ Еврейскую синагогу въ Екатеринославлѣ. Она похожа на нашу Университетскую залу. Тысяча человѣкъ, кажется, толпилось въ ней. Всѣ они въ талмахъ, перевязанные бѣлыми шарфами черезъ плечо, раздѣлены были на группы по пяти-шести человѣкъ, двигавшихся все взадъ и впередъ, каждая въ своемъ кругу. Это движеніе, очень торопливое, до такой степени выражало общее ожиданіе, что я былъ пораженъ, и безотчетно смотрѣлъ на дверь, думая, что вотъ-вотъ она отворится, и сейчасъ выйдетъ оттуда кто нибудь, который ожидается.

Всѣ пророчества подходятъ къ Іисусу Христу самымъ естественнымъ образомъ, если мы будемъ разсматривать ихъ со стороны, безъ предубѣжденія и предразсудковъ, не говоря уже объ тѣхъ пророчествахъ, почти буквальныхъ, которыя какъ-бы прямо указываютъ на Іисуса Христа:

Се дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына. Ис. VI, 14.

Не бойся дщерь Сіонова, се Царь твой грядетъ на молодомъ ослѣ. Зах. IX, 9.

И ты, Виѳлеемъ, земля Іудина, ни чѣмъ не меньше воеводствъ Іудиныхъ, ибо изъ тебя произойдетъ вождь, который упасетъ народъ Мой Израиля. Мих. V, 12.

Земля Завулонова и земля Невфалимова, на пути приморскомъ, Галилея языческая, народъ, сидящій во тмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій, и сидящимъ въ странѣ и тѣни смертной, возсіялъ свѣтъ. Ис. 1, 2.

Онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ болѣзни. Ис. VIII, 61, 17.

И пришедши поселился въ городѣ, да сбудется реченное чрезъ Пророковъ, что Онъ Назореемъ наречется. Матѳ. 11, 23.

Когда Онъ жилъ, гдѣ, какъ, что Онъ дѣлалъ — нѣтъ-ли Его современниковъ, которые видѣли, слышали Его, жили съ Нимъ, не оставили-ли они подробныхъ свѣдѣній объ Его жизни и ученіи?

Мы имѣемъ восемь свидѣтелей, очевидцевъ и современниковъ: четырехъ Евангелистовъ — Матѳея, Марка, Луку и Іоанна, и четырехъ Апостоловъ: — Петра, Іакова, Іуду и Павла съ ихъ посланіями. Лукѣ, кромѣ Евангелія, принадлежатъ дѣянія Апостольскія, Іоанну Богослову —посланія и апокалипсисъ

Поговоримъ теперь о четвероевангеліи.

Приравняемъ этихъ свидѣтелей къ источникамъ свѣтской исторіи: какія требованія предъявляемъ мы отъ тѣхъ, такія предъявимъ и отъ этихъ.

На какихъ основаніяхъ вѣримъ мы Иродоту? Мы вѣримъ ему, и принимаемъ его свидѣтельство не только о тѣхъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или современникомъ, но и о тѣхъ, которыя происходили за сотни лѣтъ до него, въ странахъ для него чуждыхъ, если не находимъ въ нихъ ничего несоотвѣтствующаго здравому смыслу, или несогласнаго съ другими достовѣрными извѣстіями,—такое мы отвергаемъ. Подобнымъ образомъ относимся и къ прочимъ историкамъ.

Приложимъ туже мѣрку къ книгамъ Новаго Завѣта, допустимъ, что четверо-евангеліе есть простое человѣческое сочиненіе, и станемъ разсматривать его, какъ Зендавесту, Коранъ, Иродота и прочіе историческіе источники....

Что мы должны сказать о нихъ? Не должны-ли принять историческую ихъ часть, о которой идетъ теперь рѣчь у насъ? Какое право есть не довѣрять ихъ показаніямъ?

Въ авторскомъ смыслѣ, прикладывая обыкновенное мѣрило къ Евангелію, какъ простому человѣческому сочиненію, сравнивая съ другими однородными, мы видимъ на немъ печать правды, истины; не замѣчаемъ, наоборотъ, никакой искусственности сочиненія,—и должны прежде всего обратить вниманіе на это внутреннее доказательство подлинности. *

Всѣ Евангелія должны быть писаны до разоренія Іерусалима, ибо нигдѣ нѣтъ ни слова, ни намека, о совершившемся событіи, которое ясно было тамъ предсказано.

Исполнившееся предсказаніе служитъ въ свою очередь доказательствомъ, что оно дѣйствительно было сдѣлано.

Въ полемическихъ древнихъ сочиненіяхъ нигдѣ не выражено не только опроверженія, но даже и сомнѣнія о историческомъ существованіи лица.

* Доказательствъ есть много собранныхъ въ разныхъ богословскихъ сочиненіяхъ, которыхъ изложеніе здѣсь не у мѣста: здѣсь приводятся, повторяю, только тѣ мысли, которыя пришли случайно на умъ автору, въ разныя времена, безъ всякихъ справокъ объ этомъ предметѣ,— равно какъ и о прочихъ, упоминаемыхъ въ этомъ сборникѣ.

Въ посланіяхъ нѣтъ дѣлъ (фактовъ), но ученіе одно и тоже до малѣйшихъ тонкостей съ благовѣствованнымъ въ Евангеліи.

Но разные-ли это свидѣтели; не должно-ли приписать всѣ исчисленныя сочиненія одному неизвѣстному подложному писателю?

Нѣтъ, всѣ эти сочиненія имѣютъ разныхъ сочинителей. При всей простотѣ своей и безъискусственности различные характеры Евангелистовъ очевидны съ перваго взгляда: Іоаннъ отличается отъ всѣхъ духовностію содержанія, предпочтеніемъ вопросовъ нравственныхъ, высшихъ, духовныхъ; Маркъ простѣе всѣхъ. Въ Лукѣ примѣтно желаніе изложить событіе обстоятельно; Матѳій—спокойный, ровный повѣствователь.

Они писали въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ, спустя много лѣтъ послѣ событій: какъ-же они не спутались, не ошиблись ни въ чемъ, не впали въ противорѣчіе, кромѣ ничтожныхъ мелочей?

Обратимъ вниманіе на эти мелкія разнорѣчія, относительно впрочемъ неважныхъ частностей: онѣ подтверждаютъ различность и вмѣстѣ характеричность сочинителей.

Четыре свидѣтеля, и всѣ они говорятъ одно и тоже: еслибъ они писали не съ натуры, то можно-ли-бъ было имъ сохранить и явить такое единство?

Не скажутъ-ли, что разнорѣчія придуманы также для пущаго обращенія? Слишкомъ много тонкости должно-бъ было приписать для того времени кому-бы то ни было!

Какъ-же и кому сговориться и сочинить такія четыре книги, подъ которыми иголкой не подточишь, а гдѣ и подточиваютъ, то въ подтвержденіе достовѣрности, а не въ опроверженіе.

Если это разныя сочиненія, то и подлинныя, вѣрныя, такъ какъ всѣ онѣ представляютъ однѣ и тѣже показанія.

Подложнаго писателя вообразить даже нельзя: какъ не проговорился бы онъ ни въ одномъ словѣ, не оставилъ нигдѣ своихъ пальцевъ, и, написавъ удивительное сочиненіе, возымѣвшее рѣшительное вліяніе на судьбу всего человѣческаго рода, скрылся куда-то изъ исторіи и литтературы такъ, что и слѣдъ его простылъ!

Теперь обратимся къ главному содержанію Евангелія, ученію Христову: здѣсь найдемъ мы еще силь-

нѣйшія доказательства исторической подлинности Евангелія, и вмѣстѣ Божественнаго его происхожденія.

Въ Евангеліи заключается, по единогласному мнѣнію поклонниковъ и противниковъ, высоконравственное, премудрое, ни съ какимъ другимъ несравненное ученіе; кому принадлежитъ оно?

Противники говорятъ: человѣку, именовавшему себя Іисусомъ Христомъ.

Ему одному?

Но гдѣ-же этотъ человѣкъ, сынъ плотника, по свидѣтельству соотечественниковъ, могъ почерпнуть такую премудрость?

Онъ принадлежалъ къ Еврейскому народу, и могъ почерпнуть ее въ глубокомъ изученіи книгъ Ветхаго Завѣта.

Ну да вѣдь Его ученіе представляетъ противоположность Ветхому Завѣту. Евреи, исповѣдующіе до сихъ поръ съ неохлаждаемымъ жаромъ законъ Моисѣевъ, чуждаются и ненавидятъ Его, какъ лютѣйшаго своего врага и противника.

Іисусъ Христосъ былъ произведеніемъ своего времени, особой школы, которая его подготовила и отпустила на дѣланіе

Но гдѣ-же эта школа? какъ она умѣла скрыть свои слѣды до Него, при Немъ, и послѣ Него? Да и для чего?

Всѣ школы испоконъ вѣка старались выставляться наружу, искали послѣдователей явно, и гонялись за славою: съ чегоже предполагать какую-то небывалую и безпримѣрную школу, которая принесла въ жертву все свое самолюбіе сочиненному ею миѳологическому лицу?

Со всѣми современными школами Іисусъ Христосъ спорилъ и опровергалъ ихъ.

Іисусъ Христосъ почерпнулъ свою премудрость въ Египтѣ.

Но тамъ слѣдовъ нѣтъ Его ученія, ни прежде, ни послѣ; да и нѣтъ никакого повода заключать о долговременномъ Его тамъ пребываніи. Египетская мудрость, сколько судить о ней можемъ, по отношенію ея къ Моисею, состояла въ познаніи нѣкоторыхъ таинъ природы.

Его ученики, - новыя лица, очевидно новорожденные, происходили умственно и нравственно отъ Него: притомъ они какъ-бы очнулись, вразумились, прозрѣли послѣ Него, а при Его жизни не понимали Его, *

---

* *Не поняли*, что говорилъ имъ объ Отцѣ. Іоан. VIII, 43.

Сію притчу о пастырѣ сказалъ имъ Іисусъ, но они *не поняли*, что такое Онъ говорилъ имъ. Іоан. X, 6 и проч.

Іоан. XII, 14. Іисусъ-же, нашедъ молодаго осла, сѣлъ на его, какъ написано: небойся, дщерь Сіонова! се, царь твой грядетъ на молодомъ ослѣ. (Захар. IX, 9). Ученики его сперва *не поняли сего*, но когда прославился Іисусъ, тогда вспомнили, что тамъ было о немъ написано, и сіе сдѣлали ему.

Лук. XVIII, 34. Но они ничего изъ этого *не поняли* (изъ словъ о предстоящихъ страстяхъ и воскресеніи), слова сіи были для нихъ сокровенны, и они неразумѣли сказаннаго. См. также Мар. IX, 32 Лук. IX, 45.

и думали, поступали даже часто, противоположно Его ученію, слѣдовательно все писанное ими принадлежитъ не имъ, а Ему.

Евангеліе сочинено послѣ по состоявшимся понятіямъ, то есть имѣетъ происхожденіе легендарное, миѳическое.

Да кому-же могло придти въ голову умыслить такое дѣло? Другому Іисусу, не тому, который дѣлалъ дѣло, а иному, который выдумалъ это дѣло, скрылъ свое имя, и не оставилъ никакихъ слѣдовъ по себѣ нигдѣ, даже у противниковъ его новаго ученія.

Нѣтъ никакой возможности сдѣлать такое нелѣпое предположеніе: одинъ выдумалъ ученіе, сочинилъ книжку о небывалыхъ событіяхъ, предъ глазами современниковъ, а тысячи ему повѣрили и пошли умирать за него въ мученіяхъ, убѣждать другія тысячи идти на туже смерть съ веселіемъ! Есть-ли здѣсь какое вѣроятіе?

Жизнь Іисуса Христа—вы не вѣрите ей? Да сочинить-то ее когда и кто могъ; и относительно словъ и относительно дѣлъ? Сочиненіе, то есть, выдумка такая, развѣ не была-бы дѣломъ необыкновеннымъ, сверхъестественнымъ, невѣроятнымъ?

Какое-же это ученіе? Гдѣ его образцы, примѣры, подобія, подражанія? Прошло двѣ тысячи лѣтъ почти послѣ него, и внѣ его нѣтъ ничего, какъ и прежде не было, ничего равнаго, подобнаго, ни въ жизни, ни въ ученіяхъ.

Переходъ отъ язычества къ христіанству безъ Откровенія, не только понять, но и вообразить нельзя: нельзя представить никакого Римлянина, уразумѣвающаго, не только измышляющаго своими средствами, какую нибудь Евангельскую истину. Надо было человѣку окреститься и освятиться, чтобъ понять ее. Искупленіе здѣсь какъ-то и представляется по крайней мѣрѣ исторически. Произошло слѣдовательно что-то, почему человѣкъ переродился, и изъ какого нибудь Катона, даже Утическаго, произошелъ Алексѣй Божій человѣкъ.

Неужели вся эта масса свидѣтельствъ есть позднѣйшее лживое сочиненіе съ предвзятыми мыслями, съ умыслами? Когда можно было учинить такой подлогъ, и какъ скрыть всѣ концы, такъ что ни въ чемъ уличить нельзя сочинителя, не смотря на старанія всѣхъ враговъ, начиная съ древнихъ книжниковъ и фарисеевъ до новыхъ псевдо-позитивистовъ и нигилистовъ, съ дьяволомъ во главѣ?

Теперь обратимся къ лицамъ Евангелистовъ и Апостоловъ, забывая всѣ о нихъ изслѣдованія. Здѣсь мы найдемъ наисильнѣйшее доказательство въ подтвержденіе Евангелія, сравнительно со всѣми предыдущими.

Какими представляются они намъ въ Евангеліи?

Они не вполнѣ понимали своего Божественнаго Учителя, и на другой день часто забывали, что Онъ говорилъ имъ наканунѣ. Всѣ они отреклись отъ Него и разбѣжались при взятіи Его подъ стражу. Самъ Петръ отрекся отъ Него чрезъ минуту, послѣ того, какъ былъ даже предупрежденъ Имъ о томъ, и спорилъ: пусть всѣ оставятъ Тебя, а я всегда съ Тобою. Мать Іоанна и Іакова просила Его о первыхъ мѣстахъ для нихъ передъ тайной вечерей. Ѳома не вѣрилъ не только словамъ Его о воскресеніи, но даже свидѣтельствамъ товарищей, которые видѣли Его по воскресеніи и увѣряли въ томъ ученика. Филиппъ просилъ показать Отца.

А послѣ стали иными, и шли на смерть во имя Его, какъ на брачный пиръ.

Прочтите посланія: Петра, Іакова, Іоанна, Іуды. Тѣ-ли это люди, которые ходили за Іисусомъ въ продолженіе Его жизни?

Нѣтъ, это совсѣмъ другіе люди, при жизни Іисуса Христа, и послѣ Него.

Откуда взялся этотъ неудержимый ихъ восторгъ? Какъ объяснить это веселіе, это радованіе, съ какимъ они умирали въ мукахъ, произнося имя Іисусово, и устремляя взоры свои на небо, гдѣ они какъ будто видѣли Его? Откуда взялась ревность проповѣдать ученіе, противоположное ихъ прежнимъ убѣжденіямъ, непонятное для нихъ, пока они ходили за своимъ Учителемъ, и видѣли своими глазами чудеса, Имъ творимыя? Что произошло съ ними, вслѣдствіе чего они такъ измѣнились?

Видно случилось съ ними что-то особенное, сверхъ—естественное, произошелъ совершенный переворотъ во всемъ ихъ существѣ, однимъ словомъ—совершилось чудо.

Скажутъ-ли, что и это превращеніе придумано послѣ въ Новомъ Завѣтѣ, чтобъ обмануть вѣрнѣе весь міръ для распространенія новаго ученія? Кѣмъ-же, для чего, могла быть придумана такая лесть? Нѣтъ, этого сказать нельзя, и всѣ невѣрующіе критики не осмѣливаются дѣлать такого невозможнаго предположенія. Можно-ли, вѣроятно-ли, распространять украдкою изъ за угла, черезъ ложь, такое ученіе, придумывая для того подобные фокусы? Нѣтъ, оно соединено было съ настоящими событіями и было на нихъ основано, происходило на яву, а не во снѣ!

Все это такъ, все это принять можно; ученіе Христово божественно, Евангелія подлинны; но чудеса, о которыхъ разсказываютъ Евангелисты, какъ имъ повѣрить можно? Но грѣхопаденіе, воплощеніе, искупленіе, спасеніе, воскресеніе изъ мертвыхъ, вознесеніе, исповѣдуемое ими, какъ все это понять, чѣмъ объяснить можно?...

Это непостижимыя тайны, которыхъ никакія напряженныя усилія объяснить не могутъ, хоть на условномъ человѣческомъ языкѣ и объясняются они по своему, тайны, какъ и всѣ прочія, вышеприведенныя, отъ которыхъ уйдти намъ некуда, и которыя должно принимать на вѣру. Почему мы станемъ требовать ихъ объясненія, и отвергать ихъ только вслѣдствіе непостижимости, когда мы принуждены по необходимости принимать множество другихъ тайнъ, предъ нашими глазами сущихъ?

Столько вопросовъ возникаетъ при размышленіи о явленіи Христа, Сына Божія на землѣ, что дерзскимъ, самонадѣяннымъ людямъ, представляется удобнѣе отвергать Его, чѣмъ покориться вѣрѣ, и за дешевую цѣну получать славу философовъ, esprits forts.

Не предусмотрѣны-ли всѣ людскія ученія и недоумѣнія въ слѣдующихъ словахъ Евангелія и посланій:

„Се полагаю въ Сіонѣ камень преткновенія и камень соблазна; но всякій вѣрующій въ него не будетъ постыженъ.“ Пс. 117, 22. Ис. XXVIII, 16, VII, 14.

1 Кор. 1, 18—25. „Слово-бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божіяесть. Писано-бо есть: погублю премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуя-ли Богъ премудрость міра сего? Понеже бо въ премудрости Божіей не разумѣ міръ (своею) премудростію Бога, * благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Понеже и Іудеи знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ. Мы же проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ-же безуміе. Самимъ-же званнымъ, Іудеемъ-же и Еллиномъ, Христа Божію силу и Божію премудрость. Зане буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть, и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть!“

Какъ не задуматься надъ глубиною этихъ словъ!

Если-бъ не воскресъ Христосъ, то ученики, апостолы, увидѣвъ такой конецъ, какъ позорная смерть ихъ учителя на крестѣ съ разбойниками, сочли-бъ его обыкновеннымъ смертнымъ, иные можетъ быть обманщикомъ, и остались-бы сами тѣми же людьми,

---

* Ибо когда міръ своей премудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей, благоизволилъ Богъ и проч.

какими были при немъ, считая все прошедшее однимъ тяжелымъ сномъ. Только *воскресеніе* могло придать силу ихъ убѣжденіямъ и восторгъ тысячамъ первыхъ мучениковъ, только воскресеніе могло основать, утвердить Христіанство.

Безъ воскресенія и безъ сошествія Святаго Духа нельзя объяснить Евангелія и вообще Христіанства. Только принявъ Святаго Духа, могли прозрѣть эти простецы или невѣжи, могли вспомнить все, что промелькнуло въ ихъ глазахъ, понять все, что пропущено было сквозь ушей, и сообщить человѣческому роду такое благовѣстіе, до коего не могли достигнуть никакіе Сократы, Платоны, Аристотели.

Простые, грубые, необразованные рыбаки, непонимавшіе до такой степени Его ученія, что самые лучшіе изъ нихъ искали первенства, отрекались, сомнѣвались, предлагали пустые вопросы, — пропускавшіе мимо ушей важнѣйшія изъ Его словъ, — дѣлаются горячими проповѣдниками, привлекаютъ тысячи, и кровію своею запечатлѣваютъ истину своей вѣры. Во всю землю изыде вѣщаніе, и въ концы вселенныя глаголы ихъ! Откуда явилась въ нихъ такая сила?

Сколько любви въ посланіяхъ Іоанна, Петра, Іакова, Іуды, Павла? Найдется ли малѣйшая доля ея во

761545 A

всѣхъ философіяхъ, во всѣхъ законоположеніяхъ, во всѣхъ фантазіяхъ древняго міра? У Моисѣя нѣтъ ея: у него только любовь къ Богу. Во всемъ древнемъ мірѣ нѣтъ ея. Откуда же взялась она?

Изъ гроба Христова!

Какъ иначе могли Евангелисты припомнить все происшедшее въ такой послѣдовательности, и по истеченіи долгаго времени, когда прежде забывали ежеминутно? Какъ могли сохранить въ такой подробности все ученіе, безъ единой черты противорѣчія въ правилахъ, заповѣдяхъ, притчахъ, ни въ чемъ? удержаться отъ всего лишняго, пошлаго, житейскаго, личнаго? Естественно-ли это, можно-ли объяснить все это безъ особеннаго вдохновенія божественнаго? А вы какъ думаете, философы и позитивисты?

Чѣмъ объясните вы обращеніе Савла, который изъ яростнаго гонителя сдѣлался самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ и самымъ глубокимъ толкователемъ принятаго ученія?

Чище, выше, любезнѣе, совершеннѣе Христа, не было никого на свѣтѣ, во всей исторіи человѣческаго рода, никто не училъ лучше, полезнѣе Его; никого, кому-бъ можно было повѣрить больше Его,—ну такъ и *слушайте Его*, вѣрьте Ему, живите, какъ Онъ заповѣдалъ жить вамъ. Исполняя Его заповѣди, вы увидите и поймете больше того, что понимаете и

видите теперь, чрезъ свои кривыя очки, отуманенными глазами, съ головою въ чадномъ угарѣ. Заскорузлыми руками нельзя плести кружева, нельзя съ тяжелой плотію вознестись въ горняя, и размышлять о святомъ съ животными страстями. Очистимъ чувствія и узримъ!

Если-бъ не было Бога, то надо-бъ было выдумать Его, сказалъ Вольтеръ. Еслибъ не было Христіанства, то надо-бъ было выдумать его, но измыслить его не могъ-бы никто кромѣ Бога!

И были, и есть, люди, которые, живя такъ, какъ Онъ училъ, испытали это на себѣ, достигали ясновидѣнія, восторгались до третьяго неба; они свидѣтельствуютъ, доказываютъ своею жизнію и смертію, что слово Его истинно!

О, если-бъ оно было исполняемо, какъ-бы люди были счастливы! Никакая конституція не можетъ доставить государствамъ такого благополучія, какъ исполняемое, даже сколько нибудь, Евангеліе.

(Нашелъ я въ своихъ тетрадяхъ нѣсколько мыслей о католичествѣ съ Папою:)

Христосъ сказалъ Петру: „ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь, и врата адовы не одолѣютъ ю.“

Если-бъ Онъ давалъ этимъ словамъ такое значеніе, какое даютъ имъ *Католики*, то Петръ долженъ-бы, по крайней мѣрѣ по воскресеніи Христовомъ, занять видимо первое мѣсто между Апостолами, но онъ никогда не занималъ такого мѣста.

Вскорѣ послѣ этихъ словъ Іисусъ сказалъ Петру: „Отойди отъ меня, сатана: ты мнѣ соблазнъ, потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое.“

Къ Римлянамъ даже нѣтъ посланія Петрова, а есть Павлово. Съ чего-бы Павлу писать туда посланіе, даже идти туда, если-бъ тамъ хозяиномъ былъ Петръ.

Апостолы ни о чемъ не спрашивали Петра, и вѣдать не вѣдали о такомъ его назначеніи, совершенно между собою равные по всѣмъ свидѣтельствамъ. Павелъ, младшій между ними, не очевидецъ, даже осуждаетъ нѣкоторыя его дѣйствія. Въ первомъ вѣкѣ нѣтъ никакого свидѣтельства, намека, ни малѣйшаго повода заключать, чтобъ былъ гдѣ нибудь вопросъ о какомъ нибудь первенствѣ, преимуществѣ, главенствѣ.

Павелъ пишетъ къ Коринѳянамъ: „я разумѣю то, что у васъ говорятъ: я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ, а я Христовъ. Развѣ раздѣлился Христосъ? Развѣ Павелъ распялся за васъ? Или во имя Павла вы крестились?“ 1 Къ Кор. 1, 12, 13.

Ясно-ли, что здѣсь уравниваются всѣ апостолы: Петръ, Павелъ, Аполлосъ?

Такъ и въ другомъ мѣстѣ они уравниваются, III, 4, 6. „Ибо когда одинъ говоритъ: я Павловъ, а другой—я Аполлосовъ: то не плотскіе-ли вы? кто Павелъ? кто Аполлосъ? (здѣсь могутъ подразумѣваться и всѣ прочіе апостолы —Іаковъ, и Филипъ, и Іоаннъ, и Петръ?). Они только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали, и при томъ по скольку каждому далъ Господь.“

Къ Гал. II, 7, 8. „Увидѣвъ, что мнѣ ввѣрено благовѣстіе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ, ибо содѣйствовавшій Петру въ апостольствѣ у обрѣзанныхъ, содѣйствовалъ и мнѣ у язычниковъ“....

Не должно-ли заключать изъ этихъ словъ, что первая проповѣдь у Римлянъ (язычники) принадлежала Павлу, а не Петру?

Къ Гал. II, 9. „И узнавъ о благодати, данной мнѣ, Іаковъ, и Кифа, и Іоаннъ, почитаемые столпами, подали мнѣ и Варнавѣ руку, чтобъ намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ.“

Не уравниваются-ли здѣсь Іаковъ, Петръ, Іоаннъ? Еслибъ Петру принадлежало первенство, то какимъ образомъ могли-бъ быть сказаны такія слова?

Напротивъ, здѣсь-же Павелъ вотъ какой случай приводитъ о Петрѣ, II–14. „А когда Петръ прошелъ въ Антіохію, тогда я лично противусталъ ему, ибо онъ подверженъ былъ нареканію. Потому что до при-

бытія нѣкоторыхъ отъ Іакова, онъ ѣлъ съ язычниками; а когда они пришли, то сталъ таиться и устраняться, опасаясь обрѣзанныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ лицемѣрили и прочіе Іудеи; такъ что и Варнава увлеченъ былъ ихъ лицемѣріемъ. Но я, видя, что они непрямо поступаютъ по истинѣ Евангельской, сказалъ Петру при всѣхъ: ежели ты, будучи Іудей, живешь по язычески, а не по іудейски, то для чего язычниковъ принуждаешь жить по іудейски? Мы по природѣ Іудеи, а не изъ язычниковъ грѣшники" и проч.

Наконецъ слѣдующія слова изъ 2 посланія къ Коринѳ. XII, 11 представляютъ всего яснѣе, кажется, равенство апостоловъ: „ничимъ-бо лишихся первѣйшихъ апостоловъ, аще и ничтоже есмь," (я ничѣмъ не ниже высшихъ апостоловъ, хотя и ничто).

Ясно, что Христосъ не такъ понималъ вышеприведенныя слова, какъ хотятъ того Папы, но онѣ, равно какъ и трижды сказанныя Петру по воскресеніи: паси агнцы моя, паси овцы моя, должны однакожъ имѣть какое нибудь особое значеніе, которое толкователи, православные и протестантскіе, и объясняютъ въ своихъ препираніяхъ съ католиками. *

---

* Лѣтъ 20 назадъ мнѣ случилось встрѣтиться съ Касимовскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Сергѣевичемъ Гагинымъ, глубокимъ знатокомъ Священнаго писанія, который объяснялъ, казалось мнѣ тогда, удовлетворительно, эти слова, но я, не записалъ его объясненія, и не могу передать его съ точностію. Разсказываю это только въ доказательство, что у насъ, въ простомъ народѣ, не переводятся люди, мыслящіе о высшихъ вопросахъ человѣчества.

Петръ, замѣтимъ здѣсь кстати, былъ иногда грѣшенъ и въ чувствахъ (отреченіи), и въ дѣлахъ (осужденныхъ Павломъ), а Папа, говорятъ, нѣтъ,—начиная съ нынѣшняго. А прежніе-то какъ? А проклинавшіе другъ друга за еретичество? Почему такъ поздно спохватилось Папство о своей безгрѣшности?

„Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся Святому Господу Іисусу, *единому безгрѣшному*, кресту Твоему покланяемся“..... Если Римская церковь употребляла туже пѣснь, то больше употреблять ее не можетъ, и должна вычеркнуть изъ своего служебника. Теперь безгрѣшныхъ двое, по Іезуитскому ученію!!

Папа безгрѣшенъ съ послѣдняго собора, а прежде, до сихъ поръ, былъ грѣшенъ? Что же случилось съ его натурою, вслѣдствіе чего онъ такъ радикально преобразился? Какое снадобье обрѣли святые отцы Іезуиты для сообщенія ему непогрѣшимости?

Не пѣлъ видно пѣтухъ за дверьми Римскаго Собора!

А можетъ быть пѣтухъ и пѣлъ, но Папа, заговоренный Іезуитами, не разслыхалъ его напоминовенія!

Или согрѣшилъ онъ столько мыслію о своей непогрѣшимости, что пѣтухъ и не былъ посланъ для его обращенія!

(До сихъ поръ о католичествѣ.)

Читая многія проповѣди протестантскія, католическія, православныя, поражаемся ихъ сходствомъ: это плоды одного и того-же дерева Въ чемъ-же состоитъ различіе исповѣданій? не въ вѣрованіяхъ ли, преимущественно, непостижимыхъ, которыя выражаютъ онѣ разными словами, или основываютъ на свидѣтельствахъ, различно понимаемыхъ?

Духъ Святый происходитъ отъ Отца, говорятъ православные, Духъ Святый происходитъ отъ Отца и Сына, говорятъ католики. Но вѣдь ни тѣ, ни другіе собственно не понимаютъ ясно, ни Отца, ни Сына, а и того менѣе исхожденія отъ одного или отъ обоихъ, отъ Отца-ли, или отъ Отца съ Сыномъ. Мы, православные и католики, повторяемъ слова, которымъ одни даютъ такой смыслъ наружный, другіе иной. Ну, такъ Богъ съ вами! скажетъ иной простецъ, думайте, произносите, повторяйте слова, какія угодно, да живите только, какъ велятъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый.

Отсутствіе таинствъ у протестантовъ и главенство Папы, съ новою непогрѣшимостію, вотъ, кажется, чѣмъ раздѣляются преимущественно вѣроисповѣданія.

Припомню здѣсь кстати или не кстати слова покойнаго Иннокентія, которыя сказалъ онъ мнѣ однажды, среди разсужденій о разныхъ философіяхъ: Гегелева философія очень тонка, настоящая паутина,

но за то также легко и разрывается. Въ Христіанствѣ, понятомъ какъ слѣдуетъ, заключается такая выспренняя философія, предъ которой всѣ человѣческія должны поблѣднѣть и погаснуть.

Чему училъ Христосъ? Какъ заповѣдалъ Онъ жить? Что велѣлъ дѣлать?

Любить, вѣрить, предаваться въ волю Божію, молиться:

„Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію твоею. Возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе. Въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы висятъ.“ *

„Возмите иго Мое на себе, и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть.“ **

Намъ остается любить, вѣрить, молиться, предаваться въ волю Божію и стараться объ исполненіи Христовыхъ заповѣдей.

---

* Матѳ. XXII, 40.
** Матѳ. XI, 29, 30.

Дайте волю уму, и онъ, необузданный, заведетъ васъ въ дебри непроходимыя. Исторія самой церкви представляетъ тому множество примѣровъ и доказательствъ: откуда происходятъ всѣ ереси! Сильнѣйшіе умы, какъ Оригенъ впадали такимъ образомъ въ заблужденія.

Мало ли что можетъ придти въ голову ему безпокойному, неугомонному, любопытному, съ чего нибудь пьяному, зараженному, поврежденному, искушаемому, больному, колобродному! (Господи! прости наши согрѣшенія)! Мало ли чего не придумаетъ человѣкъ, когда по пословицѣ умъ заходитъ у него за разумъ! Сколько сомнѣній, недоумѣній, вопросовъ, недоразумѣній!

Вотъ образчики подобнаго суемудрія:

Какъ представить себѣ Бога,—Отца, Сына и Святаго Духа до сотворенія міра?

Въ Отцѣ были Сынъ и Духъ Святый; въ Сынѣ были Отецъ и Духъ Святый; въ Духѣ были Отецъ и Сынъ. Всѣ три ипостаси были порознь и вмѣстѣ. Какъ ихъ соединять, въ понятіи, и какъ раздѣлять?

О непостижимости Троицы есть прекрасное сказаніе объ одномъ святомъ отцѣ, который, стоя на берегу

моря, размышлялъ объ этомъ таинствѣ. Подходитъ къ нему старецъ и спрашиваетъ: объ чемъ онъ такъ задумался? Услышавъ отвѣтъ, старецъ поднялъ съ земли раковину и сказалъ ему: ты хочешь вотъ такою раковиною исчерпать море!

Могъ-ли Богъ оставаться безъ сотворенія міра. Чѣмъ побудился къ сотворенію?

Богъ сотворилъ міръ, слѣдовательно, міръ есть нѣчто особое отъ Бога.

Въ какомъ же отношеніи къ Вездѣсущему состоитъ міръ, имѣющій отдѣльное бытіе отъ Божества!

Богъ сотворилъ человѣка, мужа и жену, и далъ имъ заповѣдь.

А прежде еще—сотвореніе Денницы, который обратился въ діавола; онъ соблазнитъ перваго человѣка, и поведетъ родъ человѣческій къ гибели!

Если Денница, Люциферъ, совершеннѣйшее созданіе, оказался немедленно мятежникомъ, возставшимъ противъ Бога, то чего-жъ ожидать отъ человѣка, получившаго себѣ такого сильнаго врага даже до своего рожденія?

Что было-бы дѣлать діаволу безъ человѣка?

Человѣкъ оказываетъ преслушаніе, падаетъ, и все измѣнилось! Не долго-же міръ красовался во всемъ своемъ блескѣ! Вся тварь воздохнула! И трудъ и болѣзнь очутились на землѣ! Но Богъ предвѣщаетъ спасеніе, и обѣщаетъ человѣку прислать Своего Сына для его спасенія.

А Сынъ какъ участвовалъ въ этомъ обѣщаніи?

Богъ зналъ, что человѣкъ Его не послушаетъ и согрѣшитъ, и что Онъ долженъ будетъ послать Сына, и Сынъ, бывшій въ Немъ, это зналъ, и знали Они, тотъ и другой, что посланіе не будетъ принято, и будетъ Онъ распятъ, и распятіемъ совершится искупленіе. Что значитъ эта послѣдовательность, этотъ планъ божественный?

Того требуетъ Божіе правосудіе, и исполняетъ Божіе милосердіе.

Слова понятны, но смыслъ непостижимый.

Что такое земля во-вселенной? Пылинка.

А человѣкъ на этой пылинкѣ, а всякая единица изъ числа современныхъ милліоновъ, изъ суммы пере-

бывавшихъ милліардовъ? Милліардная доля пылинки, нѣтъ слова для наименованія этого безконечно-малаго.

И неужели для этого безконечно-малаго существуетъ такой аппаратъ, какъ вселенная, изъ тьмы темъ міровъ состоящая? Что за попеченіе объ безконечно-малой песчинкѣ, по которому оказалось нужнымъ искупить ея грѣхи принесеніемъ въ жертву Сына Божія?

Для чего плодиться человѣческому роду, который могъ быть искупленъ только Сыномъ, ниспосланнымъ за его грѣхи на распятіе?

Грѣхи людскіе наказываются всемірнымъ потопомъ, а потомъ слѣдуетъ тотъ же развратъ въ обновленномъ родѣ человѣческомъ, и всѣ благодѣянія Божіи оканчиваются неблагодарностью даже народа избраннаго и обращеніемъ къ богамъ инымъ.

Что-же такое все это?

Что такое жизнь діавола, съ его служителями, который имѣетъ какъ будто способность знать все и быть вездѣ!

И что-же такое—вся жизнь рода человѣческаго въ этомъ смыслѣ? Борьба съ діаволомъ, въ которой онъ остается почти всегда побѣдителемъ, и немногіе святые пребываютъ чистыми послѣ его искушеній?

Книга Бытія представляетъ намъ, такъ сказать, наружную исторію человѣческаго рода условнымъ языкомъ, котораго внутренній смыслъ для насъ не понятенъ, и мы должны принимать его безъ дальнѣйшаго разсужденія, ad interim, на вѣру!

„Умы ихъ ослѣплены“, говоритъ святой апостолъ Павелъ, „ибо тоже самое покрывало до нынѣ остается не снятымъ при чтеніи Ветхаго Завѣта, потому что оно снимается Христомъ.“ II къ Кор. 3, 14.

Если въ размышленіяхъ о существѣ Божіемъ, если о трехъ ипостасяхъ Святой Троицы умъ человѣческій изнемогаетъ, какъ бы уничтожается, то и воплощеніе Сына Божія является ему въ этомъ отношеніи столь-же непостижимымъ.

Іисусъ Христосъ имѣетъ Божіе естество: исцѣляетъ, повелѣваетъ вѣтру и морю, воскрешаетъ и воскресаетъ, и въ тоже время тужитъ, плачетъ, алчетъ, восклицаетъ: прискорбна душа Моя до смерти. Отче! да идетъ мимо Меня чаша сія, обаче не якоже Азъ хощу, но яко-же Ты!

Какъ естество Божіе соединилось въ Іисусѣ Христѣ съ человѣческимъ?

Какъ въ Его сознаніи совмѣщалось всевѣдѣніе Божества съ ограниченностію природы человѣческой?

Въ чемъ состоитъ собственно искупленіе?

Въ чемъ состоитъ задача искупленнаго человѣческаго рода?

Снизойдя на землю, Сынъ Божій былъ въ тоже время и на небѣ?

Куда Онъ вознесся? Какой видъ принялъ? Соединился съ Отцемъ? Но Онъ былъ съ Нимъ неразлученъ!...

Святое ученіе, которое имѣетъ смыслъ, но тайный, тайный для ума, ясный только для сердца, сердца вѣрующаго!

. . . . . .

Бездна вопросовъ, въ которыхъ тонетъ умъ человѣческій, ни до чего не допытываясь!

Но къ чему допытываться, сознавая невозможность успѣха, къ чему задавать себѣ эти вопросы и углубляться въ эти таинства? Не есть-ли это только напрасное любопытство? Довольно есть того, что̀ знать

или понимать безъ этого. Нѣтъ, вотще стремиться къ уразумѣнію тайнъ Божіихъ путемъ ограниченнаго разсудка!

Не на этомъ пути онѣ уразумѣваются!

Догматика представляетъ намъ систему науки, ученія о Богѣ: нельзя-ли перевесть ея положеній на языкъ математическій? Доказывалъ-же, говорятъ, Пиѳагоръ своею теоремою о равенствѣ квадратовъ катетовъ съ квадратомъ гипотенузы безсмертіе души!

Впрочемъ и теперь въ языкѣ есть почти математика въ этомъ смыслѣ: святыя слова—Отецъ, Сынъ, Духъ Святый, не служатъ-ли намъ только знаменіями, нотами понятій, дня насъ непостижимыхъ?

Наши вопросы и недоумѣнія образуются по нашимъ человѣческимъ, связаннымъ со временемъ и мѣстомъ, понятіямъ: многія изъ нихъ происходятъ отъ недостатковъ языка, отъ употребляемыхъ нами словъ.

Нашъ ограниченный, условный, человѣческій языкъ, можно сравнить съ азбукою музыкальныхъ нотъ, которая для ума не удовлетворительна.

Мы спрашиваемъ и отвѣчаемъ, приспособляясь къ обыденнымъ понятіямъ, чтобъ объяснить какъ-нибудь явленія и дѣйствія, такими словами ничего для не-

вѣрующаго не объясняется, а другіе, большинство, толпа, только кое-какъ успокоивается, останавливается на чемъ нибудь...

Можетъ быть иногда мы не такъ выражаемся и дѣлаемъ представленія неправильныя.

Отвергаютъ иные не потому только, что не понимаютъ того или другаго, а потому что понимаютъ не такъ. Понятое превратно или криво, можетъ, разумѣется, показаться нелѣпымъ, и потому отвергается. Но кто-же виноватъ, изъ за криваго толкованія развѣ можетъ быть отвергнуто то или другое явленіе? Должно быть отвергаемо только неправильное толкованіе.

Прежде думали: земля стоитъ, а солнце движется. Нѣтъ, солнце стоитъ, а земля движется. Такъ могутъ быть приписываемы многія явленія внѣшнему міру, а онѣ происходятъ внутри насъ.

Господи! покажи намъ свѣтъ!

Мы, слѣпые, разсуждаемъ о цвѣтахъ; мы, глухіе, толкуемъ о звукахъ; мы, заключенные въ темницу пространства, хотимъ достать рукою безпредѣльность, ограниченные минутою, силимся понять вѣчность, и удивляемся, что не находимъ смысла въ своихъ вопросахъ, и остаемся въ недоумѣніи.

---

1 Къ Кор. 3, 1—3. „Я не могъ говорить съ вами, братія, какъ съ духовными, но какъ съ плотскими, какъ съ младенцами во Христѣ. Я питалъ васъ молокомъ а не твердою пищею; ибо вы были еще не въ силахъ, да и теперь не въ силахъ. Потому что вы плотскіе.“

„Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ считаетъ сіе безуміемъ и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ“. „Ибо кто позналъ умъ Господень чтобы судить его? А мы имѣемъ умъ Христовъ,“ говоритъ святый Апостолъ Павелъ. 1 къ Кор. 11, 14—16.

„Никто незнаетъ Сына кромѣ Отца, и Отца незнаетъ никто-же кромѣ Сына, и кому Сынъ восхощетъ открыть, Матѳ.“ 11, 27.

„Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, ибо не плоть и кровь открыли тебѣ это, (исповѣданіе Христа), но Отецъ Мой,“ сущій на небесахъ, Матѳ. 16, 17.

Намъ остается только въ этомъ отношеніи вѣрить, какъ повелѣлъ Іисусъ Христосъ. — Но и вѣра есть даръ Божій. Такъ мы должны молиться объ ней, и жить какъ можно лучше, — вотъ все, что человѣкъ

можетъ сказать себѣ, въ чемъ можетъ быть увѣренъ, и гдѣ нѣтъ ему никакой опасности заблудиться, а послѣ, что Богъ дастъ, то и будетъ.

А кто-же тамъ, въ этихъ мірахъ? Никого? Что тамъ дѣлается? Это только мебель?

Да тебѣ-то что до этого за дѣло? Ты смотри и думай о томъ, что у тебя подъ носомъ. О дѣлахъ тѣхъ міровъ тебя не спросятъ, и они до тебя не касаются.

Напрасно берутся иные объяснять *все*—это можно сказать не только лѣвой сторонѣ, но и правой; богословамъ точно также, какъ и философамъ. Такимъ образомъ, вы ничего не докажете окончательно, а только возбудите больше недовѣрчивости и сомнѣнія. Всѣ ваши объясненія условны, и если что объяснится вами подъ разными условіями и подразумѣваніями, то тотчасъ встанетъ кругомъ еще болѣе новыхъ вопросовъ и недоумѣній,—особенно въ наше время, въ нынѣшнемъ поколѣніи, которое родилось какъ будто подъ какимъ-то особеннымъ злымъ сочетаніемъ звѣздъ.

Желательно былобы имѣть вотъ какое сочиненіе: пусть представятъ намъ прежде всего картину мірозданія съ его чудесами, и покажутъ непостижимость такихъ-то и такихъ явленій въ природѣ и ея

царствахъ, въ человѣкѣ, какъ можно яснѣе, наглядньѣе, многостороннѣе, осязательньѣе; потомъ докажите ограниченность разума на самыхъ простыхъ предметахъ, не только на высшихъ; наконецъ приведите въ примѣръ особыя событія, или случаи, критически засвидѣтельствованныя, которыя убѣждаютъ предполагать существованіе другаго міра, производятъ чаяніе. На этихъ основаніяхъ доказывается, де, или дается чувствовать бытіе Божіе, безсмертіе души, существованіе другаго міра, — три вопроса, тѣсно связанные между собою...

Планъ желаемаго сочиненія былъ бы слѣдующій: Есть природа видимая — вотъ она. Есть природа невидимая—вотъ ея явленія, заставляющія предполагать ее.

Мы не понимаемъ въ видимой того и того, кольми паче въ невидимой.

Отвергать не можемъ, и должны сознаться въ ограниченности разума и необходимости вѣры.

Мы окружены чудесами, куда ни обернемся, то есть, мы не имѣемъ силы проникнуть ни въ одну высшую тайну, не смотря на всѣ свои старанія, и должны склониться смиренно главою, и просить о помощи свыше.

Помощь и подана въ Откровеніи.

Христосъ говорилъ ученикамъ: этого не понимаете вы теперь, но поймете послѣ. (См. выше слова Апостола Павла).

Будемъ сперва жить, какъ тамъ заповѣдано, тогда и поймемъ, и т. д.

И вотъ вѣра, необходимая на такомъ-то основаніи, предлагаетъ намъ такія-то положенія, приведенныя въ порядокъ, въ систему, подъ именемъ богословія или науки о Богѣ....

Вотъ какъ она объясняетъ эти положенія, примѣняясь къ человѣческому условному языку и понятію, говоря напримѣръ о гнѣвѣ или милосердіи Божіемъ.

Нѣкоторыя положенія имѣютъ больше доказательствъ, понятнѣе, другія менѣе, напримѣръ.....

Многаго мы не понимаемъ въ Священномъ Писаніи, потому что иначе связываются у насъ мысли, другой складъ ума у насъ, чѣмъ на Востокѣ, гдѣ первоначально оно произошло, да и вообще языкъ нашъ ограниченъ.

Этотъ способъ изложенія обѣщаетъ нынѣ болѣе успѣха, чтобъ возбудить благоговѣніе, произвести священный трепетъ, зародить страхъ Божій, названный отъ мудраго началомъ премудрости.

Что есть своего у *человѣка*?

Пусть разберетъ наилучшія свои дѣйствія, опускаясь въ сокровеннѣйшіе тайники своего сердца... Жалѣю о немъ, если онъ найдетъ тамъ что нибудь хорошее, и останется довольнымъ собою.

Ничего своего не можетъ открыть въ себѣ человѣкъ, кромѣ дурнаго; мутенъ источникъ самыхъ чистыхъ, повидимому, намѣреній!

Ни о какомъ дѣйствіи своемъ не можемъ мы сказать утвердительно, изъ какого внутренняго источника оно происходитъ, изъ добраго или худаго.

Сдѣлаешь поступокъ, станешь искать источника, не найдешь съ достовѣрностію, утонешь въ безднѣ сердца.

Сердце наше кладязь мрачный
Тихъ, покоенъ сверху видъ.
Опустись на дно—ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ.

Остается только молиться: Господи, буди милостивъ мнѣ грѣшному!..

Что есть хорошаго въ насъ, то не наше, мы получаемъ его откуда-то.

Вы добры, положимъ, сердце ваше сострадаетъ несчастіямъ ближняго, вамъ хочется помочь всякому угнетенному, вы не любите сердиться долго, не имѣете ненависти въ сердцѣ, — ну, да это природныя ваши

свойства,—полученныя вами при рожденіи: вы не можете жить другимъ образомъ, не можете питать зла, не можете поступать иначе. Въ чемъ же состоитъ заслуга человѣка? Всѣ добродѣтели—даръ Божій. Хвалиться ими нечего, вмѣнять ихъ себѣ въ достоинство и того менѣе.

Дурное—вотъ это наше. И мы видимъ ясно, что это наше.

Грѣхопаденіе доказывается для насъ ограниченностію ума, порочностію сердца, влеченіемъ къ злу, неудержанностію грѣховныхъ помысловъ, о чемъ говоритъ съ такою горячею скорбію апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Рим. VII, 14—25.

„Ибо мы знаемъ, что законъ духовенъ, а я плотянъ, проданъ грѣху.

Ибо не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю.

Если же дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ.

А потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ.

Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей, доброе: потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу.

Добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло котораго не хочу, дѣлаю.

Если же дѣлаю то, чего не хочу; уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ.

И такъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать добро, прилежитъ мнѣ зло.

Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ.

Но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего, и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ.

Бѣдный я человѣкъ! „Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти!“

Слѣдовательно, человѣкъ поврежденъ.

Какимъ образомъ онъ могъ сдѣлаться поврежденнымъ? Какъ онъ могъ пасть?

Какъ, откуда и зачѣмъ явилось зло?

Это опять тайна.

Повторимъ опять, указывая на этотъ примѣръ, что должно принимать тайны невидимыя, неосязаемыя, хоть-бы мы и не могли понимать ихъ: грѣхопаденіе было, натура наша повреждена,— мы чувствуемъ это, а не можемъ понять наказанія Адамова, простирающагося на весь родъ человѣческій.

Какимъ образомъ поврежденіе продолжается?

Если есть физическія болѣзни, которыя передаются по наслѣдству, то почему-же не можетъ передаваться и нравственное коренное поврежденіе?

Но почему потомки страдаютъ за праотца?

Не повторяется-ли во всемъ родѣ человѣческомъ первородный грѣхъ, то-есть, не падаетъ-ли всякій человѣкъ, какъ Адамъ, но по своему.

Всякій человѣкъ, обративъ на себя вниманіе, замѣтитъ, что часто онъ слышитъ въ себѣ чужіе навѣты, рѣшительно несогласные съ его образомъ мыслей. Откуда они происходятъ? Что они такое? Кто ихъ шепчетъ?

Не тотъ-ли змѣй, что прельстилъ нашу прародительницу?

И не всякій-ли изъ насъ въ свое время простираетъ руку къ роковому яблоку?

Иногда находятъ на тебя сомнѣнія, помыслы, страшныя мечты; хочешь отбиться отъ нихъ,—нѣтъ онѣ такъ и лѣзутъ съ насиліемъ. Ощущаешь что-то чужое, напускное, -которое потомъ какъ будто удаляется, и ты чувствуешь себя облегченнымъ, и дышешь свободнѣе.

Имѣетъ человѣкъ внушенія благія, къ добру, имѣетъ и внушенія злыя, къ злу.

Сатана принимаетъ иногда видъ ангела свѣтла; какъ ихъ различить, и на какомъ основаніи невольная, кажется, ошибка влечетъ за собою опасныя слѣдствія?

Приходится рѣшиться на что нибудь, и мы, при всемъ желаніи поступить хорошо, не знаемъ, какъ поступить: такъ основанія бываютъ въ нашихъ глазахъ сходны, или такъ мы слѣпы, что иногда безъ умысла предпочитаемъ худое или худшее, не различаемъ добра со зломъ.

Мудрено бываетъ разобрать, какому внутреннему голосу надо слѣдовать, какъ въ томъ, или другомъ, безразличномъ съ перваго взгляда, случаѣ, поступить.

Ни о какомъ событіи мы не можемъ сказать, къ добру-ли оно, или къ худу. Развѣ скажемъ: все къ лучшему.

Человѣкъ, преступая заповѣдь Божію, вкусилъ отъ древа познанія добра и зла, но вѣдь не позналъ онъ добра и зла, что-же это значитъ?

Первородный грѣхъ искупленъ, а между тѣмъ корень его или слѣдствіе въ насъ остается: въ чемъ-же состояло искупленіе?

Какъ понять ученіе о наказаніяхъ? Тѣло истлѣетъ: что-же будетъ мучиться, духъ? Ему огонь другой, огонь очищенія!

Да для чего это? Кому польза?

Что такое—долготерпѣніе Божіе?

Богъ управляетъ міромъ и ведетъ всякаго человѣка. Богъ наказываетъ, награждаетъ, попускаетъ, ведетъ къ лучшему, посылаетъ болѣзни, искушенія, смерть, исцѣляетъ. Если все происходитъ по Его провидѣнію, усмотрѣнію, и ни одинъ волосъ не падаетъ съ головы нашей безъ Его вѣдома, то что-же остается человѣку?

Что можетъ онъ дѣлать самъ по себѣ?

И если впередъ все предопредѣлено и все извѣстно, то зачѣмъ-же процедура попеченій, искушеній, и наконецъ мученій?

На верху написано! Такъ внизу только представленіе въ лицахъ высшихъ идей!

Для чего и для кого оно нужно?

Опять тайна.

У насъ нѣтъ и нѣтъ ничего своего: мы какъ будто актеры съ полученными ролями, чьи-то орудія.

Что такое долгъ? Голосъ совѣсти? А если совѣсть не развита, или если она искажена, по наслѣдству, обычаемъ?

Въ чемъ-же состоитъ вина тѣхъ несчастливцевъ, которые получили отъ природы свойства, наклонности злыя, и которые силою ихъ стремятся, увлекаются къ злу?

Какъ посудить о милліонахъ дикихъ, которые родятся, растутъ и живутъ съ звѣрскимъ расположеніемъ?

„Чтобъ я не превозносился чрезвычайными откровеніями, дано мнѣ жало въ плоть, (пакостникъ плоти), ангелъ сатанинъ, мучить меня, (да ми пакости дѣетъ), чтобъ я не превозносился. О семъ трикраты Господа молихъ, да отступитъ отъ мене. И рече ми: довлѣетъ ти благодать Моя: сила-бо Моя въ немощи совершается...“ 11 къ Кор. XII, 7—9.

(Къ Рим. IX, 19, 20, 21). „Ты скажешь мнѣ, говоритъ Апостолъ: За что-же еще обвиняетъ (Богъ)? Ибо кто противостанетъ волѣ Его? А ты кто, человѣкъ, что споришь съ Богомъ? Издѣліе скажетъ-ли сдѣлавшему его: зачѣмъ ты меня такъ сдѣлалъ? Не властенъ-ли горшечникъ надъ глиною, чтобы изъ той-же смѣси сдѣлать одинъ сосудъ для почетнаго употребленія, а другой для низкаго?“

„Никто не можетъ придти ко Мнѣ, если его не привлечетъ Отецъ, пославшій Меня.“ Іоан. VI, 49.

Если то не дано будетъ отъ Отца Моего. Іоан. VI, 65.

Кто-же можетъ спастися? Человѣкомъ это невозможно, Богу-же все возможно. Матѳ. XIX, 25, 26.

Дать сѣсть по правую и лѣвую руку Мою не отъ Меня зависитъ, но кому уготовано Отцемъ Моимъ. Матѳ. XX, 23.“

Кто исповѣсть пути Господни?

Все это вопросы, болѣе или менѣе таинственные, отвлеченные.

Но вотъ вопросъ практическій, великой важности для человѣка: произрастилъ-ли ты свойства добрыя, тебѣ дарованныя? На полученные тобою десять талантовъ, пріобрѣлъ-ли ты другіе десять талантовъ? А если только восемь, пять, ни одного? Страшная отвѣтственность!

И всякій добросовѣстный человѣкъ долженъ со страхомъ обращаться къ себѣ съ этими вопросами, и никто не осмѣлится отвѣчать съ увѣренностью, что можетъ расплатиться сполна, и что онъ исполнилъ урокъ ему заданный.

Никто святой человѣкъ не можетъ сказать о себѣ: я дѣлалъ именно то, что долженъ былъ дѣлать.

Аще ты, Господи, назриши, кто постоитъ?

Вотъ почему самые праведники, Печерскіе угодники, Ѳомы Кемпійскіе, плакали о грѣхахъ своихъ, и надѣялись только на милосердіе Божіе.

Какъ-же исполнить задачу свою? Какъ сдѣлать свое дѣло? Господи, научи насъ творити волю Твою!

Намъ данъ образецъ и идеалъ въ Евангеліи: къ нему и должны мы стремиться по мочи-по силѣ, стараться, по крайней мѣрѣ, быть лучше въ середу, чѣмъ были во вторникъ, по выраженію Карамзина, и вѣрить.

Умъ не удовлетворяетъ нашей пытливости: такъ что-же остается кромѣ *Вѣры*?

Станешь озираться и разсуждать,— съ одной стороны (въ области ума), глубина недосягаемая безъ дна, и мракъ. Оборотись на другую сторону (въ область вѣры): тамъ что-то свѣтится

Вдали, въ мерцаніи багряномъ.

Какая самая большая жертва, которую можетъ принести человѣкъ, умъ? Вѣра.

Потому-то и велики слова Пресвятой Дѣвы Маріи: буди мнѣ по глаголу Твоему. Этихъ словъ ожидалъ весь древній міръ, и за ними послѣдовало рожденіе Спасителя.

Вотъ нашъ идеалъ въ этомъ отношеніи, вотъ что можемъ мы дѣлать здѣсь: вѣрить и предаваться въ волю Божію.

Казалось-бы это очень легко при сознаваемой ограниченности разума и невозможности постигнуть окружающія тайны.

Нѣтъ, это всего труднѣе; въ ушахъ нашихъ какъ будто раздаются еще льстивыя слова искусителя: „и вы бози будете,“—и человѣкъ, отвергая Бога, создаетъ себѣ богиню Разума, которой такъ или иначе поклоняется, ругаясь надъ вѣрою.

Здѣсь опять доказательства грѣхопаденія, (которое въ насъ продолжается), поврежденнаго естества нашего!

Блаженъ, кто вѣруетъ! Напрасно кощунство издѣвается надъ этой глубокой истиной!

Блажени невидящіе и вѣрующіе, сказалъ Спаситель Ѳомѣ, открывая ему однакожъ Свои язвы, и дозволяя вложить туда его персты.

Умъ имѣетъ свою область, ну тамъ онъ и хозяйничай, но онъ забѣгаетъ, отъ нечего, видно, дѣлать, и въ другую область — область вѣры, и тамъ силится объяснить предметы ея, или опровергнуть, и, немогій въ зубъ толконуть, негодуетъ, бѣснуется и богохульствуетъ.

Въ области вѣры все непостижимо. Нечего туда и соваться уму. Нечего слѣпому толковать о цвѣтахъ и глухому о звукахъ.

Притязанія ума предусмотрѣны и осуждены давно. „Погублю мудрость мудрецовъ, и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ мудрецъ, гдѣ книжникъ вѣка сего?

Не обратилъ-ли Богъ мудрость вѣка сего въ безуміе? Ибо когда міръ (своею) мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу безуміемъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Ибо и Іудеи требуютъ чудесъ и Еллины ищутъ мудрости. А мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе; для самихъ-же призванныхъ, Іудеевъ и Еллиновъ, Христа, Божію силу и Божію премудрость. Потому что безумное Божіе мудрѣе человѣковъ, и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ.“ 1 Кор. 19—25.

Что мы понимаемъ, для того вѣры не нужно. Вѣра можетъ относиться только къ тому, чего понять нельзя.

Еслибъ все было ясно, то не было-бы и тайны, не было-бы и вѣры, не было-бы и заслуги, не зачѣмъ-бы было и жить.

Надо погрузиться безусловно въ бездну любви Божіей, и молиться о прозрѣніи сердечномъ.

Вѣра, говорятъ, есть даръ Божій: Богъ даетъ ее, кому хочетъ.

Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!

Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь.

Взглянемъ на настоящее положеніе Европейскаго *человѣка*, на *общество*, въ которомъ онъ находится, на *государство*, котораго онъ состоитъ членомъ.

Начнемъ съ государства.

Между тѣмъ какъ всѣ звѣды-міры повинуются своимъ законамъ, и носятся въ воздушныхъ пространствахъ, не задѣвая ни на волосъ чужой атмосферы, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ мы видимъ только одно замѣшательство, или пересыпанье изъ пустаго въ порожнее, или обманчивый призракъ, личину спокойствія, подъ которой тлѣютъ искры, копышатся черви, и ростетъ неудовольствіе.

Объ чемъ заботятся правительства? Прежде всего о своей силѣ, вліяніи, могуществѣ, распространеніи границъ. 255 государствъ, сосчиталъ какой-то ученый нѣмецъ, было въ древней Греціи; сколько находится теперь на свѣтѣ? А какія-же изъ нихъ, прошедшихъ и настоящихъ, должно счесть благоустроенными? Какія соотвѣтствуютъ требованіямъ разума даже на настоящей его степени?

Войны, войны кровопролитныя и неистовыя, опустошаютъ Древній свѣтъ, какъ и Новый.

Неужели онѣ показываютъ высокую степень просвѣщенія человѣческаго?

Пять лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ милліонъ стоялъ противъ милліона единоплеменниковъ, и бился не на животъ, а на смерть.

Крымскую войну вела Европа противъ Россіи съ цѣлію отбросить ее на 150 лѣтъ назадъ.

Что сказать о такихъ выходкахъ, какъ походъ въ Мексику, отнятіе у Даніи роднаго Шлезвига?

А внѣшняя политика Англіи, незнающая ничего кромѣ своихъ выгодъ, доказавшая это блистательною благодарностью Франціи за всѣ ея услуги и одолженія, и внутренняя, допускающая нѣсколько семействъ пользоваться доходами всей земли, а девять десятыхъ населенія бороться съ голодомъ, питаться милостынею и работать съ дѣтскаго возраста не по силамъ?!

Объ Австріи, которая вертится, какъ бѣсъ передъ заутреней, говорить нечего.

Съ какими неистовствами соединена была война съ Французами Пруссаковъ, знающихъ по латыни и по гречески, и переписывающихся, пожалуй, хоть по санскритски? Что сказать о восторгѣ всѣхъ ученыхъ нѣмцевъ, философовъ и эстетиковъ, поэтовъ и музыкантовъ? Одинъ Якоби возвысилъ свой голосъ, — и той бѣ Самарянинъ.

Не говорю о присоединеніи Альзаса и Лотарингіи къ Германіи, о медіатизаціи Южно-Германскихъ и прочихъ владѣній.

Франція показала въ послѣднее время во очію, какъ глубоко она упала, да и теперь, принужденная платить милліарды съ процентами, и содержать на своей землѣ чужестранное войско, связанная, такъ сказать, по рукамъ и ногамъ, она никакъ не можетъ успокоиться и раздирается своими партіями. Самые умные люди, избранные изъ самаго умнаго народа, мѣшаютъ только другъ другу въ палатѣ, и ослабляютъ правительство. Коммуна показала, до чего могутъ дойти разнузданныя страсти.

Что сказать объ отношеніяхъ Европы къ Турціи и племенамъ Славянскимъ, которыхъ считается до 30-ти милліоновъ, и которыя обречены стенать подъ чуждымъ для нихъ игомъ, а магометанская Турція процвѣтаетъ въ срединѣ Европы?

А прочія-то страны свѣта, Азія, Африка, Америка, съ своими дикими?

И Европа хвалится своимъ просвѣщеніемъ?

Есть чѣмъ хвалиться!

Обращаемся къ общественнымъ вопросамъ.

Чего достигли люди? Они составили сильныя государства, воздвигли великолѣпныя зданія, познакомились отчасти съ природою, подчинили себѣ ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, разнообразили свою пищу, и питье, сообщили имъ разныя пряности изъ всѣхъ частей свѣта, одѣлись въ бархатъ, атласъ и кружево,

загромоздили свои жилища тысячами ненужныхъ дорогихъ предметовъ, усладили свое зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе, выучились разнымъ искусствамъ и мастерствамъ, въ сущности не нужнымъ, — а страсти у нихъ остались тѣже, что были при первомъ основаніи гражданскихъ обществъ, или даже въ началѣ человѣческаго рода.

Каинъ убилъ брата своего Авеля дубиною, а Шаспо, Армстронгъ, Крупъ, бьютъ нынѣ людей на повалъ тысячами. Передовыя просвѣщенныя правительства огромными наградами поощряютъ къ новымъ изобрѣтеніямъ, какъ бы въ данную минуту бить людей еще больше!

Какъ люди еще слѣпы, не смотря на свой умъ, и на всѣ изобрѣтенные телескопы! До какихъ скудныхъ результатовъ дошли они, какой нравственный капиталъ нажили, что за тощіе безвкусные плоды добыты ими, впродолженіи пяти-шести извѣстныхъ тысячъ лѣтъ ихъ существованія: удовлетвореніе насущныхъ нуждъ, удобства, облегченія! И все для тѣла, а много-ли для души? Что для спокойствія, для счастія?

Да и тѣ тощіе плоды, которые удалось выработать, достаются только ничтожнѣйшему меньшинству изъ совокупности всего рода человѣческаго, а прочіе

осуждены на тягчайшія работы для этого меньшинства, и съ голодомъ пополамъ, тянутъ свою жизнь кое-какъ и мыкаютъ свое горе.

Люди устремились теперь въ просвѣщенныхъ такъ называемыхъ государствахъ, чтобы производить, наживать деньги, собирать средства, чтобъ жить, содержаться, и изъ-за средствъ потеряли изъ виду цѣль, какъ будто ея и небыло, изъ-за денегъ позабыли всѣ существенные вопросы и задачи жизни; покланяясь золотому тельцу, перестали думать о Богѣ — а Моисѣевъ не находится!

Средства — на что нужны средства? Существенныя нужды такъ ограничены! Но каковъ-же духовный или умственный уровень государствъ, или государственнаго такъ называемаго хозяйства, что не умѣетъ доставить средства всѣмъ своимъ подданнымъ даже для утоленія ихъ голода и жажды! А сколько изобрѣтено машинъ, сколько сложныхъ механизмовъ, изъ тысячей веретенъ, изъ тысячей пружинъ, колесъ и звеньевъ состоящихъ!

Умственное, техническое образованіе — это другое дѣло. При высшемъ, умственномъ образованіи можно остаться съ каменнымъ сердцемъ и необузданными страстями, и сохранить самые низкіе инстинкты

Джентельменъ, носящій бѣлыя перчатки, знакомый коротко со всѣми тонкостями этикета, законами приличія, и отличающійся галантерейнымъ обращеніемъ, можетъ внутренно оставаться дикимъ звѣремъ, и не понимать простыхъ правилъ нравственности.

Совершенствованіе,—но чѣмъ оно обнаруживается, и чѣмъ доказывается? Больше всего тѣломъ или для тѣла, и въ обратномъ отношеніи къ душѣ. Тѣло пріобрѣтаетъ какъ будто на счетъ души. Нелѣпости въ томъ, что относится до души, встрѣчаются невѣроятныя, хоть и не кажутся такими для привыкшихъ глазъ. Мы сроднились съ больничнымъ воздухомъ.

Политики, дипломаты, — пожалуй и ученые, художники, поэты, достигли до высокой степени въ своихъ искусствахъ, а искусство жить, а искусство управлять съ высшей нравственной цѣлію, и даже съ хозяйственной, едвали гдѣ цвѣтетъ, или даже существуетъ: живутъ люди, какъ живется, на удачу, а правительства рады, если удается, переставляя цыфры, представить бюджетъ безъ дефицита!

Образованное сословіе — это узоры, арабески, вышитые по темной землѣ, по темному фону, какъ говорятъ нынѣ по варварски, занимающіе ничтожную часть грубой ткани! Что сказать объ ученомъ сословіи, равно какъ и о духовномъ? Много-ли онѣ отличаются отъ прочихъ, говоря вообще?

Какъ живутъ высшіе классы? Порѣшивъ со злобою дня, или съ такъ называемыми текущими дѣлами, а иные и безъ дѣлъ, подписавъ нетерпящія отлагательства бумаги, они думаютъ о томъ только, чтобы послаще наѣсться и напиться, понарядніе одѣться, пошибче прокатиться, повеселѣе повеселиться, и спокойнѣе опочить на незаслуженныхъ лаврахъ, въ своей спальнѣ, а чаще въ будуарѣ дорогой и прелестной камеліи.

Купечество погружено въ бездну торговыхъ разсчетовъ, и при направленіи зрѣнія въ эту сторону, съ трудомъ видитъ что нибудь вокругъ.

А какъ живетъ на западѣ простой народъ, т. е. $^{99}/_{100}$ всего человѣческаго рода, который изъ за хлѣба, часто безъ соли, работаетъ, пользуясь только droit de travail!

А какова бываетъ эта работа: въ рудокопняхъ и каменоломняхъ, на фабрикахъ и заводахъ, на корабляхъ и пароходахъ, у охотниковъ и рыболововъ, — страшно посмотрѣть бываетъ на этихъ вольныхъ-невольныхъ мучениковъ. И какъ подумаешь, что доставляется этою работою? Чесо ради гибель сія бысть? Для удовлетворенія роскоши, а не нужды, для исполненія прихотей, безъ которыхъ слѣдовательно легко бы обойдтись изнѣженному и избалованному богатству.

Къ какимъ преступленіямъ побуждаетъ его часто нужда? Кто думаетъ объ этихъ преступленіяхъ, кромѣ судей уголовныхъ? И только въ послѣднее время между частными людьми начинаютъ бродить мысли объ его воспитаніи.

Больше всего думаютъ теперь и полагаютъ задачею доставить пролетаріямъ работу, чтобъ было имъ чѣмъ жить, то есть чтобъ общество получило безопасность съ этой стороны.

Но вотъ на Западѣ—голодъ начинаетъ думать о войнѣ съ пресыщеніемъ. Страшная готовится борьба.* Кажется, естественно, справедливо, желать побѣды голоду, но нѣтъ, и этого нельзя. Такъ сложилась западная жизнь: голодъ-побѣдитель самъ пресытится въ свою очередь, и окажется еще тяжеле пресыщенія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ: онъ и объѣстся и обопьется такъ, что поставитъ все вверхъ дномъ, и надѣлаетъ такихъ дѣлъ, что святыхъ вонъ понеси, (если они гдѣ по угламъ останутся). Все древнее зданіе, подкопанное и подточенное, рухноло-бы тогда со всѣми своими статуями, карти-

* Припоминаю я одну каррикатуру, вышедшую въ началѣ толковъ о собственности. Стоятъ два господина, одинъ развеселый, другой печальный, съ поникшей головою, съ слезящими глазами: коммунистъ, получившій себѣ хорошій кусокъ при раздѣленіи собственности, и капиталистъ, который лишился своего имѣнія. Послѣдній спрашиваетъ съ грустію разбогатѣвшаго соперника «а если я сберегу свою часть и умножу трудами, а ты свою промотаешь, тогда что дѣлать?» Коммунистъ пришелъ на минуту въ недоумѣніе, но оправясь отвѣчаетъ рѣшительно: опять дѣлить!

нами и книгами, и покрыло-бы развалинами несчастныя страны такъ что возрожденія пришлось-бы человѣчеству ждать новые вѣка.

Парижская коммуна показала намъ маленькій образчикъ такого хода дѣлъ.

Ужасная перспектива, особенно для друзей и поклонниковъ теоріи общаго совершенствованія!

Нельзя желать побѣды голоду—такъ какъ же быть? Надо, чтобъ пресыщеніе само образумилось, увидѣло несправедливость, если и есть съ нею гражданская законность, своего положенія, и начало по доброй волѣ утолять голодъ хоть отъ крупицъ, падающихъ со своего стола, пока есть время, чтобъ не случилось послѣ плохо, то есть, надо, чтобъ пресыщеніе обратилось къ Евангелію, и послушалось словъ Спасителя: неимущему дай.* (Мы приходимъ къ этому

---

* Припоминаю кстати одинъ случай изъ стараго времени: покойный Иннокентій доставлялъ мнѣ иногда свои проповѣди для помѣщенія въ Москвитянинѣ. Въ проповѣди о веснѣ одно мѣсто, при исчисленіи благодѣяній Божіихъ, о предоставленіи Богомъ человѣку земли со всѣми угодьями, лѣсами, лугами, водами, показалось мнѣ двусмысленнымъ, и я побоялся, чтобъ его не растолковали въ пользу коммунизма, о которомъ тогда пошли у насъ толки. Я передалъ тотчасъ свое замѣчаніе въ Одессу къ Преосвященному, и онъ отвѣчалъ мнѣ: «исправьте, какъ хотите». Между тѣмъ проповѣдь возвратилась ко мнѣ изъ Троицкой цензуры вполнѣ пропущенная. Представлять ее вновь съ исправленіемъ въ цензуру, подумалъ я, отниметъ много времени. Цензура встрѣтитъ, можетъ быть, новыя затрудненія: лучше напечатать, какъ есть, авось замѣченное мѣсто пройдетъ безъ хлопотъ. Но оно не прошло. Въ Петербургѣ, говорятъ, мѣсто, совершенно невинное, обратило на себя вниманіе,

заключенію съ духовной, съ нравственной, съ умственной стороны. Къ этому заключенію приходимъ и съ политической, съ гражданской, съ общественной).

Есть люди, которые поняли ненормальное положеніе обществъ, со стороны политической. Въ ихъ жалобахъ и протестахъ есть много правды, искренней сердечной скорби. Но они предлагаютъ такія лекарства, которыя смертоноснѣе болѣзней, и сбираются строить новыя общества, какъ зданія, не на пескѣ, а на крови и въ грязи. Оборони насъ Боже!

Нравственнаго воспитанія нѣтъ нигдѣ. Самолюбіе, честолюбіе, корыстолюбіе, тщеславіе, ревность, зависть, развиваются какъ угодно, и даже съ содѣйствіемъ воспитателей. Учатъ законамъ, а не честности. Обогащаютъ знаніями, которыя накладываются во всѣ карманы, и пренебрегаютъ жизнію сердца, воли, и возведеніемъ ихъ по степенямъ выше и чище.

На Западѣ есть одно систематическое воспитаніе, въ нравственномъ смыслѣ, да и то іезуитское. А на Востокѣ?

а Князь Меньщиковъ отозвался объ Иннокентіѣ qu'il n,est pas très innocent. У Иннокентія потребовано объясненіе, и онъ, говорятъ, отвѣчалъ: «Я учу и училъ, всегда, чтобъ неимущимъ имущіе давали добровольно, но никогда не училъ, чтобъ неимущіе брали у имущихъ насильно. Я учу давать, а не брать». Для исторической точности замѣчу, что я не помню, спрашивалъ ли я послѣ Преосвященнаго о справедливоти этого слуха, и подтвердилъ ли онъ мнѣ его.

Вотъ каково было время, относительно цензуры, замѣчу я нашимъ прогрессистамъ. Пусть они посмотрятъ съ этой стороны на пятнадцати-лѣтнее изданіе Москвитянина 1841—1856.

И плоды блистательные приноситъ такой порядокъ вещей!

О нравственности не думаютъ, да и говорятъ мало, или говорятъ механически, по принятому обычаю. Аллокуціи самаго безгрѣшнаго Папы находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ его управленіемъ и образомъ жизни его кардиналовъ, развратомъ всего католическаго духовенства.

Поговоримъ о женщинахъ, которыя составляютъ половину человѣческаго рода: ихъ моды, которымъ приносятся такія жертвы, для которыхъ работаютъ милліоны людей, одни нынѣшніе шиньоны, одни хвосты, одни кринолины,—не могутъ-ли служить для какого нибудь посторонняго наблюдателя, напримѣръ съ луны, осязательнымъ доказательствомъ дѣтскаго состоянія обществъ или сумасшествія.

Женщины ищутъ правъ и вліянія на дѣла: да развѣ мало имъ дѣла при исполненіи обязанностей супружескихъ и материнскихъ, да развѣ мало имъ вліянія на своихъ мужей-министровъ, губернаторовъ и директоровъ? Женщины могутъ исполнять нѣкоторыя должности, — ну, мы и видимъ ихъ, во Франціи напримѣръ, въ гостинницахъ, въ конторахъ, въ театрахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на телеграфныхъ станціяхъ. Въ другихъ государствахъ это невошло еще въ обычай,—но войдетъ.

Писать, сочинять, рисовать, никто имъ не мѣшаетъ.

Доставленіе средствъ желающимъ учиться какимъ-бы то ни было наукамъ, медицинѣ, необходимо, и въ порядкѣ вещей, послѣдовало-бы непремѣнно само собою, безъ всякаго шума.

Всѣ эти замѣчанія относятся къ самымъ образованнымъ, передовымъ государствамъ Европы, которыя образцами представляютъ намъ Московскія Вѣдомости съ одной стороны, и Петербургскія съ другой, (крайности сходятся).

Поговоримъ теперь о людяхъ внѣ государственныхъ и общественныхъ отношеній

Всѣ люди гонятся за счастіемъ, трудятся въ потѣ лица, до истощенія силъ, ищутъ его вездѣ, на землѣ, подъ землею, въ водѣ, въ воздухѣ, и нигдѣ не находятъ. Было оно, говорятъ, въ Атлантидѣ, да она давно пропала съ миѳическимъ своимъ счастіемъ, и слѣда ея не осталось. Ходили охотники въ Эльдорадо за счастіемъ, но и тамъ его не оказалось, а въ Московскомъ Эльдорадо можно только плотно наѣсться и пьяно напиться, чтобъ встать на другой день съ больной головою. Въ Калифорнію бросились недавно охотники, но нашли тамъ золото, а не счастье. Въ фаланстеріяхъ коммунистовъ начались распри, и мормоны отказываются отъ своего вѣроученія.

Однимъ словомъ ни счастія, ни спокойствія, люди не имѣютъ нигдѣ, несмотря на всѣ усердные поиски, продолжающіеся тысячи лѣтъ. Что-же слѣдуетъ изъ этого? Слѣдствіе несомнѣнное: люди ищутъ счастія тамъ, гдѣ его нѣтъ, и быть не можетъ, а гдѣ оно есть предъ ихъ глазами, оттуда они, ослѣпленные, отворачиваются, и смѣются надъ тѣми немногими, которые здѣсь нашли его.

Какъ скудна жизнь! Для всѣхъ наслажденій мы имѣемъ какъ будто только образчики. Всѣ наслажденія непрочны, готовыя исчезнуть всякую минуту, или даже замѣниться сильнѣйшими огорченіями: любовь—измѣняетъ, да еще сопровождается иногда мученіями ревности, ослабѣваетъ. Дружба—на время, и часто до несчастья. Десяти лѣтъ не проживетъ ладно никакое общество. Здоровье—зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, кромѣ собственной вины. Слава — дымъ, безсмыслица, нелѣпость безъ мысли о безсмертіи, да и съ нею. Семейное счастіе ежеминутно подвергается опасностямъ болѣзни и смерти. Дѣти могутъ наносить родителямъ удары самые тяжелые. Нечего говорить объ животныхъ удовольствіяхъ, доставляемыхъ пищею и питьемъ; аппетитъ пропадаетъ вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія пищи и питья, которое влечетъ за собою подагру, хирагру и безсонницу...

Но люди такъ глубоко погрязли въ наслѣдственныхъ колеяхъ, по коимъ идутъ, что вовсе не думаютъ о своихъ безпрестанныхъ опасностяхъ, о непрочности всего земнаго, точно какъ о смерти и о неестественности своей жизни, о заблужденіяхъ, коимъ приносятъ жертвы, и никакъ не попадаютъ на мысль, что видно не такъ живутъ они, и не на то надѣются, на что надо.

Страшно подумать, что такое множество людей не задаютъ себѣ этого вопроса, и живутъ спустя рукава: день прошелъ и до нихъ дошелъ. Другіе хоть и задаютъ себѣ мимоходомъ вопросъ, но не заботятся объ исполненіи неизбѣжнаго отвѣта, а иногда и со всѣмъ забываютъ.

Иные какъ будто и вѣрятъ, говорятъ о Богѣ и о безсмертіи души, но это только слова, и вѣра ихъ хуже всякаго невѣрія: подъ эгидою этихъ словъ они успокоиваются и засыпаютъ, а жизнь ихъ остается внѣ вліянія божественныхъ истинъ.

Еще страшнѣе подумать, что большинство такъ называемой интеллигенціи, образованной части, смѣется надъ этими вопросами, и увлекаетъ за собою несчастную молодежь, для которой все дѣлается трынъ-травою и жизнь—копейкою!

Вотъ въ какомъ неудовлетворительномъ положеніи находится человѣкъ, общество, государство.

Неужели это положеніе нормальное?

Неужели непозволительно сказать, вслѣдъ за древними учителями, что міръ погрязаетъ во злѣ.

Припоминаются слова, повторенныя апостоломъ Павломъ изъ псалмовъ. (Къ Рим. III, 10—14).

„Нѣтъ праведнаго ни одного; нѣтъ разумѣвающаго; никто не ищетъ Бога; всѣ совратились съ пути, до одного негодны; нѣтъ дѣлающаго доброе, нѣтъ ни одного *). Гортань ихъ открытый гробъ; языкомъ своимъ обманываютъ; ядъ аспидовъ на губахъ ихъ **). Уста ихъ полны злословія и горечи ***). Ноги ихъ быстры на пролитіе крови; разрушеніе и пагуба на путяхъ ихъ ****); Они не знаютъ пути мира. Нѣтъ страха Божія предъ глазами ихъ *****).

Духовная, христіанская жизнь теплится только въ единицахъ, такъ какъ и во время оно:

„Много вдовъ было въ Израилѣ во дни Иліи, когда заключено было небо три года и шесть мѣсяцевъ, такъ что сдѣлался большой голодъ во всей землѣ, и ни къ одной изъ нихъ не былъ посланъ Илія, а только къ вдовѣ въ Сарепту Сидонскую. Много также было

---

*) Пс. XIII, 2, 3. **) Пс. VII, 139, 3. ***) Пс. IX, 24. ****) Прит. XI, 16. Ис. LIX, 7. *****) Ис. XXXV, 2.

прокаженныхъ въ Израилѣ при пророкѣ Елисеѣ, и ни одинъ изъ нихъ не очистился, кромѣ Неемана Сиріанина. *

Что-же дѣлать? Какъ-же жить?

Опять отвѣтъ прежній: какъ заповѣдалъ Іисусъ Христосъ: Ищите царствія Божія и вся прочая приложатся къ тому. Царствіе Божіе внутрь васъ есть.

„Ты еси Петръ, и на семъ камени (исповѣданіи Христовѣ) созижду церковь и врата адова не одолѣютъ ю.“

Понятіе о церкви изглаждается совершенно. Принадлежность къ церкви едвали у многихъ остается въ настоящемъ, первоначальномъ значеніи этого слова. Кто сознаетъ себя, чувствуетъ себя частію церкви, какъ единаго тѣла?

Наши достойные проповѣдники упускаютъ, кажется, изъ виду это явленіе.

Не могу удержаться, чтобъ, въ заключеніе своей простой рѣчи, не обратиться къ нашимъ доморощеннымъ философамъ и ихъ послѣдователямъ, (какъ обращался in petto двадцать лѣтъ назадъ, къ колобродившимъ студентамъ), и не сказать, о нихъ и для нихъ, два три слова.

---

* Помню, какъ въ ранней молодости моей поразила меня проповѣдь Массильона, переведенная Ястребцовымъ: о маломъ числѣ избранныхъ, съ восклицаніемъ по срединѣ: гдѣ вы, гдѣ вы?

Наши философы, нигилисты и прогрессисты, суть большею частію недоучившіеся студенты и озлобленные семинаристы, или диллетанты-самоучки.

Со всѣми науками, искусствами, теоріями, системами, политикою и всякою премудростію они познакомились какъ будто изъ телеграммъ, и, не дождавшись почты, пустились судить и рядить вкось и вкривь о всѣхъ великихъ задачахъ человѣческой жизни, о всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ государственнаго управленія.

Друзья мои! Подождать-бы вамъ почты: можетъ быть принесла-бъ она вамъ основанія болѣе твердыя и прочныя!

Студенты, о которыхъ упомянулъ выше, учились чему нибудь и какъ нибудь, но не имѣвъ терпѣнія, не доучились ни до чего, и вышли на свободу.

Семинаристы, стѣсненные по своимъ училищамъ, во всѣхъ движеніяхъ ума, сердца и воли, но съ изощренной діалектикой, съ искусствомъ логическаго фехтованья, кончивъ курсъ—срываются будто съ цѣпи, по выраженію Перевощикова, и пускаются во вся тяжкая. Для нихъ все равно: доказывать бытіе Бога или отвергать, и они начали отвергать тѣ или другія общепринятыя истины, потому что статьи такого рода цѣнились на ту пору выше на журнальной биржѣ. У кого способности были побойчѣе,—ну и пошла писать,

парафразируя новыя книжки, французскія и нѣмецкія, какъ Бѣлинскій парафразировалъ Пушкина и Гоголя, и Добролюбовъ Островскаго, разпространяясь на доставляемыя ими темы, съ бо́льшимъ или меньшимъ талантомъ, съ бо́льшей или меньшей горечью и желчью, которыя такъ пришлись по вкусу новому поколѣнію. Это—учители, а учениковъ, слушателей, прихвосней, попугаевъ, никогда не оберешься, когда проповѣдуешь отрицаніе, сомнѣніе, неудовольствіе, когда становишься въ оппозицію и предлагаешь протестъ,—и вотъ раздаются безконечные отголоски по журналамъ и газетамъ, разносятся міазмы по губерніямъ и уѣздамъ, чѣмъ дальше, тѣмъ злокачественнѣе. Пагубное повѣтріе разпространяется, и собирается Панургово стадо. Молодежъ заражается больше и больше нравственною оспой, скорлатиной, и даже холерой. Лѣкарей мало по призванію, или они боятся выступить на сцену, а если находятся какіе незваные, то вгоняютъ болѣзнь внутрь, или увеличиваютъ, усердствуя не по разуму. А сколько есть опасностей для болѣзней этого рода, съ той и другой стороны, съ правой и лѣвой, опасностей, которыя дѣлаютъ ихъ хроническими изъ острыхъ,—и вотъ происходятъ Базаровы и Волоховы, померзѣе сочиненныхъ Тургеневымъ и Гончаровымъ. Зараза коснулась и дѣвушекъ: онѣ первымъ шагомъ на пути прогресса считаютъ обрѣзать себѣ косу, и поднять

голосъ съ требованіемъ правъ, да и остаются многія, въ этомъ положеніи, на первомъ шагу, который дѣлается для нихъ послѣднимъ.

Такъ объясняются самоубійства, убійства, отравы, и всякія преступленія, о которыхъ мы читаемъ всякой день въ газетахъ, и къ которымъ прибѣгаютъ даже несовершеннолѣтніе.

Какія нелѣпости не выдаются этою сволочью, и всякая находитъ себѣ читателей и приверженцевъ! „Невольный трудъ есть также проституція", то есть такой трудъ, за который человѣкъ принимается не по доброй волѣ своей, сказалъ изъ нихъ кто-то, а за вольный трудъ, то есть за трудъ по доброй волѣ своей, приняться ему лѣнь, нѣтъ привычки, да нѣтъ и охоты, а иногда нѣтъ и способностей. Ну что-же ему дѣлать? Онъ и беретъ въ руки ножъ, и при малѣйшемъ искушеніи или возраженіи, препятствіи, неудачѣ, пускаетъ въ бокъ себѣ или досадителю.

Разумъ выше всего, восклицаютъ наши доморощеные философы, и то съ голоса. (Не вамъ бы говорить). Наука должна объяснить все! Вотъ назначеніе человѣка!

Да знаете ли вы, что̀ уразумѣлъ разумъ впродолженіи извѣстныхъ пяти-шести тысячъ лѣтъ?

Скажите по совѣсти: можете ли вы выдержать экзаменъ по программѣ гимназическаго курса? Ну хоть уѣзднаго училища?

Чѣмъ, скажите, занимаете вы свой разумъ, и что онъ производитъ, что произвелъ?

Вы пишете, какъ читалъ Гоголевъ Петрушка.

„Смертью все оканчивается, послѣ смерти ничего не будетъ“. Да почему вы это знаете? Какіе опыты убѣдили васъ въ этомъ? Изъ какихъ посылокъ вы дѣлаете это заключеніе? Кто изъ вашего ничтожества приходилъ повѣстить вамъ это? Еслибъ ничего и не было, то все таки утверждать это нѣтъ, по законамъ хоть логики, причины достаточной, нѣтъ никакого права.

Отвергая ту или другую непостижимость, вы какъ будто объясняете себѣ что нибудь больше, чѣмъ понимаютъ другіе, вы какъ будто уразумѣваете что нибудь о жизни или смерти. Дерзость равняется невѣжеству. Страшно становится за васъ и больно. Унасъ учреждаются по всѣмъ городамъ миссіонерскія общества, для обращенія Тунгусовъ и Алеутовъ, а дома на всѣхъ перекресткахъ шатаются отчаянные идолопоклонники, которые поклоняются, кто золотому тельцу, кто дикой обезьянѣ, кто косматому звѣрю съ хвостомъ, кто Бѣлинскому, кто Писареву, кто самому себѣ. О невѣжество!

Религіи для нихъ не существуетъ. Небо очищено, мы свели оттуда Бога, восклицаетъ одинъ изъ модныхъ философовъ, и за нимъ повторяютъ несчастные

юноши... Грустно, тяжело смотрѣть на нихъ, и омерзительно читать въ газетахъ и журналахъ статьи, которыя пахнутъ тѣмъ-же духомъ, и служатъ для нихъ ободреніемъ и оправданіемъ. Въ Германіи эти теоріи не приносятъ такого вреда, какъ у насъ. Тамъ другая организація и тѣла и души. Да и вообще Европейскіе ученые работаютъ, и оглашаютъ плоды своихъ трудовъ, какъ они при добросовѣстныхъ изслѣдованіяхъ имъ достаются, предъявляютъ свои заключенія своимъ братьямъ-ученымъ, которые ихъ разбираютъ, отвергаютъ, исправляютъ. Тамъ до сомнѣній, до отрицаній, доходятъ путемъ строгой науки, и послѣдователи, дилетанты, дойдя до края, до края бездны, потолкаются, потолкаются, да и опомнятся, выберутся на другую дорогу, и съ хорошими запасами, съ прежними трудами, съ пріобрѣтенными опытами, начнутъ другую жизнь. Тамъ разгульные студенты, откутивъ положенное время, перебѣсившись, дѣлаются строгими лютеранскими пасторами, а наши учители, и кольми паче ученики, хватаютъ вѣдь только вершки. Они вѣдь ничего не знаютъ, ничего съ толкомъ не читали, кромѣ Бѣлинскаго и Современника, (хороши наставники), ни о чемъ не думали основательно, а только болтали съ голоса, какъ попугаи или сороки, и потому въ минуту отрезвленія, если кому удастся отрезвиться, они оказываются

раками на мели; жизнь ихъ повреждена въ самомъ источникѣ, внутренности разъѣдаются полипомъ, и они встрѣчаютъ смерть въ мученіяхъ тѣлесныхъ и нравственныхъ. Напрасно Тургеневъ придалъ своему Базарову любовь къ наукѣ, и уморилъ его въ больницѣ отъ тифозной заразы: настоящій, нормальный Базаровъ долженъ, правда, умереть въ больницѣ, но отъ другой заразы.

Посмотрите на себя: Кто вы такіе? Что вы? Гдѣ учились? Что читали? Какъ провели жизнь? Что сдѣлали до сихъ поръ? Что испытали? Что имѣете за собою въ нравственномъ, умственномъ смыслѣ? Укажите мнѣ какую нибудь новую мысль даже у своихъ учителей: Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Писарева, о наукѣ, искусствѣ, человѣкѣ, государствѣ, политикѣ; —споры прикровенные съ бутошниками, возраженія квартальнымъ надзирателямъ и негодованіе на частныхъ приставовъ, въ той или въ другой формѣ, вотъ и все. Полевой роди Бѣлинскаго, какъ выразился вѣрно Дмитріевъ, Бѣлинскій роди Чернышевскаго, воздавшаго

---

* Вотъ почему переводы этихъ писателей вредны, и должны оставаться на своихъ языкахъ для ученыхъ, для образованныхъ читателей, а не для толпы, не для неопытной молодежи. Недавно прочелъ я въ газетахъ выраженіе страшнаго негодованія на какого то директора, который исключилъ изъ гимназической библіотеки нѣсколько подобныхъ сочиненій. Столичный прогрессистъ воскипѣлъ гнѣвомъ на это непростительное самоуправство, которому надобъ пожелать только подражателей.

ему за то апотеозомъ, Чернышевскій роди Писарева, который дошелъ до нельзя, до нелѣпостей, а вы парафразируете и пересказываете ихъ докучную сказку.

Смотря на солнце, на мѣсяцъ, на всѣ эти безчисленныя звѣзды, воображая міры, кто не чувствуетъ священнаго трепета во всѣхъ жилахъ своихъ? Погружаясь въ размышленіе о жизни и смерти, кто не поникнетъ главою предъ ихъ таинствами,—а вы, несчастные, не только живете смѣло, но колобродите и колобредите еще смѣлѣе, и въ полномъ удовольствіи богохульствуете! Это можно объяснить только дѣтствомъ, которое не знаетъ края, забавляется съ огнемъ, и играетъ надъ бездною,—только невѣжествомъ, съ которымъ, говоря стихами Пушкина, толпа плюетъ на алтарь, гдѣ горитъ (священный) огонь, и въ дѣтской рѣзвости колеблетъ (таинственный) треножникъ.

Вы не трогаетесь никакими чудесами природы, вамъ пріятнѣе всякихъ полетовъ за млечный путь копаться во внутренностяхъ лягушекъ. Вы разпотрошили ихъ до послѣднихъ суставчиковъ: экая сладость, что въ ротъ, то спасибо! Вы превратили въ плоть и кровь драгоцѣнные для васъ результаты послѣднихъ изслѣдованій науки: родство человѣка съ обезьяною доказано для васъ какъ дважды два четыре! Вы матерія, вещество! Прекрасно—вамъ остается

броситься въ болото * къ любезнымъ для васъ лягушкамъ, или утекать до лѣсу въ общество разнообразнѣйшихъ, со всякими хвостами, со всякими лапами, со всякими клыками, и со всякими рылами, обезьянъ! Что за привольная, разгульная свободная жизнь! Какая интересная компанія! Съ Богомъ! Но вы обижаетесь такимъ выраженіемъ? Ну такъ съ чортомъ,—этотъ спутникъ для васъ пріятнѣе?—счастливый путь!

Но что-же не строите вы храмъ своему косматому прародителю! Несчастные! Нашли себѣ въ великомъ Божіемъ мірѣ достойныхъ субъектовъ и объектовъ, братьевъ и сестеръ, пресловутыхъ предковъ!

Вамъ хочется доказать ничтожество! Ничтожество вы доказываете прекрасно, только,—собственное ваше, настоящее, пишучи статьи, издавая газеты и участвуя въ журналахъ, а доказать будущее ничтожество не удается и вашимъ пресловутымъ учителямъ!

Мольеровъ мѣщанинъ въ дворянствѣ очень смѣшенъ: онъ услаждается своимъ новымъ положеніемъ, прикидываясь равнодушнымъ,—задаетъ высшіе тоны, стараясь быть естественнымъ,—но ему неловко, и изъ

---

* Аще изгониши ны, повели намъ ити въ стадо свиное... Идите... и се устремися стадо все по брегу въ море и утопошася въ водахъ. Матѳ. VIII, 31, 31.

подъ лайковыхъ бѣлыхъ перчатокъ такъ и выказываются немытыя, заскорузлыя руки. Такъ и наши семинаристы, начитавшись французскихъ газетъ и нѣмецкихъ книжекъ, представляютъ себя не только прогрессистами, но и радикалами,—имъ кажется, что чортъ имъ не братъ, или лучше братъ, а внутренно они неключимые рабы и прирожденные деспоты, что явствуетъ изъ ихъ собственныхъ словопреній.

Есть критики, которые имѣютъ даръ видѣть только дурное въ высокихъ произведеніяхъ искусства, и, не понимая, не сознавая ихъ красоты, не наслаждаясь ими, они останавливаются на маловажныхъ пятнахъ, ничтожныхъ ошибкахъ, недостаткахъ: Крыловъ сравниваетъ ихъ съ свиньею, которая, роясь въ навозѣ на заднемъ дворѣ у богачей, спрашиваетъ съ досадою: да гдѣ же ихъ бисеръ и жемчугъ! Такъ точно близорукіе и легкомысленные совопросники схватываются за видимыя противорѣчія, или непонятныя, несогласныя съ общими понятіями вещи, напримѣръ, въ книгахъ Священнаго Писанія, и не обращаютъ вниманія на ихъ глубокое, таинственное содержаніе, и глумятся съ дерзостію.

Таково мое убѣжденіе, говоритъ кто нибудь. Но точно ли это есть его убѣжденіе? Не кажется-ли только такъ оно ему? Не есть-ли только это его мнѣніе,

даже съ вѣтру принятое? И въ этомъ трудно бываетъ намъ удостовѣриться, а иногда совсѣмъ невозможно. Такова человѣческая слабость, ограниченность вообще въ этомъ отношеніи, но наши смѣльчаки не останавливаются на такихъ опасеніяхъ, а закусивъ удила, бросаются, куда кривая ни вынесетъ, съ своими мнимыми убѣжденіями.

Иногда дѣйствуетъ или заставляетъ говорить только духъ противорѣчія, очень обыкновенный—отвергаютъ часто не положеніе, само по себѣ, а его утвержденіе. Одинъ скажетъ: да, а другой въ отвѣтъ ему: нѣтъ. Еслибъ первый отрицалъ, то второй сталъ бы утверждать, и лѣвая сторона сдѣлалась бы правою, какъ то случается съ партіями въ конституціонныхъ собраніяхъ *.

Для чего мы здѣсь живемъ, спрашивали-ль себя когда нибудь молодые витязи? Неможетъ быть, чтобъ мы обречены были на жизнь безъ цѣли! А если должна быть цѣль, то какая же? Въ чемъ слѣдуетъ полагать наслажденіе жизнію? Во вкусной пищѣ, въ хмѣльномъ питьѣ, въ прелестныхъ женщинахъ?

* Сейчасъ прочелъ я, въ примѣръ такаго движенія мыслей въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (№ 225, Августа 28), мѣсто въ рѣчи адвоката которое какъ разъ подходитъ подъ это замѣчаніе: «Еслибы (ему) первому пришло это въ голову», говоритъ защитникъ, «то онъ сталъ-бы настаивать на своемъ продолженіи, а такъ какъ это продолженіе его противника, то онъ отъ него отказывается.» Читатели понимаютъ что, приводя этотъ примѣръ я имѣю въ виду только пріемы состязателей, а отнюдь не предметъ ихъ состязанія.

Но вѣдь это наслажденія временныя, для извѣстныхъ возрастовъ, имѣющія свои предѣлы, за которыми слѣдуетъ отягченіе и разстройство желудка, головная боль, и истощеніе силъ. Притомъ это все наслажденія тѣла, которыя въ тоже время, или впослѣдствіи, сопровождаются огорченіями души, угрызеніями совѣсти. Какъ ни стараются доказать ваши учители, что тѣло есть вмѣстѣ и душа, но въ этомъ никакъ они не успѣютъ, и ежедневный опытъ представляетъ опроверженія ихъ положеніямъ.

Въ чемъ же считать наслажденіе души? Въ искусствѣ,—но вѣдь одно изъ вашихъ свѣтилъ—Писаревъ отдавалъ всѣ сочиненія Шекспира съ Пушкинымъ въ придачу за пару сапоговъ? Въ наукѣ—но вѣдь эти наслажденія даются въ удѣлъ немногимъ, и корень ученія признанъ единогласно горькимъ, а только плоды его сладки, да скоро-ли ихъ вамъ дождаться, и дождетеся ли? Въ исполненіи долга—а долгъ-то какъ вы докажете, и въ чемъ его назначите? Гдѣ-же счастіе, гдѣ довольство?

Есть люди, которые говорятъ, гдѣ можно найдти его, но вы отъ нихъ отворачиваетесь, и называете ихъ отсталыми или фанатиками. Очистите чувствія, говорятъ они вамъ, и узрите, а у васъ въ глазахъ туманъ и въ головѣ чадъ, угаръ, который никогда

не проходитъ. Ибо, если вино затемняетъ разсудокъ, то неужели страсти оказываютъ меньше такого вліянія? Разумѣется-не меньше, а больше. Вздоръ, неправда, восклицаютъ нигилисты. Ну да попробуйте пожить, какъ живутъ святые люди, а говорить съ плеча, что это вздоръ, не сдѣлавъ опыта, есть только дѣтское безразсудство и дерзость.

Какъ живутъ и умираютъ истинные христіане, о которыхъ дошло вѣрное преданіе, которые, слава Богу, не перевелись еще и въ наше время? (Нынѣшніе примѣры рѣже, или остаются дольше подъ спудомъ). Какъ живутъ и умираютъ прогрессисты или нигилисты? Припомните хоть исторію вашихъ, несчастной памяти, предшественниковъ!

Отрѣшимся отъ всего настоящаго и перенесемся въ область отвлеченностей. Вы живете,—какую цѣль имѣетъ жизнь по вашему предположенію? Счастіе. Вы считаете свою систему, свое ученіе, путемъ къ этому счастію; отъ вашей системы и отъ вашего ученія зависитъ будущее блаженство человѣческаго рода. Вы желаете снабдить имъ своихъ соотечественниковъ. Такъ ли? Ну да счастливы-ли вы сами? Пропитавшись своимъ ученіемъ, навязывая его съ такимъ усердіемъ всякому встрѣчному, вы сами должны, разумѣется, исполнять строго его правила, и

вслѣдствіе того утопать въ блаженствѣ. А такъ-ли это въ самомъ дѣлѣ? Что-же тому за причина? Кто и что вамъ мѣшаетъ?

Вы осуждаете толпу, большинство, вы отвергаете всякое преданіе, вы считаете себя передовыми людьми, стоя на высотѣ, запѣвалами прогресса. Вы хотите проповѣдывать новый уставъ жизни, вы хотите учить, какъ люди должны жить и вести себя; вы хотите распространять новые нравственные законы, преподать истинную науку жизни. Признайтесь однакожъ по совѣсти, что, принимая на себя эту обязанность, вы невольно краснѣете, если обращаетесь на себя, и разсматриваете безпристрастно, какова ваша настоящая жизнь и нравственность. Положите руку на сердце, и отвѣчайте: ваше ученіе имѣетъ ли вліяніе на вашу жизнь, на вашъ образъ дѣйствій, на спокойствіе вашего духа? Вы отвергающіе, отрицающіе, живете лучше ли другихъ принимающихъ, утверждающихъ? Не много ли дѣла должна имѣть съ вами исправительная полиція, не говоря уже о высшей инстанціи абсолютнаго суда и естественной справедливости. Надѣетесь ли вы успѣть далѣе, работая надъ собою впродолженіи жизни? Едвали, да и незамѣтно, чтобъ вы о томъ думали. Учители ваши или предшественники кусаютъ локоть тѣ, которые остались въ живыхъ послѣ несчастныхъ своихъ опытовъ, но не достанутъ его? Разочарованные. развинченные,

одряхлѣвшіе, шатаются они, какъ тѣни, а покойники, живя не людьми, по пословицѣ, умерли не родителями, и жестоко поплатились за свои заблужденія. Герценъ, Герценъ, который былъ умнѣе, даровитѣе всѣхъ, гигантъ между вами, какъ окончилъ онъ жизнь свою? Слава Богу, что онъ успѣлъ еще сознаться въ нѣкоторыхъ своихъ заблужденіяхъ. А вы-то что? Слѣдовательно ученіе ваше нетолько не приноситъ никому пользы, ни въ какомъ смыслѣ, на практикѣ, въ дѣйствительности, въ жизни, на перекоръ теоріи, но приноситъ великій вредъ, начиная съ васъ самихъ. Вы только что пишете, пустомелите или пустозвоните, а люди ниже васъ, ограниченнѣе васъ, толпа, неопытная молодежъ, въ уѣздахъ, по гимназіямъ, читаютъ и рукоплещутъ, пока не постигнетъ ихъ таже участь, и они заплачутъ горько о потраченныхъ силахъ, объ испорченной жизни, и страшной судьбѣ.

Вы толкуете о долгѣ. Но кто-же будетъ исполнять приказываемое вашимъ долгомъ, начиная съ васъ самихъ, учителей? Вашему товарищу понравилась ваша жена, а вамъ его сестра. Должно вѣдь тотчасъ сдѣлаться, какъ мы хотимъ, а чуть не по насъ, взводится курокъ! Украсть, обмануть, солгать, обольстить, вѣдь это все возможно, позволительно, для удовлетворенія своихъ желаній, которыя однѣ имѣютъ законное право на землѣ, и не терпятъ никакого возраженія, по той же системѣ!

Попытайтесь составить систему изъ вашихъ положеній: вы сами удивитесь безобразію этого цѣлаго, безобразію, которое для васъ непримѣтно въ благовидной формѣ возраженій на настоящія вѣрованія.

Что дѣлать съ вашею системою? Преподавать ее въ училищахъ? Ученики, какъ подростутъ, прибьютъ учителей. Вы образумите ихъ развѣ съ трудомъ, и то немногихъ, черезъ долгое время.

А сколько времени пройдетъ, пока можно устроить вамъ, оборони Боже, такія училища?

Вы думаете переучить взрослыхъ? Переученные съ половины дороги поставятъ все вверхъ дномъ. Чѣмъ можно остановить ихъ?

Прежде, чѣмъ лучшая часть системы будемъ выразумлена, т. е. понятіе о долгѣ, невѣжественная толпа ухватится за худшую, и, отрицая Бога, Промыслъ, безсмертіе, пустится во вся тяжкая. Каково положеніе общества!

При вашей посредственности и бездарности, авось, Богъ дастъ, обратить вамъ не удастся многихъ, кромѣ той обреченной сволочи, которая и теперь около васъ трется, думая составлять съ вами авангардъ прогресса,—но вѣдь и ея жалко!

Друзья мои! Бросьте пустыя, душевредныя для православныхъ вашихъ соотечественниковъ, умничанья!

Примитесь за дѣло, поучитесь хорошенько естественной исторіи, посидите побольше надъ человѣческою, походите въ классы физики, посмотрите на опыты химіи, послушайте лекцій астрономическихъ, поучитесь вообще, вникнете въ Евангеліе — и вы, покрайней мѣрѣ добросовѣстные изъ васъ, иже къ просвѣщенію, вы почувствуете вѣрно новое въ сердцѣ своемъ, и вспомните діаконскій возгласъ, если въ дѣтствѣ бывали когда въ церкви: Премудрость, прòсти! А я посовѣтую вамъ воскликнуть: Премудрость, прòсти! и сѣсть за указку, начавъ: азъ, буки, вѣди, а потомъ приняться за и псалтырь: „*Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалище губителей не сѣде. Но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ его поучится день и нощь.*“

Мы разсуждали почти a priori, занимались отвлеченностями, носились въ областяхъ ума и слова: опустимся теперь на землю, и разскажемъ нѣсколько событій, дѣйствительныхъ, *засвидѣтельствованныхъ* строжайшей критикою, — событій, коихъ нельзя никоимъ образомъ пріурочить къ природѣ вещественной и отнести къ ея дѣйствіямъ; коихъ нельзя подвести ни подъ какіе законы, нельзя объяснить никакою наукою и никакою системою.

Опровергнуть эти событія нѣтъ разумнаго основанія: это неоспоримые факты, какъ говорится по варварски, были, дѣла; отрицать же безусловно было бы крайнимъ невѣжествомъ, или дикимъ упрямствомъ, съ которымъ Чванкина въ комедіи Княжнина говорила: „хоть вижу, да не вѣрю.“

Нѣкоторые случаи были со мною, но я разсказываю ихъ, не прося принимать на вѣру, а приводя вещественныя доказательства; другія слышалъ я отъ своихъ знакомыхъ, людей достовѣрныхъ; третьи привожу изъ печатныхъ источниковъ, — всѣ съ доказательствами, сколько найдти было можно.

Понятно, что въ этой области, или въ разсказахъ этого рода, очень обыкновенныхъ, бываетъ много выдумокъ, обмановъ, лжей, злоупотребленій, часто играетъ фантазія и воображеніе; понятно, что здѣсь нужна еще болѣе нежели гдѣ нибудь великая осторожность и разборчивость. Но я думаю, что одно подобное событіе, со всѣхъ сторонъ засвидѣтельствованное, строго изслѣдованное, доказанное критически, имѣетъ великую важность,—и нельзя считать иначе, какъ особеннымъ счастіемъ въ жизни, узнать такое событіе, и вполнѣ удостовѣриться въ его истинѣ; оно поведетъ къ многимъ заключеніямъ, ибо всѣ важнѣйшіе для человѣка вопросы соединены между собою неразрывными узами, и какой бы то ни было изъ нихъ, по необходимости признанный, заставляетъ принять прочіе, и убѣдиться, что есть *что то*, кромѣ того, что мы знаемъ посредствомъ своихъ чувствъ, о чемъ, по замѣчанію Шекспира, и не пригрезивается философіи.

Доморощеные наши прогрессисты непринимаютъ такихъ явленій, и если немогутъ отвергнуть ихъ существованія, то относятъ ихъ къ разряду случаевъ. Имъ напомню я кстати слѣдующія слова ихъ любимца, Писарева, изъ его изложенія системы Дарвиновой:

„Случая въ природѣ нѣтъ, потому что все совершается по законамъ, и всякое дѣйствіе имѣетъ свою

причину; когда мы незнаемъ закона и не видимъ причины, тогда мы произносимъ слово „случай“, и произносимъ его всегда не кстати, потому что это слово никогда не выражаетъ ничего, кромѣ нашего незнанія, и притомъ такого незнанія, котораго мы сами несознаемъ.“ Сочиненія Писарева VI, с. 102.

„Если человѣкъ чего нибудь незнаетъ, то онъ въ одну минуту или выдумаетъ что нибудь, или увѣритъ себя, что *тутъ и знать нечего*. Незнаетъ происхожденія породы, значитъ и небыло никакого происхожденія, всегда была порода съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ; незнаетъ развитія породы—значитъ и нѣтъ никакого развитія: всѣ породы неизмѣнны и неподвижны. А живая-то жизнь сейчасъ тутъ же и прихлопнетъ человѣка, и уличитъ въ *безтолковомъ и самонадѣянномъ* враньѣ неопровержимыми фактами,“ V., с. 125,

которые здѣсь и представляются.

Собраніе такихъ фактовъ, (иные въ нѣсколькихъ экземплярахъ), убѣжденіе въ ихъ дѣйствительности, историческомъ такъ сказать существованіи, заставитъ, надѣюсь, задуматься всякаго безпристрастнаго, непредубѣжденнаго человѣка, который ищетъ истины, безъ заднихъ мыслей.

Странная смерть Василія Никитича Татищева *.

Современное описаніе.

Во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, Тайный совѣтникъ Василій Никитичъ Татищевъ, по ложнымъ на него доносамъ, жилъ подъ стражею въ своей подмосковной отчинѣ Клинскаго уѣзда, въ сельцѣ Болдинѣ, при которомъ находились сенатской роты солдаты для стражи. Съ нимъ жилъ внукъ его Ростиславъ Евграфовичъ Татищевъ, (отъ котораго я, говоритъ описатель, сіе повѣствованіе слышалъ). Сей Василій Никитичъ, почувствовавъ слабость своего здоровья, писалъ къ сыну своему, Евграфу Васильевичу, находившемуся тогда въ Москвѣ, чтобы онъ пріѣхалъ къ нему въ Болдино съ первой тогда его женою, для отданія ему послѣдняго долга.

Наканунѣ своей смерти Василій Никитичъ поѣхалъ верхомъ, взявъ съ собою и вышеписаннаго своего внука верхомъ же, къ слушанію Божественной литургіи въ приходскую церковь, находящуюся въ трехъ верстахъ, въ селѣ, куда приказалъ явиться мастеровымъ людямъ съ лопатками.

По отслушаніи литургіи, взявъ священника на погостъ, показалъ ему, гдѣ лежатъ тѣла его предковъ и родителей, и избравъ

---

* В. Н. Татищевъ, одинъ изъ молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для обученія, сочинитель первой Россійской исторіи, издатель Русской Правды и Судебника, губернаторъ и устроитель Оренбургскій, потомъ Астраханскій, былъ, по преданію, извѣстенъ въ молодости своимъ вольнодумствомъ.

порожнее подлѣ ихъ мѣсто, приказалъ рабочимъ людямъ готовить для себя могилу. (Возвращаясь) онъ хотѣлъ было опять сѣсть на лошадь, но не былъ въ силахъ, а сѣлъ уже въ одноколку и съ вышеписаннымъ же своимъ внукомъ, приказавъ священнику на завтра пріѣхать къ себѣ для исповѣди его и со Святыми Дарами, и такъ же чтобы пригласилъ съ собою священниковъ, назнача самъ оныхъ для соборованія его масломъ, и потомъ возвратился домой. Тамъ нашелъ присланнаго изъ Петербурга курьера съ указомъ отъ Императрицы, что онъ найденъ невиннымъ, и присланъ ему орденъ св. Александра Невскаго. Василій Никитичъ, написавъ благодарительное письмо къ Государынѣ, отослалъ орденъ назадъ потому, что уже приблизился конецъ его жизни, и отпустилъ присланнаго. Тогда же снята была находившаяся при немъ стража.

Въ вечеру, когда по обыкновенію пришелъ къ нему поваръ французъ для полученія приказанія, что готовить на слѣдующій день, то онъ сказалъ повару, что, „уже я болѣе не хозяинъ вашъ, но гость, а вотъ хозяйка,“ указывая на свою невѣстку, Евграфа Васильевича жену, „она тебѣ прикажетъ, что надобно“, примолвилъ, что теленокъ начатъ, и есть изъ чего готовить.

На слѣдующій день священникъ со всемъ причтомъ въ назначенный часъ прибылъ, исповѣдовалъ его и причастилъ Святыхъ Таинъ.

Послѣ сего Василій Никитичъ приказалъ призвать сына своего Евграфа Васильевича съ женою, и съ сыномъ ихъ Ростиславомъ Евграфовичемъ, простился съ ними, сдѣлалъ имъ нѣкоторыя приказанія и наставленія; призвалъ всѣхъ находившихся при немъ людей, простился и съ ними, наконецъ приказалъ начать дѣйствіе соборованія масломъ, и при чтеніи седьмаго Евангелія скончался на 76-мъ году жизни своей,

приказавъ напередъ, что когда примѣтятъ, что его душа будетъ разставаться съ тѣломъ, то чтобы не дѣлали никакого шуму, дабы не продлить мученія тѣла, когда оное разстается съ душею.

Когда хотѣли снять съ тѣла мѣрку для дѣланія гроба, то столяръ объявилъ что онъ уже, по повелѣнію покойнаго, давно сдѣланъ, подъ который ножки онъ покойный самъ точилъ."

Сонъ Ломоносова.

(изъ предисловія къ первому по смерти изданію его сочиненій, 1765 г.)

„На возвратномъ пути моремъ въ отечество, (изъ Германіи, гдѣ онъ учился), единожды приснилось ему, что видитъ выброшеннаго, по разбитіи корабля, отца своего на необитаемый островъ въ Ледяномъ морѣ, къ которому въ молодости своей бывалъ нѣкогда съ нимъ принесенъ бурею. Сія мечта впечатлѣлась въ его мысляхъ. Прибывъ въ Петербургъ, первое его попеченіе было навѣдаться отъ Архангелогородцевъ и Холмогорцевъ объ отцѣ своемъ. Нашелъ тамъ роднаго своего брата, и, услышавъ отъ него, что отецъ ихъ того же года, по первомъ вскрытіи водъ, отправился, по обыкновенію своему, въ море на рыбной промыселъ; что минуло уже тому четыре мясяца, и ни онъ, ниже кто другой изъ его артели, поѣхавшихъ съ нимъ, еще не воротились. Сказанный сонъ и братнія слова наполнили его крайнимъ безпокойствомъ. Принялъ намѣреніе проситься въ отпускъ, ѣхать искать отца на тотъ самый островъ, который видѣлъ во снѣ, чтобъ похоронить его съ достодолжною честію, если подлинно найдетъ тамъ тѣло его. Но обстоятельства не позволили ему произвесть намѣренія своего въ дѣйство. Принужденъ былъ

послать брата своего, давъ ему на дорогу денегъ, въ Холмогоры, съ письмомъ къ тамошней артели рыбаковъ, усильно ихъ въ оном прося, чтобы, при первомъ выѣздѣ на промыселъ, заѣхали къ острову, коего положеніе и видъ береговъ точно и подробно имъ писалъ; обыскали-бы по всѣмъ мѣстамъ, и если найдутъ тѣло отца его, такъ бы предали землѣ. Люди сіи не отреклись исполнить просьбы его, и въ ту же осень нашли подлинно тѣло Василья Ломоносова точно на томъ пустомъ островѣ, и погребли, возложивъ на могилу большой камень. Наступившею зимою былъ онъ о всемъ оном извѣщенъ."

(Разсказъ Ломоносова, записанный другомъ его Штелинымъ съ его словъ, находится у меня въ подлинникѣ).

Предвѣстіе о днѣ кончины Московскаго Митрополита Филарета.

„17-го Сентября, (Владыка Митрополитъ былъ въ это время въ Лаврѣ), по окончаніи ранней литургіи въ его домовой церкви, я явился къ нему," (свидѣтельствуетъ отецъ Архимандритъ Антоній), „съ обычнымъ, повторявшимся каждый день, докладомъ о состояніи обители. Онъ, послѣ моего доклада, говоритъ мнѣ: „ я нынѣ видѣлъ сонъ и мнѣ сказано: берегись 19 числа." На это я замѣтилъ ему: „Владыко святый! развѣ можно вѣрить сновидѣніямъ и искать въ нихъ какого нибудь значенія? Какъ же можно при томъ обращать вниманіе на такое неопредѣленное указаніе? Девятнадцатыхъ чиселъ въ каждомъ году бываетъ двѣнадцать." Выслушавъ это, онъ, съ чувствомъ сердечной увѣренности, сказалъ мнѣ: „не сонъ я видѣлъ: мнѣ явился родитель мой и сказалъ мнѣ тѣ слова; я думаю съ этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Св. Таинъ." Я сказалъ, что это желаніе доброе.

Чрезъ два дня послѣ сего, 19 Сентября, во вторникъ, во время литургіи въ домовой церкви онъ причастился Св. Таинъ. Въ Октябрѣ онъ былъ въ Москвѣ и 19-го числа, въ четвергъ, также причащался Св. Таинъ въ своей домовой церкви. Наступало въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Ноябрѣ роковое 19-е число, это приходилось въ воскресенье. Предъ тѣмъ все время Владыка чувствовалъ себя хорошо и легко, принималъ посѣтителей, ревностно занимался дѣлами, выѣзжалъ иногда изъ дому. На недѣлѣ передъ 19-мъ числомъ онъ принималъ одного изъ своихъ почитателей, который, при прощаньи, передалъ ему просьбу одной почтенной дамы, также уважавшей святителя, что она желала бы быть у него и принять его благословеніе. Владыка сказалъ:" Пусть пріѣдетъ, только прежде 19-го числа." Такъ глубоко укоренилась въ немъ мысль о девятнадцатомъ числѣ!

18-го Ноября, въ субботу, Владыка говоритъ своему келейному іеродіакону Парѳенію, что завтра онъ будетъ служить литургію въ своей домовой церкви, и чтобъ все было приготовлено къ служенію. Старикъ Парѳеній, отличающійся прямотой и откровенностію, рѣшился замѣтить Владыкѣ, что онъ утомится отъ служенія, и не будетъ пожалуй служить во Введеньевъ день, что лучше бы тогда отслужилъ. Но Владыка сказалъ ему: „это не твое дѣло: скажи, что я завтра служу."

Онъ отслужилъ литургію, и въ роковое 19-е число скончался."

(Это извѣстіе, напечатанное въ сочиненіи Н. В. Сушкова—О жизни Митрополита Филарета, я слышалъ также самъ изъ устъ отца Архимандрита).

Разсказъ М. А. Дмитріева о вѣщемъ снѣ Карамзина

„Первая супруга Карамзина скончалась въ 1802 году. Карамзинъ любилъ ее страстно. Видя безнадежность больной,

онъ то рвался къ ея постелѣ, то отрываемъ былъ срочною работою журнала, который составлялъ его доходъ, и былъ необходимымъ для семейства. Это было мучительное время его жизни! Утомленный, измученный, бросился онъ на диванъ и заснулъ. Вдругъ видитъ во снѣ, что онъ стоитъ у вырытой могилы, а по другую сторону стоитъ Екатерина Андреевна, (на которой онъ послѣ женился), и черезъ могилу подаетъ ему руку. Этотъ сонъ тѣмъ страннѣе, что въ эти минуты, занятый умирающею женою, онъ не могъ и думать о другой женитьбѣ, и не воображалъ жениться на Екатеринѣ Андреевнѣ. Онъ самъ разсказывалъ этотъ сонъ моему дядѣ. На Екатеринѣ Андреевнѣ онъ женился въ 1804 году."

Предсказаніе Пушкину о его смерти.

Въ 1827 году, во время изданія мною Московскаго Вѣстника, въ которомъ Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе, онъ далъ мнѣ напечатать эпиграмму, написанную имъ на одного молодаго человѣка, выступавшаго тогда на литературное поприще, по поводу поврежденной имъ статуи Аполлона Бельведерскаго, на вечерѣ у Княгини З. В. Волхонской. Эпиграмма (Лукъ звѣнитъ, стрѣла трепещетъ) была напечатана, и Пушкинъ, встрѣтясь со мною вскорѣ, сказалъ мнѣ смѣясь: „а какъ-бы намъ не пришлось расплачиваться за эпиграмму: я имѣю вѣдь предсказаніе, что долженъ умереть отъ руки бѣлаго человѣка или бѣлой лошади, а вѣдь М. бѣлокурый." Извѣстно, что Пушкинъ былъ убитъ чрезъ десять лѣтъ на дуэли Дантесомъ, кавалергардскимъ тогда офицеромъ. Дантесъ былъ бѣлокурый и носилъ бѣлый мундиръ.

Объ этомъ предсказаніи недавно сообщилъ подробныя свѣдѣнія человѣкъ, бывшій очень близкимъ къ Пушкину,

(въ статьѣ: Таинственныя примѣты въ жизни Пушкина), С. А. Соболевскій, которая здѣсь и сообщается изъ Русскаго Архива. (1870. № 7, с. 1377).

„На с. 404 и 405 Русской старины сего года читается слѣдующій разсказъ, сообщенный г. Семевскому Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфомъ, пріятелемъ Пушкина и его сосѣдомъ по селу Михайловскому:

„Еще около 1818 года, въ бытность поэта въ Петербургѣ, одна славная тогда въ столицѣ ворожея сдѣлала зловѣщее предсказаніе Пушкину, когда тотъ посѣтилъ ее съ однимъ изъ своихъ пріятелей. Глядя на ихъ руки, колдунья предсказала обоимъ насильственную смерть. На другой день пріятель Пушкина, служившій въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ ротнымъ командиромъ, былъ заколотъ унтеръ-офицеромъ. Пушкинъ же до такой степени вѣрилъ въ зловѣщее пророчество ворожеи, что когда впослѣдствіи, готовясь къ дуэли съ извѣстнымъ американцемъ графомъ Толстымъ, стрѣлялъ вмѣстѣ со мною въ цѣль, то не разъ повторялъ: „Этотъ меня не убьетъ, а убьетъ бѣлокурый,—такъ колдунья пророчила“. — И точно Дантесъ былъ бѣлокуръ. Это разсказъ А. Н. Вульфа.

О странномъ этомъ предсказаніи, имѣвшемъ такое сильное вліяніе на Пушкина, было упоминаемо до сихъ поръ въ печати три раза:

1) въ „Москвитянинѣ“ 1853 года, стр. 52, томъ X-й, въ статьѣ Льва Пушкина;

2) въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1844 года, 2-е прибавленіе, въ статьѣ г-жи Фуксъ, и

3) въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ 1855 г. № 145 въ статьѣ Бартенева, который вполнѣ передалъ въ ней и разсказъ г-жи Фуксъ.

Вотъ свидѣтельство Льва Сергѣевича Пушкина:

„Извѣстность Пушкина, и литературная и личная, съ каждымъ днемъ возрастала. Молодежь твердила наизусть его стихи, повторяла остроты его и разсказывала о немъ анекдоты.“

„Все это, какъ водится, было частію справедливо, частію вымышленно. Одно обстоятельство оставило Пушкину сильное впечатлѣніе. Въ это время находилась въ Петербургѣ старая нѣмка, по имени Киргофъ. Въ число различныхъ ея занятій входило и гаданіе. Однажды утромъ Пушкинъ зашелъ къ ней съ нѣсколькими товарищами. Г-жа Киргофъ обратилась прямо къ нему, говоря, что онъ человѣкъ замѣчательный, разсказала вкратцѣ его прошедшую и настоящую жизнь; потомъ начала предсказанія сперва ежедневныхъ обстоятельствъ, а потомъ важныхъ эпохъ его будущаго. Она сказала ему между прочимъ: „Вы сегодня будете имѣть разговоръ о службѣ и получите письмо съ деньгами“. О службѣ Пушкинъ никогда не говорилъ и не думалъ; письмо съ деньгами получить ему было неоткуда; деньги онъ могъ имѣть отъ отца, но, живя у него въ домѣ, онъ получилъ бы ихъ конечно безъ письма. Пушкинъ не обратилъ большаго вниманія на предсказанія гадальщицы. Вечеромъ того дня, выходя изъ театра до окончанія представленія, онъ встрѣтился съ генераломъ Орловымъ. Они разговорились. Орловъ коснулся до службы, и совѣтывалъ Пушкину оставить свое министерство и надѣть эполеты. Разговоръ продолжался довольно долго, по крайней мѣрѣ это былъ самый продолжительный изъ всѣхъ, которые онъ имѣлъ о семъ предметѣ. Возвратясь домой, онъ нашелъ у себя письмо съ деньгами. Оно было отъ одного лицейскаго товарища, который на другой день отправлялся за границу: онъ заѣзжалъ проститься

съ Пушкинымъ и заплатить ему какой-то карточный долгъ, еще школьной ихъ шалости. Г-жа Киргофъ предсказала Пушкину разныя обстоятельства, съ нимъ впослѣдствіи сбывшіеся, предсказала его женитьбу и наконецъ преждевременную смерть, предупредивши, что долженъ ожидать ее отъ руки высокаго, бѣлокураго человѣка".

„Пушкинъ, и безъ того нѣсколько суевѣрный, былъ пораженъ постепеннымъ исполненіемъ этихъ предсказаній и часто объ этомъ разсказывалъ".

Это свидѣтельство Льва Сергѣевича Пушкина.

Вотъ подробности, изложенныя въ статьѣ г. Бартенева.

..... „Кажется, къ этому времени слѣдуетъ отнести столь извѣтное предсказаніе гадальщицы, которое, къ нашему горю, сбылось во всей точности.

Едва ли найдется кто-либо не только изъ друзей Пушкина, но даже изъ людей, часто бывавшихъ съ нимъ вмѣстѣ, кто бы не слыхалъ отъ него болѣе или менѣе подробнаго разсказа объ этомъ случаѣ, который потому и принадлежитъ къ весьма немногому числу загадочныхъ, но въ то время достовѣрныхъ, сверхъ-естественныхъ произшествій. Въ всякой искренней бесѣдѣ Пушкинъ вспоминалъ о немъ, и особенно когда заходилъ разговоръ о наклонности его къ суевѣрію и о примѣтахъ. Такъ между прочимъ въ 1833 году, въ Казани, онъ передавалъ его извѣстной писательницѣ, Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ, которая и сообщила его публикѣ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ" *.

„Поздно вечеромъ, за ужиномъ, разговорившись о магнетизмѣ и о своей вѣрѣ въ него, Пушкинъ началъ такъ разсказывать г-жѣ Фуксъ и ея мужу: „Быть такъ суевѣрнымъ

* См. «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ» Александры Фуксъ. Казань, 1844, брошюра изъ № 2-го прибавленія къ «Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ».

заставилъ меня одинъ случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. В. ходить по Невскому проспекту, и изъ проказъ зашли къ кофейной гадальщицѣ, Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее. „Вы, сказала она мнѣ, на этихъ дняхъ, встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который вамъ будетъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; потомъ, въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданныя деньги; третіе, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью.“

„Безъ сомнѣнія, я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи, и о гадальщицѣ. Но спустя недѣли двѣ послѣ этого предсказанія, и опять на Невскомъ Проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ, при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ, и перешолъ служить въ Петербургъ; онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ занять его мѣсто въ Варшавѣ, увѣряя меня, что Цесаревичъ этого желаетъ. Вотъ первый разъ послѣ гаданья, когда я вспомнилъ о гадальщицѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами—и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я обыгралъ: онъ, получа послѣ умершаго отца наслѣдство, прислалъ мнѣ долгъ, котораго я не только не ожидалъ, но и забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, и я въ этомъ совершенно увѣренъ“.

„Этотъ разсказъ, въ вѣрности передачи котораго ручается благоговѣйное уваженіе г-жи Фуксъ къ памяти Пушкина, далеко не полонъ. Изъ достовѣрныхъ показаній друзей поэта оказывается, что старая Нѣмка, по имени Киргофъ, къ числу разныхъ промысловъ которой принадлежали ворожба

и гаданье, сказала Пушкину: Du wirst zwey mahl verbannt sein, du wirst der Abgott deiner Nation werden; vielleicht wirst du sehr lange leben, doch in deinem 37 Iahre fürchte dich von einem weissen Menchen, einem weissen Rosse, oder einem weissem Kopfe. т. е. ты будешь два раза жить въ изгнаніи, ты будешь кумиромъ своего народа; можетъ-быть ты проживешь долго; но на 37 году жизни берегись бѣлаго человѣка, бѣлой лошади или бѣлой головы). По свидѣтельству Льва Сергѣевича, предсказана была и женитьба".

Поэтъ твердо вѣрилъ предвѣщанію во всѣхъ его подробностяхъ, хотя иногда шутилъ, вспоминая о немъ. Такъ, говоря о предсказанной ему народной славѣ, онъ, смѣючись, прибавлялъ, разумѣется, въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ: «Авѣдь предсказаніе сбывается, что ни говорятъ журналисты." По свидѣтельству покойнаго П. В. Нащокина, въ концѣ 1830 года, живя въ Москвѣ, раздосадованный разными мелочными обстоятельствами, онъ выразилъ желаніе ѣхать въ Польшу, чтобы тамъ принять участіе въ войнѣ: въ непріятельскомъ лагерѣ находился кто-то по имени Вейскопфъ (бѣлая голова), и Пушкинъ говорилъ другу своему: „Посмотри, сбудется слово Нѣмки,—онъ непремено убьетъ меня".

Нужно ли прибавлять, что настоящій убійца дѣйствительно бѣлокурый человѣкъ, и въ 1837 году носилъ бѣлый мундиръ?"

„Изъ этихъ разсказовъ всѣхъ подробнѣе и вѣрнѣе изложеніе Бартенева. Въ многолѣтнюю мою пріязнь съ Пушкинымъ, (замѣчу, что мои свиданія и сношенія съ нимъ длились *позднѣе* сношеній и госпожи Фуксъ, и Вульфа, и Льва Пушкина), я часто слышалъ отъ него самаго объ этомъ происшествіи; онъ любилъ разсказывать его въ отвѣтъ на шутки, возбуждаемыя его вѣрою въ разныя примѣты. Сверхъ того, онъ,

въ моемъ присутствіи, не разъ разказывалъ объ этомъ именно но при тѣхъ лицахъ, которыя были у гадальщицы при самомъ гаданіи, при чемъ ссылался на нихъ. Для провѣрки и пополненія напечатанныхъ уже разсказовъ, считаю нужнымъ присоединить все то, о чемъ *помню положительно* въ дополненіе прежняго, возстановляя то, что въ нихъ перебито или переиначено.

Предсказаніе было о томъ *вопервыхъ*, что онъ скоро получитъ деньги; *во-вторыхъ*, что ему будетъ сдѣлано неожиданное предложеніе; *въ третьихъ*, что онъ прославится и будетъ кумиромъ соотечественниковъ; *въ четвертыхъ*, что онъ дважды подвергнется ссылк[redacted] наконецъ, что онъ проживетъ долго, если на 37-мъ году возраста не случится съ нимъ никакой бѣды отъ бѣлой лошади, или бѣлой головы, или бѣлаго человѣка (weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch), которыхъ и долженъ онъ опасаться *).

Первое предсказаніе о письмѣ съ деньгами, сбылось въ тотъ же вечеръ; Пушкинъ возвратясь домой, нашелъ совершенно неожиданное письмо отъ лицейскаго товарища, который извѣщалъ его о высылкѣ карточнаго долга, забытаго Пушкинымъ. Товарищъ этотъ былъ—Корсаковъ, вскорѣ потомъ умершій въ Италіи.

Такое быстрое исполненіе перваго предсказанія сильно поразило Александра Сергѣевича; не менѣе странно было для него и то, что нѣсколько дней спустя, въ театрѣ его подозвалъ къ себѣ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, (впослѣдствіи князь), и сталъ отговаривать его отъ поступленія въ гусары, о чемъ уже прежде была у него рѣчь съ П. Д. Киселевымъ, а напротивъ предлагалъ служить въ конной гвардіи.

*) О предсказаніи касательно женитьбы мнѣ ничего не помнится, хотя объ немъ упомянуто въ статьѣ Льва Сергѣевича. С. С.

Вскорѣ послѣ этого, Пушкинъ былъ отправленъ на югъ, а оттуда, черезъ 4 года, въ Псковскую деревню, что и было *вторичною* ссылкою. Какъ же ему, человѣку крайне впечатлительному, было не ожидать и не бояться конца предсказанія, которое дотолѣ исполнялось съ такою буквальною точностію??? Послѣ этого удивительно ли и то, о чемъ разказывалъ Бартеневу Павелъ Воиновичъ Нащокинъ? Прибавлю слѣдующее: я какъ то изъявилъ свое удивленіе Пушкину о томъ, что онъ отстранился отъ масонства, въ которое былъ принятъ, и что онъ не принадлежалъ ни къ какому другому тайному обществу. „Это все таки вслѣдствіе предсказанія о бѣлой головѣ," отвѣчалъ мнѣ Пушкинъ.—Развѣ ты не знаешь, что всѣ филантропическія и гуманитарныя тайныя общества, даже и самое масонство, получили отъ Адама Вейсгаупта направленіе, подозрительное и враждебное существующимъ государственнымъ порядкамъ? Какъ же мнѣ было приставать къ нимъ? Weiskopf, Weishaupt, одно и тоже."

„Вотъ еще разказъ въ томъ же родѣ незабвеннаго моего друга, не разъ слышанный мною при посторонних лицахъ.

„Извѣстіе о кончинѣ Императора Александра Павловича и о происходившихъ вслѣдствіе оной колебаніяхъ по вопросу о престолонаслѣдіи дошло до Михайловскаго около 10 декабря. Пушкину давно хотѣлось увидаться съ его Петербургскими пріятелями. Разчитывая, что при такихъ важныхъ обстоятельствахъ не обратятъ строгаго вниманія на его непослушаніе, онъ рѣшился отправиться туда, но какъ быть? Въ гостинницѣ остановиться нельзя—потребуютъ паспорта; у великосвѣтскихъ друзей тоже опасно—огласится тайный пріѣздъ ссыльнаго. Онъ положилъ заѣхать сперва на квартиру къ Рылѣеву, который велъ жизнь не свѣтскую, и отъ него запастись свѣдѣніями. И такъ Пушкинъ приказываетъ гото-

бить повозку, а слугѣ собираться съ нимъ въ Питеръ; самъ же ѣдетъ проститься съ Тригорскими сосѣдками. Но вотъ, на пути въ Тригорское, заяцъ перебѣгаетъ черезъ дорогу; на возвратномъ пути, изъ Тригорскаго въ Михайловское — еще заяцъ! Пушкинъ въ досадѣ пріѣзжаетъ домой: ему докладываютъ, что слуга, назначенный съ нимъ ѣхать, заболѣлъ вдругъ бѣлою горячкой.—Распоряженіе поручается другому. Наконецъ, повозка заложена, трогаются отъ подъѣзда. Глядь въ воротахъ встрѣчается священникъ, который шелъ проститься съ отъѣзжающимъ бариномъ. Всѣхъ этихъ встрѣчъ —не подъ силу суевѣрному Пушкину; онъ возвращается отъ воротъ домой, и остается у себя въ деревнѣ. „А вотъ каковы бы были послѣдствія моей поѣздки,“ прибавлялъ Пушкинъ: Я разчитывалъ пріѣхать въ Петербургъ поздно вечеромъ, чтобы не огласился слишкомъ скоро мой пріѣздъ, и слѣдовательно попалъ-бы къ Рылѣеву прямо на совѣщаніе 13-го декабря. Меня приняли бы съ восторгомъ; вѣроятно я забылъ бы о Вейсгауптѣ, попалъ бы съ прочими на Сенатскую площадь, и не сидѣлъ бы теперь съ вами, мои милые!“

Объ этомъ же обстоятельствѣ передаетъ Мицкевичъ, въ своихъ лекціяхъ о Славянской литературѣ, и вѣроятно со словъ Пушкина, съ которымъ онъ часто видился.“ (изд. 1860 IX, 293).

Предсказаніе С. И. Муравьеву-Апостолу.

Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, служившій въ гвардіи, зашелъ однажды, во время занятія Парижа нашими войсками, къ знаменитой предсказательницѣ Ленорманъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей. Оба офицера спросили о своей судьбѣ. Вы оба умрете насильственной смертію,

отвѣчала гадальщица. Обратясь къ Муравьеву она сказала. „Вы будете повѣшены.“ Вѣрно вы считаете меня за Англичанина, замѣтилъ ей Муравьевъ; (я Русскій), и у насъ отмѣнена смертная казнь.

Однакожъ эта ужасная судьба постигла, какъ извѣстно, несчастнаго Муравьева.

(Разсказъ записанъ былъ Катериной Ѳеодоровной Муравьевой, вдовою незабвеннаго Михаила Никитича, со словъ самаго С. Муравьева, задолго до его ужасной катастрофы).

Товарищъ Муравьева застрѣлился вслѣдствіе какого то несчастія. (Русскій Архивъ, 1871, № 1, с. 262).

Свадьба Н. А. Майкова.

„Наше семейство,“ такъ разсказываетъ извѣстный поэтъ нашъ Н. В. Бергъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, „до явленія моего на свѣтъ, жило въ Москвѣ на Варваркѣ, въ домѣ Насонова, (потомъ Гурляндье), гдѣ была помѣщена строительная комиссія по храму Христа-Спасителя. Отецъ мой былъ тамъ казначеемъ. Къ намъ въ домъ хаживалъ молодой, красивый гусаръ, Николай Аполлоновичъ Майковъ, сынъ директора театровъ. Они сошлись съ моимъ отцемъ вслѣдствіе общей страсти къ изящнымъ искусствамъ. Отецъ мой любилъ поэзію и живопись. Майковъ былъ самъ художникъ, живописецъ-самоучка, позже получившій званіе академика. И наше семейство, и Майковы были знакомы съ домомъ Гусятниковыхъ, людей чрезвычайно богатыхъ. Гусаръ Майковъ ухаживалъ за одной изъ дочерей Гусятникова, имѣя въ виду на ней жениться, но большихъ надеждъ не было. Женихамъ, вслѣдствіе значительнаго приданаго невѣстъ въ домѣ

Гусятниковыхъ, не было отбою. Разъ, въ дурномъ расположеніи духа, гусаръ приходитъ къ намъ, и застаетъ въ домѣ одну мою матушку, простую Русскую женщину, родомъ Сибирячку. Она сейчасъ замѣтила, что онъ растроенъ и спросила: „Что съ вами, Николай Аполлоновичъ?“—„Плохи мои дѣла, Анна Ефремовна: нѣтъ никакой надежды!“—„Что жъ, отказали?“—„Нѣтъ, я еще не дѣлалъ предложенія, но по всему видно, что тому не бывать“... „Какъ загадывать впередъ,“ возразила ему моя матушка: „кто знаетъ, что случится. Хотите, я вамъ погадаю?“—„ Какой изъ этого будетъ толкъ?... впрочемъ, погадайте.“—„ А какъ я выгадаю вамъ сватьбу и она сбудется?“—„Что-жъ, я вамъ скажу великое спасибо; больше мнѣ нечего сдѣлать.“—„ Если я выгадаю вамъ сватьбу, напишете мой портретъ?“—„Съ величайшимъ удовольствіемъ. О такихъ пустякахъ нечего и толковать.“ Матушка разложила карты по мѣсяцамъ. Былъ, кажется, Апрѣль. „Въ Сентябрѣ, сказала она, будетъ ваша сватьба!“.... Дни потекли за днями. Гаданье было забыто. Майковъ являлся по прежнему въ нашемъ домѣ, то веселый, то грустный—смотря по ходу его дѣлъ въ семействѣ Гусятниковыхъ. Такъ подошелъ Сентябрь,— и Майковъ, неожиданно для него самаго, женился на Евгеніи Петровнѣ Гусятниковой, взявъ за нею большое приданое. —Портретъ моей матушки былъ написанъ и хранится въ нашемъ семействѣ.

Примѣры предвидѣній.

I

Отецъ А. И. Кошелева, племянникъ Графа А. А. Мусина-Пушкина, бывшаго посломъ въ Лондонѣ, привезъ къ своему дядѣ депеши. Возвратясь отъ него на свою квартиру, въ первую ночь, онъ видитъ во снѣ, что его зовутъ къ послу, онъ идетъ и встрѣчается словами: ну, братъ, отдыхать тебѣ

нѣкогда, а долженъ отправиться ты назадъ въ Парижъ съ моими отвѣтами; онъ видитъ что пріѣзжаетъ въ Дувръ, но ни одинъ корабль не пускается оттуда въ море, которое сильно волновалось. Отыскался однакожъ капитанъ, который обѣщался доставить его въ Кале. Они отправились, противный вѣтеръ не унимался, ломается мачта и корабль подвергается опасности...

Въ эту минуту его будятъ, и зовутъ дѣйствительно къ послу, который встрѣчаетъ его именно словами, слышанными во снѣ. Далѣе произошло все именно такъ, какъ онъ видѣлъ во снѣ: онъ отправляется изъ Дувра во время бури, корабль подвергается опасности, мачта была точно сломана, но наконецъ они достигаютъ берега.

(Разсказано мнѣ А. И. Кошелевымъ, который слышалъ объ этомъ случаѣ нѣсколько разъ отъ своей матери).

II

Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ, магистръ Московскаго Университета, извѣстный Одесскій археологъ, былъ очень друженъ съ Михаиломъ Михаиловичемъ Кирьяковымъ, воспитанникомъ также Московскаго Университета, извѣстнымъ дѣятелемъ Новороссійскимъ. Кирьяковъ занемогъ опасно въ 183 году, а Мурзакевичу надо было ѣхать въ Ростовъ, по дѣламъ службы, разбирать архивъ. Онъ поѣхалъ. Однажды случилось ему обѣдать гамъ въ веселомъ обществѣ. Послѣ обѣда вдругъ напала на него тоска, и онъ ушелъ прогуляться въ саду. Слезы полились у него невольно изъ глазъ,—и вдругъ онъ увидѣлъ погребальную процессію по аллеѣ...

Чрезъ нѣсколько времени онъ получаетъ извѣстіе объ отчаянномъ положеніи своего друга, спѣшитъ въ Одессу, и на четвертый день пріѣзжаетъ туда изъ Ростова. Кирьяковъ жилъ на дачѣ, домъ находился въ саду, далеко отъ

воротъ, за многими дорожками. Мурзакевичъ подъѣхалъ тихо, вышелъ изъ экипажа, и пошелъ пѣшкомъ, остановился на дорогѣ собраться съ духомъ. Кирьяковъ въ эту минуту говоритъ сестрамъ, его окружавшимъ: „Мурзакевичъ пріѣхалъ.“—„Нѣтъ,“ отвѣчаютъ онѣ ему, „непріѣзжалъ.“—„Пріѣхалъ,“ повторяетъ онъ, и чрезъ пять минутъ входитъ дѣйствительно Мурзакевичъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, которые разсказали ему послѣ о слышанномъ отъ отъ больнаго.

Кирьяковъ вскорѣ скончался. Тѣло было вынесено черезъ садъ, и Мурзакевичъ увидѣлъ здѣсь аллею и ту процессію, которая представилась его воображенію за нѣсколько дней.

(Разсказано мнѣ Н. Н. Мурзакевичемъ, прочитано ему мною Маія 19, 1872 г. и исправлено по его словамъ).

Явленія умирающихъ въ минуту смерти.

Я слышалъ объ одномъ странномъ происшествіи отъ профессора Перевощикова, человѣка совершенно положительнаго, врага всякихъ фантазій. Онъ передавалъ мнѣ происшествіе мимоходомъ, въ разговорѣ, какъ слышалъ объ немъ отъ казанскаго Профессора Астрономіи Симонова. Заѣхавши въ Казань, въ 1845 году, по открытіи памятника Карамзину въ Симбирскѣ, я увидѣлся съ И. М. Симоновымъ и спросилъ его, точно ли происшествіе было такъ, какъ мнѣ разсказалъ съ его словъ Дмитрій Матвѣевичъ. «Совершенно такъ», отвѣчалъ Симоновъ (см. ниже). Но почему онъ васъ занимаетъ? Вслѣдствіе недавняго несчастія, (за годъ предъ тѣмъ скончалась моя жена), я люблю уноситься въ другой міръ, отвѣчалъ я, и всѣ случаи, которые даютъ намъ поводъ думать о немъ, возбуждаютъ мое любопытство „Такъ вотъ я могу разсказать случай, если хотите, который и подтвержу сейчасъ твердыми доказательствами,“

„Видите этотъ портретъ,“ при этомъ словѣ онъ указалъ на висѣвшій надъ его письменнымъ столомъ портретъ Литтрова, бывшаго до него профессоромъ Астрономіи въ Казанскомъ Университетѣ, его учителя, благодѣтеля, представившаго его къ путешествію вокругъ свѣта, и назначившаго своимъ пріемникомъ по каѳедрѣ, когда самъ отправился директоромъ обсерваторіи въ Вѣну. „Я получилъ письмо отъ него изъ Вѣны, въ которомъ онъ увѣдомилъ меня объ устройствѣ своихъ дѣлъ, о своихъ занятіяхъ, о своемъ семействѣ, и потребовалъ отъ меня, чтобъ я доставилъ ему немедленно точно такія-же свѣденія, до меня относящіяся. Нынче-завтра я собирался отвѣчать Литтрову, не все какъ-то не удавалось.

Однажды, вхожу я въ свой кабинетъ, и вижу, что портретъ Литрова упалъ со стѣны и лежитъ на письменномъ столѣ.“

При этихъ словахъ Симоновъ встаетъ, снимаетъ портретъ со стѣны, и показываетъ мнѣ сшитый ремешекъ, который тогда оборвался, вслѣдствіе чего портретъ и упалъ со стѣны.

„Это напомнило мнѣ о давно-уже полученномъ письмѣ. Ахъ, не отвѣчалъ я до сихъ поръ Литтрову, подумалъ я, сѣлъ за столъ, и тотчасъ написалъ къ нему длинное письмо со всѣми свѣдѣніями, какъ онъ отъ меня требовалъ. Чрезъ мѣсяцъ, или около того, я получилъ письмо отъ Литрова сына въ которомъ тотъ увѣдомилъ меня, что отецъ его умеръ, и судя по числу, выставленному на моемъ письмѣ именно въ тотъ день, когда я писалъ его.“

(Записавъ этотъ разсказъ, я просилъ И. М. Симонова, по возвращеніи своемъ въ Москву, чтобъ онъ прислалъ мнѣ копіи съ писемъ Литтровыхъ, отца и сына, и повторилъ разсказъ съ приложеніемъ своей печати, что онъ и исполнилъ. Копіи съ писемъ хранятся у меня до сихъ поръ.)

У Петра Ивановича Бартенева, издателя Русскаго Архива, былъ въ Университетѣ товарищъ, студентъ Казановичъ, который, по окончаніи курса, опредѣлился на службу въ Могилевъ, и прислалъ ему оттуда на память чайную чашку: „пей изъ нея и меня вспоминай.“ Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ случилось Петру Ивановичу пить чай изъ этой чашки, которая стояла передъ нимъ на его письменномъ столѣ. Надъ писменнымъ-же столомъ висѣла лампа съ повѣшанным на ней магнитомъ, къ которому приложена была чугунная печатка; вдругъ печатка отрывается отъ него безъ всякой видимой причины, падаетъ на чашку и ее разбиваетъ. Вскорѣ отецъ Казановича увѣдомляетъ Бартенева о смерти своего сына, оказалось, что онъ умеръ именно въ то время, когда разбилась чашка.

(Разсказано и записано самимъ П. И. Бартеневымъ).

У Авдотьи Петровны Елагиной занемогъ сынъ Рафаилъ. Мальчику, горячо ею любимому, было около двухъ лѣтъ. Онъ сильно страдалъ, сидя въ своей кроваткѣ, и мать, подлѣ него, не сводила съ него глазъ. Нечаянно взглядываетъ она на дверь, и въ это мгновеніе видитъ такъ живо входящую Марью Андреевну Мойеръ, (урожденную Протасову) подругу своего дѣтства, (любимицу Жуковскаго, на которой онъ желалъ нѣкогда жениться), что вскакиваетъ вдругъ со стула, и бѣжитъ къ ней на встрѣчу съ восклицаніемъ: „Маша“—но въ дверяхъ уже никого не было. Съ Авдотьей Петровной сдѣлалось дурно. Въ эту самую ночь и въ этотъ самый часъ Марья Андреевна скончалась въ Дерптѣ, какъ послѣ было получено извѣстіе.

(Разсказано мнѣ самою А. П. Елагиной).

„Матушка моя скончалась въ Твери, 1870 года, 11 Декабря, въ пятницу, въ $^3/_4$ седьмаго часа, вечеромъ," (писалъ ко мнѣ П.А. Лавровскій, ректоръ Варшавскаго Университета), отъ брата моего, профессора въ Харьковѣ, получилъ я письмо отъ 13 Декабря. Въ письмѣ братъ между прочимъ увѣдомляетъ, что хотя онъ и не суевѣрный человѣкъ, но былъ пораженъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ пятницу вечеромъ онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, и занимался при свѣтѣ лампы; вдругъ *около* 7 часовъ услышалъ сильный трескъ въ печи; сначала не обратилъ никакого вниманія, но трескъ повторился съ большею силою, и братъ зажегъ свѣчу, чтобы осмотрѣть печь и узнать причину: все было въ обыкновенномъ видѣ. „Уже тогда я подумалъ," пишетъ братъ, „что съ матушкой что-нибудь нехорошо" (По телеграммѣ, полученной 6 Декабря онъ зналъ объ усилившейся ея болѣзни.) Въ этотъ именно день и часъ, она скончалась...) Въ ночь съ 11 на 12-е Декабря, съ женой брата моего случилось также нѣчто необыкновенное: лишь только легла она спать, какъ увидѣла на столько поразительный *сонъ*, что съ испугомъ вскочила съ постели, и въ безпамятствѣ бросилась зажигать лампаду, чего прежде никогда неслучалось."

Вице-директоръ Почтоваго Департамента, Александръ Павловичъ Яковлевъ, былъ однажды въ одномъ изъ Петербургскихъ театровъ съ женою своею, урожденною Карпенко. Во время представленія піесы, на которое было обращено все ея вниманіе, она увидѣла вдругъ, что передъ нею промелькнула тѣнь ея сестры, Прокоповичъ-Антонской, жившей въ Москвѣ; прежде было извѣстіе объ ея болѣзни, но опаснаго ничего не предвидилось. Вскорѣ было узнано,

что въ то самое время, какъ Г-жа Яковлева увидѣла передъ собою тѣнь сестры, Г-жа Прокоповичъ-Антонская скончалась.

(Разсказано и записано для меня Н. В. Калачевымъ.)

Явленія покойниковъ.

Въ 30 годахъ въ Севастополѣ служили два офицера, отличные моряки, Патиніотти и Тригони, очень дружные между собою. Послѣдній, отправляясь въ какую-то экспедицію, приходитъ къ своему другу и говоритъ ему: „послушай, я отправляюсь въ море. Мало-ли что можетъ случиться. Дай мнѣ слово исполнить, о чемъ я попрошу тебя.“ — „Можешь-ли ты сомнѣваться во мнѣ,“ отвѣчаетъ Патиніотти, — „скажи чего ты хочешь?“ — „Въ случаѣ моей смерти, женись на моей вдовѣ, и будь отцемъ моему сыну.„ — “Помилуй, что ты бредишь! экспедиція твоя небольшая. Ты воротишься, да ты-же и мастеръ плавать.“ — „Толковать объ этомъ нечего — я прошу тебя, и ты долженъ дать мнѣ слово.“ — „Пожалуй, если тебѣ это нужно для твоего успокоенія.“ Друзья разстались. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ Патиніотти видитъ во снѣ Тригони, который говоритъ ему: „ты долженъ исполнить свое обѣщаніе и жениться.“ Проснувшись, онъ счелъ этотъ сонъ дѣйствіемъ воображенія. Между тѣмъ объ экспедиціи ничего небыло слышно. Вскорѣ онъ увидѣлъ воснѣ Тригони въ другой разъ съ тѣмъ-же напоминаніемъ,—и тогда-же получено было въ адмиралтействѣ извѣстіе, что другъ его дѣйствительно утонулъ. Обѣщаніе было исполнено.

(Разсказъ Сенатора А. И. Казначеева, который зналъ лично въ Крыму обоихъ друзей.)

Въ „Кіевлянинѣ“ сообщаютъ о слѣдующемъ странномъ случаѣ. Козелецкаго уѣзда, Быковской волости, въ селѣ Петровкѣ, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1869 года, неизвѣстно куда дѣвалась собственница Фотина Костенкова. Розыски мѣстныхъ властей о неизвѣстной отлучкѣ изъ дома Фотины Костенковой не дали никакого результата. Съ 14 на 15 Ноября дѣвочкѣ лѣтъ 12, совершенно въ противоположной сторонѣ тогоже села, снится, что Фотина Костенкова пришла къ ней и проситъ кусокъ хлѣба, на что дѣвочка отвѣтила: „У меня самой мало хлѣба, а ты гораздо богаче меня, да еще и хлѣба просишь;“ потомъ спросила: „Фотина, гдѣ ты теперь живешь?“ Фотина отвѣчала: „я живу въ пустой хатѣ въ тѣсномъ мѣстѣ, подъ лавкою; сходи и скажи моему сыну, пусть меня ищетъ.“ Дѣвочка, проснувшись, разсказала сонъ сначала матери, потомъ отцу, которые и не замедлили передать объ этомъ сыну Костенковой. Костенковъ, взявши жену и свидѣтелей, пошелъ съ заступомъ въ пустую хату и началъ копать подъ лавкою; увидѣвъ ноги матери своей, спросилъ жену: „А се що?“ Жена, въ испугѣ вставъ на колѣна, сказала: „еще на третьей недѣлѣ великаго поста, когда говѣли, а я съ свекровью оставалась дома, мы повздорили; свекровь ударила меня два раза по лицу, за что я толкнула свекровь въ грудь такъ, что она упала, и ударилась затылкомъ о прилавокъ. Замѣтивъ, что свекровь не поднимается, я ушла было въ церковь, но раздумавъ на дорогѣ, воротилась домой, и тогда, воротившись, увидѣла, что свекровь уже умерла, и сначала спрятала ее подъ печь и прикрыла соломою. На другой день, когда снова ушли всѣ изъ дома, я выкопала въ пустой хатѣ подъ лавкою яму, и убитую свекровь перенесла черезъ сѣни и схоронила.“

„Поэтъ Дельвигъ, не задолго до смерти сидѣлъ вечеромъ у своихъ хорошихъ знакомыхъ—какого-то богатаго помѣщика, охотника до цвѣтовъ, и его жены. Разговорились о видѣніяхъ, о явленіяхъ съ того свѣта. „Хотите, я къ вамъ приду?“ сказалъ Дельвигъ... „Придите!“—отвѣчали ему...

Разговоръ этотъ былъ забытъ. Ему не придавали никакого значенія. Когда умеръ Дельвигъ, спустя нѣкоторое время потомъ, помѣщикъ пріятель поэта, сидѣлъ съ женою вечеромъ, и разговаривалъ о томъ, какъ недавно чуть-ли не на томъ-же бесѣдовалъ съ ними Дельвигъ. Говоря объ этомъ, помѣщикъ вставалъ, прохаживался по комнатѣ и заглядывалъ въ залу, гдѣ былъ балконъ, куда въ извѣстное время выставлялись цвѣты. Ему показалось, что передъ дверьми стоитъ большой кустъ розъ какъ-бы забытый. Была темная пора вечера, когда еще не зажигаютъ огня, и предмета, который стоялъ предъ дверьми балкона, разобрать хорошо было нельзя. Когда разговоръ нѣсколько умолкъ, помѣщикъ пошелъ къ воображаемому кусту цвѣтовъ, дабы его осмотрѣть, и увидѣлъ передъ собою фигуру Дельвига въ сюртукѣ, съ сложенными на груди руками. Онъ бросился къ женѣ, проговоривъ быстро: „воды! воды!“— Она замѣтила его блѣдность, заглянула въ залу и также увидѣла Дельвига.. потомъ призракъ пропалъ.“

„Слышано, пишетъ мнѣ Н. В. Бергъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ отъ М. А. Дмитріева, у него въ домѣ. Многіе изъ присутствовавшихъ были знакомы съ упоминаемымъ лицемъ.“

Этотъ случай съ нѣкоторыми варіантами, но въ главномъ сходно, описанъ въ Воспоминаніяхъ прошедшаго, И. В. Селиванова, слышавшаго объ немъ отъ самой К. Г. Левашовой, жены А. Н. Левашова, лица, слишкомъ извѣстнаго въ Москвѣ.

У Александры Николаевны Левашовой, близкой моей знакомой, скончался мужъ Никита Ѳедоровичъ Левашовъ, страстно ее любившій. Онъ командовалъ Иркутскимъ гусарскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Царствѣ Польскомъ. Она отправилась туда, и, приближаясь къ городу или селенію, гдѣ онъ скончался, вышла изъ кареты, и пошла пѣшкомъ по придорожной аллеѣ, вмѣстѣ съ своей спутницей, кажется, дочерью. Вдругъ ей послышалось, что передъ нею что-то пронеслось, какъ будто вихремъ и прошепталось имя: „Alexandrine!“ Ей могло почудиться, но она увѣряла меня, что спутница ея слышала тотъ-же звукъ.

Княгиня N. N. похоронивъ своего мужа, питала желаніе увидѣть его во снѣ. На девятый день, легши спать, она вдругъ почувствовала, что надъ нею кто-то какъ будто носится, и ей понималося внутренно, что это былъ духъ покойнаго.

(Разсказано мнѣ ею самою).

„Однажды, сидя въ кельѣ съ нашимъ духовникомъ,“ разсказывалъ мнѣ Соловецкій игуменъ Досиѳей, жившій на покоѣ въ Симоновомъ монастырѣ въ 40 годахъ„мы разговаривали о смерти.“ „Какъ поживаетъ теперь на томъ свѣтѣ нашъ отецъ Іона?“ (не задолго предъ тѣмъ скончавшійся)— сказалъ старикъ. „Вотъ еслибъ онъ пришелъ къ намъ оттуда и разсказалъ.“—„Хорошо-бы, отвѣчалъ я, да оттуда не скоро придешь! До самой близкой звѣзды много тысячъ верстъ отъ земли.“—„Отъ чего же бы не придти“, продолжалъ онъ.“—„Ну да приди ты ко мнѣ, если такъ, я приказываю тебѣ какъ архимандритъ.“ Старикъ задумался и началъ было отнѣкиваться, а я настаивалъ. Черезъ полгода

мы разговорились опять о смерти, и я повторилъ ему свое приказаніе. Случилось такъ, что старикъ черезъ годъ дѣйствительно занемогъ, и, чувствуя приближеніе смерти, изъявилъ желаніе посхимиться. Онъ прислалъ меня тогда спросить объ имени, которое онъ желалъ прежде принять, а теперь позабылъ. Я велѣлъ исполнить его желаніе, и нарекъ его Виссаріономъ. Посхимленный вскорѣ скончался. Не помню чрезъ сколько дней, ложусь я спать, и вдругъ вижу во снѣ, что иду въ комнату покойника, и нахожу ее не прибранною, между тѣмъ какъ на яву я приказалъ убрать ее для вновь назначеннаго духовника Сержусь на сторожей, а они отвѣчаютъ мнѣ, что старецъ живъ. „Какъ живъ,“ закричалъ я на нихъ, „зачѣмъ же вы хоронили его? Что скажутъ теперь о нашемъ монастырѣ, узнавъ, что мы живыхъ хоронимъ?“ Въ эту минуту вижу, отворяется дверь изъ сосѣдняго покоя, покойникъ выходитъ оттуда, и говоритъ мнѣ: „Силенъ-бо есть Богъ поставить (умершаго) въ живыхъ.“ Я проснулся. Вотъ какимъ образомъ монахъ исполнилъ мое приказаніе, и приходилъ ко мнѣ съ того свѣта!“

Князь Василій Владимировичъ Долгорукій (1738-1784) былъ очень друженъ съ Степаномъ Степановичемъ Апраксинымъ. Сей послѣдній неутѣшно плакалъ на похоронахъ своего друга. Въ туже ночь покойникъ явился ему, и обѣщалъ явиться вторично за три дня до его кончины. Протекло 43 года и весною 1827 года Князь Долгорукій дѣйствительно явился Апраксину, который чрезъ три дня скончался.

(Изъ Сказаній о родѣ князей Долгорукихъ, с. 183).

Желательно имѣть болѣе обстоятельное извѣстіе объ этихъ явленіяхъ.

Разсказъ декабриста Басоргина о случаѣ съ Ивашевѣ, во время ихъ ссылки.

„Предъ выходомъ нашимъ изъ Читы, съ другомъ моимъ Ивашевымъ случилось такое событіе, которое видимо показало надъ нимъ благость Провидѣнія. Онъ, Мухановъ и Пестовъ, по собственной просьбѣ, остались въ прежнемъ маленькомъ казематѣ. Имъ тамъ было свободнѣе и покойнѣе. Я нерѣдко, съ разрѣшенія коменданта, бывалъ у нихъ и просиживалъ по нѣскольку часовъ, другіе товарищи также посѣщали ихъ. Въ свою очередь и они ходили къ намъ. Сверхъ того, мы видѣлись почти каждый день во время работы. Ивашевъ, какъ я замѣчалъ, никакъ не могъ привыкнуть къ своему настоящему положенію, и видимо тяготился имъ. Мы часто объ этомъ говорили между собою, и я старался сколько можно поддержать его и внушить ему болѣе твердости. Ничто не помогало. Онъ былъ грустенъ, мраченъ и задумчивъ. Разъ, какъ-то, на работѣ Мухановъ отвелъ меня въ сторону, сказалъ мнѣ, что Ивашевъ готовится сдѣлать большую глупость, которая можетъ стоить ему жизни, и что онъ нарочно рѣшился мнѣ сказать объ этомъ, чтобы я съ моей стороны попробовалъ отговорить его. Тутъ онъ мнѣ объявилъ, что онъ вздумалъ бѣжать, и сообщилъ все, что зналъ о томъ.

Вотъ въ чемъ состояло дѣло. Ивашевъ вошелъ въ сношеніе съ какимъ-то бѣгло-ссыльно-рабочимъ, который обѣщался провести его за Китайскую границу. Этотъ бѣглый завтра же долженъ быть прійдти ночью къ тыну ихъ каземата. Тынъ уже былъ подпиленъ, и мѣсто для выхода приготовлено. По выходѣ изъ острога, они должны были отправиться въ ближній лѣсъ, гдѣ, по словамъ бѣглаго, было уже приго-

товлено подземельное жилище, въ которомъ они должны были скрываться, покуда не прекратятся поиски, и гдѣ находились уже необходимые на это время припасы. Когда же прекратятся поиски, то они предполагали отправиться къ Китайской границѣ, и тамъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Этотъ планъ былъ такъ неблагоразуменъ, такъ нелѣпъ, можно сказать, исполненіе его до такой степени невозможно, что я удивился, какъ могъ Ивашевъ согласиться на него. Не было почти никакого сомнѣнія, что человѣкъ, соблазнявшій его побѣгомъ, имѣлъ какія нибудь другія намѣренія: или выдать его начальству и тѣмъ заслужить себѣ прощеніе, или безнаказанно убить его и завладѣть находящимися у него деньгами; я же зналъ, что у него они были: пріѣхавши въ Читу, онъ не объявилъ коменданту 1000 руб., которые привезъ съ собою, и сверхъ того тайнымъ образомъ получилъ еще 500 руб. Объ этомъ самъ онъ мнѣ сказывалъ.

Выслушавъ Муханова, я сейчасъ, послѣ работы отправился къ Ивашеву, сказалъ ему, что мнѣ извѣстно его намѣреніе, и что я пришелъ съ нимъ объ этомъ переговорить. Онъ очень спокойно отвѣчалъ мнѣ, что съ моей стороны было бы напраснымъ трудомъ его отклонять, что онъ твердо рѣшился исполнить свое намѣреніе, и что потому только давно мнѣ не сказалъ о томъ, что не желалъ подвергать меня какой-либо отвѣтственности. На всѣ мои убѣжденія, на всѣ доводы о неосновательности его предпріятія и объ опасности ему угрожающей, онъ отвѣчалъ одно и тоже, что уже рѣшился, что далѣе оставаться въ казематѣ онъ не въ состояніи, что лучше умереть, чѣмъ жить такимъ образомъ. Однимъ словомъ, истощивъ возраженія, я не зналъ что дѣлать. Время было такъ коротко, завтрашній день былъ уже назначенъ, и оставалось одно только средство остановить

его—дать знать коменданту. Но быть доносчикомъ на своего товарища, на своего друга, ужасно. Наконецъ, видя всѣ мои убѣжденія напрасными, я рѣшительно сказалъ ему: «Послушай, Ивашевъ, именемъ нашей дружбы, прошу тебя отложить исполненіе своего намѣренія на одну только недѣлю. Въ эту недѣлю обсудимъ хорошенько твое предпріятіе, взвѣсимъ хладнокровно le pour et le contre, и если ты останешься при тѣхъ же мысляхъ, то обѣщаю тебѣ не препятствовать».—«А если я не соглашусь откладывать на недѣлю?» возразилъ онъ. «Если не согласишься, воскликнулъ я съ жаромъ, ты заставишь меня сдѣлать изъ любви къ тебѣ то, чѣмъ я гнушаюсь,—сейчасъ попрошу свиданія съ комендантомъ и разскажу ему все. Ты знаешь меня довольно, чтобы вѣрить, что я это сдѣлаю, и сдѣлаю именно по убѣжденію, что это осталось единственнымъ средствомъ для твоего спасенія».—Мухановъ меня поддерживалъ. Наконецъ Ивашевъ далъ намъ слово подождать недѣлю. Я не опасался, чтобы онъ нарушилъ его, тѣмъ болѣе, что Мухановъ жилъ съ нимъ и могъ за нимъ наблюдать.

На третій день послѣ этого разговора, я опять отпросился къ Ивашеву, и мы толковали объ его намѣреніи. Я исчислялъ ему всѣ опасности, всѣ невѣроятности успѣха. Онъ настаивалъ на своемъ, какъ вдругъ входитъ унтеръ-офицеръ, и говоритъ ему, что его требуетъ къ себѣ комендантъ. Ивашевъ посмотрѣлъ на меня; но, видя мое спокойствіе, съ чувствомъ сказалъ мнѣ: «Прости меня, другъ Б., въ минутномъ подозрѣніи. Но что бы это значило? прибавилъ онъ,—не понимаю». Я сказалъ ему, что дождусь его возвращенія, и остался съ Мухановымъ.

Ивашевъ возвратился не скоро. Комендантъ продержалъ его часа два, и мы уже не знали, къ чему приписать его

долгое отсутствіе. Опасались даже, не открылось ли какимъ образомъ нелѣпое намѣреніе бѣгства. Наконецъ приходитъ Ивашевъ, растроенный, и въ несвязныхъ словахъ сообщаетъ намъ новость, которая и насъ поразила. Комендантъ присылалъ за нимъ для того, чтобы передать ему два письма: одно его матери, а другое матери будущей жены его, и спросить его, согласенъ ли онъ жениться на той дѣвушкѣ, мать которой писала это письмо. Оно адресовано было къ матери Ивашева. Въ немъ Г-жа Леданту открывала ей любовь дочери къ ея сыну, говорила, что эта любовь была причиною ея опасной болѣзни, въ продолженіи которой, думая умереть, она призналась матери въ своей къ нему привязанности, и что тутъ же мать дала слово дочери, по выздоровленіи ея, увѣдомить объ этомъ г-жу Ивашеву, и въ случаѣ ея согласія и согласія сына, дозволить дочери ѣхать въ Сибирь для вступленія съ нимъ въ бракъ. Въ этомъ письмѣ она упоминала также, что дочь ея ни за чтобы не открыла сердечной тайны своей, если бы Ивашевъ находился въ прежнемъ положеніи, но что теперь, когда его постигло несчастіе, и когда она знаетъ, что присутствіемъ своимъ можетъ облегчить его участь, доставить ему нѣкоторое утѣшеніе, то не задумывается нарушить свѣтскія приличія—предложить ему свою руку. Мать Ивашева отправила это письмо, вмѣстѣ съ своимъ, къ графу Бенкендорфу, и тотъ, съ разрѣшенія Государя, предписывалъ коменданту спросить самаго Ивашева, согласенъ ли онъ вступить въ бракъ съ дѣвицею Ледантю.

Ивашевъ просилъ Коменданта повременить отвѣтомъ до другаго дня. Мы долго разсуждали объ этомъ неожиданномъ для него событіи. Дѣвицу Ледантю онъ очень хорошо зналъ. Она воспитывалась съ его сестрами у нихъ въ домѣ, и въ то время, когда онъ бывалъ въ отпускахъ, очень ему нрави-

лась, но никогда онъ не помышлялъ жениться на ней, потому что различіе въ ихъ общественныхъ положеніяхъ не допускало его останавливаться на этой мысли. Теперь же, припоминая нѣкоторыя подробности своихъ съ ней сношеній, онъ долженъ былъ убѣдиться въ ея къ нему сердечномъ расположеніи. Вопросъ о томъ, будетъ ли она счастлива съ нимъ въ его теперешней жизни, будетъ ли онъ умѣть вознаградить ее своею привязанностію за ту жертву, которую она принесетъ ему, и не станетъ ли онъ впослѣдствіи раскаяваться въ своемъ поступкѣ, очень его тревожилъ. Мы съ Мухановымъ знали его простой характеръ, знали всѣ его прекрасныя качества, были увѣрены, что оба они будутъ счастливы, и потому рѣшительно совѣтовали ему согласиться. Наконецъ онъ рѣшился принять предложеніе. Разумѣется, послѣ этого рѣшенія не было уже и помину о побѣгѣ. Я даже не знаю, куда дѣвался его искуситель, и какъ онъ отъ него отдѣлался. Не возьми я отъ него слова подождать недѣлю, легко могло-бъ случиться, что эти письма не застали бы его въ Читѣ и пришли, когда дѣлались бы объ немъ розыски, слѣдовательно не только бы бракъ его не состоялся, но и самъ онъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, непремѣнно бы погибъ тѣмъ или другимъ образомъ. Такъ иногда самое ничтожное обстоятельство, по волѣ Провидѣнія, спасаетъ или губитъ человѣка.» (Изъ сборника: XIX вѣкъ.)

Одинъ мой пріятель, котораго я знаю, какъ самъ себя, и которому довѣряю вполнѣ, разсказывалъ мнѣ о себѣ слѣдующее. Я долженъ однакожъ предупредить читателей, что не могу передать всѣхъ подробностей, особенно поразительныхъ. Мой разсказъ, сведенный на общія выраженія, лишенный по необходимости, такъ сказать, своихъ живыхъ чертъ, долженъ потерять очень много

относительно своей убѣдительности. Пріятель мой рѣшился на одно непозволительное дѣйствіе, которое, впрочемъ по общимъ понятіямъ, причисляется къ самымъ обыкновеннымъ. Рѣшеніе послѣдовало за продолжительной внутренней борьбою, которая возобновлялась въ нѣсколько пріемовъ, и совершалась съ разныхъ сторонъ. Здѣсь онъ удостовѣрился, говорилъ онъ мнѣ, какъ можетъ быть хитра наша совѣсть, и какими благовидными парадоксами можетъ она оправдывать насъ въ нашихъ глазахъ, и доказывать необходимость, позволительность дѣла, которое намъ хочется сдѣлать. Наконецъ всѣ нравственныя пытки кончились, и онъ, успокоенный, рѣшился... вдругъ явилось препятствіе неожиданное, и онъ не могъ исполнить своего намѣренія. Прошло нѣсколько времени, и препятствіе отстранилось, онъ хочетъ снова приступить.... является другое такое-же препятствіе.... таже исторія начинается съ этимъ, и оканчивается такъ-же. Еще и еще приступаетъ онъ вновь, и всякій разъ неожиданный случай останавливаетъ. Такъ происходило нѣсколько разъ впродолженіи недѣль шести. Наконецъ всѣ возможные случаи противные, кажется, перебывали, ничто не могло остановить. Онъ идетъ.... и вдругъ происходитъ то, онъ слышитъ то, чего вообразить не могъ! Его ударило, какъ будто обухомъ по лбу. Онъ былъ ошеломленъ и намѣреніе его вылетѣло изъ головы. Онъ промучился еще дней пять въ страхѣ, чтобъ намѣреніе, не одному ему извѣстное, не повлекло за собою опасныхъ слѣдствій, и страхъ его имѣлъ за собою вѣроятныя основанія; къ большему его безпокойству, одинъ человѣкъ, совершенно посторонній, сказалъ по это случаю, безотчетно нѣсколько словъ, которымъ можно было придать ужасный смыслъ. Прозъ пять уже дней недоумѣніе объяснилось, и онъ узналъ, что ничего особеннаго не было и

страхъ былъ по пустому, имѣвшій однакожъ для него всю силу дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что пріятель мой рѣшительно былъ отстраненъ отъ исполненія своего намѣренія. Въ этомъ происшествіи, по его разсказу, видѣлъ онъ ясно, и какъ будто осязалъ чью то Руку, которая устроивала, приводила, уводила, отстраняла его отъ преднамѣреннаго дѣйствія,—и тотчасъ отправился къ Митрополиту Филарету, совершенно объятый своею мыслію, не для того, чтобъ спросить его совѣта, а чтобъ сообщить ему удивительное происшествіе, въ какомъ ясно видны были для него дѣйствія Промысла. Онъ непомнилъ, что сказалъ ему Митрополитъ, потому что собственно не думалъ въ ту минуту ни объ чемъ, кромѣ того, что самъ зналъ, чѣмъ былъ владѣемъ и что хотѣлъ передать для назиданія.

Мнѣ случилось познакомиться съ Касимовскимъ мѣщаниномъ, Иваномъ Сергѣевичемъ Гагинымъ. Онъ зашелъ ко мнѣ, по пути изъ Касимова въ Петербургъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, съ предложеніемъ рисунковъ Касимовскихъ древностей. Разговорясь съ нимъ, я узналъ, что у него есть и другіе матеріалы для Исторіи и Археологіи. „Не съ вами ли они?“ „Со мною.“ „Привезите ихъ ко мнѣ,—я желалъ бы пересмотрѣть.“ „Извольте.“ И на другой день онъ привозитъ ко мнѣ большую папку съ рисунками, чертежами, и разными записками. Перебирая ихъ, я нахожу адресъ ему, подписанный священниками, служебными лицами гражданскими и военными, многими дворянами, купцами и другими жителями города Касимова, адресъ въ которомъ всѣ они свидѣтельствуютъ Гагину глубочайшее свое почтеніе и благодарность за труды, на пользу ихъ предпринимаемые. Адресъ былъ подписанъ слишкомъ за 20 лѣтъ, нигдѣ не былъ оглашенъ, слѣдо-

вательно имѣлъ полное право на довѣренность. Онъ возбудилъ мое участіе, и я выразилъ желаніе узнать подробности о жизни примѣчательнаго человѣка, который пріобрѣлъ такое уваженіе. Оказалось, что Гагинъ, въ молодости, (тогда ему было около 70 лѣтъ), имѣлъ значительное состояніе, вступилъ въ товарищество съ однимъ пріятелемъ, который обманулъ его и завладѣлъ подъ какимъ-то предлогомъ фабрикою, построенною на общій капиталъ. Гагинъ лишился всего состоянія и рѣшился утопиться. Вышелъ за городъ, но на первомъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился, рѣка оказалась недостаточно глубокою, далѣе онъ увидѣлъ бабъ, полоскавшихъ бѣлье, наконецъ онъ выбралъ мѣсто, гдѣ никто не могъ его видѣть; занесъ было уже одну ногу въ воду, какъ вдругъ послышался ему какой-то внутренній голосъ; „что ты дѣлаешь, ты хочешь погубить себя.“ Вся прошедшая жизнь освѣтилась передъ нимъ: онъ увидѣлъ земную суету, и рѣшился думать только о небѣ, и посвятить себя на службу общества, безъ всякаго вознагражденія. Съ тѣхъ поръ онъ началъ служить всѣмъ, кто имѣлъ въ томъ нужду, и такъ проводитъ время до сихъ поръ и считаетъ себя совершенно счастливымъ.

У меня началась съ нимъ переписка. Возвращаясь изъ Симбирска въ 1845 году, я нарочно заѣзжалъ въ Касимовъ, чтобъувидать Гагина на поприщѣ его дѣйствій, но незасталъ его въ живыхъ: не задолго предъ тѣмъ онъ скончался.

Вотъ что разсказывалъ мнѣ одинъ инокъ, бывшій раскольничій архіерей:„ Среди моихъ странствій съ разными цѣлями, я былъ въ Парижѣ. Тамъ встрѣтился съ однимъ Русскимъ, который, узнавъ, что я принадлежукъ такъ называемымъ старообрядцамъ, сказалъ мнѣ: „охота вамъ водиться съ этими свиньями.“ Грубое это выраженіе запало мнѣ въ

память. Когда воротился я изъ путешествія, мои единомышленники рѣшились посвятить меня въ архіереи. При посвященіи, по ихъ обряду, посвящающимъ читается надъ головою посвящаемаго то Евангеліе, какое случайно попадется при открытіи книги. Каково было мое изумленіе и вмѣстѣ какой обнялъ меня страхъ, когда надъ головой моей раздались слова: „и шедъ прилѣпися единому отъ житель тоя страны, и посла его на села своя пасти свинія. И желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, и никтоже даяше ему... Лук. XV.15, 16.

По окончаніи богослуженія, инокъ отказался отъ архіерейства, послѣ усиленныхъ убѣжденій получилъ время на размышленіе, и впослѣдствіи обратился къ единовѣрію.

Онъ-же разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ во снѣ одного пропагандиста съ связкою книгъ на спинѣ, и, проснувшись, узналъ, что дѣйствительно этотъ его заграничный знакомецъ (Кельсіевъ) пріѣхалъ тогда въ Москву, приходилъ къ нему и хотѣлъ его видѣть.

У одного изъ почтеннѣйшихъ Московскихъ гражданъ занемогла горячкою меньшая дочь, дѣвушка 17 лѣтъ. Въ бреду ей представлялся часто старикъ, блѣдный, худой, съ всклокоченными волосами, съ сѣдой бородой, въ ветхомъ рубищѣ, съ подвижными глазами. Она говорила объ немъ, какъ будтобъ видѣла его своими глазами, и такъ живо, ясно, что онъ поселился даже въ воображеніи всѣхъ ее окружающихъ. Болѣзнь кончилась несчастно, и она скончалась вскорѣ. Чрезъ нѣсколько времени отецъ ея получаетъ письмо изъ острога отъ какой-то женщины, въ коемъ она умоляетъ его посѣтить ее въ острогѣ. „Въ несчастіи сердце умягчается,“ разсказывалъ онъ мнѣ, „и я поѣхалъ въ острогъ узнать, что это за женщина, и зачѣмъ желаетъ видѣть меня, отыскалъ ее

и спросилъ. „Я Рижская мѣщанка, и слѣдую за своимъ мужемъ, сосланнымъ на поселеніе, но я беременна, и мнѣ тяжело идти по этапамъ, я прошу васъ исходатайствовать мнѣ подводу.“ „Почему-же ты обратилась ко мнѣ? „По дорогѣ мнѣ встрѣтилась женщина, жившая въ вашемъ домѣ, и увѣрила меня, что вы добрый человѣкъ, и вѣрно исполните мою просьбу. Еще прошу васъ, нельзя ли мужу моему на поселеніи доставить занятія по его промыслу.“ Какой у него промыселъ. „Онъ мясникъ.“ За чтоже вы сосланы? „Мужъ мой, бывши женихомъ, укралъ двухъ воловъ и продалъ ихъ, потому что мать моя не хотѣла выдавать меня замужъ иначе, какъ чтобъ онъ имѣлъ сто рублей. Мы обвѣнчались, но кража открылась, и онъ осужденъ на поселеніе въ Сибири.“ Слушая бѣдную женщину, я нечаянно оглянулся въ сторону, и,—вообразите мое удивленіе,—я увидѣлъ въ углу старика, сидящаго на нарѣ, точь въ точь какъ описывала въ бреду моя покойная дочь, блѣднаго, худаго, съ сверкающими глазами, всклоченными волосами, сѣдой бородою. Что ты за человѣкъ?„ Еврей.“ Откуда? „Изъ“ Вильны. За что ты наказанъ?„ За смертоубійство. “Ахъ, какое преступленіе!“ „Я невиноватъ, меня осудили понапрасну. “Пораженный этимъ случаемъ, я отправился тотчасъ къ нашему доброму градоначальнику, Князю Дмитрію Владимировичу Голицыну, разсказалъ ему случай, и попросилъ его о покровительствѣ. „Женщинѣ я могу,“ отвѣчалъ онъ, „дать подводу... et le pauvre diable... за что ему идти въ Сибирь, онъ провинился по любви, я могу попросить Государя о смягченіи наказанія. А старикъ... для него я не могу ничего сдѣлать. Смертоубійство—преступленіе уголовное.“ „Но онъ говоритъ, что невиноватъ.“ „Хорошо, вотъ что я могу сдѣлать: написать къ Долгорукову въ Вильну объ его показаніи, и предложить

сдѣлать новое слѣдствіе.“ Недѣли чрезъ двѣ изъ Петербурга, пришло всемилостивѣйшее рѣшеніе по дѣлу Рижскихъ приступниковъ.

Мѣжду тѣмъ добрый человѣкъ посѣщалъ острогъ, и однажды встрѣтилъ своего старика за Евангеліемъ. „Нравится тебѣ чтеніе?“ Очень.„ Ну, такъ крестись.“ Нѣтъ, если я окрещусь теперь, то подумаютъ, что я дѣлаю это только для того, чтобъ получить прощеніе. Я крещусь, когда буду оправданъ. И чрезъ нѣсколько времени дѣйсвительно получено было отношеніеКнязя Долгорукова изъ Вильны, что, по вновь открывшимся обстоятельствамъ, Еврей оказывается непричастнымъ къ убійству, которое совершено другими лицами, и онъ былъ освобожденъ. Онъ тотчасъ принялъ святое крещеніе.

Философы! Объясните мнѣ, какое отношеніе было между бредомъ умиравшей дѣвушки въ Москвѣ, судьбою двухъ несчастныхъ любовниковъ въ Ригѣ и оправданіемъ старика, обвиненнаго въ смертноубійствѣ понапрасну въ Вильнѣ!

А событіе точно было и свидѣтельствуется не только цѣлымъ семействомъ, домомъ, но и многими лицами, въ домѣ томъ жившими, напримѣръ, докторомъ, лечившимъ больную.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, авторъ „Войны и мира“, разсказалъ мнѣ одинъ случай изъ своей жизни, который и просилъ я его записать для моего собранія. Вотъ его письмо:

„Проигравшись (въ молодости) въ карты, я передалъ зятю свое имѣніе, съ тѣмъ, чтобы онъ уплачивалъ мои долги, и присылалъ мнѣ на содержаніе по 500 р. въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я далъ ему слово неиграть больше въ карты. Но на Кавказѣ я опять сталъ играть, спустилъ все, что у меня было, и задолжалъ Кнорррингу 500 рублей на вексель. Срокъ подходилъ, денегъ у меня не было, а зятю писать несмѣлъ

о своемъ позорѣ, и былъ въ отчаяніи. Жилъ я тогда въ Тифлисѣ, чтобъ держать юнкерскій экзаменъ. Я неспалъ ночей, мучился, обдумывалъ, что мнѣ дѣлать, и вспомнилъ о молитвѣ и силѣ вѣры. Я сталъ молиться отъ глубины души, считая свою молитву испытаніемъ силы вѣры; молился какъ молятся юноши, и легъ спать будто успокоенный. Поутру, лишь только я проснулся, подаютъ мнѣ пакетъ отъ брата изъ Чечни. Первое, что я увидѣлъ въ пакетѣ — это былъ мой разорванный вексель. Братъ писалъ ко мнѣ: Садо (мой кунакъ, молодой малый, чеченецъ, игрокъ,) обыгралъ Кнорринга, выигралъ твой вексель, привезъ ко мнѣ и ни за что нехочетъ брать съ тебя денегъ."

А. И. Кошелевъ разсказывалъ мнѣ еще два случая въ этомъ родѣ изъ своей жизни:

У него было дѣло въ Петербургѣ, за которымъ нужно было туда ѣхать. Времени оставалось много до назначеннаго срока, и онъ не спѣшилъ, но наконецъ собрался и поѣхалъ, не думая о скорости.—На первой станціи, въ Черной Грязи онъ легъ уснуть, и видитъ во снѣ, что кто-то торопитъ его ѣхать скорѣе, объявляя, что дѣло рѣшается вмѣсто назначеннаго срока гораздо раньше, такъ что онъ потеряетъ его при малѣйшемъ промедленіи. Онъ проснулся, рѣшился послѣдовать полученному совѣту, и погналъ изъ всѣхъ силъ. Дѣйствительно онъ только что могъ поспѣть къ той минутѣ, когда дѣло подвергалось рѣшенію, и было бы для него потеряно, еслибъ онъ на одинъ часъ пріѣхалъ въ Петербургъ позднѣе.

Второй случай: Живя за границею онъ написалъ письмо важное для него, и понесъ въ ящикъ, но опустилъ его, въ разсѣяніи, мимо отверстія, и пакетъ упалъ на землю. Ему

показалось это указаніемъ, что письмо не должно было быть послано. Онъ не послалъ, и послѣ удостовѣрился, что поступилъ хорошо.

Отецъ Московскаго Профессора Крюкова, учитель рисованія въ Казанскомъ Университетѣ, обязался написать нѣсколько образовъ для сельской церкви въ имѣніи помѣщика Моисѣева, но неуспѣлъ кончить своего обязательства и скончался. Вдова просила дать ей сколько нибудь за изготовленную работу. Заказчикъ отвѣчалъ, что онъ потерпѣлъ убытокъ, обязавшись заплатить другому нанятому живописцу за окончаніе больше того, что долженъ былъ покойному. На томъ дѣло и остановилось. Вдругъ профессоръ Казенбекъ видитъ во снѣ кого-то, который ему говоритъ: „скажи Моисѣеву, чтобъ онъ удовлетворилъ вдову Крюкову.“ Казенбекъ необратилъ никакого вниманія на этотъ сонъ, какъ вдругъ чрезъ нѣсколько времени видитъ его повтореніе съ упрекомъ: что же ты нейдешь къ Моисѣеву? Разсказывая дома, онъ смѣялся такому случаю, но никакъ не думалъ исполнять непріятнаго порученія. Наконецъ онъ видитъ въ третій разъ тоже самое и уже съ угрозою: если Моисѣевъ недастъ денегъ Крюковой, то онъ умретъ, (онъ былъ боленъ), да если и ты не напомнишь ему, то и тебѣ будетъ худо. Казенбекъ проснувшись почувствовалъ лихорадку, и испугался: „нѣтъ, шутка плоха, пойду къ Моисѣеву и разскажу ему все.“ Больной Моисѣевъ отвѣчалъ: „Помилуйте, я радъ заплатить впятеро, лишь бы выздоровѣть, и послалъ тотчасъ сколько то денегъ Крюковой, выздоровѣлъ, у Казенбека также лихорадка не возобновилась, Крюкова была совершенно довольна, получивъ неожиданное удовлетвореніе.

Я слышалъ объ этомъ странномъ случаѣ отъ Д. М. Перевощикова, и на вопросъ профессору Симонову въ Казани

въ 1845 году, о достовѣрности, получилъ въ отвѣтъ: „всѣ свидѣтели живы,—Моисѣевъ, Казенбекъ, Крюкова, (онъ назвалъ мнѣ, кажется, еще профессора Ковалевскаго), и они всѣ могутъ вамъ засвидѣтельствовать, что все это было точно такъ.

Разсказъ Графа Дмитрія Николаевича Толстаго.

„Въ понятіяхъ нашихъ, даже самыхъ благочестивыхъ, мы привыкли разумѣть подъ словомъ «чудо» всегда какое либо исцѣленіе отъ болѣзни или недуга, неизлѣчимыхъ средствами науки, избавленіе отъ видимой опасности, отъ потопленія, или другаго рода видимой смерти и т. п. Но не слишкомъ ли тѣсно такое понятіе? Вполнѣ ли исчерпываемъ мы этимъ изъясненіемъ значеніе чуда, какъ непосредственнаго дѣйствія Божественной благодати? Есть множество событій въ жизни каждаго изъ насъ, которыя или остаются незамѣченными, или безсмысленно приписываются случаю, но которыя, при сколько нибудь внимательномъ взглядѣ, носятъ на себѣ явную печать особеннаго Промысла, и всецѣло принадлежатъ къ разряду такихъ явленій, которыя у вѣрующихъ называются *чудесами*, а у невѣрующихъ — *необъяснимыми* случаями. Такого рода явленія, кажется, прилично было бы опредѣлить такъ: чудомъ называется всякое произшествіе духовнаго, матеріальнаго или гражданскаго строя, въ которомъ разумное соглашеніе средствъ съ цѣлію, всегда для насъ спасительною, совершается внѣ насъ самихъ и внѣ нашей воли. Не знаю, кто бы такое явленіе могъ приписать случаю, который сами его адгеренты называютъ слѣпымъ.

Въ поясненіе разскажу бывшее со мною событіе.

Въ 1860 г., во время службы моей въ В., мнѣ случилось быть по дѣламъ въ Петербургѣ. Проживъ тамъ нѣсколько недѣль, я спѣшилъ возвратиться въ В., гдѣ, въ свою очередь, меня ожидали весьма важныя дѣла; но высшее начальство, давая мнѣ ежедневно новыя занятія, задерживало меня въ Петербургѣ, и наконецъ поручило весьма сложное и большое дѣло, по одному изъ законодательныхъ вопросовъ того времени. Не видя конца такому порядку занятій, мнѣ пришло на мысль отпроситься въ Москву и взять съ собою этотъ трудъ. Тамъ, имѣя менѣе знакомыхъ и болѣе времени, чѣмъ въ Петербургѣ, я надѣялся скоро окончить мою работу, и, уже не получая такой же вновь, отослать ее чрезъ почту въ подлежащее мѣсто, а самому отправиться въ В.—Предложеніе мое, признаюсь, сверхъ моего ожиданія, было принято благосклонно, и я на другой же день уѣхалъ.

Въ Москву я прибылъ утромъ въ среду, и поспѣшилъ записаться на обѣдъ въ англійскій клубъ. Между тѣмъ, добрый мой пріятель К., узнавъ о моемъ пріѣздѣ, пригласилъ меня обѣдать къ себѣ, гдѣ собрался небольшой кружокъ любимыхъ и уважаемыхъ мною лицъ. Послѣ обѣда время летѣло незамѣтно, такъ что я забылъ даже о намѣреніи моемъ быть въ клубѣ. Наконецъ, вспомнивъ объ этомъ, я нехотя отправился туда, послѣ 10 ч. вечера, чтобы извиниться предъ тѣмъ, кто записалъ меня на обѣдъ.—Въ клубѣ мы составили, что называется „партію“, и когда я игралъ, ко мнѣ подошелъ старинный мой знакомый—сенаторъ кн. Д., и просилъ не уѣзжать изъ клуба, не переговоривъ съ нимъ объ одномъ дѣлѣ. Я давно знаю и уважаю Д., но никогда не имѣлъ съ нимъ никакихъ тѣсныхъ связей, и его желаніе переговорить со мною объяснилъ себѣ тѣмъ, что Д. былъ однимъ изъ предмѣстниковъ моихъ по занимаемому

мною въ В. мѣсту, и потому, вѣроятно, хотѣлъ рекомендовать мнѣ какого нибудь тамошняго, подчиненнаго мнѣ, чиновника, и, каюсь, не спѣшилъ на это объясненіе—до того, что напослѣдокъ совсѣмъ забылъ о немъ.

Послѣ картъ, въ одной изъ залъ клуба, я снова сталкиваюсь съ Д:, и снова получаю тоже приглашеніе. Тогда, отправившись въ боковую комнату, я услышалъ отъ Д., что въ пятницу *) въ общемъ собраніи сената слушается мое дѣло. Не имѣя никакихъ рѣшительныхъ тяжбъ, я крайне былъ удивленъ этимъ, и спросилъ: „какое? съ кѣмъ?“ Но Д., приписывая это моей неискренности, очевидно оскорбился, и отвѣчалъ, что мое дѣло должно быть извѣстно мнѣ ближе, чѣмъ ему. „Могу сказать вамъ только то“, прибавилъ онъ, „что въ департаментѣ я одинъ былъ благопріятнаго для васъ мнѣнія, и потому дѣло, за разногласіемъ, перешло въ общее собраніе,“ и удалился.

Можно себѣ представить мое удивленіе, любопытство, безпокойство! Я зналъ положительно, что не имѣлъ въ это время ни съ кѣмъ и никакихъ тяжбъ, и вотъ узнаю, что есть тяжебное дѣло непосредственно со мною, дошедшее до разсмотрѣнія общаго собранія сената, т. е. до высшаго судебнаго мѣста въ имперіи, безъ моего вѣдома! Сколько ни думалъ я, никакъ не могъ разъяснить себѣ этого обстоятельства, даже не могъ отгадать, съ кѣмъ и о чемъ у меня тяжба?

Наконецъ, послѣ безпокойной, и, могу сказать, безсонной ночи, я, на другой день утромъ, отправляюсь въ сенатъ, гдѣ дѣйствительно узнаю, что тамъ приготовлено къ слушанію

*) Засѣданія общаго собранія сената бываютъ разъ въ недѣлю—по пятницамъ.

дѣло по частной жалобѣ наслѣдницы моего роднаго брата на неправильный будто бы раздѣлъ родоваго имѣнія, совершенный нами при его жизни,—съ просьбою отобрать у меня все чѣмъ я владѣю.—Какъ же я не зналъ о такомъ дѣлѣ, которое, въ случаѣ успѣха моей противницы, угрожало мнѣ нищетою?—Очень просто: дѣло шло частнымъ, а не аппеляціоннымъ порядкомъ. Первая просьба, поданная на меня въ д-й уѣздный судъ, поступила послѣ законнаго срока, и была оставлена безъ уваженія, а потому, какъ не-требовавшая возраженій, по существу дѣла, и не была мнѣ объявлена Частная жалоба на это распоряженіе суда по-дана въ гражданскую палату, опять послѣ установленнаго для сего срока, и также оставлена безъ дѣйствія. Здѣсь, очевидно, было еще менѣе причинъ извѣщать меня о распо-раженіи палаты. Наконецъ, жалоба на палату въ сенатъ опять принесена послѣ срока, и департаментъ сената еди-ногласно заключилъ оставить ее безъ уваженія, но, чрезъ нѣсколько дней, оберъ-прокуроръ этого департамента пред-ложилъ свое мнѣніе, что установленные закономъ сроки противницею моею не пропущены, и полагаетъ, разсмотрѣвъ дѣло по существу, возстановить ея права. Департаментъ, не смотря на прежнее заключеніе, согласился съ нимъ,— кромѣ кн. Д., который одинъ нашелъ, что если, за два дни назадъ, онъ убѣдился, что сроки пропущены, и если не до-казано, что, при первомъ докладѣ, числа были выставлены невѣрно, то онъ не видитъ причины перемѣнить данное имъ мнѣніе. Такимъ образомъ, дѣло поступило въ общее собра-ніе сената совершенно безъ моего вѣдома.

Пересмотрѣвъ печатную записку, приготовленную къ до-кладу, я нашелъ, что въ ней была пропущена одна весьма важная и существенная справка. Оберъ-секретарь, созна

что это сдѣлано по упущенію канцеляріи, обѣщалъ ее пополнить; но это было только обѣщаніе, а гдѣ же ручательство, что обѣщаніе будетъ приведено въ исполненіе? — Положеніе мое было безвыходно. Съ одной стороны, мнѣ угрожало если не разореніе, потому что я твердо былъ увѣренъ въ святости моихъ правъ, то по крайней мѣрѣ, продолжительная тяжба, сопряженная съ издержками, конца которой нельзя было предвидѣть; съ другой, дѣло должно слушаться завтра. По закону, общее собраніе формальныхъ просьбъ не принимаетъ, и мнѣ оставался только одинъ способъ довести до свѣдѣнія сенаторовъ о недостаткѣ въ изложеніи доклада—посредствомъ частной записки, врученной каждому сенатору отдѣльно. Но такихъ записокъ потребовалось бы до 30, которыя если бы я и успѣлъ составить, переписать и даже развести ихъ по цѣлой Москвѣ, то сомнительно, чтобы сенаторы успѣли прочесть ихъ съ надлежащимъ вниманіемъ. Повторяю,—я былъ въ безвыходномъ положеніи!

Возложивъ все упованіе мое на Господа Бога, я рѣшился покориться своей участи, и ждать рѣшенія общаго собранія. Вечеромъ того же дня, я встрѣтился съ однимъ изъ вліятельныхъ сенаторовъ общаго собранія, и разсказалъ ему о неполнотѣ приготовленнаго доклада. Онъ обѣщалъ обратить на это вниманіе, и сдержалъ слово.

Не буду утомлять вниманіе читателей дальнѣйшимъ разсказомъ объ этомъ дѣлѣ: скажу только, что, на основаніи этой справки, пропущенной канцеляріею, и возстановленной сенаторомъ, я дѣло выигралъ, и избавился отъ безконечной тяжбы, которая неминуемо отравила бы послѣдніе дни моей жизни.

Что же это такое? Простой, или *необъяснимый* случай? Неоспоримо, что могла *случиться* эксцентрическая мысль ѣхать изъ Петербурга въ Москву, чтобы работать по дѣлу, данному мнѣ изъ центральнаго управленія; могло *случиться*, что я пріѣхалъ въ Москву въ среду, — т. е. въ одинъ изъ двухъ дней въ недѣлѣ, когда бываютъ обѣды въ англійскомъ клубѣ, гдѣ я могъ узнать о моемъ дѣлѣ; могло *случиться*, что я встрѣтился тамъ съ кн. Д. Но все это могло *случиться отдѣльно*, и не представило бы ничего необыкновеннаго, ничего удивительнаго;—случившееся же въ совокупности, это представляетъ уже рядъ событій въ разумной цѣлесообразной связи, и конечно не можетъ быть признано слѣпымъ случаемъ — даже потому, что слѣпое не видитъ, тогда какъ здѣсь эти событія ясно и разумно руководили мною. Не должно также упускать изъ вида, что, пріѣзжай я въ Москву днемъ позже,—не узнать бы мнѣ даже о существованіи этого дѣла.

И какъ странно!—Во все это время я самъ какъ бы уклонялся отъ руководящей меня силы,—напримѣръ, не поѣхалъ обѣдать въ клубъ, не только не спѣшилъ на объясненіе съ кн. Д. но даже забылъ о немъ и т. п.

Соображая все это, нельзя неубѣдиться, что все произшедшее со мною совершилось не только внѣ моего разума и воли, но даже и вопреки этой послѣдней, — а такое убѣжденіе необходимо приведетъ къ другому: что событіе это, нося въ себѣ всѣ условія такого явленія, которое вѣрующіе называютъ „чудомъ,“ никакъ не можетъ быть отнесено не только къ простому, но даже и необыкновенному случаю.

12 Марта 1860 г.
Село Т.....

(Подобный случай былъ со мною, см. ниже.)

Обращеніе князя В. М. Волконскаго.

Іюня 17-го 1843 года скончался въ Москвѣ Князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій на 87 г. отъ рожденія. Онъ былъ нарѣченъ при святомъ крещеніи Прокопіемъ (Іюля 8), но постоянно назывался и подписывался Владиміромъ. Родители его были Князь Михаилъ Петровичъ и Княгиня Марія Михайловна, рожденная Римская-Корсакова. Владиміръ Михайловичъ служилъ въ гвардіи, и, вышедши въ отставку съ чиномъ ротмистра, въ царствованіе Императора Павла, отправился путешествавать въ чужіе края. Въ то время сильно еще свирѣпствовали на Западѣ вредныя ученія такъ называемыхъ Энцыклопедистовъ: Вольтера. д' Аламберта, Дидерота и проч., и, къ сожалѣнію, молодой Волконскій не миновалъ этой нравственной заразы, онъ возвратился въ свое отечество, ни во что не вѣруя. Прошло около тридцати лѣтъ,или болѣе. Князь жилъ въ Москвѣ, въ своемъ Казанскомъ имѣніи,—много читалъ, посѣщалъ клубы, и, какъ богатый человѣкъ, не отказывалъ себѣ въ тѣхъ жизненныхъ удовольствіяхъ, которыя доступны хотя воздержному по природѣ человѣку, но ни во что не вѣровавшему по убѣжденію. Храма Божія, разумѣется, Князь не посѣщалъ, постовъ не соблюдалъ и въ продолженіи не одного десятка лѣтъ не былъ на исповѣди и добровольно лишалъ себя сообщенія Христовыхъ Тайнъ. Въ 1833 или 34 году Князь посѣлился въ нижнемъ этажѣ дома своего двоюроднаго племянника—В. М. Римскаго-Корсакова, рядомъ съ Земледѣльческою школою на Сѣнномъ бульварѣ близь Смоленскаго рынка. Не подалеку жила двоюродная сестра Князя, Елизавета Петровна Янькова, рожденная Римская-Корсакова, вдова подпоручика, весьма почтенная, благочестивая и умная

старушка, имѣвшая свой собственный домъ въ Штатномъ переулкѣ у Троицы въ Зубовѣ (нынѣ Вепрейскаго). Елизавета Петровна, не будучи ни весьма богата, ни чиновна, безъ особыхъ связей, была въ свое время очень уважаема въ Москвѣ, потому что была умная женщина, умѣвшая каждаго принять и обласкать, и всегда готовая помочь и словомъ и дѣломъ.—Князь очень былъ друженъ съ своею двоюродною сестрою, и, не смотря на ихъ совершенно различныя убѣжденія относительно вѣры, они часто видѣлись, и почти черезъ день или черезъ два Князь весь вечеръ просиживалъ въ гостинной у своей двоюродной сестры. Елиз. Петровна не разъ пыталась обратить Князя на путь истины, но видя безуспѣшность попытокъ поколебать невѣріе Князя, мало по малу перестала касаться того предмета, въ которомъ они не сходились въ убѣжденіяхъ.

Князь любилъ много ходить пѣшкомъ, и обыкновенно, проходя по Смоленскому рынку, останавливался у лавокъ, спрашивалъ о цѣнѣ муки, ржи, овса, крупы и проч. Однажды въ осенній воскресный день, проходя черезъ Сѣнную площадь, онъ увидалъ, что стоитъ одинъ возъ сѣна, и при немъ старикъ мужичекъ. Торгъ окончился, всѣ продавцы разъѣхались, только этотъ старикъ стоялъ съ своимъ возомъ и ожидалъ покупателя на свой непродававшійся товаръ. Это было въ 1836 или 1837 году.—„Чего-же ты ждешь, старикъ?“ спросилъ Князь, проходя мимо крестьянина.—„Вѣстимо чего, родимый, покупателя, купи, баринъ, мое сѣно!„ Князь велѣлъ было взвѣсить сѣно; вдругъ ему пришла мысль узнать, сколько въ немъ самомъ вѣса.—„А вотъ что, любезный,“ сказалъ онъ,—сперва взвѣсь-ка ты меня„ сказалъ онъ старику. Старикъ насмѣшливо посмотрѣлъ на стараго Князя, покачалъ головою и строго сказалъ

ему: „Не на этакихъ вѣсахъ намъ съ тобою слѣдуетъ вѣшаться, баринъ.“—А на какихъ же? весело спросилъ Князь?—„А вотъ на какихъ, отвѣчалъ крестьянинъ,— на тѣхъ, которые есть тамъ, и указалъ рукою на небо;—тамъ насъ будутъ съ тобою взвѣшивать.“—Да развѣ тамъ есть вѣсы, опять спросилъ князь,—я думаю, что тамъ нѣтъ ничего.—„Ну какъ бы тебѣ, баринъ, не прогадать.“—Да вѣдь тамъ ничего нѣтъ, повторилъ Князь. „А ну, какъ есть, баринъ, возразилъ крестьянинъ,—вѣдь ты прогадаешь!“

Князя поразили эти слова, онъ сильно задумался, купилъ возъ сѣна у старика, и велѣлъ отвезти къ себѣ на дворъ, а самъ пошелъ къ двоюродной своей сестрѣ Янковой, и все ей разсказалъ. Елизавета Петровна, съ искреннимъ прискорбіемъ видѣвшая невѣріе Князя, душевно обрадовалась этому случаю и стала совѣтовать брату, чтобы онъ съѣздилъ къ Владыкѣ Московскому, покойному Митрополиту Филарету, побесѣдовалъ съ нимъ и попросилъ у него духовника. Князь поѣхалъ ко Владыкѣ, долго и подробно говорилъ ему о всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ, и вышелъ отъ него, ежели не вполнѣ убѣжденный въ истинахъ вѣры, то по крайней мѣрѣ съ желаніемъ въ нихъ убѣдиться. По совѣту Владыки онъ обратился къ бывшему тогда священнику у Троицы на Арбатѣ, Сергѣю Ивановичу, который мало по малу доказалъ ему, какъ онъ заблуждался, и уговорилъ Князя принести покаяніе и говѣть.

Съ тѣхъ поръ Князь сдѣлался ревностнымъ исполнителемъ устава церковнаго, посѣщалъ храмъ Божій, соблюдалъ посты и скончался, напутствуемый всѣми таинствами церкви Православной. Простое замѣчаніе крестьянина послужило толчкомъ къ обращенію его на путь истинный.

(Разсказано и записано для меня племянникомъ Г-жи Янковой).

Изъ жизни принца Евгенія, вице-короля Италійскаго *).

„Въ 1839 году, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, были большіе маневры на Бородинскомъ полѣ, въ память знаменитой битвы на этомъ полѣ въ 1812 году 26 августа. П. П. Новосильцевъ состоялъ тогда адъютантомъ у Московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына. Во время движенія войскъ и разныхъ революцій, которыя должны были представлять великую Бородинскую битву, памятную въ то время для многихъ участвовавшихъ въ оной, Новосильцевъ случайно встрѣтилъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, сына героя этого сраженія, принца Евгенія, бывшаго вице-короля Италіянскаго. Герцогъ ласково раскланялся съ Новосильцевымъ и предложилъ ему ѣхать съ собою вмѣстѣ. Разговаривая о Бородинской битвѣ и вообще о компаніи 1812 г., бывшей столь гибельною для французскаго войска, герцогъ спросилъ Новосильцева, не можетъ ли онъ сказать, гдѣ находится монастырь св. Саввы, и далеко ли отъ Москвы? Такой вопросъ отъ человѣка, не бывшаго никогда въ Россіи, удивилъ Новосильцева; и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ могъ слышать герцогъ о такомъ пустынномъ мѣстѣ, находящемся близъ небольшаго уѣзднаго города Звенигорода, Московской губерніи? Онъ сказалъ герцогу, что въ монастырѣ этомъ ничего такого нѣтъ, что бы интересно было видѣть Его Высочеству; а не угодно ли ему будетъ побывать въ Святотроицкой Сергіевой лаврѣ, гдѣ много замѣчательныхъ вещей и историческихъ воспоминаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ герцога дозволить ему быть его путеводителемъ.

*) Разсказъ этотъ, сообщенный г. Ильинымъ въ Русской архивъ, переданъ Н. Д. Хвощинской покойнымъ П. П. Новосильцевымъ, въ бытность его Рязанскимъ губернаторомъ.

Герцогъ, улыбнувшись, поблагодарилъ за любезность и сказалъ: „Васъ вѣроятно удивляетъ, что я знаю о монастырѣ св. Саввы, не-смотря на то, что тамъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Вы еще болѣе удивитесь, если я вамъ скажу, что я, католикъ, хочу поклониться вашему св. Саввѣ: я въ этомъ далъ обѣтъ умирающему человѣку, а именно отцу моему. Онъ взялъ съ меня честное слово, если когда нибудь судьба приведетъ меня въ Россію, непремѣнно отыскать мѣсто, гдѣ погребенъ св. Савва, и поклониться ему. Хотите знать, отчего онъ этого отъ меня требовалъ? Слушайте. Отецъ мой, принцъ Евгеній, какъ вѣроятно вамъ извѣстно, при нашествіи императора Наполеона на Россію, находился въ его арміи, и командовалъ корпусомъ, состоявшимъ изъ Французовъ и Италіянцевъ. По вступленіи арміи въ Москву, ему поручено было отъ Наполеона наблюдать дороги, ведущія въ Москву и защищать ихъ отъ партизановъ, образовавшихся тогда въ Русской арміи, и дѣлавшихъ большой вредъ своими неожиданными появленіями на разныхъ пунктахъ. Въ одно утро дали знать моему отцу, что около Звенигорода показался Русскій отрядъ (какъ онъ послѣ узналъ, это была кавалерія генерала Винценгероде). Онъ сейчасъ же приказалъ авангарду своего корпуса съ достаточнымъ количествомъ артиллеріи выступить къ тому мѣсту, гдѣ показался непріятель. Съ этимъ отрядомъ войскъ онъ выступилъ и самъ, желая подробно изучить мѣстность окрестностей Москвы, и, если удастся, захватить непріятеля врасплохъ. Но сдѣлавши переходъ болѣе 10 миль, и посылая во всѣ стороны разъѣзды, они никого не видѣли; вѣроятно Русскіе партизаны, узнавъ, черезъ своихъ лазутчиковъ, о выступленіи противъ нихъ значительнаго числа войскъ, удалились и спрятались въ лѣсахъ. Такъ какъ войска отца моего отъ большаго перехода

были очень утомлены, то онъ рѣшился оставить дальнѣйшіе поиски, и, размѣстивъ отрядъ на бивакахъ близь одного монастыря, который былъ у нихъ въ виду, самъ съ своимъ конвоемъ и нѣкоторыми генералами отправился въ монастырь, гдѣ они и заняли комнаты въ кельяхъ. Въ монастырѣ нашли они нѣсколько спрятавшихся монаховъ, которымъ они не сдѣлали никакого зла, а попросили только принести хлѣба и какую-нибудь пищу, что они и исполнили. На ночь разставили кругомъ монастыря часовыхъ, и въ лагерѣ также, чтобы быть готовыми при малѣйшей тревогѣ. Было уже около 10-ти часовъ вечера. Отецъ мой, утомленный отъ большаго перехода верхомъ, отправился въ особую комнату, гдѣ ему приготовили кровать, на которую онъ, не раздѣваясь, легъ и скоро заснулъ сномъ праведника. Здѣсь онъ не можетъ припомнить, во снѣ, или на яву, но онъ видитъ, что отворяется дверь въ его комнату, входитъ тихими шагами человѣкъ въ черной длинной одеждѣ, подходитъ къ нему такъ близко, что онъ могъ при лунномъ свѣтѣ разсмотрѣть черты лица его. Онъ казался старымъ, съ сѣдой бородой. Около минуты стоялъ онъ, какъ бы разсматривая принца, наконецъ тихимъ голосомъ сказалъ: „не вели войску своему расхищать монастырь и особенно уносить что-нибудь изъ церкви. Если ты исполнишь мою просьбу, то Богъ тебя помилуетъ, и ты возвратишься въ свое отечество цѣлымъ и невредимымъ“. Сказавъ это, старецъ тихо вышелъ изъ комнаты. Принцъ, проснувшись на разсвѣтѣ, сейчасъ вспомнилъ это видѣніе, которое представлялось ему такъ живо, какъ бы на яву. Онъ немедленно позвалъ адъютанта, и велѣлъ ему отдать приказъ, чтобъ отрядъ готовился къ выступленію обратно къ Москвѣ, съ строгимъ запрещеніемъ входить въ монастырь. Отпустивъ адъютанта, принцъ пошелъ

посмотрѣть церковь, у входа которой стояли часовые. Войдя въ храмъ, онъ увидѣлъ гробницу и образъ, который поразилъ его сходствомъ своимъ съ человѣкомъ, представившимся ему ночью. На вопросъ его: чей это портретъ, одинъ изъ бывшихъ тутъ монаховъ отвѣчалъ, что это образъ св. Саввы, основателя монастыря, котораго тѣло лежитъ въ этой гробницѣ. Услышавъ это, принцъ съ благоговѣніемъ поклонился мощамъ святаго и записалъ его имя въ своей памятной книжкѣ *).

Послѣ этого событія ему приходилось быть почти во всѣхъ сраженіяхъ, начиная отъ Малоярославца, во время отступленія Французской арміи изъ Россіи и въ кампаніи 1813 г. въ Германіи. Ни въ одномъ сраженіи принцъ не былъ раненъ; слова старца сбылись: онъ возвратился благополучно въ отечество, и даже послѣ паденія Наполеона остался всѣми любимъ и уважаемъ".

Замѣчательно, что почти всѣ маршалы, бывшіе съ Наполеономъ, погибли или въ сраженіяхъ, или насильственною смертью. Мортье, взрывавшій во время выступленія Французовъ изъ Москвы нашъ Кремль, самъ былъ взорванъ адскою машиною, которая направлена была на короля Людовика-Филиппа, когда онъ дѣлалъ смотръ войскамъ своимъ въ Парижѣ; Жюно умеръ въ сумашествіи, Ней и Мюратъ разстрѣляны, Бертье сбросился съ балкона своего замка въ Бамбергѣ; маршалъ Бессьеръ убитъ подъ Люценомъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ; маршалы Дюрокъ и Понятовскій также убиты въ сраженіяхъ.

Герцогъ Лейхтенбергскій, исполняя волю отца, не преминулъ быть въ монастырѣ преподобнаго Саввы и поклонился мощамъ его."

---

*) Любопытно бы знать, сохранилась ли эта памятная книжка, замѣчаетъ издатель Русскаго Архива.

Анна Николаевна Веневитинова, благословляя предъ кончиною меньшаго сына своего, Алексѣя Владимировича, сказала умирающимъ голосомъ: Богъ благословитъ тебя и Аполинарію.

Послѣ А. В. Веневитиновъ дѣйствительно женился на графинѣ Аполлинаріѣ Михайловнѣ Віельгорской.

Это разсказывалъ мнѣ самъ А. В. В., и кажется говорилъ мнѣ, что мать его не имѣла никакого понятія о будущей его невѣстѣ и женѣ. Но въ послѣдствіи времени графъ Е. Е. Комаровскій, зять его, разсказывалъ мнѣ, что была въ семействѣ мысль объ этомъ бракѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ вѣрно то, что не было ничего нетолько рѣшительнаго, но дѣло и неначиналось при жизни Анны Николаевны.

Покойный Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ разсказывалъ еще, что ему очень хотѣлось имѣть портретъ своей матери, вскорѣ послѣ кончины, но онъ незналъ, гдѣ отыскать знакомаго ему художника Соколова, который, надѣялся онъ, всѣхъ лучше можетъ исполнить его желаніе. Въ ту минуту, какъ онъ о немъ думалъ, Соколовъ, ни съ того, ни съ сего, является къ нему за какими-то нечаянно встрѣтившимися ему дѣлами. А. В. описываетъ ему образъ своей матери, объясняетъ, предлагаетъ сравненія. Соколовъ берется сдѣлать опытъ, и въ туже ночь видитъ покойную Анну Николаевну во снѣ такъ долго и живо, что черты ея врѣзываются у него въ памяти. Онъ проснулся и написалъ портретъ къ полному удовольствію ея сына и всѣхъ его знакомыхъ.

Г. Бахтинъ, одинъ изъ значительныхъ чиновниковъ, *) какъ видно изъ разсказа въ особо изданной имъ книжкѣ, (Вдохновенныя идеи) 1816 г. въ Петербургѣ, свидѣтельствуетъ о себѣ:

*) Просимъ читателей сообщить свѣдѣнія объ немъ, какія кто можетъ.

1., Можетъ быть отъ двадцати до тридцати разъ, въ теченіи послѣднихъ пятнадцати, а паче семи лѣтъ, случилось, что не только нужнымъ мнѣ казалось написать какую-либо бумагу, или что дѣлать, но даже обстоятельство и существо самаго дѣла того требовали; однакожъ я того не выполнялъ, и какъ-бы кто меня отъ того удерживалъ. Я иногда принимался разъ другой и третій, но потомъ оставлялъ, или что-либо другое меня отвлекало. Послѣдствіе времени оправдывало меня въ томъ и доказывало, что я очень хорошо сдѣлалъ, что не поспѣшилъ: ибо выходило, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, что я, поспѣшивши, сдѣлалъ-бы дурно, или по крайней мѣрѣ, что, умедливши, сдѣлалъ лучше; а промѣдленіе такое вѣдь было не по разсудку или расчету.

2., Однажды былъ случай, отъ котораго зависѣло или пріобрѣсть мнѣ уваженіе, принадлежащее человѣку честному, правдивому, безкорыстному, усердному къ своему Государю и наблюдающему пользу общую; или быть почтену человѣкомъ вздорнымъ, ни съ кѣмъ не уживающимся въ ладу, а можетъ быть и мѣлочнымъ. Послѣдствіе доказало мнѣ, что я отъ просвѣщеннаго Министра, тогдашняго моего начальника, заслужилъ, кажется, первое; но когда я отправлялъ о томъ представленіе мое, сочиненное мною самимъ, то вотъ что было: я сдѣлалъ въ немъ весьма большую, солгавши безъ намѣренія, ошибку, могшую дать совсѣмъ другой видъ дѣлу, или по крайней мѣрѣ, остановить ходъ онаго и ослабить мое представленіе. Ошибка по перебѣленіи бумаги съ моей руки писцомъ и при поправленіи оной, не была мною замѣчена; ошибка не была замѣчена и секретаремъ моимъ, по написаніи бумаги набѣло, и при сличеніи оной съ черновой; ошибка не была паки мною замѣчена при прочтеніи и при подписаніи въ вечеру бѣловой бумаги, и бумага потомъ отослана была

съ ошибкою на почту. Но завтра по утру, при просыпаніи, мнѣ впала мысль прочитать бумагу. Два часа я не могъ быть покоенъ: желаніе прочитать еще разъ бумагу меня мучило; а на что прочитать? Ежели-бы кто потребовалъ отъ меня тогда отчета, я немогъ-бы дать порядочнаго. Въ девятомъ часу по утру я пишу къ секретарю записку, чтобы онъ принесъ мнѣ конвертъ, включающій въ себѣ ту бумагу, а ежели онъ ускорилъ уже отдать на почту, то чтобы непремѣнно вытребовалъ его на время. Секретарь выполняетъ мое приказаніе, беретъ съ почты конвертъ, и ко мнѣ приноситъ. Я распечатываю и читаю бумагу, а онъ, стоя позади меня, вдругъ вскрикиваетъ: „да чтожъ вы такое изволили написать!„ даетъ мнѣ замѣтить ошибку. Я благодарю Бога, благодарю его, поправляю ошибку, приказываю переписать листъ, запечатываю бумагу и отправляю на почту. Замѣтить нужно, что не только брать съ почты бумагу, отправленную для прочитанія, но даже желаніе то сдѣлать, пришло мнѣ одинъ только разъ въ жизни, и точно тогда, когда сіе столько нужно было.

3. Въ другой разъ изъ присутственнаго мѣста, въ которомъ я предсѣдательствовалъ, отправлялись списки о чиновникахъ. Нужно было поспѣшить, и нѣкогда было мнѣ за другимъ занятіемъ разсмотрѣть бѣлыхъ отправляющихся. Когда надобно было ихъ подписывать, я спрашиваю у секретаря того мѣста: повѣрялъ ли съ черными?„ Два раза читаны,“ отвѣчаетъ онъ мнѣ. Смотри-же, сказалъ я, вѣрно-ли? Вѣдь ты за это отвѣтствуешь: ибо ты скрѣпилъ.„ Вѣрно,“ отвѣчалъ онъ, „не извольте сомнѣваться.“ но я вдругъ, можно сказать, больше машинально, нежели намѣренно, развертываю посрединѣ тетрадь, листовъ изъ тридцати состоящую, вскидываю взглядъ и усматриваю ошибку, которая служила-

бы ко вреду того чиновника, въ спискѣ котораго была сдѣлана. Я прихожу въ сердце, журю секретаря, беру списки домой, прохожу всѣ, и не нахожу нигдѣ никакой другой, ниже малѣйшей, ошибки: слѣдовательно взглядъ мой попалъ изъ осьми или девяти сотъ строкъ, точно на ту, гдѣ поправить надобно было ошибку, ко вреду служившую человѣку.

4.. Еще однажды посылалъ я распорядительныя предписанія по весьма важному случаю, въ томъ числѣ циркулярное. Мысль, что спѣшили писавши, заставляетъ меня изъ двѣнадцати бумагъ выдернуть изъ средины одну, подобно какъ выдергиваютъ карты изъ колоды. Я читаю бумагу слово отъ слова и вижу страшную ошибку: такъ случилось, что пропущенныя два слова писцомъ давали совсѣмъ другой смыслъ моему предписанію, и выйти-бы должно отъ того замѣшательство и промедленіе. Я смотрю остальныя одинадцать бумагъ, и ни въ одной изъ нихъ не было не только подобной, но и никакой ошибки. *)“

Книжечку свою, изъ которой почерпнуты вышеприведенные четыре случая, Г. Бахтинъ начинаетъ слѣдующимъ объясненіемъ.

„Сколько могу припомнить, это было около тридцать втораго года моего возраста, какъ я началъ замѣчать, что мнѣ не тогда, когда я уже хорошо проснулся, но въ самое почти то время, когда просыпаются,—приходятъ иногда вдругъ мысли, или, такъ сказать, прелетаютъ чрезъ голову мою идеи весьма сильныя, острыя, разрѣшающія иногда бывшее въ чемъ либо мое недоумѣніе, а иногда совсѣмъ новыя, о такихъ предметахъ, кои меня и мало прежде занимали;

*) Не къ тому пишу сіе, чтобы совѣтовать другимъ, полагаясь на подобные случаи, пренебрегать нужною осторожностію: а только замѣчаю сіе въ подтвержденіе моихъ опытовъ.

однако-же всегда относительныя ко мнѣ собственно, и заключающія въ себѣ или то, что написать, или сдѣлать мнѣ должно, или то, въ чемъ я долженъ взять мою осторожность. Довольно странное замѣчаніе: никогда такія мысли не родятся во мнѣ при просыпаніи отъ послѣ обѣденнаго сна, а только поутру.

Сіи мысли я называю *сильными*, потому что вкратцѣ содержатъ въ себѣ много, такъ, что ежели-бы я другому захотѣлъ изъяснить вздуманное мною въ одну изъ таковыхъ секундъ, то надобно-бы употребить на пересказаніе того нѣсколько минутъ; ибо сіи мысли можно уподобить, напримѣръ, экстракту книги, или эскизу картины, то есть, что онѣ также, какъ экстрактъ или эксизъ, содержатъ въ себѣ всѣ части книги или картины, но только не въ такой, какъ книга и картина, ясности и пространствѣ.

Я называю ихъ *острыми*, потому что въ нихъ вдвое, а можетъ быть, и впятеро бываю умнѣе, нежели какимъ обыкновенно себя чувствую..

Я сказалъ, что онѣ приходятъ *вдругъ*: симъ я хотѣлъ выразить, что онѣ не имѣютъ ничего предыдущаго себѣ, какъ то обыкновенно въ бдящемъ состояніи бываетъ. Намъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, сколько я замѣтилъ, приходятъ мысли, или отъ какого-либо усмотреннаго предмета, или отъ слышимыхъ словъ, или отъ читаемыхъ, или отъ воспоминанія бывшаго происшествія, или отъ воспоминанія какой-либо аналогической идеи, и можно почти всегда, подумавши мало или много, открыть источникъ всякой вновь родившейся мысли или идеи; а ежели когда сіе бываетъ и невозможно, то можно чувствовать мѣсто, гдѣ пресѣклась цѣпь идей, и гдѣ недостаетъ забытой нами тогда; но совсѣмъ противно бываетъ относительно тѣхъ мыслей, о которыхъ я говорю, то есть родящихся иногда въ умѣ моемъ во время моего

просыпанія: ни одной таковой я еще никогда не открылъ источника или причины: онѣ приходятъ такъ, какъ бы, напримѣръ, кто-либо постороній влагалъ мнѣ ихъ въ то время внезапно въ голову.

Я назвалъ также сіи мысли или идеи какъ-бы *пролетающими чрезъ голову мою*, потому что ежели которой, проснувшись уже совсѣмъ, въ скорости потомъ не одумаю и не обсужу, то таковая у меня пропадаетъ, и сколько-бы я ни силился ее вспомнить, сіе бываетъ напрасно; но случалось, однако рѣдко, что нѣкоторыя возобновлялись у меня опять при просыпаніи, спустя нѣсколько времени, и узнавалъ я ихъ съ удовольствіемъ.

Естественно, что всякому придетъ въ умъ, какъ и мнѣ первоначально приходило, что сіи кажущіяся мнѣ вдругъ родящимися мысли, суть послѣдствіе того, о чемъ я думалъ два дни, три дни, или недѣлю назадъ, и продолжалъ думать ту самую ночь во снѣ.

Хотя и то довольно-бы было чудно, чтобы быть умнѣе во снѣ, нежели бдящему; однакожъ сіе опровергается слѣдующимъ: *во первыхъ;* изъ всѣхъ разовъ, сколько въ жизни моей случилось, я ни однажды не могъ вспомнить, чтобы я видѣлъ во снѣ, предъ моимъ просыпаніемъ что-либо сходственное или аналогическое, рождающейся потомъ мысли. *Во вторыхъ*: часто случалось мнѣ вспомнить, что, предъ просыпаніемъ своимъ, я видѣлъ во снѣ совсѣмъ другое, и ни мало несоотвѣтствующее той мысли, которай во время просыпанія во мнѣ родилась; напримѣръ: я видѣлъ-бы во снѣ, что ѣду на лошадяхъ, или гуляю въ саду, а, просыпаясь, вздумалъ-бы вдругъ, чѣмъ и какъ разрѣшить затруднявшее меня, три или четыре дни предъ тѣмъ обстоятельство. *Въ третьихъ*: иногда я замѣчалъ очень явственно, что бывалъ нѣкоторый, такъ сказать пустой, хотя короткій, промежутокъ

времени между моего сна (sommeie) и родившейся потомъ мысли, въ которой промежутокъ я лежалъ, какъ будто-бы въ забвеніи, не мысля ни о чемъ. *Въ четвертыхъ*: хотя то и весьма рѣдко, но бывало со мною, что таковыхъ мыслей, почти вдругъ или лучше сказать, мгновенно одна за другою, рождалось двѣ по различнымъ совсѣмъ между собою предметамъ, какъ напримѣръ: одна-бы была о томъ, чѣмъ разрѣшить такое-то обстоятельство; а другая о томъ, что вчерашній гость (неприкосновенный ничѣмъ къ тому обстоятельству) говорилъ *то-то*, и что вѣрно онъ имѣетъ въ предметѣ *то-то*, и надобно его остерегаться съ такой-то стороны.

Сначала я слѣдовалъ симъ мыслямъ не потому, чтобы ихъ почиталъ вдохновенными, какъ осмѣливаюсь признавать нынѣ, или лучше сказать, какъ опытъ принуждаетъ меня невольно признавать, но потому, что онѣ казались мнѣ правильными, и будучи, подвергаемы разсудку, находимы были мною хорошими и приличными обстоятельствамъ. Потомъ получивши къ нимъ со временемъ больше довѣрія, я началъ подвергать ихъ рѣже и менѣе испытанію разсудка, а нынче слѣдую имъ, можно сказать, слѣпо и беру, приступая къ выполненію оныхъ, токмо нужное время на приведеніе ихъ въ должную ясность и надлежащее распространеніе.

Можетъ быть разъ полтораста или двѣсти, что въ теченіи 21 или 22-хъ лѣтъ, а можетъ быть нѣсколько и болѣе, я слѣдовалъ таковымъ моимъ (почитаемымъ мною нынѣ за вдохновенныя) мыслямъ; а иногда въ самыхъ важныхъ случаяхъ моей жизни: но ни однажды о томъ не раскаявался, и не имѣлъ причины; ибо всегда, до сего самаго времени, благодареніе Богу, онѣ увѣнчаны были успѣхомъ.

Легко можно подумать другому, что это одинъ мой вымыслъ, или дѣйствіе фанатизмомъ разгоряченнаго воображенія, то есть, что я обманываю или обманываюсь невольно,—

но вотъ доказательство противнаго: *во первыхъ* коротко знающіе меня люди, — разумѣется однакожъ такіе, съ коими я много бесѣдовалъ одинъ на одинъ, и съ коими имѣлъ время говаривать, что называется, и дѣло и бездѣлье, уже весьма давно слыхали отъ меня по временамъ о сихъ родящихся во мнѣ мыслях, которымъ я всегда удивлялся: неужели жъ я около десятковъ двухъ лѣтъ, все намѣревался и приготовлялся совершить свой обманъ, и обманъ безполезный? *Во вторыхъ* я теперь совершенный въ душѣ моей христіанинъ; но, къ стыду моему, долженъ признаться, что весьма недавно достигъ постепенно сего благополучнаго состоянія; въ тридцать-же два года, въ тридцать шесть, даже въ сорокъ, я еще былъ *волтеристъ*, и Орлеанская дѣвица была карманная моя книжка. Слѣдовательно: ежели я лгу теперь, для защищенія (могутъ сказать) образа моихъ мыслей, и для подтвержденія въ другихъ мнѣнія о чудесности, то я спрашиваю: на что-же я лгалъ тогда, когда ложь моя могла служить опроверженіемъ тогдашней моей системы? Ежели бы воспаленное мое воображеніе вѣрою и могло бы приводить меня теперь въ заблужденіе, какъ нѣкоторые могутъ думать: то тогда оно было холодно. Лексиконъ разсудка (Dictionnaire de la raison) или паче—безразсудка, Волтеровъ, воспалить его былъ неудобенъ.

Итакъ пускай господа вещесловы и душесловы (phisiologistes et psichologistes) растолкуютъ рожденіе сихъ чудесныхъ моихъ мыслей; а я, до яснаго ихъ разрѣшенія, принужденъ думать, что есть духи-хранители человѣка. Всякій-ли изъ насъ такого имѣетъ, объ этомъ я судить не могу, но вѣрю, что у меня такой есть; да думаю и многіе-бы въ томъ удостовѣрились, ежели-бы сообразили и подумали хорошенько обо всемъ съ ними случившемся въ жизни. Невозможно,

чтобы мы только двое съ старикомъ Сократомъ пользовались симъ особеннымъ преимуществомъ: ибо что я въ сравненіи съ Сократомъ?—вѣрно и другіе имъ пользуются, но многіе, можетъ быть, не замѣчая. Ежели-же нѣтъ духовъ—хранителей, то должна быть въ душѣ человѣческой нѣкая особенная сила, не зависящая ни отъ пріобрѣтаемыхъ познаній, ни отъ опыта. Безъ духовъ-хранителей она токмо одна удобна родить подобныя мысли."

За симъ г. Бахтинъ передаетъ четыре вышепомѣщенные разсказа и заключаетъ:

„Ежели, говорю я, присовокупить сіи четыре обстоятельства къ тому, что объяснено мною о родящихся при просыпаніи моемъ иногда мысляхъ: кто-бы, на моемъ мѣстѣ, не повѣрилъ бытію духовъ, охраняющихъ человѣка? Буде я и совершенно заблуждаюсь, — по крайней мѣрѣ, винить меня не можно. Но я благодарю Бога за таковые и подобные симъ въ другихъ отношеніяхъ случаи! Сколько разъ я чудеснымъ Его промысломъ былъ избавленъ отъ погибели! *) Ежели-бы ихъ исчислять и описывать, то надобно-бы еще писать столько-же, или вдвое больше. Но все сіе вмѣстѣ сдѣлало, что я постепенно изъ величайшаго вольнодумца, каковымъ былъ въ молодости, сталъ христіаниномъ; а совѣты мудрыхъ и полезное чтеніе утвердило и утверждаетъ меня болѣе и болѣе въ образѣ моихъ мыслей и вѣрѣ.

---

*) Напримѣръ: ѣхавши однажды съ товарищами лѣсомъ на большой линейкѣ, и, захотѣвши понюхать табаку, я привсталъ на подножкѣ, дабы, не безпокоя сосѣда, достать платокъ, но въ самую ту секунду превеликій колъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣлъ, пробилъ подушку въ линейкѣ и высунулся на полъаршина. Сей разъ я избѣжалъ гибели физически, но морально не въ меньшей былъ опасности раза три въ своей жизни.

Атеистъ или матеріалистъ будетъ конечно на все, мною теперь написанное, отвѣчать, что все то произвелъ случай; но я ему скажу напередъ сказочку.

Одинъ человѣкъ ничему не удивлялся и имѣлъ обыкновеніе отвѣчать, когда ему разсказывали про какое-либо удивительное тѣло, движеніе, искусство, проворство и тому подобное: *Это ничего не стоитъ, это привычка.* Ему нѣкто въ шутку разсказывалъ про штукаря, и между прочимъ, что будто сей пролѣзъ сквозь обыкновенное кольцо, снятое у одного зрителя съ мизинца: *ничего не стоитъ*, отвѣчалъ онъ, *это привычка.* Куда какъ матеріалисты, по моему мнѣнію, бываютъ часто подобны сему неудивляющемуся!“

Изъ записокъ Ѳ. П. Лубяновскаго. *

...„Принявъ приказаніе отъ генерала, я побѣжалъ на квартиру (въ Брестѣ) и легъ спать. Вдругъ пришло мнѣ на мысль, будетъ-ли у меня завтракъ, и моя, тогда по обезьянству, любимая овсяная каша на сливкахъ. Между этою мыслью и лѣнью встать и спросить деньщика, поднялась во мнѣ такая борьба, что я не только не могъ заснуть, но просто въ потъ меня бросило; съ досады я вскочилъ и вышелъ спросить о своей кашѣ; спросивъ, не успѣлъ оборотиться, слышу что то обрушилось; прибѣжалъ деньщикъ со свѣчею, и что-же?—въ комнатѣ, гдѣ я легъ спать, потолокъ обвалился, и доски свисли концами прямо на дорожную

---

* Ѳ. П. Л. Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ, близкій въ молодости къ Сперанскому, скончался въ Петербургѣ года два назадъ. Записки по его смерти напечаны въ Русскомъ архивѣ 1872 года.

подушку, на которой за минуту передъ тѣмъ лежала голова моя. Возовъ двадцать вывезли песку, глины и всякаго хлама изъ развалины, пока то дорылись до моей дорожной подушки. Очевидный перстъ милосердія Божія! Страннымъ покажется, что пошлой овсяной кашѣ суждено было спасти меня отъ неминуемой смерти. Въ нѣмецкой книгѣ „Ahnungs Vermögen“ и во многихъ другихъ есть разные толки на подобные случаи. Душѣ человѣческой, въ какомъ-то ея состояніи, присвоивается какая-то способность предчувствовать и предугадывать. Я плохо понялъ всѣ эти психологическіе толки, и держусь въ простотѣ сердца вѣры въ милосердіе Господа Спасителя нашего, долготерпящаго и призывающаго насъ къ покаянію. Души человѣческія такъ дороги Ему Искупителю нашему, что для спасенія ихъ, гдѣ-то сказано, Онъ посылаетъ вой небесныхъ.“

„Два штабъ-офицера, раненые въ Финляндскую войну, привезены въ столицу лечиться; одинъ изъ нихъ выздоровѣлъ, возвращался въ армію, и пришелъ проститься съ товарищемъ, съ которымъ былъ очень друженъ; этотъ въ шутку сказалъ: если пуля невзначай угодитъ ему прямо въ сердце, то навѣстилъ бы его съ того свѣта, сказалъ бы, что и каково тамъ. Обѣщано, хотя и неравнодушно; — разстались. Прошелъ мѣсяцъ, другой и третій; больной тихо оправлялся. Въ одну ночь видитъ во снѣ товарища. „Вотъ я сдержалъ свое слово,“ тотъ говоритъ ему, „я убитъ сегодня въ сраженіи; здѣсь хорошо, но я еще не осмотрѣлся. Ты сходи къ В. С. Тамарѣ, и попроси у него себѣ книжку, что у него въ коробу подъ фаянсовымъ сервизомъ, въ ней все, что тебѣ нужно знать.“ Больной записалъ число и сновидѣніе, а по приказамъ узналъ, что товарищъ дѣйствительно убитъ того числа въ сраженіи. Сколь скоро смогъ, бросился

къ Василію Степановичу. Этотъ по своему обычаю руками и ногами отбивался отъ новаго знакомства съ человѣкомъ совсѣмъ ему неизвѣстнымъ; уступилъ наконецъ убѣдительной просьбѣ. Незванный гость объяснилъ ему причину посѣщенія, разсказалъ все какъ было, прочиталъ записку о сновидѣніи, и просилъ приказать отыскать въ коробѣ съ фаянсовымъ сервизомъ завѣтную книжку. Тамара въ первый разъ въ жизни слышалъ отъ него имя покойника, а о коробѣ съ сервизомъ не зналъ и не вѣдалъ. Призванъ дворецкій, и тотъ непомнилъ въ домѣ короба съ фаянсовымъ сервизомъ. Хозяинъ потомъ самъ не хотѣлъ отпустить отъ себя гостя безъ осмотра всѣхъ угловъ въ своемъ домѣ. Дворецкій повелъ его въ кладовую, оттуда въ подвалъ. Тамъ, въ темномъ углу, подъ разнымъ хламомъ стоялъ ящикъ съфаянсовымъ сервизомъ: изъ Англіи въ Константинополь, а оттуда, обогнувъ Европу, на кораблѣ привезенъ въ Петербургъ съ другими вещами, и оставался въ забытьѣ по ненадобности. Что-же? подъ сервизомъ, между листовъ оберточной бумаги, нашлось, въ листахъ же, прекрасное изданіе „Подражаніе Іисусу Христу Ѳомы Кемпійскаго“ на французскомъ языкѣ. Василій Степановичъ обѣими руками отдалъего гостю.

Я смѣло могу прибавить къ этому его разсказу только то, что Тамара не умѣлъ и въ шутку сказать неправду или назвать вещь не своимъ именемъ.“

Считаемъ долгомъ замѣтить, что В. С. Тамара былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ мистиковъ своего времени.

„Въ Охотномъ ряду въ Москвѣ жили въ старинномъ боярскомъ домѣ три брата Юрьевы. Зумблатъ, (близко извѣстный Г. Лубяновскому человѣкъ, очень благочестивый, и принадлежавшій къ масонству) былъ врачъ и другъ ихъ. Въ 11-ть часовъ вечера онъ оставилъ ихъ всѣхъ въ добромъ здоровьѣ.

третьемъ часу ночи прислали сказать, что одинъ изъ нихъ при смерти; нашелъ онъ его дѣйствительно въ безнадежномъ положеніи:—заснулъ, во снѣ что-то видѣлъ; отъ боли въ груди проснулся, повторялъ, что дурно ему, спрашивалъ икону, которая представилась ему въ сновидѣніи. Приносили ему всѣ сколько ни было образовъ въ старинномъ домѣ: все не тотъ, что онъ видѣлъ во снѣ. Вспомнили, что на чердакѣ былъ еще сундукъ съ образами. Между этими онъ узналъ представившійся во снѣ ему образъ, облилъ его слезами и съ горячею молитвою скончался."

„Молодой человѣкъ, единственный сынъ богатыхъ родителей, возвратясь изъ Парижа въ Москву, вскружилъ голову многимъ, и прежде всѣхъ отцу и матери; зимою простудился и занемогъ, а какъ оправился, то Зумблатъ, врачь его, совѣтовалъ ему больше беречь себя, да и Вольтера и Гельвеція бросить. Не прошло года, онъ вновь занемогъ, и уже сильнѣе прежняго; вновь однакоже оправился, а врачь выпустилъ его изъ рукъ своихъ съ тѣмъ же совѣтомъ. Не долго онъ перелеталъ отъ заботы къ забавѣ, слегъ, и опасная болѣзнь развилась въ немъ сильно и быстро: до того ослабѣлъ, что самъ не могъ приподняться. Въ одинъ день Зумблатъ замѣтилъ, что больной хотѣлъ поговорить съ нимъ на единѣ: такъ и устроилъ. „Вы учили меня доброму, да я не послушалъ васъ. Нельзя-ли позвать ко мнѣ священника, только такъ, чтобы не знали про то ни мать, ни отецъ?" Священникъ пришелъ въ 5 час. утра. По исповѣди, больнаго съ трудомъ приподняли на простынѣхъ пріобщаться. Священникъ уходилъ. Зумблатъ провожалъ его и неожиданно увидѣлъ за собою больнаго: самъ онъ всталъ съ кровати, проводилъ Св. Дары до 3-й двери, былъ неописанно доволенъ, самъ воротился, легъ, а черезъ полъ-часа заснулъ вѣчнымъ сномъ."

„Скопцы,(привезенные изъ Динабургской крѣпости по повелѣнію И. Павла), просили и умоляли Гине, офицера, который привезъ ихъ и былъ знакомъ Г. Лубиновскому, какъ они къ Государю другой дороги не имѣли, сказать Его Величеству, чтобъ изволилъ глядѣть въ оба, а не остережется, то кончитъ, какъ и не помышляетъ— и то не за горами. Съ такою увѣренностію, говорилъ Гине, они предсказывали, что волосы у него дыбомъ стали на головѣ; не зналъ на что рѣшиться; вспомнилъ о женѣ и о дѣтяхъ, зажалъ себѣ ротъ, глаза, и уши, и уѣхалъ.“

„Арестантъ Авель содержался въ Шлиссельбургѣ за какія-то пророчества. Захотѣли (И. Павелъ?) говорить съ нимъ; спрашивали его о многомъ, изъ любопытства и о себѣ. При разсказѣ Императора объ этомъ разговорѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, съ трепетомъ она зарыдала, испуганная и разстроенная.“

Изъ записокъ Николая Ивановича Греча.

(Извѣстнаго Русскаго писателя, издателя Сына Отечества, Сѣверной Пчелы, и проч. 1789—1867).

....„Вскорѣ по выпускѣ въ офицеры, дядя мой Логинъ Ивановичъ Гречъ, отправился къ арміи, дѣйствовавшей противъ Турокъ, былъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кабулѣ, и въ 1772 году умеръ отъ моровой язвы въ Яссахъ. Онъ былъ любимцемъ своей матери, и, какъ говоритъ семейное преданіе, явился ей въ минуту своей смерти. Бабушка однажды, послѣ обѣда, легла отдохнуть; вскорѣ выбѣжала она изъ своей спальни, встревоженная, и спрашивала у домашнихъ: „Гдѣ-жъ онъ! Что-жъ онъ не вошелъ ко мнѣ? Я еще не спала.“—Кто?—„Какъ кто! Сынъ мой, Логинъ Ивановичъ. Я начала было засыпать, вдругъ услышала

шорохъ, открыла глаза, и вижу—онъ проходилъ бережно, съ остановкой, мимо дверей спальни, чтобъ не разбудить меня! Гдѣ онъ! Не прячьте его.» Ее увѣрили, что Л. И. не пріѣзжалъ, что это ей такъ пригрезилось, и она со слезами убѣдилась въ своей ошибкѣ. Въ это время вошелъ въ комнату зять ея Безакъ; узнавъ о случившемся, онъ призадумался, вынулъ изъ кармана записную книжку, и записалъ день и часъ этого случая. Чрезъ двѣ недѣли получено было письмо, что въ этотъ самый часъ Логинъ Ивановичъ скончался.“

„Тереза Ивановна Шне, урожденная Шенгофъ... моя прабабушка, умершая въ 1802 году, лѣтъ 90 отъ рода... при веселомъ характерѣ одарена была вторымъ зрѣніемъ, не рѣдко предчувствовала и предвидѣла, что случится.

Однажды умеръ въ Лембергѣ какой-то генералъ; сбираясь на похороны, Тереза стояла передъ зеркаломъ и забавлялась гримасами и кривляньями. Вдругъ видитъ, стоитъ позади ея блѣдная высокая фигура, въ зеленомъ халатѣ, и строго грозитъ ей пальцемъ. Тереза обернулась—нѣтъ никого; ей такъ причудилось. Но каковъ былъ ея испугъ, когда она въ тотъ же вечеръ увидѣла въ гробу эту самую неизвѣстную ей дотолѣ фигуру въ зеленомъ халатѣ. У ней было еще нѣсколько такихъ похожденій, которыхъ я не помню.“

„Вскорѣ по выходѣ въ замужство моей матери, скончался отецъ ея, Яковъ Филипповичъ Фрейгольдъ (17 дек. 1786). Этотъ печальный случай ознаменованъ былъ удивительнымъ вѣщимъ сномъ матушки, которая дѣйствительно одарена была какимъ-то Шотландскимъ вторымъ зрѣніемъ. Она провела цѣлый день у больнаго отца, читала ему книгу, подавала ему лекарство, радовалась облегченію его страданій, и

оставила его поздно вечеромъ. Ночью снится ей, что она видитъ отца на томъ же болѣзненномъ одрѣ. Подлѣ него стоятъ жена, сынъ и младшая дочь; передъ нимъ на столикѣ три чашки. Онъ беретъ одну и велитъ выпить ее сыну; другую выпиваетъ дочь. Взявъ третью чашку, больной оглядывается. „Гдѣ же другая дочь моя, гдѣ Катенька?—„Она дома, возражаетъ жена: она не очень здорова, и, какъ я думаю, беременна. Дай, я выпью за нее.“—„Нѣтъ!“ сказалъ онъ: у меня есть сынъ. Выпей, Александръ, эту чашку, за мать и за младенца.“ Сынъ исполнилъ это приказаніе; больной опустился на подушку и закрылъ глаза. Матушка въ ужасѣ проснулась.

Било три часа. Движеніе ея разбудило мужа. „Что съ тобою?“ „Ничего, такъ что-то пригрезилось.“ Онъ вскорѣ захрапѣлъ вновь, и она долго не могла заснуть. Онъ, по обыкновенію своему, всталъ рано, не будя ея, и отправился къ должности. Подкрѣпивъ силы свои утреннимъ сномъ, она проснулась, одѣлась и сѣла за чай съ золовкою, которая жила или гостила у нихъ. Вспомнивъ видѣнный ею сонъ, она пересказала его Еленѣ Ивановнѣ.

„Екатерина Яковлевна,“ спросила изумленная Елена Ив. выпустивъ изъ рукъ чайникъ „да кто это могъ сказать вамъ, что батюшка вашъ скончался?“ За этимъ послѣдовала сцена, которую всякъ вообразить себѣ можетъ. Довольно того, что Я Ф. Фрейгольдъ дѣйствительно умеръ ровно въ три часа. Чувствуя приближеніе кончины, онъ велѣлъ позвать жену и дѣтей, благословилъ ихъ и требовалъ, чтобъ послали за старшею дочерью. Христина Михайловна возразила ему, что Катенька нездорова, объявила, что она чувствуетъ себя беременною, и бралась передать ей благословеніе отца.—„Нѣтъ! сказалъ онъ

(точно такъ, какъ въ сновидѣніи) у меня есть сынъ. Подойди, Александръ, прими благословеніе для сестры и для ея младенца.“ Александръ Яковлевичъ свято исполнилъ это порученіе, былъ другомъ и руководителемъ этого младенца, но къ несчастію не довольно долго.“

„Матушка часто имѣла и вѣщія сновидѣнія, и необыкновенныя предчувствія. Разскажу случай ничтожный, но не менѣе того замѣчательный, бывшій уже на седьмомъ десяткѣ ея жизни. Воротившись съ дачи осенью въ городъ, она спросила у горничной теплыхъ башмаковъ, а та не знала, куда заложила ихъ весною. Долго искали напрасно по всѣмъ угламъ. Вотъ матушка однажды заснула послѣ обѣда; ей чудится, что она подходитъ къ шкафу, сдѣланному въ заколоченныхъ дверяхъ, видитъ высокую круглую корзинку, (какія употребляются для бутылей), въ корзинкѣ до верху разный хламъ, она вынимаетъ все, и на днѣ находитъ свои теплые башмаки. Проснувшись, видитъ она, что въ той комнатѣ сидитъ дочь ея Екатерина Ивановна и, боясь насмѣшки, не говоритъ о своемъ видѣніи; но лишь только К. И. вышла, она встала съ постели, отперла шкафъ, нашла корзину и въ ней, подъ тряпками и обломками, искомые башмаки.“

„У отца моего былъ добрый пріятель, нѣкто Штольцъ, служившій при театрѣ, и нерѣдко снабжавшій матушку билетами на ложи. У него была сестра, помнится, Елисавета Петровна; старая, высокая, сухая, но умная и рѣшительная дѣва, знаменитая въ свое время ворожея. Не имѣя долго извѣстій о мужѣ, матушка начала было безпокоиться, и попросила Елисавету Петровну поворожить ей. Елисавета Петровна,

разложивъ карты, въ туже минуту сказала. «Не тревожьтесь: Иванъ Ивановичъ здоровъ и пріѣдетъ сегодня.» Матушка засмѣялась. «Не вѣрите, Катерина Яковлевна?» возразила ворожея. «Я останусь у васъ, чтобъ быть свидѣтельницею его пріѣзда.» Онѣ поужинали, и, готовясь идти спать, матушка стала смѣяться надъ ея предсказаніемъ. — «Не смѣйтесь, К. Я., еще день не прошелъ: только половина двѣнадцатаго.» Въ эту самую минуту послышался конскій топотъ, стукъ колесъ и звонъ колокольчика. Дорожная повозка остановилась у крыльца. Онѣ выбѣжали на встрѣчу—это былъ ихъ путешественникъ!“

Изъ записокъ графини А. Д. Блудовой.

(Заря, 1871. Мартъ.)

„Есть въ Швеціи одинъ королевскій замокъ, Грипсгольмъ, извѣстный цѣлымъ рядомъ сверхъестественныхъ, или, покрайней мѣрѣ, необъяснимыхъ видѣній. Батюшка еще зналъ въ Стокгольмѣ одного стараго господина въ какомъ-то придворномъ чинѣ, который имѣлъ способность предвидѣнія приближающихся въ будущемъ происшествій, то, что Шотландцы называютъ second sight, *второе зрѣніе;* я не помню имени этого человѣка, но о немъ разсказывали много странныхъ случаевъ, и батюшка часто говорилъ объ одномъ изъ нихъ, который я твердо помню. Нѣсколько лѣтъ передъ нашимъ пребываніемъ въ Швеціи, гостилъ у дочери своей, Шведской королевы, наслѣдный принцъ Баденскій, послѣ пребыванія у другой дочери, императрицы Елисаветы Алексѣевны, и уже собрался ѣхать назадъ на родину. Въ самый день отъѣзда, дворъ вмѣстѣ съ нимъ завтракалъ въ замкѣ Грипсгольмѣ, и нашъ ясновидѣцъ тутъ же сидѣлъ за сто-

ломъ, почти противъ принца. Во время веселаго разговора, графиня Енгстремъ, кажется (жена министра иностранныхъ дѣлъ), или другая дама замѣтила, что ясновидѣцъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ, сталъ пристально смотрѣть на принца и пріунылъ. Другіе этого не видали; завтракъ кончился благополучно, придворные простились съ принцемъ, и королевская семья поѣхала провожать его до моря. Пока ожидали ихъ возвращенія, графиня, съ женскимъ любопытствомъ и настойчивостію, не давала покоя ясновидцу, требуя непремѣнно, чтобъ онъ разсказалъ ей, что его смутило; онъ отнѣкивался, она приставала, и отдѣлившись отъ другихъ группъ, они остались у окна, въ виду большой дороги; тутъ наконецъ ясновидѣцъ рѣшился сказать своей собесѣдницѣ, что плохо принцу прійдется. Во время завтрака онъ увидѣлъ за стуломъ принца его же самаго, стоящаго за нимъ,— точно живой двойникъ, но задумчивый и въ другомъ нарядѣ. Настоящій принцъ былъ въ мундирѣ шведскомъ или баденскомъ (не помню), а привидѣніе стояло въ русскомъ мундирѣ. „Ну, что жъ?“ спросила графиня. „Не хорошо“, отвѣчалъ задумчиво тотъ. „Отъ чего не хорошо? Что же тутъ такое? Чего вы боитесь?“ „Разумѣется, ничего, все вздоръ; зачѣмъ же вы меня спрашивали?“ Онъ едва успѣлъ выговорить эти слова, какъ оба они увидѣли въ окошко скачущаго опрометью верховаго. „Бѣда, бѣда“, кричалъ онъ, „скорѣе доктора, помощи! Принца опрокинули, онъ крѣпко разбился“. Все засуетилось, бросилось на дворъ, на улицу. Принца черезъ нѣсколько часовъ не стало; когда привезли тѣло, онъ былъ въ русскомъ мундирѣ: по какому-то случаю онъ, садясь въ карету, перемѣнилъ платье и надѣлъ русскій мундиръ. Такимъ образомъ, даже и въ этой подробности сбылось предсказаніе ясновидца.“

„Но не одинъ этотъ господинъ имѣлъ видѣніе въ замкѣ Грипсгольмѣ; и другое, изъ такихъ же достовѣрныхъ источниковъ почерпнутое, то есть разсказанное очевидцами, передавалъ намъ батюшка. Королева, не помню, жена ли Густава III или Карла XIII, провела часть лѣта въ замкѣ Грипсгольмѣ тоже не много лѣтъ до пріѣзда батюшки въ Стокгольмъ. Погода стояла ясная, теплая; однажды, послѣ обѣда, на который было приглашено нѣсколько посторонних лицъ, королева предложила гостямъ прогулку со всею свитою по саду. Вечеръ былъ такой теплый, что, отдохнувъ въ одной бесѣдкѣ, королева оставила въ ней красную шаль, которую было надѣла, но въ которой показалось ей слишкомъ жарко, и пошла дальше. Общество было отборное, разговоръ оживленный, королева весела; время шло незамѣтно, катались въ лодкѣ по озеру, прогулка длилась, и на возвратномъ пути королевѣ показалось что-то сыро; сдѣлалась у нея легкая дрожь, и она приказала своему маленькому пажу опередить ее и поскорѣе принести ей шаль. Мальчикъ побѣжалъ къ бесѣдкѣ, но хотя гуляющіе шли тихо, онъ не возвращался. „Пойдемте же сами къ бесѣдкѣ“, сказала королева и повернула туда. Когда они подошли, пажъ стоялъ у двери, блѣдный, смущенный, королева шутя погрозила ему пальцемъ, говоря: „Ну что же? Принеси мнѣ хоть теперь мою шаль.“ Но пажъ стоялъ какъ вкопаный. „Хотѣлъ... нельзя... не могу... не смѣю...“ „Что это значитъ“, спросила королева и пошла къ двери. „Не ходите, не ходите!“ вскричалъ пажъ; “я былъ тамъ, я хотѣлъ взять красную шаль, которая лежала на диванѣ: но какая-то незнакомая женщина, вся въ бѣломъ, блѣдная, страшная, очутилась у самаго дивана, положила одну руку на шаль, а другой подала мнѣ знакъ, чтобъ я вышелъ!“ Королева слегка

измѣнилась въ лицѣ, однако твердымъ голосомъ сказала пажу: „пусти!“ и, обращаясь къ гостямъ, прибавила: „Пойдемте въ бесѣдку; не бойтесь, это до меня одной касается; бѣлая дама только съ моимъ родомъ имѣетъ дѣло“. Всѣ съ нею вошли въ бесѣдку, тамъ лежала шаль на диванѣ, никого въ бесѣдкѣ не было; но королева въ этотъ годъ и умерла.“

„Эти два случая батюшка слышалъ отъ свидѣтелей—очевидцевъ, и потому они достовѣрны, во сколько такія явленія могутъ быть удостовѣрены; но другой случай въ этомъ же замкѣ произошелъ гораздо прежде, такъ что онъ уже былъ переданъ не тѣми лицами, которыя тогда жили.

Королева Ульрика умерла въ замкѣ Грипсгольмѣ. На другой день кончины ея, какъ только успѣли положить ее подъ катафалкъ, на такъ называемой *парадной кровати умершихъ*, къ дверямъ замка подъѣхала, вся обитая чернымъ сукномъ, траурная карета, шестерикомъ, съ траурною упряжью, съ кучерами и лакеями въ траурныхъ ливреяхъ. Изъ кареты вышла дама въ глубокомъ траурѣ, и въ ней узнали графиню Стейнбокъ, друга королевы Ульрики, которая почему-то была удалена отъ нея и отъ двора и жила далеко въ деревнѣ. Тогда не было телеграфовъ, и присутствующіе удивились, какъ она успѣла узнать о смерти королевы такъ скоро, что ужь явилась въ полномъ траурѣ; однако ее впустили, она вошла съ тихимъ достоинствомъ, поклонилась царедворцамъ, которые, вѣроятно, и разлучили ее съ королевой, взошла на ступени къ кровати и наклонилась надъ умершею, чтобъ проститься съ нею; умершая привстала, открыла ей объятія, и долго и крѣпко обнимались давно разлученныя пріятельницы. Потомъ королева опустилась на свои подушки въ недвижномъ оцѣпенѣ-

ніи смерти, а графиня Стейнбокъ опять тихо поклонилась, прошла мимо изумленныхъ, испуганныхъ придворныхъ, сѣла въ свою карету и уѣхала. Черезъ нѣсколько дней узнали, что графиня Стейнбокъ скончалась въ своей деревнѣ на другое утро послѣ смерти королевы. Не она живая, а ея тѣнь приходила помириться съ другомъ своимъ—королевой, когда въ ясномъ видѣніи загробномъ обѣ поняли, что сердца ихъ не измѣняли другъ другу, а только ловкіе люди умѣли ихъ разлучить.

Старожилы разсказывали это за несомнѣнное происшествіе. Что же касается до извѣстнаго разсказа о видѣніи какого-то сверхъестественнаго верховнаго суда и приговора, батюшка собиралъ свѣдѣнія и справки, и оказалось, что мнимые документы поддѣланы, и даже какая-то неточность въ подписи короля доказываетъ невѣрность всего разсказа."

„Другой необыкновенный случай разсказывали батюшкѣ очевидцы. Это ужъ происходило не въ замкѣ Грипсгольмѣ, а въ Стокгольмѣ, въ королевскомъ дворцѣ. 15 Августа 1792 года, братъ короля Густава III, герцогъ Зюдермаландскій, пошелъ въ кабинетъ или библіотеку короля отдохнуть послѣ обѣда, и забылъ тамъ свой шарфъ. Вечеромъ, когда была пора отправиться въ маскарадъ, онъ вспомнилъ про шарфъ и послалъ пажа или камердинера за нимъ въ кабинетъ. По прошествіи нѣкотораго времени, тотъ воротился, говоря, что никакъ не могъ войдти въ комнату; замокъ у двери, должно быть, испорченъ, ключъ въ замкѣ, а повернуть никакъ нельзя. Герцогъ самъ пошелъ, и только тронулъ дверь, она отворилась, но онъ отскочилъ, ибо передъ его глазами лежала на диванѣ фигура мужская — вся въ крови, которая текла изъ свѣжей раны. Лица не видать

было, но ему казалось, что это или онъ самъ, или король. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, онъ подошелъ къ дивану, видѣніе ужъ изчезло. Онъ схватилъ свой шарфъ и поспѣшилъ въ маскарадъ. На этомъ маскарадѣ братъ его, король Густавъ III, былъ смертельно раненъ изъ пистолета графомъ Анкарстремомъ, и раненаго принесли для первой перевязки въ тотъ самый кабинетъ, и положили на тотъ самый диванъ, гдѣ братъ видѣлъ его образъ или тѣнь, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ."

По случаю одной подробности этого происшествія, именно той, что дверь не могъ отворить камердинеръ, а какъ скоро взялъ ключъ герцогъ Зюдерманландскій, она легко отперлась, батюшка разсказывалъ, что *знатоки этого дѣла*, Шведы и Шотландцы, ему говорили, что всегда такъ бываетъ; явленіе, привидѣніе изъ духовнаго міра даетъ только тому, кто назначенъ судьбой для принятія этой тайны, he who is fated, а для другихъ она остается не досягаема, и непостижима. Не то ли бываетъ и вообще въ области духовной? То, что дается какимъ-то внутреннимъ откровеніемъ инымъ избраннымъ,—и крѣпость вѣры, и пониманіе прекраснаго, и творческая сила поэзіи, и чутье въ оцѣнкѣ людей,—все это недоступно и непонятно дюжиннымъ натурамъ, которымъ нужна грубая осязательность для вѣры, математическая точность для пониманія и очевидность открытыхъ, топорной работы пружинъ, для объясненія неуловимо-тонкихъ движеній ума и сердца, которыя и составляютъ характеръ, то есть, особенность каждаго человѣка. Но о самихъ привидѣніяхъ, о явленіи умершихъ, и о тѣхъ пророческихъ видѣніяхъ, о которыхъ Англичане говорятъ, что идущія вамъ на встрѣчу, будущія происшествія *бросаютъ свою тѣнь на*

землю передъ собою, можно спорить и дѣлать разныя предположенія, но совершенно отрицать ихъ — точно ли благоразумно? Не все ли великое, не все ли духовное, для человѣка необъяснимо?

Вотъ еще другаго рода пророческія видѣнія, второе зрѣніе, о которомъ разсказывала мнѣ матушка не разъ, а она не дозволяла себѣ не только прикрасы, но даже преувеличенія правды. Она была очень дружна съ сестрами Каховскими; одна вышла замужъ за Арсеньева, другая, Александра, умерла въ чахоткѣ и имѣла способность видѣть не будущее, но *далекое настоящее*, посредствомъ зеркала. Во время долгихъ отлучекъ батюшки когда онъ не былъ еще принятъ, какъ женихъ, княгинею Щербатовой, но въ душѣ былъ единственнымъ суженымъ княжны, она прибѣгала къ своей подругѣ, столь чудесно одаренной, чтобъ узнавать о своемъ миломъ, и таинственно слѣдить за нимъ сквозь всѣ преграды времени и пространства. Въ самихъ занятіяхъ отсутствующаго не было ничего замѣчательнаго, но видѣнныя въ зеркалѣ мѣстности, комнаты и обстановка ихъ поражали своею вѣрностію, когда потомъ описывали ихъ батюшкѣ по возвращеніи его; такимъ образомъ рѣдкая способность молодой дѣвушки служила какъ-бы электрическимъ телеграфомъ для любящаго сердца подруги, томящейся въ тревожной неизвѣстности разлуки.“

„Е. Оленина разсказывала другой, еще болѣе поразительный случай. Когда я ее знала, она была благоразумною, практическою женщиной, большаго роста, массивною, съ правильными чертами, съ здоровыми нервами, хотя уже старою, и ничего не высказывалось въ ней нервнаго, похо-

жаго на воспріимчивость и раздражительность воображенія. Но 1807 году она была еще молодою дѣвушкою. У кого-то въ деревнѣ собралося много ея же лѣтъ подругъ, и у всѣхъ было тяжело на сердцѣ: у кого отецъ, у кого братъ, у кого женихъ былъ на войнѣ. Одинъ разъ сидѣли онѣ всѣ въ комнатѣ у дочери хозяина, бесѣда шла объ опасностяхъ и трудахъ отсутствующихъ милыхъ, и сѣтовали онѣ, что до нихъ въ деревнѣ и вѣстей не доходитъ изъ арміи. Богъ знаетъ, кто изъ ихъ близкихъ живъ, кто убитъ, кто раненъ. Между такими рѣчами одной изъ нихъ пришла мысль поглядѣть, да погадать въ зеркалѣ, какъ дѣлается на Святкахъ. Которая изъ нихъ стала насмѣхаться, которая сомнѣваться, а нѣкоторыя и пристали къ этому предложенію. „Посмотрика," сказала одна изъ нихъ хозяйской дочкѣ,—„посмотри, гдѣ мой братъ? Что съ нимъ теперь?" Сѣла за зеркало хозяйская дочка, все обстановили какъ должно, и стала она смотрѣть, а другія всѣ разсѣлись поодаль, и молчали, или тихо, тихо, шепотомъ переговаривались, чтобъ не мѣшать вѣщуньѣ. Долго сидѣла она, не произнося ни слова,—оно ужъ стало и надоѣдать другимъ,—какъ вдругъ заговорила: „Вотъ, вотъ, туманъ сходитъ со стекла, вотъ лѣсокъ, песчаный берегъ, рѣка, большая, быстрая рѣка! Господи, сколько народу! Все войска, лагерь, солдаты, пушки, кони, на обоихъ берегахъ. Что это такъ суетятся у подошвы горы, на самомъ берегу? Кажется, всѣ штабные тутъ... А, отчалила лодка съ того берега, въ ней маленькаго роста генералъ-сидитъ; вотъ плотъ на серединѣ рѣки, другая лодка причалила, смотри!" Оленина подошла и стала за стуломъ подруги, посмотрѣла въ зеркало и сама увидала все это. „Вотъ и другой генералъ взошелъ на плотъ, онъ повернулся— Государь!" вскричала хозяйская дочь и вскочила, сама пораженная удивленіемъ."

Это было 13-е Іюня, день Тильзитскаго свиданія двухъ Императоровъ, о которомъ ужъ, конечно, никто не думалъ, не гадалъ, и всего менѣе эти молодыя дѣвушки.

„Въ Москвѣ былъ странный случай, который разсказывала мнѣ, (ужь долго, долго послѣ), Марья Алексѣевна Хомякова, мать поэта, сама знавшая и лицъ и происшествіе, и совершенно неспособная ко лжи. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, возвратясь изъ похода на Турокъ, привезъ съ собою Турецкаго ребенка, вѣроятно, спасеннаго имъ въ какой нибудь свалкѣ, и подарилъ его своему другу Дурнову. Мальчикъ вышелъ умненькій, ласковый, добронравный. Дурновъ полюбилъ его, и сталъ воспитывать какъ сына, но не хотѣлъ его окрестить, пока тотъ самъ не понялъ бы, и не изучилъ истинъ христіанской вѣры. Малый подросталъ, съ любовію и жаромъ учился, дѣлалъ быстрые успѣхи, и радовалъ сердце пріемнаго отца своего. Наконецъ Дурновъ сталъ заговаривать съ нимъ о принятіи христіанства, о святомъ крещеніи. Молодой человѣкъ съ жаромъ, даже съ увлеченіемъ, говорилъ объ истинахъ вѣры, съ убѣжденіемъ о православной церкви, ходилъ съ домашними на церковныя службы, молился, казалось, усердно; но все откладывалъ крещеніе и говорилъ Дурнову: „Погоди, батюшка; скажу тебѣ, когда будетъ пора.“ Такъ прошло еще нѣсколько времени; ему уже минуло 16 лѣтъ, и въ немъ замѣтили какую-то перемѣну. Шумная веселость утихла въ немъ; живые, безбоязненные, свѣтлые глаза подернулись грустью; звонкій смѣхъ замолкъ, и тихая улыбка казалась какъ-то преждевременною на цвѣтущемъ ребяческомъ лицѣ.„ Теперь, сказалъ онъ однажды, — „я скоро попрошу тебя крестить меня, батюшка, отецъ ты мнѣ болѣе, чѣмъ родной! Теперь

скоро пора; но прежде есть у меня просьба къ тебѣ, не откажи! Прикажи купить краски, палитру, кисти; дай мнѣ заказать лѣстницу, какъ скажу; да позволь мнѣ на этотъ одинъ мѣсяцъ не пускать никого въ мою комнату, и самъ не ходи.“ Дурновъ ужъ давно привыкъ не отказывать ни въ чемъ своему пріемышу; какъ желалъ онъ, такъ и сдѣлали. Молодой Турокъ весь день просиживалъ въ своей комнатѣ; а какъ стемнѣетъ, придетъ къ Дурнову, по прежнему — читаетъ, занимается, разговариваетъ, но про занятія въ своей комнатѣ ни полслова; только сталъ онъ блѣднѣть, и черные глаза горѣли какимъ-то не земнымъ тихимъ огнемъ, какимъ-то выраженіемъ блаженнаго спокойства. Въ концѣ мѣсяца онъ просилъ приготовить все къ крещенію и повелъ его въ свою комнату. Палитра, краски, кисти лежали на окнѣ; лѣстница, служившая ему въ родѣ подмостокъ, была отодвинута отъ стѣны, которая завѣшана была простыней; юноша сдернулъ простыню, и Дурновъ увидѣлъ большой, писанный во всю стѣну, святой убрусъ, поддержанный двумя ангелами, и на убрусѣ ликъ Спасителя Нерукотворенный, колоссальнаго размѣра, прекраснаго письма.

„Вотъ задача, которую я долженъ былъ исполнить, батюшка; теперь хочу креститься въ вѣру Христову, я жажду соединиться съ Нимъ.“ Обрадованный, растроганный Дурновъ спѣшилъ все приготовить; и съ благоговѣйною радостію крестился на другой день его воспитанникъ; когда онъ причащался, всѣ присутствующіе были поражены не земною красотою, которою, такъ сказать, преобразился неофитъ. Въ тихой радости провелъ онъ весь этотъ день, и безпрестанно благодарилъ Дурнова за всѣ его благодѣянія и за величайшее изъ всѣхъ — за познаніе истины и принятіе христіанства, за это неописанное блаженство, говоря, что

онъ болѣе, чѣмъ родной отецъ для него, что онъ не преходящую даровалъ ему, а жизнь вѣчную.—Вечеромъ юноша нѣжно простился съ своимъ названнымъ отцомъ, обнималъ, благодарилъ его опять, просилъ благословенія; видѣли, что долго молился онъ въ своей комнатѣ передъ написаннымъ Нерукотвореннымъ Спасомъ; потомъ тихо заснулъ,—заснулъ непробуднымъ сномъ. На другое утро его нашли мертвымъ въ постели, съ закрытыми глазами, съ улыбкой на устахъ, съ сложенными на груди руками."

„Кто вникнетъ въ тайну молодой души? Какой неземный голосъ, ей одной внятный, сказалъ ему судьбу его, и призвалъ его въ урочный часъ къ паки бытію купели? Кто объяснитъ это необъяснимое дѣйствіе благодати, призывающей къ Отцу Небесному невѣдомымъ, таинственнымъ путемъ, въ глубинѣ сердца избранниковъ своихъ? Дурновъ оплакивалъ съ родительскою любовью своего пріемыша, хоть и упрекалъ себя за свое горе при такой святой, блаженной кончинѣ. Комната, гдѣ скончался юноша, сдѣлась часовней или молельной, гдѣ ежедневно молился Дурновъ. Въ 1812 году домъ сгорѣлъ, но стѣна съ образомъ уцѣлѣла, только изображеніе было очень повреждено; его реставрировали, и отъ оригинала остался только одинъ изъ глазъ и бровь. Однако набожные люди продолжали пріѣзжать молиться тутъ, а въ послѣдствіи въ немъ была основана богадельня на 40 престарѣлыхъ вдовъ и дѣвицъ, и комната молодаго Турка освящена въ прекрасную домовую церковь, весь день открытую, куда со всѣхъ концевъ Москвы приходятъ служить молебны передъ образомъ, писаннымъ на стѣнѣ. Что-то мирное, свѣтлое, чистое вѣетъ тамъ на васъ, какъ свѣтла и чиста была дума юноши, освятившаго своимъ обращеніемъ и смертію это мѣсто. Богадельню зовутъ Барыковскою, по имени основателя, а

церковь Спаса, на Стоженкѣ. Другое пристанище для бѣдныхъ выросло и пріютилось противъ богадѣльни—домъ призрѣнія убогихъ во имя Христа Спасителя. Такой свѣтлый слѣдъ оставилъ по себѣ этотъ ребенокъ, привезенный изъ чужой невѣрной стороны, принятый и приголубленный съ безграничною христіанскою любовію въ Россіи. По истинѣ здѣсь показалъ Господь весь глубокій смыслъ Имъ нѣкогда сказанныхъ святыхъ словесъ: Аще кто пріиметъ отроча таково во имя Мое, пріемлетъ Мя, а пріемляй Мя, пріемлетъ пославшаго Мя Отца."

„Дядя графа Д. И. Блудова изучалъ хиромантію, и иногда довольно вѣрно угадывалъ по сгибамъ руки или чертамъ лица судьбу человѣка: онъ какъ-то познакомился съ другимъ, свѣдущимъ по этой части; единство предмета занятій и любовь къ нему сблизили ихъ; послѣ нѣкотораго времени, новый знакомецъ сказалъ ему, конечно, не безъ оговорокъ, что его ожидаетъ смертная казнь. „Знаю," отвѣчалъ дядя, „но знаю тоже, что я никогда этой казни не заслужу, и погибну безвинно; для моего спокойствія мнѣ больше и ненужно". Онъ погибъ въ слѣдующемъ году отъ Пугачева.

„По случаю сельскаго праздника Казанской, въ имѣніи графа Блудова, во время благодарственнаго молебствія, вздумано стрѣлять изъ двухъ пушченокъ, какъ-то туда попавшихъ. Оставной солдатъ, исправляющій должность артиллериста, неосторожно передалъ молодому парню, котораго онъ взялъ себѣ въ прислугу, полупотухшій фитиль, и тотъ стоя подлѣ пушки съ мѣшкомъ на шеѣ, полнымъ патроновъ, положилъ курящійся фитиль въ мѣшокъ. Послѣдовалъ ужасный взрывъ. Парень былъ страшнымъ образомъ раненъ; лице все опалено, глаза, или по крайней мѣрѣ вѣки,

повреждены, а главное,—вся грудь растерзана, такъ сказать, вспахана порохомъ, кожа содрана, мясо въ клочкахъ, кость обнажена. Сорокъ лѣтъ спустя, батюшка не могъ говорить объ этомъ безъ содроганія: такъ ужасно было положеніе бѣднаго мужика, такъ раздирательны были его крики и стоны. Что дѣлать? Казалось, онъ долженъ умереть въ мученіяхъ. Батюшка сейчасъ же послалъ за докторомъ, а между тѣмъ обступили его крестьяне: „Позволь, баринъ, позвать бабъ-знахарокъ; у насъ есть двѣ: они вылѣчатъ, у нихъ есть заговоръ отъ всякой боли". Нечего было препираться о разумности или неразумін такого леченія въ эту минуту. Несчастнаго страдальца отнесли въ сарай по близости, положили на сѣно, и пришли двѣ бабы. Онѣ требовали, чтобы всѣ вышли вонъ, въ томъ числѣ и батюшка; что тамъ дѣлалось въ сараѣ, онъ, слѣдовательно, не видалъ, но не прошло двухъ минутъ, какъ крики и стоны прекратились, боль унялась и раненый заснулъ. Когда докторъ прискакалъ, больной былъ совершенно спокоенъ, не было ни боли, ни жару, и, послѣ перевязки и другихъ медицинскихъ пособій онъ выздоровѣлъ. Мгновенно совершенное утоленіе боли и жара осталось несомнѣннымъ, но необъяснимымъ фактомъ."

Изъ записокъ Баронессы Оберкирхъ. *

Разсказъ В. К. Павла Петровича объ его видѣніи.

Статья Г. Андреева (Русскій Архивъ, 1869 г. № 3, с. 517—526.)

„Трудно найти для психолога и физіолога другую натуру, заслуживающую болѣе обстоятельнаго и внимательнаго изученія, чѣмъ Императоръ Павелъ I. Воображеніе въ немъ было

* Объ этомъ разсказѣ упоминаетъ и Ѳ. П. Лубяновскій въ своихъ замѣткахъ. Русскій Архивъ 1872 г. № 1, с. 152.

такъ сильно, что онъ представленные предметы принималъ какъ за дѣйствительно существующіе. Въ немъ, еще десятилѣтнемъ мальчикѣ, особенность эта была уже замѣчена воспитателемъ его, Порошинымъ. Онъ остался тѣмъ же до конца жизни. Онъ вѣрилъ въ сны и предзнаменованія. Вспомнимъ сонъ его предъ днемъ вступленія на престолъ, переданный въ запискѣ Растопчина: тутъ ему снилось, что его три раза поднимаетъ къ верху невѣдомая сила.

Армфельдъ передаетъ слова Павла о снѣ, который ему привидѣлся наканунѣ дня его смерти: ему снилось что ему на спину натягивали узкій парчевой кафтанъ, и съ такимъ усиліемъ, что онъ готовъ былъ вспрыгнуть отъ боли.

Постройка Михайловскаго инженернаго замка, въ которомъ послѣдніе мѣсяцы жилъ и умеръ Императоръ, находится также въ прямой связи съ этой вѣрой въ видѣнія и предзнаменованія. Иначе солдату, объявившему о видѣніи ему Архангела Михаила на мѣстѣ нынѣшняго замка, конечно бы не повѣрили.

Въ настоящее время медицинская наука въ напряженномъ воображеніи, въ видѣніи призраковъ и т. д. видитъ результатъ разстройства пищеварительной системы, и, перечитывая напримѣръ „Записки Порошина,“ врачь найдетъ въ нихъ прямое подтвержденіе этой теоріи Десятилѣтній Павелъ сила воображенія котораго изумляла наставниковъ, постоянно традалъ плохимъ пищевареніемъ. Рвота и головная боль были въ немъ постояннымъ недугомъ. Порошинъ, не зная чѣмъ объяснить это явленіе, приписываетъ его тому, что, обыкновенно не любивши долго сидѣть за столомъ, Великій Князь глоталъ большіе куски, не совсѣмъ разжевывая ихъ.

Приводимый здѣсь разсказъ Великаго Князя о видѣніи ему Петра I, въ связи съ другими изданными въ томъ же родѣ, *

ближе раскрываетъ намъ психическія особенности этой замѣчательной личности.

Въ 1782 году Павелъ Петровичъ, вмѣстѣ съ молодой супругой своей, Маріей Ѳедоровной, путешествовалъ за границей. Не мало подробностей объ этой поѣздкѣ находимъ мы въ Запискахъ баронессы Оберкирхъ. *) Баронесса Оберкирхъ, подруга дѣтства принцессы Доротеи Виртембергской, (послѣ Императрицы Маріи Ѳедоровны), путешествовала вмѣстѣ съ русскою великокняжескою четою по Франціи, Бельгіи и Германіи. Павелъ Петровичъ очень уважалъ баронессу, къ которой Великая Княгиня, его супруга, сохраняла прежнія чувства теплой дѣвической привязанности. Подаренные разъ баронессѣ Великимъ Княземъ фрукты бросили даже мимолетный колоритъ легкой ревности на отношенія между супругами; но это былъ порывъ тойже почти шуточной ревности, которою напримѣръ встрѣтила Великая Княгиня разсказы супруга о королевѣ Маріи Антуанетѣ, очаровавшей его въ Парижѣ.

10 іюля 1782 въ Брюсселѣ, Павелъ Петровичъ, путешествовавшій подъ именемъ графа Du Nord ужиналъ въ обществѣ. Великая Княгиня, утомившись путешествіемъ и театромъ, который путешественники тотчасъ посѣтили по пріѣздѣ въ Брюссель, не была за столомъ. Ужинъ ли, жаркій ли вечеръ, далъ особенное направленіе разговору, только бесѣда скоро обратилась къ чудесному, къ явленію призраковъ и т. д. Каждый разсказалъ что нибудь чудесное изъ собственнаго опыта; лишь одинъ Великій Князь хранилъ молчаніе. Слѣдующее заимствуемъ мы буквально изъ записокъ Оберкирхъ (II, 94 – 100). Запискамъ баронессы смѣло можно довѣриться: все интересное, слышанное ею, она тотчасъ же передавала

*) Memoirs of the baroness Oberkich, London, 1852 3 v.

бумагѣ. Такъ, незадолго предъ тѣмъ, она записала разсказъ принца Де Линя, тотчасъ послѣ того какъ слышала его. Великая Княгиня Марія Ѳедоровна сдѣлала тогда тоже самое, хотя въ сущности разсказъ принца о томъ, какъ онъ въ платьѣ монашенки и подъ вуалью присутствовалъ при постриженіи дѣвушки, оставившей въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, не представлялъ ничего особенно интереснаго.

—А что же вы, Ваше Высочество? обратился принцъ Де-Линь къ Павлу. Или Вамъ нечего разсказать? Развѣ въ Россіи нѣтъ чудеснаго! Или злымъ духамъ и колдунамъ не удалось разставить Вамъ чары?

Великій Князь поднялъ голову.

—Куракинъ знаетъ—сказалъ онъ—что и мнѣ было бы кой о чемъ поразсказать, какъ и другимъ. Но есть воспоминанія, которыя я стараюсь удалить изъ памяти. Я и такъ уже вынесъ отъ нихъ не мало.

Въ комнатѣ господствовало молчаніе. Великій Князь посмотрѣлъ на Куракина, и во взорѣ его выразилось грусно тяжелое чувство.

—Неправда ли, Куракинъ, что со мною приключилось кое что очень странное?—спросилъ онъ.

—Столь странное, Ваше Высочество, что, при всемъ довѣріи моемъ къ Вамъ, я могу лишь приписать оное порыву вашего воображенія.

—Нѣтъ, это была правда, сущая правда, и если Оберкирхъ дастъ слово, что не скажетъ ничего моей женѣ, я передамъ вамъ, въ чемъ было дѣло. Но позвольте, господа, и всѣхъ васъ просить держать мой разсказъ въ тайнѣ,—прибавилъ Великій Князь, смѣясь,—потому что очень непріятно было бы если бы по всей Европѣ разошлась исторія о привидѣніи, въ которой я играю роль.

Мы всѣ дали обѣщаніе, и по крайней мѣрѣ что касается меня,—говоритъ баронесса Оберкирхъ—я сдержала свое слово. Если эти мемуары будутъ когда нибудь обнародованы, то не прежде какъ нынѣшнее поколѣніе сойдетъ со сцены, и не останется въ живыхъ никого, кого могъ интересовать этотъ разсказъ. Передаю его отъ слова до слова, какъ слышала отъ самого Великаго Князя.

„Разъ вечеромъ, или пожалуй уже ночью, я въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по Петербургскимъ улицамъ. Мы провели вечеръ вмѣстѣ *) у меня во дворцѣ, за разговорами и табакомъ, и вздумали для освѣженія сдѣлать прогулку инкогнито при лунномъ освѣщеніи. Погода была не холодна; это было въ лучшую пору нашей весны, конечно впрочемъ весны не южныхъ климатовъ. Разговоръ нашъ шелъ не о религіи и ни о чемъ либо серьезномъ, а напротивъ былъ веселаго свойства, и Куракинъ такъ и сыпалъ шутками насчетъ встрѣчныхъ прохожихъ. Нѣсколько впереди меня шелъ слуга, другой шелъ сзади Куракина, а Куракинъ слѣдовалъ за мною въ нѣсколькихъ шагахъ позади. Лунный свѣтъ былъ такъ ярокъ, что при немъ можно было читать письмо, и слѣдовательно тѣни были очень густы. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, вдругъ вижу я въ глубинѣ подъѣзда высокую, худую фигуру, завернутую въ плащъ въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза, шляпѣ. Онъ будто ждалъ кого-то. Только что я миновалъ его, онъ вышелъ, и пошелъ около меня съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Я не могъ разглядѣть ни одной черты его лица. Мнѣ казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производятъ странный звукъ точно какъ будто камень ударялся о камень. Я былъ изумленъ, и охватившее меня чувство

*) Т. е. съ Куракинымъ.

стало еще сильнѣе, когда я почувствовалъ ледяной холодъ въ моемъ лѣвомъ боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнулъ, и, обратясь къ Куракину сказалъ:

— Судьба намъ послала страннаго спутника.

— Какого спутника? спросилъ Куракинъ.

— Господина, идущаго у меня слѣва, котораго, кажется, можно замѣтить уже по шуму, производимому имъ.

Куракинъ раскрылъ глаза въ изумленіи, и замѣтилъ, что никого нѣтъ у меня съ лѣвой стороны.

— Какъ? Ты не видишь этого человѣка между мною и домовою стѣною!

— Ваше Высочество идете возлѣ самой стѣны, и физически невозможно, чтобы кто нибудь былъ между вами и ею.

Я протянулъ руку и точно ощупалъ камень. Но все таки незнакомецъ былъ тутъ, и шелъ со мною шагъ въ шагъ, и звуки шаговъ его, какъ удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе прежняго, и надъ шляпой его блеснули глаза столь блестящіе, что такихъ я не видалъ никогда ни прежде, ни послѣ. Они смотрѣли прямо на меня и производили на меня какое-то околдовывающее дѣйствіе.

— Ахъ!—сказалъ я Куракину—я не могу передать тебѣ, что я чувствую, но только во мнѣ происходитъ что-то особенное.

Я дрожалъ не отъ страха, но отъ холода. Я чувствовалъ какъ что-то особенное проникало всѣ мои члены, и мнѣ казалось, что кровь замерзаетъ въ моихъ жилахъ. Вдругъ изъ подъ плаща, закрывавшаго ротъ таинственнаго спутника, раздался глухой и грустный голосъ:

— Павелъ!

Я былъ во власти какой-то невѣдомой силы и механически отвѣчалъ:

— Что вамъ нужно?

— Павелъ! сказалъ опять голосъ, на этотъ разъ впрочемъ какъ-то сочувственно, но съ еще большимъ оттѣнкомъ грусти. Я не могъ сказать ни слова. Голосъ снова назвалъ меня по имени, и незнакомецъ остановился. Я чувствовалъ какую то внутреннюю потребность сдѣлать тоже.

— Павелъ! Бѣдный Павелъ! Бѣдный Князь!

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь? спросилъ я его.

— Ничего,—отвѣчалъ тотъ,—рѣшительно ничего.

Что касается до меня, то этотъ голосъ и до сихъ поръ еще раздается въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ незнакомца: кто онъ и что ему нужно?

— Кто я? Бѣдный Павелъ! Я тотъ, кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ и кто хочетъ, чтобы ты особенно не привязывался къ этому міру, потому что ты долго не останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости, и конецъ твой будетъ спокоенъ. Бойся укора совѣсти; для благородной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія.

Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же проницательнымъ взоромъ. И какъ я остановился, когда остановился онъ, такъ и теперь я почувствовалъ необходимымъ пойти за нимъ. Онъ не говорилъ, и я не чувствовалъ особеннаго желанія обратиться къ нему съ рѣчью. Я шелъ за нимъ, потому что онъ теперь шелъ впереди. Это продолжалось болѣе часу. Гдѣ мы шли, я не зналъ. Куракинъ не хочетъ вѣрить ничему этому. Посмотрите, онъ смѣется. Онъ думаетъ, что все это было не болѣе какъ сонъ.

Наконецъ пришли мы къ большой площади, между мостомъ чрезъ Неву и зданіемъ Сената. Онъ прямо пошелъ къ одному, какъ бы за ранѣе отмѣченному, мѣсту площади; я конечно слѣдовалъ за нимъ—и затѣмъ остановился.

— Прощай, Павелъ!—сказалъ онъ. Ты еще увидишь меня опять здѣсь и кой гдѣ еще.

При этомъ шляпа его поднялась какъ бы сама собою, и глазамъ моимъ представился орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгая улыбка моего прадѣда Петра Великаго. Когда я пришелъ въ себя отъ страха и удивленія, его уже не было передо мною.

На этомъ самомъ мѣстѣ Императрица возводитъ монументъ, который скоро будетъ удивленіемъ всей Европы. Это—конная статуя изъ гранита, представляющая Царя Петра, и помѣщенная на скалѣ. Не я совѣтовалъ моей матери избирать это мѣсто, выбранное, или скорѣе угаданное призракомъ. И я не знаю, какъ описать чувство, охватившее меня, когда я впервые увидалъ эту статую. *Я боюсь мысли, что могу бояться*, что бы ни говорилъ кн. Куракинъ, увѣряющій что все это было не болѣе какъ сонъ, видѣнный мною во время прогулки по улицамъ. Малѣйшая подробность этого видѣнія памятна мнѣ, и я по прежнему утверждаю, что это было видѣніе, и все связанное съ нимъ представляется мнѣ также ясно, какъ бы это случилось вчера. Придя домой, я нашелъ, что мой лѣвый бокъ положительно окаменѣлъ отъ холода, и я почувствовалъ нѣкоторую теплоту лишь нѣсколько часовъ спустя, хотя тотчасъ же легъ въ теплую постель и закрылся какъ можно теплѣе.

Надѣюсь, что вамъ понравилась моя исторія и что если я васъ заставилъ подождать, то было изъ за чего.

— Знаете, что это значитъ, Ваше Высочество? спросилъ принцъ де Линь.

— Это значитъ, что я умру въ молодыхъ лѣтахъ.

— Извините, если я не сойдусь съ Вами во мнѣніи. Я полагаю, что это доказываетъ неоспоримо двѣ вещи. Во первыхъ, что не надобно выходить ночью, когда клонитъ ко сну, и во вторыхъ, что не слѣдуетъ ходить слишкомъ близко къ домовымъ стѣнамъ, промерзшимъ, въ такомъ климатѣ, какъ у Васъ. Другаго заключенія изъ этого я не могу вывести. Призракъ Вашего знаменитаго прадѣда существовалъ лишь въ Вашемъ воображеніи, и я не сомнѣваюсь, что на верхней одеждѣ Вашей осталась пыль отъ домовыхъ стѣнъ.

Этотъ разсказъ, (говоритъ баронесса Оберкирхъ), произвелъ, вы можете быть увѣрены, сильное впечатленіе на всѣхъ насъ. Мало кто слышалъ его, потому что Великій Князь никогда не желалъ придавать ему огласки. Великая Княгиня не слыхала его по сей день *); онъ бы перепугалъ ее. Удалясь къ себѣ, я подробно записала его, какъ всегда дѣлала съ тѣмъ, что находила особенно важнымъ, ограничиваясь относительно предметовъ меньшой важности однѣми замѣтками, которыя бы помогали моей памяти.

Читая далѣе мемуары баронессы, мы видимъ, что Павелъ послѣ какъ бы раскаявался, что сдѣлалъ повѣреннымъ своей тайны друга своей жены. Онъ старается убѣдить ее, что все разказанное имъ было выдумано, съ цѣлью разсказать что нибудь страшное въ свою очередь (II. 119—120). Но баронесса была тонкая наблюдательница, и ее не такъ легко было увѣрить и разувѣрить. $^{28}/_{17}$ Августа того же года Павелъ Петровичъ и его супруга была въ Монбельярѣ, у родителей Маріи Ѳеодоровны, когда тамъ получено было

*) Мемуары оканчиваются 1789 годомъ.

письмо изъ Петербурга, извѣщавшее, что 18 числа того же мѣсяца памятникъ Петру I былъ торжественно открытъ въ присутствіи Императрицы. Когда читали письмо, Павелъ приложилъ палецъ къ губамъ, дѣлая этимъ знакъ баронессѣ. Баронесса наблюдала внимательно, и видѣла, какъ Великій Князь старался улыбаться, хотя мертвенная блѣдность покрыла лицо его (II, 146—147). Это объяснило ей окончательно, шутилъ или не шутилъ Павелъ, въ памятную ночь въ Брюсселѣ."

Изъ моихъ записокъ.

Въ 1840 году, Ноября 7, отобѣдавъ у Аксаковыхъ, жившихъ на Смоленскомъ бульварѣ, въ домѣ Требинова, пошелъ я пѣшкомъ домой. На дворѣ уже очень стемнѣло. Лишь только поворотилъ я въ Оружейный переулокъ, соединяющій бульварную улицу съ Плющихой, какъ увидѣлъ вдали передъ собою женщину, бѣгущую ко мнѣ на встрѣчу съ крикомъ: „Михаилъ Петровичъ, Михаилъ Петровичъ!" Я удивился, кому знать меня въ этомъ переулкѣ. Она кричитъ: „Идите скорѣе, священники пришли, въ гробъ кладутъ". Между тѣмъ мы сходимся. „Извините, "сказала она, приблизясь ко мнѣ и всмотрѣвшись: „я ошиблась."—Но я тоже Михаилъ Петровичъ. „Да не нашъ," отвѣчала она и пробѣжала мимо.

Я имѣю обыкновеніе со студенчества вести поденную записку своихъ занятій, разговоровъ, встрѣчъ и т. п. Иногда въ то время я записывалъ самъ, иногда диктовалъ женѣ. Этотъ день, 7 Ноября, записанъ ею, и послѣ словъ: „священники пришли, въ гробъ кладутъ," прибавлено ея-же рукою: „не предзнаменованіе-ли это?" Министръ Уваровъ, съ кото-

рымъ находился я въ близкихъ отношеніяхъ, лежалъ тогда больной въ Кіевѣ. Мы подумали, не онъ-ли тамъ умираетъ?

Но черезъ четыре года, именно въ этотъ день и часъ, 7 Ноября 1844 года, сама она, писавшая, была положена во гробъ.

Я совершенно забылъ объ этой встрѣчѣ, и уже нѣсколько лѣтъ послѣ кончины, перебирая зачѣмъ-то свой журналъ, нечаянно увидѣлъ предсказаніе, которое исполнилось роковымъ для меня образомъ.

Скажутъ—это былъ случай, но нельзя не согласиться, что это былъ случай примѣчательный: онъ произвелъ на меня впечатлѣніе, такъ какъ производилъ и на другихъ, которымъ я разсказывалъ его послѣ.

Лишившись жены, я остался съ четырьмя малолѣтными дѣтьми: младшей дочери не было года, младшему сыну меньше трехъ лѣтъ. Года черезъ два я рѣшился жениться. Выборъ палъ на одну знакомую вдову. Было, по моему мнѣнію, нѣсколько препятствій съ обѣихъ сторонъ. Долго я думалъ о томъ, не говоря ни съ кѣмъ, и наконецъ рѣшился посовѣтоваться съ нею самою, небылолибы ей противно мое предложеніе. О намѣреніи моемъ никто, разумѣется, не зналъ. Объясниться я рѣшился 11 Января, такъ какъ 10 Января, (день рожденія моего брата, когда у меня обыкновенно бывалъ семейный обѣдъ), оканчивались, послѣ святокъ, разные домашніе хлопоты. Наступило это число. Я думаю все о своемъ намѣреніи, которое должно исполниться завтра. Кончился обѣдъ. Послѣ обѣда я сплю обыкновенно съ полчаса въ моемъ кабинетѣ, который былъ вмѣстѣ и спальнею, за ширмами. Надъ кроватью висѣлъ портретъ покойной жены. Ложась спать, я обратился къ ней мысленно и подумалъ: другъ мой, подай мнѣ совѣтъ,

хорошо-ли я дѣлаю. Уснулъ, проснулся, и сѣлъ, по обыкновенію, за свой письменный столъ, думая свою думу. Наступилъ вечеръ. Дѣти пришли прощаться. Старшій сынъ, лѣтъ тогда десяти, спалъ вмѣстѣ со мною, также за ширмами, на кроваткѣ, которая отдѣлялась отъ моей маленькимъ столикомъ. Получивъ благословеніе, онъ легъ въ свою постель, и вдругъ я слышу, что онъ съ какимъ-то безпокойствомъ ворочается. Не чуетъ-ли его сердце, мелькнула у меня въ головѣ мысль, о чемъ я теперь думаю. Я взялъ свѣчку и пошелъ посмотрѣть на него; вижу, что онъ лежитъ, оборотясь лицемъ къ спинкѣ кровати, снялъ съ него лишнее одѣяло, и воротился на свое мѣсто. Слышу—онъ опять ворочается.—Митя, ты не спишь? спрашиваю его. „Не сплю," отвѣчаетъ онъ, и въ отвѣтѣ его слышатся слезы. —Да ты плачешь? „Плачу."—Объ чемъ? „Когда я ложился спать, взглянулъ на мамашу,—и мнѣ стало ея жалко!" —Развѣ ты говорилъ нынче о мамашѣ съ Сашей (сестрою)? „Нѣтъ, не говорилъ."—Такъ, можетъ быть, говорилъ вчера или прежде? „Нѣтъ, не говорилъ." Меня такъ и ударило въ голову, при такомъ удивительномъ совпаденіи его слезъ съ моими мыслями, и всѣ замышленія исчезли, какъ небывалыя.

На другой день я поѣхалъ не туда, куда намѣревался, а къ Митрополиту Филарету, съ которымъ разговоръ касался у меня иногда до другаго міра. „Что вы объ этомъ думаете," сказалъ онъ? „Я пріѣхалъ спросить мнѣнія Вашего Преосвященства." „По моему, это—указаніе: можетъ быть, особа, о которой вы думаете, вамъ неподходящая, можетъ быть, время не то: ожидайте другихъ указаній."

—

Приведу здѣсь кстати случай, уже совершенно почти ничтожный, но который по своей обстановкѣ представляетъ также нѣчто особенное.

Въ собраніи Славянскаго благоворительнаго комитета въ Петербургѣ, Декабря 30 дня 1869 г., кромѣ занятій по текущимъ дѣламъ, опредѣлено было—въ день Новаго Года, въ 3 часу, поднесть Князю Черногорскому, только что пріѣхавшемуву Петербургъ, хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Молча нельзя было представлять приношенія: я, случившійся тогда въ Петербургѣ, предложилъ присоединить краткое привѣтствіе (адресъ). Сочиненное мною было тогдаже единогласно одобрено. Надо было переписать его, но это трудно было сдѣлать тутъ же съ моего неразборчиваго подлинника. „Я перепишу," сказалъ я секретарю, „у себя дома, а вы пришлите комнѣ, когда угодно."

На томъ всѣ мы и разстались.

Проходитъ день засѣданія, другой, наступаетъ первое число. Мнѣ не даютъ знать ничего и за спискомъ не шлютъ; и я, разсудивъ, что вѣрно по какимъ-нибудь причинамъ отложено поднесеніе хлѣба-соли Черногорскому Князю, собрался преспокойно идти со двора, а черновой свой адресъ велѣлъ отдать писарю, жившему въ томъ же домѣ, чтобъ тотъ переписалъ его хорошенько. Меня задерживаютъ посѣтители на два часа, и я выхожу уже въ третьемъ. Повернулъ въ первый переулокъ съ Англійской набережной, отъ дома графа Литке, гдѣ я жилъ,—долго не попадается извощика,—и я выхожу на кавалергардскій бульваръ. Съ Утинскаго тротуара пересѣкаю улицу, чтобъ перейдти на бульваръ,—въ эту самую минуту проѣзжаютъ мимо меня сани; молодой человѣкъ, сидѣвшій въ нихъ, вдругъ останавливается, выскакиваетъ изъ саней, и, обращаясь ко мнѣ, прямо спрашиваетъ: „вы Михаилъ Петровичъ?"—Къ вашимъ услугамъ. „Я васъ узналъ, видѣвъ третьяго дня. Куда-же вы идете?" Удивлен-

ный такимъ вопросомъ незнакомаго человѣка, я отвѣчалъ сквозь зубы: куда мнѣ нужно—къ моимъ знакомымъ. „Но вѣдь сейчасъ должно быть представленіе Славянскаго комитета Черногорскому Князю?“—Не можетъ быть: у меня не спрашивали адреса. „Я васъ увѣряю, что представленіе не отмѣнено. Члены должны быть теперь уже въ сборѣ; и васъ ожидаютъ. Поѣдемъ-те со мною.“—Благодарю васъ, но я одѣтъ непарадно. „Такъ переодѣньтесь. Гдѣ вы живете?“—Здѣсь близко. „Заѣдемте на вашу квартиру. Но нужно спѣшить“. Послушайте—я отпустилъ своего служителя, да и оставаясь дома, онъ сидитъ обыкновенно за пять комнатъ, такъ что посѣтитель часто уходитъ отъ моей двери не дозвонившись. Видно не судьба быть мнѣ на представленіи. „Попробуемъ: безъ васъ, повторяю, поднесеніе разстроится.“ Мы поѣхали, и дорогою мнѣ пришло еще въ голову, что оставленный служителю адресъ могъ быть уже отданъ писцу, и что произойдетъ другое затрудненіе идти за нимъ, не застать писца дома, и проч.

Пріѣхали. Звонимъ. Служитель очутился у двери, которую въ туже секунду и отперъ.—Отнесъ ты бумагу, что я далъ тебѣ? „Нѣтъ еще, вотъ она.“ Я повязалъ наскоро бѣлый галстухъ, и отправился съ ниспосланнымъ ко мнѣ незнакомымъ путеводителемъ. Въ пріемной Князя всѣ члены были уже собраны, и съ нетерпѣніемъ меня дожидались. Кто снялъ съ себя звѣзду, кто крестъ, кто ленту—снарядили меня кое-какъ, и Князю возвѣщено было наше прибытіе.

Князь вышелъ къ намъ съ своею свитою.

А. Б. Иваницкій и И. И. Золотаревъ поднесли блюдо, и я прочелъ адресъ по своему черновому листику.

Князь былъ очень благодаренъ, сказалъ нѣсколько пріятныхъ словъ въ отвѣтъ о важности старыхъ обычаевъ и о

значеніи ихъ въ исторіи народовъ, а потомъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ выразилъ между прочимъ желаніе познакомиться съ членами комитета. Они были представлены А. Б. Иваницкимъ. Г-да Кирѣевы поднесли Князю саблю, принятую съ особеннымъ удовольствіемъ. Князь раскланялся. Депутація отвѣтила вослицаніями: живіо!

Когда мы собирались уже расходиться, секретарь Князя вынесъ мнѣ грамматy слѣдующаго содержанія:

„Божіомъ милости, мы, Николай I, Князъ Црногорскій и Брдскій. Заслужоному професcору, академику, Михаилу Петровичу Погодину. За особите услуге ваше, указане Црногорскому народу и Нама, нашли емо се побучени одликовати Вас орденомъ 1 степена Князя Данила 1., установлѣнимъ за независимость Црне Горе, коега Вамъ знакове овимъ спроводимо. На Цетину, 1 Јануарія 1869“.

Разумѣется, мнѣ было пріятно получить отъ единственнаго на западѣ Славянскаго государя почетный знакъ признанія моей усердной и многолѣтней службы, съ молодости, Славянскому дѣлу,—знакъ, о которомъ я не думалъ, не зналъ объ его существованіи, а въ данномъ случаѣ какъ будто насильно былъ привлеченъ къ участію даже въ представленіи Петербургскаго комитета Черногорскому Князю.

Въ самомъ дѣлѣ, надо-же было *случиться*, чтобъ *я*, выходя изъ дома обыкновенно въ одинадцатомъ часу, былъ задержанъ въ этотъ день до двухъ часовъ; надо же было *случиться*, чтобъ я долго не встрѣтилъ извощика, между тѣмъ какъ обыкновенно извощики встрѣчаются на всякомъ шагу; надо-же было *случиться*, чтобъ я пересѣкалъ улицу съ тротуара на бульваръ въ ту минуту, когда молодой человѣкъ проѣзжалъ мимо; надо же было *случиться*, чтобъ онъ, видѣвши меня одинъ разъ въ жизни, узналъ укутаннаго въ шубѣ;

надобно было *случиться*, чтобы ему пришло въ голову остановиться и спросить незнакомаго человѣка, куда онъ идетъ... надобно было *случиться*, чтобы даже и служитель очутился у двери, неуспѣвшій передать адреса для переписанія!

Вотъ сколько благопріятныхъ *случаевъ*, стекшихся для успѣха; а какъ часто бываетъ, что въ задуманномъ, ожиданномъ, подготовленномъ дѣлѣ, куда ни кинь, такъ клинъ!—

Пусть читатель сравнитъ подобныя случайности, разсказанныя Гр. Д. Н. Толстымъ, с. 210, и моимъ пріятелемъ, с. 196.

Я думаю, что всякій человѣкъ, еслибъ онъ внимательно слѣдилъ за собою, могъ-бы увидѣть въ своей жизни много такого, что долженъ-бы приписать особой силѣ, принимающей участіе, имѣющей вліяніе на его дѣла.

Пріѣхалъ ко мнѣ Гоголь изъ за границы, и поселился въ моемъ домѣ, вверху надъ кабинетомъ. Въ домѣ находилось у меня тогда Древлехранилище, а я только что предъ тѣмъ услышалъ, что нашъ чудакъ, вмѣстѣ съ Николаемъ Боткинымъ, чуть было не сожгли по неосторожности гостинницу, кажется, во Флоренціи, позабывъ потушить свѣчу, или поставивъ ее куда-то близь занавѣсокъ. Я боялся, чтобъ онъ съ такою-же неосторожностью и здѣсь не сталъ обращаться съ огнемъ,— какая опасность грозила моимъ сокровищамъ! Надо было предупредить Гоголя и напомнить, чтобъ онъ думалъ объ этомъ. Но какъ напомнить не оскорбляя, не огорчая его, а онъ человѣкъ, зналъ я, щекотливый, раздражительный, обидчивый. Два дня пріискивалъ я оборотъ въ головѣ своей, чтобъ повести съ нимъ рѣчь объ осторожности и опасности,— и что-же? На третій день выхожу я изъ спальни въ свой кабинетъ, и вижу, что самъ позабылъ свѣчку на конторкѣ, свѣчка безъ меня упала какъ-то изъ подсвѣчника, прожгла листъ бумаги, лежавшей на конторкѣ, и самую кожу, коею

была оклеена верхняя доска, но на ней погасла. Мнѣ какъ будто послышалось внутри: ты хочешь учить другихъ осторожности, но прежде поучися самъ,—и въ эту минуту изъ противоположной двери показывается идущій ко мнѣ Гоголь. „Ну, вотъ два дня я думаю о томъ," сказалъ я ему навстрѣчу, „какъ-бы напомнить тебѣ объ осторожномъ обращеніи съ огнемъ, а вотъ что случилось со мною самимъ; посмотри сюда. Я позабылъ здѣсь свѣчку, и произвелъ было пожаръ." Это былъ, разумѣется, лучшій оборотъ для напоминанія ему объ огнѣ... Гоголь началъ приводить доказательства своей осторожности, а я радъ былъ про себя, что удачно ему напомнилъ.

Имя Гоголя напоминаетъ мнѣ теперь о. Матвѣя, Ржевскаго священника, очень близкаго къ Гоголю. Я познакомился съ нимъ во время одного пріѣзда его въ Москву, видѣлъ и говорилъ съ нимъ раза два, и долженъ здѣсь кстати упомянуть, что онъ въ особенности поразилъ меня образомъ своей рѣчи о Промыслѣ. Никого въ жизни моей не встрѣчалъ я съ такимъ осязательнымъ, такъ сказать, убѣжденіемъ объ участіи, дѣйствіи Промысла, въ человѣческой жизни, какое онъ обнаружилъ. Онъ говорилъ о Промыслѣ, какъ-бы о близкомъ себѣ человѣкѣ, котораго онъ видитъ, слышитъ, ощущаетъ ежеминутно его присутствіе. Во всякомъ словѣ его звучало это убѣжденіе. Точно такое-же убѣжденіе слышалось въ словахъ А. М. Бухарева (бывшаго отца архимандрита Ѳеодора), въ истинахъ Христіанства. Нечего говорить, что многіе имѣютъ убѣжденія въ томъ или другомъ, что убѣжденіе слышится въ нихъ болѣе или менѣе, но чтобъ такъ проникало оно въ каждый звукъ рѣчи, и чтобъ такъ было можно ощупать его,—это могу я сказать только, изъ извѣстныхъ мнѣ, объ двухъ людяхъ, объ о. Матвѣѣ относительно Промысла, объ о. Ѳеодорѣ относительно истинъ Христіанства.

Историческія замѣтки.

На мѣстѣ Бородинскаго сраженія встрѣчаются собственныя имена, искони принадлежавшія этой мѣстности, которыя именно относятся къ войнѣ: рѣчка *Колоча*, на которой стоитъ и монастырь, получавшій отъ нее названіе Колоцкаго, ручей *Стонецъ*, ручей *Огникъ*, ручей *Война*. Это примѣчательное совпаденіе замѣчено было давно.

Но вотъ что узналъ я недавно отъ Архимандрита Ново-Іерусалимскаго Леонида: крайній предѣлъ похода Французскаго въ Калужской губерніи, отъ которой поворотили они назадъ къ Смоленску, называется Спасъ-*Прогнань*. (Дней черезъ пять, какъ я услышалъ это, прочелъ я нечаянно въ газетахъ извѣстіе о продажѣ сельца Акатова—Спасъ, что на Прогнани, Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи).

Кстати о Бородинѣ. Основательница нынѣшняго Бородинскаго монастыря, игуменья Маргарита, урожденная Нарышкина, была въ замужствѣ за Генераломъ Тучковымъ, убитымъ подъ Бородинымъ. До войны полкъ его стоялъ на западной границѣ. За годъ Тучкова видитъ во снѣ своего отца, который приноситъ ей въ спальню младенца сына, и говоритъ: „вотъ все, что для тебя осталось“. И въ тоже время слышится ей внутренній голосъ: участь твоя рѣшится въ Бородинѣ. Проснулась она въ волненіи и сообщила сонъ мужу. Сошедшіеся поутру къ нимъ офицеры стали искать на картѣ Бородино, о которомъ никто не слыхалъ прежде, и не могли, разумѣется, найдти. Сонъ былъ приписанъ воображенію.

Лѣтомъ началась война. Мужъ былъ убитъ на Бородинскомъ сраженіи, и отецъ дѣйствительно принесъ дочери роковое извѣстіе, вошелъ къ ней съ младенцемъ на рукахъ, и сказалъ: „вотъ все, что для тебя осталось“.

(Описано въ сочиненіи А. Н. Муравьева: Мысли о православіи при посѣщеніи святыни Русской с. 389. У меня есть письмо о томъже игуменьи Маргариты, но я теперь не могу отыскать его въ своихъ бумагахъ).

---

2 Сентября, 1854 года, союзники высадились въ Крымъ, и 2 Сентября, 1812 года, вступили Французы въ Москву. Въ нашей реляціи сказано было глухо, что они показались у береговъ 1 Сентября, и вскорѣ начали высадку, а въ иностранныхъ телеграфическихъ извѣстіяхъ вездѣ сказано, что они высадились 14 Сент. по новому стилю, то есть втораго по нашему.

P. S. По послѣднимъ извѣстіямъ иностраннымъ видно, что 1 Сентября вышли на берегъ три полка, а общая высадка совершилась 2 Сентября.

---

26 Августа есть примѣчательный день въ Русской Исторіи:

26 Августа, 1395 года, Тамерланъ, шедшій на Москву, внезапно поворотилъ назадъ съ своей дороги домой, а въ Москвѣ въ то самое время Великій Князь Василій Дмитріевичъ встрѣчалъ образъ Владимирской Божіей Матери на Кучковѣ полѣ. (Въ память событія построенъ былъ монастырь Срѣтенскій и учрежденъ крестый ходъ, совершаемый донынѣ).

26 Августа, 1612 года, войско Гетмана Хоткевича, приходившее на помощь къ осажденнымъ Полякамъ, въ Кремль, разбитое Княземъ Пожарскимъ и Мининымъ, принуждено было бѣжать, и освобожденіе Москвы отъ Поляковъ было обезпечено

26 Августа, 1812 года,— сраженіе Бородинское.

26 Августа, 1831, взятіе Варшавы Паскевичемъ въ заключеніе Польскаго возстанія.

26 Августа, 1855 года, палъ Севастополь.

Въ извѣстной залѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Römer, по стѣнамъ, писались портреты Нѣмецкихъ Императоровъ, немедленно по ихъ коронаціи. Они заняли два ряда по всѣмъ стѣнамъ, и оставалось въ послѣднее время только одно мѣсто, которое занялъ Императоръ Францъ II, и онъ дѣйствительно

былъ послѣднимъ Имераторомъ Германіи, принужденный Наполеономъ 1 принять титулъ Императора Австрійскаго. (Прусскій Король долженъ начать новый рядъ, если хочетъ сохранить старый обычай).

Наполеонъ I читалъ Оссіана. Въ это время у товарища его Маршала Бернадотта родился сынъ, котораго окрестить и просилъ отецъ Генерала Бонапарте. Занятый Оссіаномъ тотъ далъ имя Оскара, и этому Оскару судьба привела сдѣлаться Королемъ Шведскимъ.

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ, 1848 года, помѣщена выписка изъ Ronces et chançons par le chevalier de Chatelain, c. 181.

Quand le second empire en Lutèce reviendra
(Ceci n'est pas, las, une facétie)
Dix-huit ans, moins un quart, pas plus ne vivra.
Ainsi le dit dans son grimoire
En termes clairs le grand Nostradamus.
„Dix-huit ans moins un quart—et pas un jour de plus".
Vive Nostradamus! vive son répertoire!

Итакъ, по предсказанію Нострадамуса, вторая Имперія должна была жить безъ трехъ мѣсяцевъ 18 лѣтъ, и вотъ почему Наполеонъ опасался быть сверженнымъ съ престола 2 Сентября 1870. Дѣйствительно, провозглашенъ онъ Императоромъ 2 Декабря 1852 года, ровно годъ послѣ приготовившаго это событіе государственнаго переворота, а сдался онъ въ плѣнъ 2 Сент. 1870 г. т. е. ровно черезъ 18 лѣтъ, *безъ трехъ мѣсяцевъ*, ни однимъ днемъ болѣе!"

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Нигилистамъ.

(Статья изъ газеты Русскій, 1868, № 68).

1868 года, Іюня 5 дня, Петербургская Судебная Палата, по уголовному департаменту, слушала дѣло о нарушеніи законовъ печати. Цензурный Комитетъ представлялъ:

„Въ статьѣ „Русскій Донъ Кихотъ...“ авторъ, говоря о литературной дѣятельности Кирѣевскаго, осмѣиваетъ Православно-Христіанскія вѣрованія этого писателя, составляющія, какъ извѣстно, основаніе всѣхъ его философскихъ разсужденій, и проводитъ мысль, что вѣрованія эти были плодомъ предразсудковъ и наивно-ребяческихъ понятій, навѣянныхъ маменьками и нянюшками; называетъ ихъ Московскою сентиментальностію, непогрѣшимыми убѣжденіями убогихъ старушекъ Бѣлокаменной, мистическими инстинктами, зародышемъ того разложенія, которое погубило и извратило умственныя силы Кирѣевскаго; авторъ глумится, какъ надъ невѣжествомъ и Московскою мудростію,— надъ мыслями Кирѣевскаго о недостаточности чистаго разума, о необходимости искать другихъ источниковъ познанія и очистить дорогу къ храму живой мудрости; надъ его убѣжденіемъ, что философія, исторія и политика нуждаются, для своего оживленія, въ религіозныхъ основахъ. Выписавъ изъ сочиненій

Кирѣевскаго то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что просвѣщеніе въ Россіи должно быть основано на истинахъ Святой Православной вѣры, и что образованный классъ нашъ долженъ обратиться къ чистымъ источникамъ этой вѣры, и къ разуму Св. Отцевъ церкви, авторъ сопровождаетъ эту выписку словами: „мнѣ нечего прибавлять къ этимъ словамъ; онѣ сами говорятъ за себя...“

Прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи, по поводу этого отношенія Цензурнаго Комитета, говоритъ:

„Объясненіе въ статьѣ“ „Русскій Дон-Кихотъ,“ личности Кирѣевскаго, какъ замѣчательнаго психологическаго факта, само по себѣ не могло быть противозаконно: хотя авторъ причисляетъ Кирѣевскаго къ мрачнымъ и вреднымъ обскурантамъ, стремится доказать, что отъ него покоробитъ самаго невзыскательнаго читателя, и что онъ былъ плохой мыслитель,—но за одно это онъ не могъ-бы отвѣчать передъ закономъ, ибо Писаревъ имѣлъ право написать и напечатать статью о сочиненіяхъ Кирѣевскаго, какъ и всякій можетъ сдѣлать тоже самое о сочиненіяхъ Писарева. Но разсматривая дѣятельность Кирѣевскаго, критикъ дополняетъ его своими разсужденіями, въ которыхъ идетъ дальше закономъ дозволенныхъ границъ... Такимъ образомъ онъ дѣлаетъ изъ него слѣдующую цитату:“

„Корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ, „и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ его Святой Правосла„вной церкви. Потому на этомъ только основаніи, и ни на „какомъ другомъ, должно быть воздвинуто зданіе просвѣще„нія Россіи... Построеніе же этого зданія можетъ совершиться „только тогда, когда тотъ классъ народа нашего, кото„рый неисключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ „средствъ жизни, и которому, слѣдовательно, въ обществен-

„номъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе— „вырабатывать мысленно общественное самосознаніе—когда „этотъ классъ, говорю я, до сихъ поръ проникнутый запад- „ными понятіями, наконецъ полнѣе убѣдится въ односто- „ронности Европейскаго просвѣщенія; когда онъ живѣе по- „чувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда „съ разумною жаждой полной правды онъ обратится къ „чистымъ источникамъ древней Православной вѣры своего „народа, и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ „яснымъ еще отголоскамъ этой Святой вѣры отечества въ „прежней родимой жизни Россіи.“

„Вслѣдъ за этой выпиской“, продолжаетъ Прокуроръ, „Писаревъ замѣчаетъ, что, послѣ такихъ мнѣній, Кирѣевскаго нужно считать глубоко падшимъ; такой результатъ, по его мнѣнію, настолько ясенъ, что къ выписаннымъ имъ сло вамъ онъ, говоря его подлинными выраженіями, не находитъ нужнымъ ничего прибавлять; „слова эти“ заключаетъ авторъ, „сами говорятъ са себя.“

„Подобнымъ же образомъ относится Писаревъ къ религіознымъ убѣжденіямъ Кирѣевскаго и на страницѣ 3-й, гдѣ онъ называетъ ихъ „густымъ осадкомъ допотопныхъ идей..“

Издатель сочиненій Г. Писарева, опровергая это обвиненіе, въ защитительной своей рѣчи, приводитъ самое мѣсто изъ статьи, которое подало поводъ къ обвиненію, не заключая, де, въ себѣ, по его мнѣнію, ничего предосудительнаго. Вотъ оно.

„Еслибъ подойти къ сочиненіямъ И. В. Кирѣевскаго такъ какъ подошелъ къ нимъ критикъ Современника,“ говоритъ Писаревъ, „то съ нимъ порѣшить было-бы очень не трудно. Причислить его къ самымъ мрачнымъ и вреднымъ обскурантамъ вовсе не мудрено; за цитатами дѣло не ста-

нетъ; изъ его сочиненій можно выписать десятки такихъ страницъ, отъ которыхъ покоробитъ самаго невзыскательнаго читателя; ну, стало быть, и толковать нечего; привелъ полдюжины самыхъ пахучихъ выписокъ, поглумился надъ всѣми въ совокупности, поспорилъ для виду съ авторомъ, давая ему чувствовать все превосходство своей логики и своихъ воззрѣній, завершилъ рецензію общимъ прогрессивнымъ заключеніемъ, и дѣло готово—статья идетъ въ типографію.."

„Всѣ эти перечисленія" „убогихъ старушекъ бѣлокаменной," „допотопныхъ идей," „мистическихъ инстинктовъ," „зародышей разложенія," и прочихъ, пугающихъ господина Прокурора выраженій, суть ни что иное, говоритъ издатель далѣе, „какъ варіаціи на одинъ и тотъ же мотивъ,"—что-же, де, есть тутъ непозволительнаго? и проч.

Читая не вѣришь глазамъ своимъ: Кирѣевскій мрачный обскурантъ! Кирѣевскій вредный обскурантъ! Человѣкъ, глубоко павшій, онъ представляетъ явленіе психологическое, заключающее зародыши разложенія! Его идеи допотопныя, его ребяческія убѣжденія, натолкованныя нянюшкой и маменькой, раздѣляются всѣми старухами Московскими! Въ его сочиненіяхъ можно найдти десятки пахучихъ страницъ, отъ которыхъ покоробитъ всякаго невзыскательнаго читателя!

Гдѣ это говорится? Кто это говоритъ? Какіе это судьи, обвинители, защитники?

Знаютъ-ли всѣ эти господа, о комъ они судятъ и рядятъ?

Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій—это былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей нашего времени, перешедшій чрезъ высокія степени развитія, знакомый коротко съ всѣми произведеніями человѣческой мысли, на всѣхъ Европейскихъ

языкахъ, и ихъ представителями, дружный со всѣми передовыми людьми своего времени, однимъ словомъ - украшеніе Русскаго общества, близкій родственникъ Жуковскаго, другъ Баратынскаго, товарищъ Веневитинова, Хомякова, Шевырева.

Кирѣевскій былъ воспитанъ на Нѣмецкой литературѣ. Шиллеръ и Гете были идеалами его молодости. Къ нимъ присоединился Шекспиръ, который и сдѣлался предметомъ его всесторонняго изученія. Въ 1830 году онъ отправился путешествовать, и жилъ долго въ Мюнхенѣ и Берлинѣ, гдѣ познакомился коротко съ Шеллингомъ и Гегелемъ, бывъ прежде знакомъ съ ихъ ученіями. Возвратившись во время первой холеры въ Россію, чтобъ раздѣлять опасности съ своимъ семействомъ, онъ былъ преданъ западной цивилизаціи, и въ 1832 году началъ издавать Европейца, который подвергся запрещенію на третьей книжкѣ.* Вскорѣ онъ женился,—и образъ мыслей его съ тѣхъ поръ началъ измѣ-

*Въ запретительной бумагѣ было сказано: „хотя сочинитель и говоритъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное: подъ словомъ просвѣщеніе онъ разумѣетъ свободу; дѣятельность разума означаетъ у него революцію; а искусно отысканная середина—ничто иное, какъ конституція. Статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ, въ каковомъ запрещается помѣщать что-либо о политикѣ, и вся статья, *не взирая на ея нельпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ.*“

Въ сороковыхъ годахъ въ Московскомъ Университетѣ открылась вакансія на каѳедру ѳилосоѳіи. Кирѣевскій искалъ этой каѳедры; по этому случаю была имъ написана записка о преподаваніи логики, и представлена Графу С. Г. Строгонову, но желаніе его не исполнилось...

Въ 1852 году Кирѣевскій написалъ свое знаменитое письмо къ Графу Комаровскому, и напечаталъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ И. С. Аксакова.

Второй томъ Сборника постигла участь Европейца. Кирѣевскій пересталъ вовсе писать для печати.

нится, или, лучше, принимать другое направленіе. Онъ обратился къ духовной словесности, принялся за ученіе Отцевъ церкви, и пришелъ къ другимъ убѣжденіямъ, которыя только что началъ излагать, какъ смерть остановила его на полдорогѣ. Вся жизнь его была посвящена размышленію и наукѣ. Въ тридцатыхъ еще годахъ критики его заслужили горячее одобреніе Пушкина и Жуковскаго. О характерѣ его говорить нечего: благородство въ высшей степени, особенная, ему принадлежавшая, деликатность, (нѣжность, тонкость чувствованій), оцѣнены были давно всѣми его знакомыми.

Хомяковъ изобразилъ его вѣрно въ извѣстномъ посланіи:

Ты сказалъ намъ: за волною
Вашихъ мысленныхъ морей—
Есть земля—надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новый мысли Эмпирей.

Распусти жъ свой парусъ бѣлый,
Лебединое крыло,—
И стремися въ тѣ предѣлы,
Гдѣ тебѣ, нашъ путникъ смѣлый,
Солнце новое взошло.

И съ богатствомъ многоцѣннымъ,
Возвратившись снова къ намъ,
Дай покой душамъ смятеннымъ,
Крѣпость волямъ утомленнымъ,
Пищу алчущимъ сердцамъ.

И этого примѣчательнаго, необыкновеннаго у насъ, по своему образованію, человѣка, какіе то неизвѣстные люди осмѣлива-

ются поносить публично. другіе въ судѣ принимаютъ подъ свое покровительство, и относятся съ снисхожденіемъ, третьи произносятъ оскорбительный приговоръ!!

Кому принадлежатъ разсужденія объ немъ, которыя представлены нами выше изъ заявленій Цензурнаго комитета, Прокурора палаты и издателя-отвѣтчика?

Эти разсужденія принадлежатъ молодому писателю, котораго имя у насъ въ Москвѣ, въ кругу людей, занимающихся наукою и словесностію, было неизвѣстно. Помнится только, что, лѣтъ пять тому назадъ, были выписаны въ современной нашей журналистикѣ нѣсколько его выходокъ о поэзіи и Пушкинѣ, которыя насъ достаточно съ нимъ ознакомили, и мы оставляли съ тѣхъ поръ его словоиеистовства безъ вниманія.

Теперь мы должны, для ясности, напомнить ихъ читателямъ:

„Въ такъ-называемомъ великомъ поэтѣ я показалъ“ говоритъ этотъ несчастный авторъ „моимъ читателямъ легкомысленнаго версификатора, опутаннаго мелкими предразсудками, погруженнаго въ созерцаніе мелкихъ личныхъ ощущеній, и совершенно неспособнаго анализировать и понимать великіе общественные и философскіе вопросы нашего вѣка.“(!!)

А вотъ какъ разбиралъ этотъ авторъ стихотвореніе Пушкина: „Мой памятникъ.“

—„Я буду безсмертенъ, говоритъ Пушкинъ, потому что я пробуждалъ лирой добрыя чувства.— Позвольте, господинъ Пушкинъ, спрашиваютъ мыслящіе реалисты, какія же добрыя чувства вы пробуждали? Привязанность къ друзьямъ и товарищамъ дѣтства? Но развѣ же эти чувства нуждаются въ пробужденіи? Развѣ есть на свѣтѣ такіе люди, которые неспособны любить своихъ друзей? И развѣ эти каменные люди,— если

только они существуютъ,— при звукахъ вашей лиры сдѣлаются нѣжными и любвеобильными?— Любовь къ красивымъ женщинамъ? Любовь къ хорошему шампанскому? Презрѣніе къ полезному труду? Уваженіе къ благородной праздности? Равнодушіе къ общественнымъ интересамъ? Робость и неподвижность мысли во всѣхъ основныхъ вопросахъ міросозерцанія? Лучшее изъ всѣхъ этихъ *добрыхъ чувствъ*, пробуждавшихся при звукахъ вашей лиры, есть, разумѣется, любовь къ красивымъ женщинамъ. Въ этомъ чувствѣ, дѣйствительно, нѣтъ ничего предосудительнаго, но во-первыхъ, можно замѣтить, что оно достаточно сильно само по себѣ, безъ всякихъ искусственныхъ возбужденій; а во вторыхъ, должно сознаться, что учредители новѣйшихъ Петербургскихъ танцклассовъ умѣютъ пробуждать и воспитывать это чувство несравненно успѣшнѣе, чѣмъ звуки вашей лиры. Что же касается до всѣхъ остальныхъ *добрыхъ чувствъ*, то было бы несравненно лучше, если бы вы ихъ совсѣмъ не пробуждали.— Я буду безсмертенъ, говоритъ далѣе Пушкинъ, потому что я былъ полезенъ.— Чѣмъ? спросятъ реалисты, и на этотъ вопросъ не воспослѣдуетъ ниоткуда никакого отвѣта.— Я буду безсмертенъ, говоритъ, наконецъ, Пушкинъ, потому что я призывалъ милость къ падшимъ. Господинъ Пушкинъ! скажутъ реалисты, мы совѣтуемъ вамъ обратиться съ этимъ аргументомъ къ Тунгусамъ и Калмыкамъ. Эти дѣти природы и друзья степей, быть можетъ, повѣрятъ вамъ на слово, и поймутъ именно въ этомъ филантропическомъ смыслѣ ваши воинственныя стихотворенія, писанныя не во время войны, а послѣ побѣды. Что же касается до гордаго внука Славянъ и до Финна, то эти люди уже слишкомъ испорчены европейскою цивилизаціею, чтобы принимать воинственныя восклицанія за проявленіе кротости и человѣколюбія.“

Кажется, этому же автору принадлежатъ и слѣдующія слова о философіи, приведенныя прежде въ Русскомъ:

„ Философія потеряла свой кредитъ въ глазахъ каждаго здравомыслящаго человѣка: никто уже теперь не вѣритъ въ ея шарлатанскія обѣщанія, никто не предается ей съ тѣмъ страстнымъ увлеченіемъ, съ какимъ это дѣлалось прежде, и съ какимъ еще и теперь сотни тружениковъ посвящаютъ себя этой ученой эквилибристикѣ. Если здравомыслящіе люди и обращаютъ на философію свое вниманіе, то это дѣлается единственно только для того, чтобъ или посмѣяться надъ нею, или кольнуть людей за ихъ упорную глупость и ихъ удивительное легковѣріе. Серьезно заниматься философіею можетъ теперь или человѣкъ полупомѣшанный, или дурно развитой, или крайне невѣжественный.“

Вотъ кто разбиралъ и поносилъ сочиненія Кирѣевскаго! Довольно ли для его характеристики?

Какой же судъ произнесенъ въ Петербурской Судебной Палатѣ о мрачномъ и вредномъ обскурантѣ, о допотопныхъ идеяхъ, о толкахъ Московскихъ старухъ, о зародышахъ разложенія и проч.?

„Эти выраженія, вызванныя у автора чтеніемъ сочиненій Кирѣевскаго, не составляютъ, „по мнѣнію Палаты,“ ничего противозаконнаго. Они касаются единственно Кирѣевскаго и его личнаго направленія; нельзя придавать выраженіямъ этимъ смысла болѣе обширнаго, чѣмъ придавалъ имъ самъ авторъ, и потому затронуть, а тѣмъ менѣе оскорбить чувства всякаго православно вѣрующаго онѣ не могутъ; наконецъ, по формѣ своей эти выраженія не переходятъ границъ благопристойности.!!“

Судьи сочли себя въ правѣ разбирать, что такія—то выраженія касаются единственно Кирѣевскаго и его личнаго направленія, и потому затронуть, а тѣмъ менѣе оскорбить чувства всякаго православно-вѣрующаго онѣ не могутъ.

Но отдѣлили ль они, осмѣливаемся спросить господъ членовъ Палаты, убѣжденія личныя отъ общихъ, рѣшили ль они, что въ поносимыхъ сужденіяхъ Кирѣевскаго принадлежитъ собственно ему, и что принадлежитъ ученію, которое же сами они называютъ православнымъ?

Распространяться болѣе считаю неумѣстнымъ и соблазнительнымъ, равно какъ и приводить другія диковинки изъ этого страннаго суда!

Прочитавъ извѣстіе о судѣ, со всѣми этими возмутительными подробностями, я въ тотъ же часъ написалъ записку къ лицамъ, знавшимъ Кирѣевскаго, и звалъ ихъ въ крестовый походъ на невѣрныхъ.

До сихъ поръ не послышалось въ печати никакого отвѣта.

Это молчаніе принадлежитъ также къ знаменіямъ времени. У насъ больше всего боятся мысли: я стану на сторонѣ обвинителей, на сторонѣ власти,—что скажутъ обо мнѣ! Заподозрятъ мою независимость, причислятъ къ агентамъ правительства!

Я отвѣчаю: мы всѣ публичные дѣятели—агенты добра, науки, просвѣщенія, слуги отечества, мы должны поступать, писать и говорить по своей совѣсти, а тамъ пусть, какъ хочетъ, смотритъ на насъ публика, правительство, оппозиція.

Впрочемъ, можетъ быть, я обвиняю рано; очень радъ буду просить прощенія за поспѣшное и несправедливое обвиненіе. Но на прежнее возвратимся.

Разославъ записки, я вытребовалъ у своего книгопродавца сочиненія Писарева, подавшія поводъ къ соблазнительному суду. Въ четвергъ и пятницу, 4 и 5 іюля, въ напрасномъ ожиданіи корректуръ своей газеты, имѣя свободное время, за полночь, я принялся читать новаго нашего мыслителя. Прежде всего, въ четвергъ, мнѣ попалась статья о характерѣ Базарова, которая мнѣ понравилась,—кромѣ ребяческаго хвастовства, съ коимъ авторъ причисляетъ себя къ поколѣнію и разряду Базаровыхъ. Въ пятницу была прочтена статья о Дарвинѣ и знаменитой его теоріи размноженія видовъ. Я остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ Писаревъ восхищается изслѣдованіями Дарвина о голубяхъ; 25 лѣтъ сидѣлъ Англійскій мыслитель надъ изслѣдованіями, собралъ всѣ возможные виды голубей въ натурѣ и чучелахъ, наблюдалъ, дѣлалъ опыты, и наконецъ заключилъ, что всѣ виды голубя—columba tabellaria, gyratrix, gutturosa, cucullata, laticauda, происходятъ отъ одного дикаго голубя, columba livia...

А откуда же прилетѣлъ этотъ „одинъ“, первый голубь, и откуда досталъ себѣ самку, хотѣлъ я спросить г. Писарева,—и вздумалъ тутъ же написать къ нему письмо, увидя въ немъ по этимъ двумъ прочтеннымъ статьямъ молодаго человѣка, искренняго, ревностнаго, талантливаго, но неопытнаго, безпокойнаго, заносчиваго.

У меня случился день междудѣйствія, (антрактъ), между работами, и я цѣлое утро ходилъ у себя въ саду по моей липовой аллеѣ, и пересматривалъ старыя свои тетради о предметахъ духовныхъ, дѣлалъ выписки, обдумывалъ письмо. Мысли мои обращались преимущественно около двухъ понятій: бытіе и небытіе. Онѣ обстанавливались въ головѣ разными образами, вопросами.—Можемъ ли мы представить себѣ небытіе? Какъ же началось бытіе? Можно ли вообразить намъ безначаль-

ность, или понять вѣчность? Вѣдь все это только слова, которыми тѣшимъ себя, и какъ будто удовлетворяемся, а между тѣмъ удовлетворенія они никакаго не представляютъ. Мы все остаемся въ той-же темнотѣ. А новые мудрецы придумали еще нѣсколько *силъ* и ихъ столкновеніе, которое производитъ вселенную. Нѣсколько силъ! Сколько же? Почему пять, девять, а не семь или четырнадцать? Какія же это силы? Одинакія или различныя? Вещественныя или не вещественныя? Силы огня или воды выбрасываютъ островъ, извергаютъ пламя, дѣлаютъ провалъ, а какія силы могутъ создать или сочинить все разнообразіе природы—липу, розу, соловья, верблюда, кита, глазъ, ухо, языкъ, нервы, мускулы, жилы, кровь, желчь, сердце, легкое, пищзвареніе, дыханіе, половое раздѣленіе? Какія безсмысленныя силы могутъ произвести умъ, обнимающій въ себѣ весь міръ, землю и небо, прошедшее, настоящее и будущее, творящій въ себѣ самомъ новые міры? Какія безсмысленныя силы могутъ произвесть совѣсть съ ея угрызеніями и удовольствіями? Какія безсмысленныя силы могли, однимъ словомъ, произвесть человѣка?

Я царь, я рабъ, я червь, я богъ,
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколь произошелъ, безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.

Непостижимость—но мы окружены непостижимостями, и должны сознаться, судя по опытамъ семи тысячъ извѣстныхъ лѣтъ, что нѣтъ возможности, въ нашихъ условіяхъ, постичь первую, главную, высшую причину,—Бога!

Какая наука можетъ похвалиться рѣшеніемъ своихъ главныхъ задачъ, даже убѣжденіемъ въ возможности, надеж-

дою основательною, рѣшить эти задачи? Онѣ всѣ останавливаются предъ главными своими вопросами въ недоумѣніи. Что вамъ скажетъ Исторія, Физіологія, Анатомія, Химія, Зоологія, Антропологія, Наука объ языкѣ? Всѣ ихъ высшіе, главные вопросы, безотвѣтны.

Вотъ почему мы и должны заключать, что здѣсь на землѣ, видно, намъ назначено другое дѣло, а постиженіе индѣ. Вотъ почему люди смиренномудрые стремятся мыслію туда, туда, за гробъ, на небо, гдѣ должно когда нибудь получиться рѣшеніе.

Объ этой-то непостижимости Сократъ говорилъ: я знаю, что ничего не знаю. Гуссъ: я узнаю безпрестанно, что гораздо больше того есть, чего я не знаю, чѣмъ того, что я знаю. Кантъ сознавался въ недостаточности разума. Предъ этою непостижимостію Ньютонъ, созерцая движеніе міровъ по законамъ, имъ открытымъ, снималъ шляпу, а вы, безумцы, ее надѣваете, не умѣя считать дальше трехъ!

Доходили до меня слухи, скажу здѣсь кстати, объ одномъ знаменитомъ профессорѣ-матеріалистѣ въ Петербургѣ. Не слыхавъ его лекцій, изъ однихъ разсказовъ, я заключилъ, что онъ остановился предъ пятыми, четвертыми, третьими, можетъ быть, даже вторыми причинами дѣйствій или явленій, (вотъ какую славу я ему приписываю), и счелъ ихъ послѣдними. Это — ошибка или заблужденіе многихъ, даже великихъ людей, между настоящими учеными.

Все утро обдумывалъ я свое письмо къ Писареву, намѣреваясь сосредоточить его, какъ сказалъ выше, на двухъ понятіяхъ: бытіе и небытіе, а вечеромъ долженъ былъ поѣхать къ Князю Одоевскому для свиданія съ проѣзжавшимъ нашимъ старымъ товарищемъ В. П. Титовымъ. Тамъ только

что поздоровался я съ хозяевами, какъ услышалъ: Писаревъ утонулъ вчера въ Дуппельнѣ—получена телеграмма!

Я былъ ошеломленъ!

Несчастный,—блеснуло у меня въ головѣ, онъ понимаетъ теперь лучше нашего бытіе и небытіе....

Скажи же намъ, объясни, научи!

Увы, гомосъ оттуда до насъ недоносится, или.... или мы не умѣемъ разслушивать тамошніе звуки.

Погибель Писарева, совпавшая съ размышленіями моими объ его нравственномъ состояніи, поразила меня. Не смотря на свои недосуги, я продолжалъ просматривать и читать его сочиненія. Прежде всего прочелъ я его студенческую жизнь; тогдаже получилъ извѣстія объ его дѣтствѣ, доставленныя „Русскому“ г. Даниловымъ, потомъ другія, объ его университетской жизни, въ прекрасной, трезвой статьѣ г. Полеваго*, и мнѣ легко представился его образъ тѣмъ болѣе, что передъ моими глазами прошли толпы подобныхъ юношей, и я слѣдилъ за ихъ скитаніемъ по мытарствамъ жизни и литературы.

Я вспомнилъ по аналогіи нѣкоторыхъ раскольниковъ изъ крестьянъ, которые, ведомые тѣмъ же духомъ испытанія переходили чрезъ разныя секты, (толки), ища истины.

Наши юноши, безъ прочнаго обыкновенно фундамента, принимаются за размышленіе (какъ, другое сравненіе, модныя-дикія дамы за религію), и первая новая талантливая, своеобразная, смѣлая, отрицательная книжка подчиняетъ ихъ своему вліянію,—и пошла писать!

Присоедините къ этому, кому Богъ дастъ, авторскій талантъ, потомъ самолюбіе, дешевую славу, значеніе въ своемъ

---

* Впродолженіи лѣтъ 20, постоянный противникъ его отца, воюя съ Телеграфомъ, я радъ былъ отнестись съ нѣжными чувствами къ этому знакомому имени.

муравейникѣ, нужду въ деньгахъ, которыя являются вмѣстѣ съ другими соблазнами, наконецъ Панургово стадо, которое вездѣ тотчасъ составится около голоса громкаго, смѣлаго, и, главное, отрицательнаго: вотъ причина содѣйствующая, вмѣстѣ съ духомъ времени, ихъ развитію и умноженію въ нашемъ необразованномъ обществѣ. Писаревъ, по выходѣ изъ Университета, вѣрно попался подъ вліяніе какого нибудь злаго духа...

Мнѣ хотѣлось узнать подробнѣе о происхожденіи Петербургскихъ нигилистовъ, и я, къ удивленію моему, услыхалъ, что однимъ изъ ихъ родоначальниковъ былъ Иринархъ Введенскій, котораго я слишкомъ хорошо зналъ, ибо онъ жилъ долго у меня, по просьбѣ Лаврскаго профессора философіи Ѳ. А. Голубинскаго, по исключеніи своемъ изъ Троицкой Академіи. *)

---

*) Онъ сдѣлался послѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ у Ростовцева, какимъ то высшимъ инспекторомъ, и развелъ нигилистовъ по всѣмъ корпусамъ, а Ростовцевъ думалъ, что тамъ вездѣ царствуетъ его знаменитая программа, по которой въ лицѣ Іисуса Христа указывалось преимущественно на послушаніе Его Отцу! Крайности, теоретическая и практическая, сошлись. Такія то лица стоятъ у насъ часто во главѣ образованія народнаго, вмѣстѣ съ другими, хотя благонамѣренными, но недостаточно просвѣщенными,—какихъ же можно ожидать успѣховъ? О программѣ Ростовцева, точно какъ и о подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, никто не смѣлъ произнести въ его время ни одного слова. Вотъ и плоды! Такіе же плоды, благодаря прежнимъ запрещеніямъ говорить, произросли и въ духовныхъ заведеніяхъ, откуда явились, по закону нравственной упругости, передовые наши нигилисты.

Это замѣчаніе о Введенскомъ, напечатанное въ газетѣ Русскій, было опровергаемо г. Чумиковымъ. Желательно имѣть обстоятельное извѣстіе pro или contra. Происхожденіе самой программы Ростовцева указано мною. Прибавлю теперь кстати: надо, чтобъ кто нибудь взялся написать pendant къ сочиненію г. Пыпина и разъяснилъ исторію дѣйствій отрицательной партіи, отдѣляя пшеницу отъ плевелъ.

Услыхалъ я еще объ одномъ ученомъ, который работалъ у меня въ древлехранилищѣ, и, занявъ въ губерніи каѳедру, присылалъ мнѣ свои труды, самые благочестивые, а послѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ Петербургѣ ударился въ крайность противоположную! Мнѣ представились ихъ умственная, духовная генеалогія, и отношеніе къ ученію Герцена и Бѣлинскаго, но для провѣрки нужно бы справиться съ годовыми числами, а теперь мнѣ некогда. Объ этомъ послѣ.

Что дѣлать съ этою школою нигилистовъ, которая, какъ моль, разводится у насъ теперь, особенно въ Петербургѣ?

Разумѣется—ни суды, подобные описанному, ни взысканія, въ родѣ требованныхъ Прокуроромъ, ни преслѣдованія и наказанія, болѣе тяжкія, не принесутъ никакой пользы. Нужно убѣжденіе, нужно образованіе.—Вотъ объ этомъ убѣжденіи, объ этомъ образованіи у насъ не думано и не думаютъ.

Что же должно дѣлать?

Я пишу здѣсь не законодательный трактатъ, а журнальную статью, и не считаю себя обязаннымъ распространяться болѣе. Sapienti sat.

P. S. Въ одной статьѣ Писарева мнѣ попалось слѣдующее мѣсто: «Мы всѣ сильно заражены наклонностью къ натуръ-философіи, къ познанію общихъ свойствъ естества, основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка, и прочей дребедени, (!) которая смущаетъ даже многихъ спеціалистовъ, и мѣшаетъ имъ обращаться, какъ слѣдуетъ, съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножемъ... Какъ въ самомъ дѣлѣ иначе объяснить появленіе на нашихъ глазахъ противорѣчивыхъ системъ леченія гомеопатіи, гидропатіи, магнитическаго, электрическаго, гальваническаго леченія? Если все это не одно чистое шарлатанство, что предположить какъ

то совѣстно, то это продукты скороспѣлыхъ теорій, а скороспѣлыя теоріи—остатокъ средневѣковой методы «сходить къ началу всѣхъ началъ, когда знаешь факты изъ пятаго въ десятое, и когда почва еще колышется подъ ногами"

Вотъ этими словами Писаревъ произнесъ приговоръ себѣ и всѣмъ своимъ товарищамъ-нигилистамъ, матеріалистамъ реалистамъ, и проч.

Если бы они исполняли то, чего требуютъ этими словами отъ другихъ, то мы были бы совершенно довольны ими, и не произнесли бы объ нихъ ни одного худаго слова.

Вы занимаетесь наблюденіями надъ голубями: разводите ихъ, утѣшайтесь ими, и представляйте намъ свои заключенія —о голубяхъ, но не болѣе.

Вы занимаетесь съ Базаровымъ изслѣдованіями о лягушкахъ,—рѣжьте, жарьте и даже кушайте ихъ, подъ какимъ угодно соусомъ, себѣ на здоровье, но не ходите дальше вашего любезнаго болота, благо тамъ такъ любо вамъ.

Въ томъ то и дѣло, что вы, проведя въ болотѣ, или подобномъ мѣстѣ, свою жизнь, между лягушекъ, ящерицъ, жабъ и разныхъ инфузорій, беретесь рѣшать вопросы о началѣ всѣхъ началъ, о конечной цѣли природы и человѣка, хотите очистить небо, и осмѣливаетесь отвергать все, кромѣ своего болота, въ которомъ вамъ такъ пріятно купаться!

Этого мало: и лягушками то вы не занимаетесь сами, а квакаете съ голоса, что услышите иногда изъ пятыхъ устъ, о томъ, что гдѣ-то пишется о лягушкахъ. Вы велите заниматься естественными науками, а сами то не занимаетесь ими, не имѣете объ нихъ никакаго понятія, ни малѣйшаго приготовленія. Вы прельщаетесь только результатами, найденными случайно въ попавшихся вамъ книжкахъ! Такъ ли вы понимаете эти результаты, какъ понимаютъ ихъ виновники, творцы,—то ли впечатлѣніе, настроеніе, произвели эти ре-

зультаты въ своихъ творцахъ, какое производятъ въ васъ,— вы этого ничего не знаете, и, принимая въ чужомъ пиру похмѣлье, подставляете намъ горькую чашу. Да мимо насъ идетъ она! Пейте ее сами, если она вамъ по вкусу; не дойдя ни до чего своего, подобно Ляпкину-Тяпкину, не имѣя никакихъ собственныхъ мыслей, не смѣйте думать о томъ, какъ переучить насъ, общество, народъ, „своею дребеденью“.

Иже аще соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выѣ его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.

Съ нигилистами повторяется исторія Бѣлинскаго, который, не зная аза въ глаза по нѣмецки, не умѣя читать, вздумалъ толковать о Гегелевой философіи, по слухамъ отъ своихъ знакомыхъ, а знакомые-то сами тогда изъ 20 томовъ едвали прочли двадцать страницъ! И находится безсмысленное стадо для каждаго такого борзописца, для всякаго круглаго невѣжи!

Это все только доказательства нашего общаго невѣжества.

„Сейчасъ вернулись мы съ похоронъ Писарева“, пишетъ некрологъ Отечественныхъ Записокъ. „Тѣло его было привезено изъ Риги 26 Іюля и поставлено въ церкви Маріинской больницы. Выносъ на Волковское кладбище происходилъ въ часъ по полудни, 29 Іюля. Черный гробъ его былъ украшенъ множествомъ цвѣтовъ. Не смотря на тяжесть его, провожавшіе его друзья, (и между ними также и дѣвушки), несли далеко на рукахъ. За гробомъ шло человѣкъ около двухъ сотъ (почему такъ мало, это трудно даже и понять)*. Друзья покойнаго сказали нѣсколько словъ.“

---

* Каково признаніе!

Похороны, церковь, кладбище,—это провожаніе, эти слезы, эти рѣчи, эти цвѣты,—что это значитъ, къ кому относятся? Къ гніющему, смердящему трупу? Можетъ ли быть, чтобъ съ такими напряженными, восторженными чувствами, живые люди относились къ тлѣнію?

Еще нелѣпѣе былобы обращеніе къ ничтожеству! Кто лишается, въ продолженіи своей жизни, дорогихъ себѣ существъ, близкихъ, присныхъ, родныхъ по духу или крови, тотъ засвидѣтельствуетъ, что въ минуту ихъ потери, противуестественная мысль о ничтожествѣ дѣлается совершенно несносною, немыслимою.

Неужели же это комедія? Оборони Боже!

Такъ чтоже это такое?

Доказательство безсмертія души! Чувство, сердце, умнѣе ума; оно чуетъ, дочего не можетъ додуматься умъ. Волею-неволею, инстинктивно, дѣлаете вы то, что отвергаете дерзкимъ умомъ, или вѣрнѣе сказать, пошлымъ безуміемъ.

Никакъ нельзябъ было объяснить этой священной связи, этихъ сильныхъ, таинственныхъ стремленій, которыя существуютъ между живыми и покойниками, если бы они совсѣмъ были мертвы.

Живъ Богъ, жива душа моя, восклицалъ вѣрно вдохновенный поэтъ. Аминь!

Я писалъ, что чувствовалъ, не сочинялъ, ибо для сочиненій, и не о такихъ предметахъ, нужно больше времени и размышленія. Мнѣ казалось долгомъ издателя газеты сказать свое искреннее мнѣніе объ явленіи, которое онъ считаетъ слишкомъ важнымъ, и между тѣмъ обращающимъ на себя мало вниманія. Пусть читатели простятъ мою ревность, если она гдѣ и не по разуму. Читая только теперь статьи новой-

наго, я искренно сожалѣлъ о немъ, о гибели его таланта, о томъ пути, на который попалъ онъ, и сожалѣлъ о той несчастной молодежи, которая, какъ муха на огонь, стремится вмѣстѣ съ нимъ къ отрицанію,—и къ гибели.

Къ бесѣдѣ съ нигилистами.

(изъ газеты Русскій, № 73).

(Я разумѣю здѣсь искреннихъ, добросовѣстныхъ нигилистовъ, которые, ища истины, остановились на точкѣ сомнѣнія или отрицанія, — такихъ молодыхъ нигилистовъ, какимъ представился мнѣ покойный Писаревъ, подавшій поводъ къ первой моей статьѣ. До прочихъ мнѣ дѣла нѣтъ.)

Одинъ изъ русскихъ заграничныхъ нигилистовъ сказалъ въ засѣданіи Женевскаго конгресса, что „Богъ мѣшаетъ нравственности.“

Ему можно бы отвѣчать: Вы не признаете Бога, слѣдовательно вы не имѣете никакой помѣхи для вашей нравственности, а хороши ли вы? Выдадите ли вы намъ себя образцемъ и примѣромъ нравственности? Таковъ вѣдь и весь вашъ приходъ!

Вѣрно, мѣшаетъ, однакожъ, вамъ кто нибудь!

Ктоже, или чтоже?

Бѣдные, жалкіе люди! Какъ коротокъ ихъ умъ и какъ велика дерзость!

Образъ дѣйствій и мыслей этихъ мыслителей можно объяснить развѣ только сравненіемъ съ дѣтьми, которые ходятъ, не зная края.

Матеріалистамъ можно напомнить глубокую мысль покойнаго Иннокентія въ пользу мнѣнія о безсмертіи души: если бы душа была одно съ тѣломъ, то болѣзни тѣла должны были бы отзываться на всѣхъ такъ называемыхъ

душевныхъ способностяхъ, а мы видимъ часто, что при совершенномъ изнеможеніи тѣла, въ крайнихъ страданіяхъ, сохраняется нѣкоторыми людьми совершенно ясное сознаніе, и совершенно полное владычество надъ всѣми муками тѣлесными. Какъ вы объясните это, матеріалисты?

(Я пишу на память; можетъ быть ошибаюсь въ выраженіи, но не ошибаюсь въ сущности).

Матеріалисты смѣшиваютъ то дѣйствія, то поводы, то явленія, съ причинами: страхъ, удивленіе, радость, сопровождаются такими то движеніями мозга, точно какъ такіе то предметы производятъ такое то впечатлѣніе въ глазѣ, въ ухѣ, а чрезъ нихъ въ мозгу, но сознаніе есть сила отъ нихъ особая, есть искра, такъ сказать, внѣшняя, воспламеняющая порохъ. Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, но тьма его не объятъ. (Свѣтъ во тьмѣ мозговыхъ рефлексовъ)!

Сыпь, опухоль, пятна, краснота, суть признаки, явленія болѣзни, но не болѣзнь сама!

Для борьбы съ нигилистами, изъ семинаристовъ отщепенцевъ, мастеромъ былъ бы покойный Надеждинъ: въ его рукахъ это діалектическое оружіе, управлять которымъ (manier les armes) такъ нашколиваются семинаристы, сдѣлалось бы для нихъ, я вполнѣ увѣренъ, смертоноснымъ.

Мы не понимаемъ, почему издатель Современныхъ извѣстій не обратитъ въ эту сторону своихъ нападеній, а онѣ были бы полезнѣе тѣхъ вопросовъ, которыя онъ разбираетъ иногда въ своей газетѣ.

Недостатокъ стараго семинарскаго образованія состоялъ именно въ томъ, что тамъ преобладала форма мышленія надъ его сущностію; къ самому предмету иные дѣлались совершенно равнодушными, какъ будтобъ его и не было.

Доказывай ты бытіе Бога, а я буду отвергать. А потомъ диспутанты перемѣнялись ролями: доказывавшій начиналъ отвергать, а отвергавшій доказывать—и префектъ, потирая руки, не нарадовался на ловкіе пріемы своихъ любезныхъ единоборцевъ!

Семинаристы, искусные въ такомъ фехтованьѣ, равнодушные къ понятіямъ о Богѣ и Христѣ, какъ медики къ болѣзнямъ, явились въ Петербургъ, и тамъ попались въ руки имъ, воспитаннымъ на утомительной схоластикѣ Буртія и Баумейстера, книжки, которыми они были ошеломлены, написанныя живо, изящно, увлекательно, системы какого нибудь Фурье или Сен-симона, а съ другой стороны остроумныя Еврейскія оппозиціи Христіанству, или такъ называемыя популярныя односторонніе изслѣдованія нѣкоторыхъ дюжинныхъ близорукихъ натуралистовъ. Пришельцы покорились этимъ книжкамъ, тѣмъ болѣе, что прежде они не имѣли никакаго понятія ни объ естественной исторіи, ни о политическихъ наукахъ, не только объ ихъ исторіи.

(Такъ молодые люди, посланные со студенческихъ скамеекъ въ профессорскій институтъ, въ 20 и 30-хъ годахъ, покорились нѣмецкимъ тетрадкамъ, и воротясь, исковеркали, съ незванными меценатами, наше прежнее университетское житье-бытье).

Надо обращать вниманіе и на законъ нравственной упругости, которая сильнѣе вещественной. Сорвись съ цѣпи семинаристъ, и ему чортъ не братъ, говаривалъ нашъ старый Профессоръ Перевошиковъ. Замѣтимъ, что курсъ на всякое отрицаніе въ Петербургѣ стоялъ высоко, и статьи оплачивались тѣмъ дороже, чѣмъ онѣ были азартнѣе, а молодцамъ все равно, доказывать бытіе Бога или отрицать,—и пошла писать!

Прибавьте способность говорить, кому ее Богъ далъ, и всѣ кадеты, юнкера, гимназисты, студенты, молодые офицеры заслушивались лже-миссіонеровъ, которые возвысили голосъ, принеся изъ семинаріи еще зародыши ученаго высокомѣрія(*), особое качество, принадлежавшее по преимуществу въ старину этимъ заведеніямъ. Они сочли себя преобразователями, вожаками, учителями (такъ представляю я себѣ происхожденіе Петербургскаго семинарскаго нигилизма), и завладѣли всѣми Петербургскими журналами и газетами (**), а присмотрѣть было некому, или присматривавшіе имѣли свой особый взглядъ на вещи, вслѣдствіе котораго Молешотъ, Фогтъ, Бюхнеръ, Штирнеръ, печатались безвозбранно, а сочиненія высокаго христіанина и православнаго богослова, Хомякова, нельзя было издать дома, и онъ писалъ по французски, и печаталъ свои сочиненія за границею; рѣчи, подобныя отзыву о слѣдствіяхъ отъ неудачи Шакловитаго, проходили цензуру, а записка праведнаго Карамзина о древней и новой Россіи лежитъ до сихъ поръ подъ спудомъ. (Я надѣюсь впрочемъ украсить наконецъ ею третій томъ моихъ матеріаловъ для біографіи Карамзина.(***)

(Кстати разскажу здѣсь еще, въ образчикъ, что можно и чего нельзя было печатать у насъ во время оно: Историческіе свои Афоризмы посвятилъ я покойному Иннокентію, который, прочитавъ въ тридцатыхъ годахъ первый отрывокъ въ Библіотекѣ для

(*) Потому же прежній семинаристъ-попъ и презиралъ крестьянина Теперь, слава Богу, все это измѣняется и исправляется!

(**) Объ И. Введенскомъ я написалъ со словъ Петербургскаго литератора, который хорошо знаетъ тамошнія отношенія. Если онъ ввелъ меня въ заблужденіе неправдою, я повинюсь съ готовностію.

(***) Г. Бартеневъ предупредилъ меня и выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе; нисколько не жалуюсь —лишь было бы напечатано славное сочиненіе.

чтенія, отнесся къ нимъ очень благосклонно, и выразилъ это въ началѣ нашего знакомства, въ 1835 году. Но посвященія своего напечатать я тогда не смѣлъ, и написалъ только послѣднюю букву его имени:... ю, (Иннокентію),—не смѣлъ, опасаясь, чтобъ это посвященіе не подало поводъ къ какимъ нибудь кривымъ толкованіямъ о моемъ или объ его образѣ мыслей, въ родѣ оффиціальныхъ отзывовъ о Кирѣевскомъ. Вотъ какое было время, среди котораго мы начали дѣйствовать, писать и говорить... Благословимъ же настоящее! Слава Богу и благодареніе Государю!

Эпиграфъ къ моимъ Афоризмамъ, разскажу и это кстати, изъ Гетева Фауста, относился къ противнику моему Полевому:

Knurre nicht, Pudel, zu den heiligen Tönen,
Die jetzt meine ganze Seele umfassen,
Will dein thierischer Laut nicht passen.

Преданья старины глубокой!

Живя на свѣтѣ уже долго, и слѣдуя постоянно, со временъ студенчества, Аппелесову изреченію, принятому эпиграфомъ на моемъ дневникѣ, nulla dies sine linea, я накопилъ много замѣчаній всякаго рода. Лѣтъ 30 тому назадъ предположилъ я написать со временемъ „Простую рѣчь о мудреныхъ вещахъ,“ гдѣ думалъ изложить свои мнѣнія о высшихъ вопросахъ, и-съ тѣхъ поръ началъ записывать мысли, встрѣчавшіяся мнѣ объ нихъ, при чтеніи и размышленіи. Нѣсколько разъ принимался я писать, но не былъ доволенъ своими приступами. Теперь же рѣшаюсь, vitae summa brevis, пускать въ свѣтъ собранныя мысли, не дожидаясь досуга, (котораго у меня, кажется, никогда не будетъ), въ сыромъ ихъ видѣ, какъ онѣ являлись въ головѣ, безо всякой оправы, безъ всякаго порядка и сочиненія, жертвуя своимъ само-

любіемъ авторскимъ и ученымъ. Можетъ быть, иныя упадутъ добрымъ сѣменемъ, дадутъ плодъ, а другія заставятъ задуматься: время же нынѣ такое въ всѣхъ отношеніяхъ, что задумываться должно. Притомъ противодѣйствіе враждебной силѣ необходимо. Съ этою цѣлію издавалъ я Московскій Вѣстникъ, (1827—1830); съ этою цѣлію издавалъ Москвитянинъ, (1841—1856); съ этою цѣлію издаю теперь Утро и Русскаго. Ругательства же, которыхъ я и ожидалъ, поколебать или остановить меня не могутъ. Пою дондеже есмь. Взявшись за рало, не оглядывайся назадъ (*). Авось добрые люди на Руси когда нибудь не помянутъ меня лихомъ, не въ примѣръ современниковъ, (**) въ чемъ и не сомнѣваюсь.

Къ словамъ о семинаристахъ.

(изъ газеты: Русскій, № 78).

Во второй статьѣ я разсуждалъ о семинаристахъ и семинаріяхъ. Хоть я и оговорился, но здѣсь прибавлю еще, ибо не хочу нести и тѣни подозрѣнія, чтобъ хотѣлъ лично оскорбить или огорчить кого нибудь. И семинаріи, и семинаристовъ, я уважаю, а говорилъ только объ отщепенцахъ, отступникахъ, сорванцахъ, исключеніяхъ, сынахъ погибели Я очень хорошо

(*) Намѣренія своего исполнить я тогда немогъ, прекративъ вскорѣ Русскаго,—и вотъ чрезъ пять лѣтъ оно исполняется теперь.

(**) Беру назадъ эти слова, написанныя подъ вліяніемъ огорченій;

29 Декабря 1871 года я получилъ, совсѣхъ концевъ Россіи, такія доказательства благорасположенія къ себѣ моихъ соотечественниковъ, что считаю себя сверхъ мѣры награжденнымъ за посильные труды, или добрыя намѣренія, и никакіе вопли противной партіи, (прежде западниковъ и теперь нигилистовъ), поколебать меня не могутъ,—напротивъ я считаю ихъ безпрерывнымъ дополненіемъ моего юбилея.

знаю, что семинаріи дали и даютъ многихъ и премногихъ достойныхъ людей, хотя въ основаніи своемъ имѣютъ много обветшавшаго, что идетъ въ сломку или къ исправленію, которое и начинается. Дай только Богъ, чтобъ эти исправленія касались худа, а все добро оставили бы въ цѣлости, еще увеличенное и усиленное, соотвѣтственно требованіямъ времени.

А засвидѣтельствована ли, спросимъ кстати, общественная, глубокая благодарность тому почтенному лицу, которое, первое, возвысило голосъ о состояніи духовныхъ училищъ, голосъ, раздавшійся также за границею, какъ теперь раздались голоса Хомякова и Самарина? Нѣтъ, онъ, говорятъ, прозябаетъ въ своемъ захолустьѣ, стѣсняемый, огорчаемый, обижаемый, не только что невознаграждаемый,— а по его слѣдамъ идутъ толпы, а по его указаніямъ предпринимаются исправленія!

О люди, жалкій родъ!

Эманципація женщины.

(Изъ газеты „Русскій“ 1868 № 101).

I.

Всѣ иностранныя газеты очень пусты; новаго, слава Богу, только то, что нѣтъ ничего новаго; войны на зиму не предвидится,— и «Русскій», вмѣсто пошлыхъ и скучныхъ политическихъ извѣстій, поговоритъ нынѣ съ своими читателями, по поводу одной примѣчательной книги, вышедшей въ Москвѣ, о вопросѣ, который занимаетъ перья досужихъ фельетонистовъ петербургскихъ, и нѣкоторыхъ несчастныхъ, увлеченныхъ, праздношатающихся—не женщинъ, а особъ женскаго пола, объ ихъ эманципаціи.

Что значитъ слово: эманципація? По буквальному переводу съ латинскаго: отпущеніе на волю. Другіе переводятъ это слово освобожденіемъ, - но изъ-подъ какого же ига? По смыслу, въ которомъ у насъ это слово употребляется, оно значитъ: допущеніе до равноправности, предоставленіе одинакихъ правъ.

Какихъ же?

Женщины должны имѣть право быть судьями, командирами полковъ, профессорами, медиками, депутатами? Такъ ли?

А кто же будетъ родить дѣтей?

Знаменитая мадамъ Сталь спросила однажды Наполеона, среди какого-то блистательнаго собранія въ Парижѣ, еще во время республики, какую женщину считаетъ онъ самою великою или славною? Celle, madame, qui a fait plus d'enfants (ту, которая нарожала больше дѣтей), отвѣчалъ молодой консулъ. Этотъ неожиданный отвѣтъ не понравился автору Коринны, и я воображаю, съ какимъ кислымъ видомъ, прикусивъ языкъ, она отвернулась отъ военнаго грубіяна,—но выходка Наполеонова заключаетъ глубокую мысль, напоминая первое и главное предназначеніе женщины, которой Богомъ, природою, поручено продолженіе, храненіе человѣческаго рода.*

Родить дѣтей должны женщины,—но вѣдь дѣти, по закону многоуважаемой нашими эманципаторами природы носятся девять мѣсяцевъ;—но вѣдь это ношеніе и рожденіе сопровождается, по законамъ тойже многоуважаемой природы, многими болѣзнями и даже муками, требующими помощи и ухода;—но вѣдь рожденыхъ дѣтей надо выкормить?

---

* Пишучи это, припоминаю другой геніальный, и также внезапный отвѣтъ Наполеоновъ, уже на островѣ св. Елены, который, во время моей молодости, освѣтилъ для меня всю новую Исторію. Кто-то сказалъ среди разговора: что сдѣлано Революціей? Галлы свергли иго Франковъ, отвѣчалъ Наполеонъ. Эти четыре слова постоятъ многихъ книгъ.

Не правда ли, что женщина-судья, женщина-профессоръ, депутатъ, будетъ имѣть нужду въ продолжительныхъ домовыхъ отпускахъ, а о пенсіи ей нечего уже думать: недослужится... Будетъ ли это удобно для судопроизводства, для профессуры? Женщинѣ медику придется часто лечиться больше, чѣмъ лечить. Подумали-ль обо всемъ этомъ ея новые благодѣтели, наши ревностные прогрессисты?

Не имѣютъ ли впрочемъ они въ виду какого-нибудь замысловатаго процесса, хоть по вновь узнанной ими теоріи размноженія видовъ, процесса, которымъ дѣти будутъ рождаться какъ нибудь иначе, и не станутъ развлекать матерей столько, какъ теперь? Чего добраго! Можетъ быть по слѣдамъ своего прототипа, Гоголева Судьи, они доходятъ до системы устроить дѣло по своему, экономическимъ, цѣлесообразнымъ образомъ.

Не осталось ли еще, напримѣръ, какой-нибудь *силы* на днѣ заповѣднаго болота, любимаго ихъ мѣстопребыванія и rendes-vous, которая имъ въ этомъ важномъ случаѣ поможетъ?

Не льзя же въ самомъ дѣлѣ предполагать, чтобъ всѣ ихъ силы, произведшія вселенную, умерли, исчезли, пропали,—ну, какъ онѣ, откуда ни возмись, отдохнувъ, выкинутъ еще такую штуку! Разодолжатъ онѣ редакціи нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ и журналовъ. Вотъ уже обрадуются онѣ, и съ гордостію воскликнутъ: „Что! мы говорили!“ И вѣрно не обойдется здѣсь даже безъ спора: Петръ Ивановичъ Добчинскій скажетъ; „я говорилъ тогда то, тамъ-то, въ такой-то газетѣ.„ Петръ Ивановичъ Бобчинскій опровергнетъ, и скажетъ: „нѣтъ, я говорилъ еще прежде, вотъ гдѣ, въ такомъ-то журналѣ.“ Говорили, господа, говорили оба, мы вѣримъ всѣмъ вашимъ глубокомысленнымъ редакціямъ, воздаемъ каждому свое, и

допускаемъ такое чудо,—но на что же будетъ тогда раздѣленіе половъ? Мущины и женщины совершенно уравняются, и, воля ваша, они и онѣ соскучатся, и вѣрно пожелаютъ возвратиться въ первобытное состояніе, то-есть состояніе противоположныхъ полюсовъ. Но оставимъ шутки....

Сотвори Богъ человѣка: мужа и жену сотвори ихъ.

Раздѣленіе на полы, естественная связь мущины съ женщиною, взаимное влеченіе, обоюдная нужда, сочувствіе,— все это предназначаетъ, условливаетъ, опредѣляетъ *бракъ* которымъ создалось и держится гражданское общество въ Европѣ... И та святая Книга, книга книгъ, которой наши безумцы не читаютъ, не знаютъ, не понимаютъ, мечтая въ дѣтскомъ буйствѣ своемъ, мухи, или лучше, шмели-титаны, перевернуть вверхъ дномъ божественное, премудрое домостроительство природы, та святая книга возвѣщаетъ: тайна сія велика есть!

Вы требуете новыхъ правъ для женщины? А воспитаніе? Какое право выше этого? Какое занятіе важнѣе? Какое участіе въ жизни всякаго государства, всего человѣческаго рода, въ исторіи, въ будущности, больше, сильнѣе, могущественѣе? Не равняется ли оно, не возвышается ли, по своимъ плодамъ и слѣдствіямъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, надъ всею совокупностью мужской дѣятельности? Женщина сѣетъ добро, пропитываетъ, освящаетъ, животворитъ все своею любовію, Это ея отличіе, преимущество, собственность.

Далѣе—въ семьѣ ли корень, основаніе общества, государства, человѣческаго благосостоянія? (Въ фаланстеріяхъ опытъ вѣдь не удался). А царица въ семьѣ—женщина. Она имѣетъ вліяніе на всѣ дѣйствія мужчины. Пособіе мужу и его настроеніе, успокоеніе, утѣшеніе, все зависитъ отъ женщины. Она

можетъ вдохновлять и государственнаго дѣлателя, и простаго гражданина, и ученаго, и поэта, и чрезъ нихъ дѣйствовать на ходъ всѣхъ дѣлъ. Словомъ сказать: ея дѣйствіе можетъ проявляться, имѣть значеніе вездѣ. Чего же ей больше? Одобреніе женщины, ея удовольствіе, къ какимъ подвигамъ возбудить не можетъ мущину! И все это дѣлаетъ она, употребляя только дарованныя ей природою способности, отнюдь не выходя изъ своего собственнаго, предназначеннаго ей круга, сообразно съ своимъ естествомъ.

Въ новыхъ системахъ проставляется раздѣленіе труда. Но раздѣленіе труда между мущиною и женщиною есть верхъ цѣлесообразности, идеалъ всѣхъ политическихъ экономій.

Управленіе семействомъ, домомъ, имѣніемъ, кромѣ воспитанія дѣтей, кромѣ содѣйствія мужу—сколько времени для этого нужно?

Наши непрошенные эманципаторы не имѣютъ настоящихъ понятій о кругѣ дѣйствій женщины, и потому только навязываютъ ей на шею такія, къ которымъ она по натурѣ своей неспособна, и которыя отвлекутъ ее отъ исполненія ближайшихъ ея обязанностей, такъ что она сдѣлается ни павой, ни вороной, ни ворономъ. Разорвавшись на два поприща, не успѣетъ ни на одномъ, и будетъ производить вездѣ одно замѣшательство.

Вы хотите доставить женщинамъ участіе въ выборахъ, право засѣдать въ законодательныхъ собраніяхъ. Можетъ быть западныя общества развились до такой степени, но что касается до любезнаго отечества, то у насъ и мущинъ-то надо загонять искусственными способами въ законодательныя собранія всякаго рода. Много-ли бываетъ охотниковъ въ Думу, въ Земское собраніе, то или другое общество? Отъ

старыхъ, то-есть, древнихъ выборовъ мы отстали, а къ новымъ еще не привыкли. Послушайте, сколько членовъ принимаетъ участіе въ нашихъ засѣданіяхъ, и сколько членовъ при разсужденіяхъ должны бываютъ лѣзть въ карманы за мыслями, а карманы-то съ прорѣхами, и приходится или молчать, или пересыпать изъ пустаго въ порожнее. Ну, а если еще женщины попадутъ туда, такъ уже и святыхъ вонъ понеси. Нѣтъ, господа, погодите и поучитесь прежде сами, поприготовьтесь дѣйствовать въ выборныхъ собраніяхъ.

Между тѣмъ кругъ дѣятельности женщины распространяется самъ собою, и въ низшихъ слояхъ, по естественному порядку: онѣ служатъ въ конторахъ, гостинницахъ, при театрахъ, при желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ.

Мы говорили о дѣйствіяхъ женщины внутри семьи: но кто мѣшаетъ ей быть писательницей, художницей, учить общество, быть душею его—и такихъ женщинъ представляетъ намъ исторія во всѣхъ образованныхъ странахъ? Кто мѣшаетъ ей заниматься науками, взбираться на Монбланъ и летать по воздуху съ Годарами?

„Распустныхъ книгъ“.

Какихъ же правъ больше женщинамъ?

Вотъ что скрывается большею частію подъ громкими фразами объ эманципаціи!

Но съ этими „книгами“ что дѣлается изъ женщины! Изъ существа прелестнаго, которое считается по праву вѣнцемъ творенія,—она дѣлается, чрезъ нѣсколько лѣтъ, существомъ... тяжело и вообразить, выговорить, приличное ей прилагательное. О, да будетъ проклято скотское, мерзское ученіе!

II.

Зашла рѣчь у насъ о высшемъ образованіи для женщины.

Желаніе получить высшее образованіе есть желаніе прекрасное, благородное, и всякой похвалы достойное.

Но что разумѣютъ женщины подъ этимъ, выраженнымъ ими желаніемъ, въ Петербургѣ, Москвѣ, Калишѣ, Смоленскѣ, еще гдѣ-то? Нѣтъ ли здѣсь какихъ недоразумѣній? Поведу рѣчь издалека.

Женскіе институты наши доживаютъ уже до многолѣтнихъ юбилеевъ: сколько вышло, и ежегодно выходитъ институтокъ, а нынѣ еще воспитанницъ изъ гимназій и разныхъ пріютовъ, пансіоновъ? Вѣдь вотъ кому должно бы, кажется, выражать потребность высшаго образованія, самымъ разумнымъ и основательнымъ образомъ. А мы не слышимъ ни одного голоса. Мы не слышимъ даже ничего о недостаткахъ образованія, получаемаго въ институтахъ и прочихъ женскихъ заведеніяхъ, даже ничего о недостаткахъ преподаванія. Недостатки же эти есть, и очень важные, существенные.

Нынѣшнимъ лѣтомъ случилось мнѣ быть на одномъ экзаменѣ. Уши вянутъ при слушаніи историческихъ отвѣтовъ. Я выразилъ свое удивленіе передъ сосѣдомъ, приведшимъ меня на экзаменъ, и знакомымъ хорошо съ женскими учебными заведеніями. „Неужели преподаваніе исторіи вездѣ похоже на это“?—Кажется, такъ вездѣ, по крайней мѣрѣ въ одномъ родѣ.—Я набросалъ въ тотъ же день свои мысли объ этомъ предметѣ, но до сихъ поръ за недосугами не успѣлъ устроить начатой статьи.

Чему учатся у насъ въ женскихъ училищахъ? Закону Божію, Грамматикѣ, Ариѳметикѣ, Географіи, Исторіи, Словесности, языкамъ, танцамъ, музыкѣ. Какъ? Механически. Каждая наука заключается въ книжкѣ или тетрадкѣ, которая заучивается наизустъ, и передается блистательно на экзаменѣ своими словами, по нынѣшнему прогрессу, или чужими,

по старому обычаю, и потомъ забывается, пропадаетъ, въ плоть и кровь не перешедшее; въ головѣ и сердцѣ не остается ничего благопріобрѣтеннаго, а развѣ только врожденное, чему уцѣлѣть посчастливится. Что же сдѣлало воспитаніе? Много-много, что заняло время.

Намъ слѣдуетъ, кажется, позаботиться прежде всего о надлежащемъ устройствѣ женскихъ гимназическихъ заведеній, и сдѣлать тамъ то, что можно, удобно, легко, чему научаетъ опытъ, чего требуетъ время, и о чемъ у насъ въ поминѣ еще нѣтъ.

Женщины развиваются, созрѣваютъ, умнѣютъ, раньше мущинъ: въ 16—18 лѣтъ онѣ могутъ понять, обнять, выразумѣть многое; умѣйте только сообщить это;—впродолженіи гимназическаго курса онѣ успѣли бы такимъ образомъ получить прекрасное образованіе, вмѣсто нынѣшняго схоластическаго.

Увидите успѣхъ,—прибавьте къ вашему курсу по классу, по два, дополнительныхъ, для высшихъ сторонъ въ пройденныхъ предметахъ, для новыхъ знаній.

Въ эти классы, кромѣ казенныхъ, можно приглашать такъ называемыхъ и своекоштныхъ воспитанницъ благонадежныхъ, по экзамену, желающихъ искренно и способныхъ получать высшее образованіе.

Главное—будетъ развита любознательность, возбуждено любопытство, не пошлое, обыкновенное, а умное, благородное, которое стало бы женщинѣ на всю жизнь, въ исполненіе пословицы: вѣкъ живи, вѣкъ учись,—которое сдѣлалось бы для нея пособіемъ, источникомъ высшаго образованія. Тогда съ жаждою, съ голодомъ, съ чувствуемой сильно потребностію, умная женщина найдетъ средства и безъ университета для ея удовлетворенія.

Выходя замужъ, по окончаніи своего гимназическаго курса, она получитъ въ мужѣ дароваго, усерднаго профессора, который обязанъ продолжать ея образованіе, открывать и указывать средства, какъ заниматься любимыми предметами, посвящая ее въ таинства великихъ предметовъ знанія, пріобщая ее къ жизни общественной, питая любовъ къ отечеству.

(Можетъ-ли всегда дѣлать это нынѣшній мужъ?—объ немъ рѣчь впереди).

Публичные курсы, безплатные, на счетъ правительства, о нѣкоторыхъ наукахъ, подходящихъ подъ женскія условія, полезны и желательны, напримѣръ, о Ботаникѣ, Химіи, Анатоміи, Физіологіи, Сельскомъ хозяйствѣ. Не говоримъ уже о Словесности, Исторіи,—пожалуй Философіи.

Женская медицинская школа для опыта—я не скажу ничего и противъ нея.

Итого: лучшее устройство нынѣшнихъ женскихъ заведеній, распространеніе, пожалуй, ихъ классовъ, допущеніе, даже вызовъ, охотницъ со стороны, публичные курсы нѣкоторыхъ наукъ, или ихъ частей,—вотъ что, кажется, намъ, въ настоящую минуту, нужно, вотъ что говоритъ здравый смыслъ, и это есть путь естественный и раціональный (разумный).

Обратимся теперь къ наличнымъ искательницамъ мудрости.

Что разумѣете вы, милостивыя государыни, подъ высшимъ образованіемъ, которое желаете пріобрѣсти? Объяснили ль вы себѣ, что собственно хотите узнать въ университетѣ? Имѣете ли вопросы, которыхъ разрѣшеніе васъ тревожитъ и томитъ?

Мнѣ кажется, пусть извинятъ меня, онѣ имѣютъ понятіе о высшемъ образованіи очень смутное и неопредѣленное;

соблазняются именемъ университета, и хотятъ только стать на студенческую ногу.

Я слышалъ даже, что нѣсколько охотницъ собрались вмѣстѣ учиться по Латынѣ у одного священника.

На что же вамъ нуженъ Латинскій языкъ для высшаго образованія, спросилъ бы я этихъ вольныхъ мученицъ? Даже и въ Медицинѣ вы можете обойтись безъ Латинскаго языка, и время, на него съ такимъ насиліемъ употребляемое, пригодилось бы вамъ на другія полезнѣйшія занятія.

Признаюсь, что этотъ слухъ и привелъ меня къ заключенію, что, толкуя о высшемъ образованіи, женщины не дали себѣ отчета, чего онѣ хотятъ, и поютъ съ голоса, надѣясь видно узнать въ Университетѣ вообще *все*, точно какъ наши простолюдины предполагаютъ всю премудрость въ книгахъ. Увы! не все узнается въ Университетахъ, не вся премудрость въ книгахъ.

Высшее образованіе и мущинами пріобрѣтается, если пріобрѣтается, не въ Университетахъ, а въ жизни—великомъ Всеучилищѣ съ безпрерывными испытаніями, (экзаменами), какъ для мущинъ, такъ и для женщинъ.

Поговоримъ теперь о высшемъ образованіи: что же разумѣется подъ высшимъ образованіемъ? въ чемъ оно заключается?

Въ понятіяхъ о жизни, смерти, душѣ, безсмертіи, о добрѣ, о злѣ, объ отношеніяхъ человѣка къ природѣ, человѣчеству, Богу... объ участіи его въ жизни общей и отношеніи къ ней, о правахъ, объ обязанностяхъ, объ усовершенствованіи, первоначальной причинѣ, однимъ словомъ, обо всей той дребедени, которую такъ рѣшительно и презрительно осуждаютъ наши новые учители-эманципаторы, и которая однакожь, по старымъ нашимъ понятіямъ, составляетъ цѣль всѣхъ наукъ.

Имѣется ли въ виду эта цѣль въ нашихъ современныхъ Университетахъ? Увы, положа руку на сердце, должно отвѣчать: нѣтъ. Если мы и допустимъ, что она предполагается, подразумѣвается, то все-таки должны сознаться, что она часто забывается, точно также, какъ при пріобрѣтаніи денегъ забывается вообще, что деньги есть средство, а не цѣль, точно какъ изъ-за деревьевъ не примѣчается иногда лѣсъ. Науки преподаются также, большею частію, механически, низведенныя на степень прикладныхъ знаній, не опасаясь негодованія Платона (Греческаго). Да и приложенія очень скудны. Естественныя науки, имѣющія, напримѣръ, столько слушателей въ физико-математическомъ факультетѣ, выносятся также изъ Университета въ тетрадкахъ, которыя впродолженіи первыхъ же десяти лѣтъ испаряются на воздухъ. Въ кровь и плоть превращается очень не многое: естествоиспытателей, напримѣръ, въ соразмѣрности съ числомъ кончающихъ курсъ по этому отдѣленію,—количество ничтожное. За что же принимаются прочіе? Да, молодые люди, герои нашего времени, учатся преимущественно для того, чтобъ получить какія-то пятерки и четверки, и съ ними право на мѣста повыгоднѣе, куда нибудь, хоть по акцизу. О наукѣ для науки, какъ объ искусствѣ для искусства, объ образованіи для образованія, и помину нѣтъ у прогрессистовъ. Едва преданіе держится у нѣкоторыхъ отсталыхъ и запоздалыхъ.

Университеты мужскіе, слѣдовательно, нужно еще приподнять, прежде основанія женскихъ, а то уровень истиннаго просвѣщенія значительно въ нихъ понизился, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ и даже благопріятныхъ обстоятельствъ. Нужно заготовить достойныхъ мужей для будущихъ женъ высшаго образованія, точно какъ заготовляются теперь образованныя жены духовнаго званія для священниковъ.

Высшее образованіе къ женщинамъ даже ближе, чѣмъ къ мущинамъ, въ наше время, но онѣ плавають около своей Итаки, и не узнавая ея, несутся мимо, увлекаемыя вѣтромъ.

Отъ высшаго образованія, становясь болѣе и болѣе на историческую почву, то-есть, смотря на вещи, какъ онѣ, въ данную минуту, есть, перейдемъ къ отдѣльнымъ наукамъ, которыя, какъ замѣчено выше, имѣются, кажется, наиболѣе въ виду. Для каждой вѣдь необходимо приготовленіе. Нельзя слушать логариемы безъ Алгебры, и Тригонометрію безъ Геометріи.

И такъ приготовились ли вы къ слушанію университетскихъ лекцій? Узнали ль вы, Мм. гг. то, что можете узнавать дома, и пришли ль вы къ убѣжденію, что сдѣлали все для васъ возможное, и что теперь вамъ дѣлать нечего, избрали ль вы предметы своихъ будущихъ занятій?

Если бъ вы избрали, такъ вамъ всего бы лучше, вмѣсто общихъ мѣстъ о желаніи общаго образованія, слишкомъ неопредѣленныхъ, заявить бы просто, хоть чрезъ газеты: мы такія-то, или даже безъ именъ, а счетомъ, желаемъ заняться... Физіологіею; мы такія-то... Ботаникою, Исторіею.

Я увѣренъ, что тотчасъ явились бы профессоры, которые снабдили бы васъ сначала совѣтами, а потомъ и прочли бъ вамъ, хотя по частному курсу для опыта. По окончаніи такого курса, и слушательницы и преподаватели увидѣли бъ ясно, что дѣлать имъ нужно и полезно. Оказались бы у кого особенныя способности,—для такой тотчасъ нашлись бы средства ихъ воздѣлывать.

(Если бы наши профессора были подѣятельнѣе и поживѣе,

то они сами, не дожидаясь прошеній, предложили бы женщинамъ свои услуги *).

Нѣтъ, мы не любимъ ничего дѣлать потихоньку, исподволь, постепенно,—а все съ размаху: давай намъ Университетъ!

Ну поговоримъ теперь и объ Университетѣ, отлагая всѣ наши прежнія разсужденія, и становясь на вашу дѣйствительную точку.

Для Университета надо вѣдь набрать прежде всего профессоровъ. Гдѣ же набрать намъ ихъ, когда и мужскіе Университеты въ нихъ нуждаются?

Молодые, холостые негодятся для женскаго Университета: они естественно будутъ развлекаться прелестными своими слушательницами, самъ господинъ Л., чего добраго perdra son Latein, и тогда кто оста ется для обороны классицизма? —Другіе будутъ развлекать ихъ.

Пожилыхъ, женатыхъ, не будутъ жены пускать на такую соблазнительную службу, а если которые и возмутъ для себя каѳедру въ женскій Университетъ, то все-таки для нихъ будетъ страшно искушеніе, и жены ихъ не останутся спокойными, пока не увидятъ ихъ, возвратившихся съ лекціи по добру по здорову.

Стариковъ слушать скучно, кромѣ того, что есть еще пословица: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

Остаются кандидатами на профессуру нынѣшніе вольнопрактикующіе эманципаторы, недокончившіе курса нигдѣ, но вѣдь они сказали уже все, и за душею у нихъ ничего не остается, да и отъ души-то они отказываются сами,— и такъ комплектъ профессоровъ набрать не легко.

Поговоримъ теперь о студентахъ женскаго пола.

---

*) Завелись такіе курсы, но не слыхать объ особенныхъ успѣхахъ.

Кто будетъ слушать лекціи? Какой возрастъ назначается для слушанія лекцій?

Мущины получаютъ такъ называемое университетское образованіе отъ 16 и 18 лѣтъ до 20 и 22 лѣтъ. Помилуйте! Вѣдь это именно критическое время въ жизни женщинъ, когда онѣ думаютъ и приготовляются къ замужеству, когда, дѣйствительно, большею частію выходятъ замужъ. Отвлечь женщину тогда отъ этой мысли, отъ этой цѣли, едва ли можетъ самая занимательная лекція. Время ли ей, досугъ ли, удобно ли заниматься школьнымъ образомъ? Это было бы насиліемъ всему ея существу. По крайней мѣрѣ, эта мысль, ея осуществленіе, виды на перемѣну въ судьбѣ, могутъ всегда остановить, прервать, прекратить курсъ, и съ этими перерывами соединятся тотчасъ совсѣмъ другія воззрѣнія, и прощай наука, даже фортепіано.

Развѣ приписать наукамъ свойство фонтанелей, но это не есть условіе ихъ успѣховъ.

Остаются для Университета дѣвушки, невыходящія замужъ, крыловскія невѣсты, которыхъ собственно и не бываетъ, потому что онѣ, по своей природѣ, не отказываются отъ этой мысли до послѣдней возможности, до края могилы.

Итакъ дѣвушкамъ учиться въ Университетѣ не сподручно; женщинамъ замужнимъ некогда слѣдовать постоянно за курсами; а старухамъ не до высшаго образованія, которое придется имъ же и не по способностямъ тупѣющимъ.

Оснуемъ мы Университетъ, да и будемъ принуждены года черезъ два-три, какъ простынетъ охота, объявлять рекрутскій женскій наборъ,—мудрено и тогда набрать такихъ, которыя не были бъ готовы при случаѣ дезертировать.

Посмотримъ на вопросъ еще съ другой стороны.

Дѣвушки есть бѣдныя и богатыя.

Бѣдныя дѣвушки для пѣшаго хожденія не напасутся башмаковъ, развѣ прогрессисты наши, доказавъ, что Шекспиръ и Пушкинъ уступаютъ въ истинной пользѣ для общества послѣднему башмачнику, оставятъ свое участіе въ редакціяхъ, возмутъ шилья въ руки, и обяжутся снабжать студентокъ обувью, лѣтнею и зимнею, по уменьшеннымъ справочнымъ цѣнамъ.

Да у бѣдныхъ не достанетъ и времени, чтобъ ходить въ Университетъ: имъ надо еще выработать себѣ хлѣбъ.

Потребуются стипендіи, а ихъ мало для мущинъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ.

Что касается до богатыхъ женщинъ, то онѣ имѣютъ средства заниматься какими угодно науками дома.

Остаются вѣрными кандидатками для слушанія лекцій—грустно выговорить—только тѣ нигилистки, которыя остригли себѣ волосы, и потеряли, эманципированныя, женскую прелесть,—но вѣдь съ такими сидѣть на одной лавкѣ можетъ быть и не согласятся тѣ, которыя не только желаютъ сохранить свои косы, но еще навязываютъ себѣ на затылокъ цѣлыя копны чужихъ волосъ, въ шиньонахъ, ширятся въ кринолинахъ, и волочатъ за собою, подобно кометамъ, длинные хвосты.

Все это было бы смѣшно, еслибъ не было такъ грустно!

О мозговыхъ рефлексахъ.

(изъ газеты: Русскій, № 78).

Сравнимъ мозговой аппаратъ (снарядъ) съ фортепіано: клавиши, — предположимъ ихъ безчисленное количество, —

пусть соотвѣтствуютъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. Руки пробѣгаютъ по клавишамъ, какъ предметы — продолжимъ сравненіе—поражаютъ зрѣніе, слухъ.. Клавиши, потрясенные, будутъ соотвѣтствовать ощущеніямъ, они производятъ въ корпусѣ инструмента соотвѣтствующіе звуки; точно такъ ощущенія сообщаются мозгу, и производятъ тамъ извѣстныя движенія. Но здѣсь и оканчивается сравненіе..

Клавишы потрясены, сообщили движеніе, издали звукъ: глазъ, ухо, вкусъ, получили впечатлѣніе, сообщили его мозгу; мозговые рефлексы — это звуки, произведенные движеніемъ клавишей, а дальше что? Звуки себя не слышутъ, а человѣкъ чувствуетъ, сознаетъ, мыслитъ. Откуда же на движеніе мозга низлетаетъ сознаніе? Какъ съ такимъ-то его положеніемъ соединяется та или другая мысль? Кому она сообщается во владѣніе и кто ею распоряжается? Какъ она выражается въ свою очередь, по другому таинственному процессу, словомъ, и словомъ тьмочисленнымъ, по количеству языковъ?

Я говорилъ въ первой статьѣ объ ученыхъ, которые останавливаются предъ пятыми, четвертыми причинами. Физіологъ покажетъ, разберетъ отношеніе предмета къ чувству, изслѣдуетъ всѣ перемѣны, происходящія въ органѣ и частяхъ, его составляющихъ. Далѣе — опишетъ путешествіе ощущенія по его скоротечнымъ дорогамъ въ головѣ, и изслѣдуетъ, что̀ такимъ ощущеніемъ поизводится въ мозгу, въ какой его части, когда мозгъ расширится, когда стѣснится, растянется, какое дѣйствіе произведетъ на сосѣднія части, на все тѣло и на весь организмъ. Все это можно, все это наука сдѣлаетъ, точно какъ съ Боклями исчислитъ подобныя песчинки во всей этой неизмѣримой, необъятной, безконечной вселенной, сочтетъ всѣ лучи, испускаемые міріадами безчисленныхъ звѣздъ,— это жизнь наукъ,— а все таки мы

не узнаемъ какимъ образомъ, откуда, чѣмъ осмысливается ощущеніе, переданное мозгу, и произведшее тотъ или другой рефлексъ, (впечатлѣніе)! Понятіе не въ этомъ впечатлѣніи, (которое есть только его вещественное выраженіе), а индѣ.

Какими рефлексами можно объяснить размышленіе, когда человѣкъ приводитъ, такъ сказать, въ волненіе всю свою мозговую систему, летая мыслію по вселенной, поднимая изъ могилъ все прошедшее, или созидая новые, особые міры, и населяя ихъ произведеніями своего воображенія? Никакое море своими волнами не сравняется, въ разнообразіи и быстротѣ представленій, его фантазіи, которой мозгъ безпрекословно повинуется? Какъ объяснить волю, начинающую и располагающую всѣми этими операціями? Откуда ее беретъ человѣкъ? Какъ объяснить жизнь?

Что такое ложь, что такое правда? Ихъ нѣтъ въ мозгу. Гдѣ же ихъ различіе? Сколько головъ, столько умовъ,— и столько мозговъ? Откуда же это различіе? Этотъ мозгъ производитъ Ньютона, этотъ— Цезаря, Цицерона, Рафаэля, а этотъ нигилиста Русскаго? Какія границы этихъ мозговъ? До чего могутъ доходить они? Внизъ, мы знаемъ теперь, что они могутъ сойдти на нѣтъ, на ничто, на нигилизмъ, на Рускій нигилизмъ, (ниже нельзя), а вверхъ? А совѣсть, а понятія о добрѣ и злѣ, о красотѣ и безобразіи?

Что такое умный человѣкъ и глупый? У перваго такой-то мозгъ, у втораго иной, какъ у одного человѣка хорошее зрѣніе, у другаго дурной слухъ, вкусъ и пр. Вся разница между людьми, слѣдовательно, въ различіи инструментовъ, случайно ими въ той или другой каплѣ зародыша полученныхъ? Всѣ люди различаются между собою только по количеству и качеству случайно доставшагося имъ мозга?

Такое предположеніе могутъ дѣлать развѣ только безмозглые, непонимающіе, куда можетъ привести такое анархическое, во всѣхъ смыслахъ, ученіе!

Друзья мои, вы сказали сами, что при настоящемъ состояніи наукъ, «когда мы знаемъ только изъ пятаго въ десятое, и когда почва колышется подъ нашими ногами», дерзость непростительная и глупость несносная, — занимаясь лягушками, или наблюдая инфузоріи, рѣшать общіе вопросы, и не зная вполнѣ *ничего*, отвергать *все*. Говорите о томъ, что вы узнаете съ своимъ скальпелемъ или съ своимъ микроскопомъ, — довольно съ васъ этого, по вашему собственному сознанію, недалѣе!.

Къ злобѣ дня.

На дняхъ найденъ въ постелѣ мертвымъ сынъ одного изъ достопочтеннѣйшихъ Московскихъ гражданъ, отличный студентъ 4-го курса по медицинскому факультету. Это былъ, говорятъ, молодой человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ, ведшій себя безукоризненно, получившій золотую медаль еще въ гимназіи. Отецъ любилъ его безъ памяти и видѣлъ въ немъ единственное утѣшеніе въ жизни. Ни въ чемъ никогда не слыхалъ онъ отказа, и жилъ, какъ ему было угодно. Сестра, нѣсколько моложе, была его искреннимъ другомъ. Семейство было счастливо, пользуясь всѣми, такъ называемыми, благами жизни.

Причина смерти неизвѣстна. Внѣшнихъ побужденій никакихъ. Недѣли за двѣ, такою-же смертью, скоропостижно, умеръ его товарищъ, также отличный студентъ, съ которымъ онъ связанъ былъ тѣснѣйшею дружбою, и носилъ всегда при себѣ письмо, полученное отъ него передъ смертью.

О содержаніи письма не говорилъ онъ ни съ кѣмъ. Наканунѣ своей смерти, былъ онъ мраченъ, и, пришедъ откуда-то, переодѣлся, но позабылъ вынуть это письмо изъ скинутаго платья, и, спохватившись въ другой комнатѣ, безпокойный тотчасъ побѣжалъ за нимъ. По смерти, въ платьѣ письма не было найдено.

Какая причина могла побудить того и другаго молодаго человѣка такъ разстаться съ жизнію?

Припоминается мнѣ теперь подобная смерть молодаго человѣка, также отличнаго, бывшаго уже преподавателемъ въ Университетѣ, единственнаго сына у родителей. Она случилась года два назадъ, и приписывалась огорченію, впрочемъ незначительному, причиненному слушателями.

И не всякій ли день читаются въ газетахъ извѣстія о самоубійствахъ, убійствахъ, покушеніяхъ, преступленіяхъ, совершаемыхъ молодыми людьми изъ за причинъ пустыхъ, ничтожныхъ. Гимназистъ, неполучающій слѣдующаго ему бала на экзаменѣ, пускаетъ себѣ пулю въ лобъ; другой пыряетъ ножемъ въ бокъ товарищу за маловажную обиду. Двое гдѣ-то объяснили на допросѣ, что они убили своего ямщика, желая испытать ощущеніе быть убійцею!(*)

Ядъ закрадывается даже въ сердца дѣвушекъ, которыя также, какъ видно по газетамъ, хватаются иногда за револь-

(*) Вотъ въ послѣднихъ газетахъ читается: (Петербургскія вѣдомости, № 83, Марта 24:) „въ Москвѣ въ теченіи Января и Февраля этого года было 110 случаевъ насильственной и случайной смерти. Изъ нихъ: случаевъ смертоубійства 7, въ томъ числѣ два дѣтоубійства и три отравленія; случаевъ самоубійства 5, изъ коихъ четыре совершены посредствомъ огнестрѣльнаго оружія; случайныхъ смертей 97.“

Тамъ же: „Въ Кронштатѣ 14 Марта застрѣлился изъ самодѣльнаго оловяннаго пистолета воспитанникъ 3 класса гимназіи, сынъ умершаго инженеръ подполковника, 15 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ.“

веръ, или бѣгутъ изъ родительскихъ домовъ, пускаясь, съ обрѣзанной косою, во вся тяжкая. Судьба этихъ несчастныхъ жертвъ безумнаго ученія или злаго повѣтрія еще ужаснѣе: когда онѣ опомнятся, что имъ дѣлать? Мучиться совѣстію, или погибать окончательно!

Ясно ли для имѣющихъ очи видѣти и уши слышати, что основанія религіозныя колеблются, узы семейства ослабѣваютъ, правила нравственныя извращаются, страстямъ и даже мелкимъ случайнымъ возбужденіямъ, дается воля,—вслѣдствіе какого-то новаго взгляда на жизнь и ея отношенія!

Живи, какъ тебѣ хочется; стѣснять себя не для чего; отвѣчать некому, кромѣ себя; удовольствіе, какое бы ни было, удовлетвореніе желанія,—дороже всего. Прочее—вздоръ, выдумки, бабьи сказки, невѣжество, доказанное наукою!!

Мы говорили о трехъ молодыхъ людяхъ съ прекраснымъ поведеніемъ при самыхъ лучшихъ условіяхъ жизни, а представьте себѣ негодяевъ, для которыхъ по другимъ причинамъ еще жизнь копейка; представьте себѣ малодушныхъ, удрученныхъ нуждою, или доведенныхъ до отчаянія; представьте себѣ людей, неимѣющихъ никакой связи съ жизнію, мечтателей, мономановъ: на что они могутъ рѣшиться съ такимъ ученіемъ, съ такимъ образомъ мыслей; какія опасности предстоять не только семейству, но и обществу при такомъ направленіи!

Наконецъ вотъ что у насъ поражаетъ еще наблюдателя: добрые, честные, благородные люди, но съ ограниченнымъ умомъ, слабымъ характеромъ или недостаточнымъ образованіемъ, зараженные такимъ ученіемъ, дѣлаются зря, или лучше не зря, способными на всякое преступленіе, разливаютъ ядъ, какъ-бы манну, съ наилучшими намѣреніями, думая имъ приносить пользу, спасать общество, пріуготовлять золотой вѣкъ.

Вотъ нашъ государственный вопросъ, съ которымъ никакой другой не можетъ сравниться, развѣ вопросъ о пьянствѣ.

Отцы отечества—публицисты, журналисты, вотъ на что должны вы обратить усиленное свое вниманіе!

Всѣ духовныя, умственныя и нравственныя силы народа должны бы собраться такъ или иначе, и разсудить, какія мѣры должны быть приняты, чтобъ зло не распространялось, а напротивъ ослабѣвало и прекращало свои нравственно-опустошительныя дѣйствія.

О насильственныхъ мѣрахъ, принудительныхъ, запретительныхъ, карательныхъ, думать нечего, ими только увеличивается сила зла по закону упругости. Здѣсь можетъ дѣйствовать только убѣжденіе, сила ума, сила слова, сила науки истинной, не самозванной, а больше всего сила сердца любящаго.

Церковь, университеты и училища, журналистика, литература, семья, всякій порядочный, благонамѣренный, мыслящій человѣкъ, на томъ мѣстѣ, на какомъ поставила его судьба, должны соединить свои усилія, чтобъ укрощать злобу дня.

Марта 21 1872. *)

Петербургское самоубійство.

Не служитъ ли разительнымъ, прискорбнымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго въ предпослѣдней статьѣ слѣдующее ужасное извѣстіе Петербурскихъ вѣдомостей №28, Марта 30:**.

*) Статейка эта, написанная при первомъ слухѣ о происшествіи, не была напечатана въ свое время по другимъ соображеніямъ.

**) Тяжело передавать имена; мы замѣнимъ ихъ буквами: А вызванный на дуель за неосторожное выраженіе, и убившій вызывателя. Г Вызыватель, оскорбившійся выраженіемъ. В его любовница, бывшая за мужемъ за студентомъ. Б ея сестра, хотѣвшая отомстить А, и убить его, за ея смерть.

„Молодая женщина, выстрѣлившая вчера въ Господина. А. и потомъ лишившая себя жизни, была Б., родная сестра В., скончавшейся въ Сентябрѣ прошлаго года отъ послѣдствій раны, нанесенной ею себѣ 16 Августа, тотчасъ по окончаніи судебнаго разбирательства по дѣлу о дуэли между покойнымъ Г. и А.“ Замѣтимъ, что мужъ этой В судился за распространеніе политическихъ прокламацій и былъ только что сосланъ; а Г. подозрѣвался въ связи съ ней. „В, какъ говорятъ, выстрѣлила въ А два раза, но одинъ изъ выстрѣловъ прошелъ мимо, не причинивъ А никакаго вреда; другимъ выстрѣломъ г-ну А опалило лицо, вслѣдствіе чего онъ упалъ въ обморокъ, такъ что его сначала сочли убитымъ, когда вошли въ комнату. Себѣ г жа Б выстрѣлила въ правый високъ, и пуля, пройдя на вылетъ, вышла изъ лѣваго виска. Нѣкоторое время у г-жи Б были еще слабые признаки жизни, но она скончалась спустя четверть часа».

Жена студента, не кончившаго курсъ—вѣдь ей не могло быть болѣе 20 лѣтъ? Вѣдь замужемъ не могла онъ быть болѣе двухъ лѣтъ? И въ это время она успѣла завести связь! Намекъ на эту связь возбудилъ негодованіе любовника и онъ вызвалъ на дуэль намекавшаго, который былъ убитъ. Молодая женщина, при жизни мужа, застрѣлилась, узнавъ о смерти любовника Ея сестра, дѣвушка, еще моложе ея, чтобъ отмстить смерть сестры, хотѣла убить убійцу ея любовника, застрѣлилась сама. Какія ужасныя явленія!

А можетъ быть у этихъ несчастныхъ были отецъ, мать...

И все это происходило въ кругу самыхъ честныхъ, благородныхъ людей, по удостовѣренію газеты! Можетъ быть они и въ самомъ дѣлѣ таковы въ своихъ глазахъ, по своимъ правиламъ, но каковы же эти правила!

Мысли о матеріализмѣ.

(Помѣщаемъ эту статью изъ Полтавскихъ эпархіальныхъ вѣдомостей).

Понятно, когда человѣкъ дѣлается мистикомъ, онъ конечно заблуждается, но и въ этомъ направленіи видно еще стремленіе ума къ духовному міру, естественное человѣку; но непостижимо, если человѣкъ желаетъ уничтожить въ себѣ чувство духовности, и силится низвести себя въ среду безсловесныхъ животныхъ;—если онъ добровольно убиваетъ въ себѣ чувство своего духовнаго начала, и какъ бы не чувствуетъ ничего, кромѣ грубаго вещества, составляющаго его внѣшнюю оболочку. Такая слѣпота еще болѣе удивительна въ людяхъ, пріобрѣтшихъ познанія въ наукахъ, изслѣдующихъ законы веществѣннаго міра, который своимъ мудрымъ устроеніемъ весь глаголетъ о величіи и премудрости Творца своего. Эти науки, разскрывающія предъ нами тайны природы, убѣждаютъ насъ, что всѣ виды существа заключаются только временно въ своихъ видимыхъ формахъ, стремящихся безпрестанно къ разложенію, къ утонченію до элементовъ, неподлежащихъ уже осязанію нашими чувствами, ни разложенію извѣстными намъ средствами. Эти науки раскрываютъ предъ нами элементы и силы природы, утонченные до такой степени, что они кажутся намъ какъ будто и невещественными; однакожъ мы видимъ, что они управляются непреложнымъ закономъ и покоряются ему съ непоколебимою точностію. И за всѣмъ симъ, когда все твореніе стремится къ единенію съ своимъ началомъ, потому что «*вся отъ Него, Имъ и къ Нему*», говоритъ Св. Апостолъ Павелъ,—безсмысленный, въ ослѣпленіи своемъ, человѣкъ, котораго Создатель, по любви Своей, «*малымъ чимъ умалилъ отъ ангеловъ*», усиливается, противно своей природѣ, про-

тивъ внутренняго сознанія совѣсти, низвести себя на низшую степень вещественныхъ созданій. Какъ видно, это жалкое заблужденіе уже существовало и въ самой древности, потому что Царь Пророкъ упоминаетъ объ этомъ, говоря: «*приложились къ скотамъ безсмысленнымъ и уподобились имъ*».

Въ чемъ же искать причины такого противуестественнаго состоянія ума? Конечно, не въ познаніяхъ, въ естествовѣдѣніи открываемыхъ намъ Создателемъ, потому что чѣмъ глубже проникаемъ въ сокровенныя таинства вещественной природы, тѣмъ болѣе познаемъ непрерывное попеченіе Промысла Божія о Его твореніи, и тѣмъ болѣе убѣждаемся, что за предѣлами видимаго существуетъ міръ невидимый, котораго нашъ вещественный міръ есть какъ бы отраженіе въ осязаемыхъ для нашихъ чувствъ формахъ. Сознаніе высокихъ умовъ служитъ этому доказательствомъ: знаменитый Ньютонъ съ величайшимъ благоговѣніемъ и благодарностію произносилъ имя Божіе; съ самой глубокой древности и до нашего времени, люди, одаренные высокимъ умомъ, посвятившіе всю жизнь свою наукамъ, возносились всею силою духа къ познанію Творца въ Его необъятномъ твореніи.

Послѣ этого, чтожъ такое матеріалистъ, какое его міросозерцаніе?—

Это существо не мыслящее и потому непонимающее ничего, кромѣ соприкосновенія своего съ вещественнымъ міромъ или *матеріальною природою*; существо, для котораго внѣ матеріи ничто не существуетъ, котораго понятія ограничиваются сферою природы вещественной, въ той формѣ, къ которой онъ можетъ прикасаться своими тѣлесными органами; онъ не можетъ мыслить и понимать далѣе очевидности. Это существо, такъ сказать, ползающее по землѣ; оно роется въ ней, не поднимая умственнаго взора на вы-

соту, не углубляется мыслію въ безпредѣльность неба, не созерцаетъ съ размышленіемъ безчисленныхъ міровъ, и не имѣетъ объ нихъ никакого понятія, единственно по той причинѣ, что чрезмѣрно отдаленные лучи ихъ свѣта не ослѣпляютъ глазъ его, подобно солнцу, сильнымъ отраженіемъ на земной поверхности.

Какой взглядъ имѣетъ матеріалистъ на жизнь вообще?—Для него существуетъ только очевидное—настоящее, прошедшее—забывается, будущее—не существуетъ.—Потребности его жизни: пища, сонъ и теплота; для удовлетворенія этимъ потребностямъ, онъ готовъ потребить все, что попадаетъ ему подъ руку: словомъ,—по его образу мыслей, все, что составляетъ вселенную, все это ничто иное, какъ матеріалы, которые одинъ для другаго служатъ средствомъ продолженія ихъ земнаго бытія безъ всякой цѣли, и потому нравственныя взаимныя отношенія живыхъ и разумныхъ существъ для матеріалиста не существуютъ: *одно должно страдать, чтобы доставить другому удовлетвореніе его животнымъ потребностямъ*,—вотъ основное разрушительное правило матеріализма.

Какое умственное состояніе матеріалиста? Будучи ограниченъ до слѣпоты въ своемъ міросозерцаніи, онъ принимаетъ вещественныя свойства малѣйшей частицы созданій, доступной его очевидности, за всеобщій законъ творенія, вмѣсто вѣчнаго закона отношеній Создателя ко всему, произведенному Его творческою силою; этого закона онъ не знаетъ и не имѣетъ даже понятія о его существованіи.—Для каждаго размышляющаго человѣка очевидно, что человѣкъ состоитъ изъ разумнаго невещественнаго существа или духа, и изъ вещественнаго, премудро устроеннаго, живаго организма;—но въ матеріалистѣ дѣйствіе разумнаго духа не замѣтно; въ немъ видно одно животное; онъ человѣкъ не по разуму, а только по внѣшнему виду.

Какія нравственныя отношенія матеріалиста къ обществу? —Не понимая, и потому не признавая ничего, внѣ видимаго вещества, онъ не признаетъ будущности, внѣ матеріальной жизни; отсюда, совершенное отсутствіе необходимости нравственныхъ началъ или *закона нравственнаго и непреложнаго*, который умѣряетъ противоборство плоти противъ духа или разума; онъ готовъ жертвовать всѣмъ для удовлетворенія побужденій плоти; поэтому добро и зло, добродѣтель и порокъ, честность и злодѣяніе, у матеріалиста это только идеи относительныя, а не истины неизмѣняемыя, непреложныя, положенныя въ основаніе нравственнаго закона, который долженъ быть краеугольнымъ камнемъ въ общественной жизни разумныхъ существъ; и потому въ добродѣтели и честности матеріалиста столько же можно быть увѣреннымъ, какъ въ неизмѣнности направленія флюгера, дѣйствующаго по дуновенію вѣтра.

Какой взглядъ матеріалиста на природу?—Онъ никогда не выходитъ изъ круга подражанія, и потому мечтая, что нашелъ что либо новое, онъ слѣпо повторяетъ давнія заблужденія другихъ; онъ не выходитъ взоромъ своимъ за предѣлы вещественности, духъ его спитъ: онъ не можетъ парить въ безпредѣльную область міра духовнаго; онъ не зритъ духовной стороны созданія, въ немъ нѣтъ эстетическаго чувства, нѣтъ идеала красоты; слѣдовательно онъ не знаетъ поэтическаго значенія природы, въ которой все существо становится орудіемъ премудрости Творца къ произведенію вѣчной гармоніи во вселенной.

Какое внутреннее, душевное сознаніе матеріалиста?—Такъ какъ для него нѣтъ будущности внѣ матеріальнаго міра, а потому—нѣтъ вѣры; онъ не имѣетъ, чему вѣрить, и во что вѣровать; нравственное духовное блаженство на землѣ и

страхъ вѣчнаго отдаленія и лишенія этого блаженства за гробомъ—для него не существуютъ; слѣдовательно онъ не имѣетъ внутренняго духовнаго чувства, которое утѣшало бы его при дѣлѣ добромъ и укоряло бы за злое; — нѣтъ побужденія къ добру, нѣтъ совѣсти;—одинъ страхъ матеріальной, очевидной опасности, или отвѣтственности можетъ только удерживать его въ границахъ общественнаго порядка, и потому онъ готовъ дѣлать все противное закону нравственному, коль скоро можетъ укрыться отъ преслѣдованія;—для него необходимы законы, грозящіе страхомъ отвѣтственности и наказанія.

Матеріалисты бываютъ двухъ родовъ: одни по причинѣ малоумія и совершеннаго невѣжества до скотства,—другіе отъ гордости или сомнѣнія и увѣренности въ своихъ мнимыхъ познаніяхъ, которая омрачаетъ ихъ до слѣпоты и того же невѣжества; но какъ первые, такъ и послѣдніе необходимо должны быть равно удерживаемы страхомъ законовъ, безъ чего первые могутъ сдѣлаться преступными по увлеченію ихъ невѣжества, послѣдніе же могутъ быть готовы на всякаго рода злодѣяніе по необузданности ихъ гордости, и надежды на безнаказанность.—Однако же какъ тѣ, такъ и другіе, достойны сожалѣнія въ глазахъ человѣка съ высшими христіанскими чувствами.—Можно ли безъ глубокаго душевнаго сожалѣнія видѣть человѣка, омраченнаго совершеннымъ невѣжествомъ, лишеннаго свѣта истинной вѣры,—человѣка, котораго душа не можетъ ощутить блаженства неземнаго, исполняющаго ее чувствомъ небесной радости?

Матеріалистъ въ благополучіи гордъ до смѣшнаго, а низокъ до жалости, когда счастье отвернется отъ него.—Въ несчастіяхъ просвѣщенный христіанинъ, въ своемъ смиреніи, дѣлается истинно великимъ, становясь выше всего земнаго;

матеріалистъ же напротивъ дѣлается низокъ во всѣхъ отношеніяхъ, потому что вещественныя основанія его надеждъ рушились безвозвратно, а возвыситься духомъ ему некогда, и то, что для смиренномудраго христіанина бываетъ отвлеченіемъ отъ всего тлѣннаго и преходящаго, путемъ къ возвышенію,—то для жалкаго, безумнаго горделивца становится причиною отчаянія, путемъ къ погибели.

Бѣдные матеріалисты! Они въ ослѣпленіи своемъ не видятъ, что они не изобрѣли какой либо новой мысли или новаго взгляда на міръ, но что они повторяютъ тѣ заблужденія древнихъ, которыя тогда были еще извинительны, какъ потому, что познанія естествовѣдѣнія были чрезвычайно ограниченны, не имѣли тѣхъ научныхъ средствъ, какія мы имѣемъ въ наше время, такъ и потому, что въ то время люди, невѣдая высочайшихъ истинъ, стремились къ познанію ихъ силами собственнаго разума, не имѣя яснаго откровенія міра духовнаго,—и заблуждались; но при всемъ томъ никогда не доходили до такого невѣжественнаго отрицанія, какъ нынѣшніе матеріалисты, отвергающіе откровенныя, уже вѣками оправданныя, истины. Они искажаютъ науки, лгутъ на нихъ, измѣняя значеніе самыхъ событій, и подводя ихъ къ своему образу воззрѣнія.

Что скажетъ матеріалистъ о законахъ количествъ, о законѣ гармоніи звуковъ, совершенно не принадлежащихъ міру вещественному, равно и о пониманіи этихъ законовъ? Конечно, онъ долженъ остаться безотвѣтнымъ, потому что не можетъ постигать ихъ матеріальнымъ образомъ.

На чемъ же матеріалисты основываютъ свое самомнѣніе и свои системы міросозерцанія, и какія доказательства основательныхъ познаній видимъ мы отъ этихъ горделивцевъ, холодныхъ ко всему высокому и прекрасному въ Божіемъ мірѣ?

Какія доказательства представляютъ они въ утвержденіе своихъ мыслей?—До сего времени мы видимъ только одинъ туманный напыщенный бредъ въ несвязныхъ, неопредѣленныхъ, лишенныхъ всякой логики фразахъ, какъ напримѣръ, *о началѣ бытія вселенной* они говорятъ:

«Сущность появленія вещей есть произведеніе различныхъ и разнообразныхъ случайныхъ или необходимыхъ комбинацій между собою и движеній матеріи (Бюхнеръ).»

„Кажущаяся цѣлесообразность природы есть ничто иное, какъ необ́ходимое послѣдствіе встрѣчи натуральныхъ веществъ и силъ (Фохтъ).“

„Движеніе соединенія, поглощенія и выдѣленія основной матеріи есть содержаніе всякой дѣятельности на землѣ (Молешотъ).“

„Природа воспроизвела все сама изъ себя (Бюхнеръ).“

„Природа возникла изъ физическихъ и химическихъ силъ, безъ органической субстанціи, безъ какой либо руководящей идеи (Фохтъ).“

„Вселенная не создана, но въ теченіе невообразимаго количества тысящелѣтій возникла изъ саморазвитія вѣчныхъ, безсознательныхъ атомовъ матеріи, частію посредствомъ вѣчной необходимости природы, частію случайно (Молешотъ).“

«Вся вселенная есть вѣчная матерія, форма и движеніе; ничто существенно не можетъ ни возникнуть, ни уничтожиться (Чольбе).“

„Нашъ размышляющій разсудокъ есть единственная причина кажущейся цѣлесообразности природы, которая есть только необходимое слѣдствіе встрѣчи силъ и матеріи (Бюхнеръ).“

„Ходъ природы есть только игра и управленіе природныхъ силъ (Молешотъ).“

„Закономъ природы служатъ суровыя, непреклонныя силы незнающія ни нравственности, ни снисхожденія (Фохтъ).“,

„Матерія устрояетъ міръ посредствомъ взаимодѣйствія своихъ атомовъ, безъ плана и безъ намѣренія (Молешотъ).“

Посмотримъ, какое понятіе имѣютъ матеріалисты о причинѣ всего бытія—о Творцѣ вселенной?

„Богъ есть внѣ и высшее человѣческое я, раздвинувшее свои предѣлы, и надъ объективнымъ существомъ поставившее субъективное существо—человѣка (Фейербахъ).“

„Еслибы существовалъ творецъ міровъ, то онъ прежде или послѣ акта творенія явилъ бы себя существующимъ, а какъ этого никогда не было, слѣдовательно творца нѣтъ; а все сдѣлалось силами природы и матеріи.“

„Движеніе матеріи повинуется только тѣмъ законамъ, которые дѣйствуютъ въ ней самой (Бюхнеръ).“

„Высшая идея есть круговое теченіе жизни, или вѣчное круговращеніе матеріи, проходящее чрезъ всѣ виды природы отъ земли до человѣка и отъ человѣка до земли (Молешотъ).“

Что такое человѣкъ?

„Человѣкъ есть химическое произведеніе матеріи, которая безъ всякаго плана, сама собою приходитъ въ движеніе.—Безъ фосфора нѣтъ мысли.“

„Духъ его есть ничто иное, какъ дѣятельность мозга; онъ есть идеальное произведеніе безъ всякаго реальнаго основанія; онъ есть продуктъ силы для извѣстной комбинаціи матеріальныхъ веществъ.—Душа есть временное свойство мозга, результатъ его развитія.—Дѣятельность мышленія зависитъ отъ скучиванія мозговой субстанціи;—мысль происходитъ отъ движенія, перестановки и выдѣленія мозговой матеріи (Бюхнеръ и Молешотъ).“

„Мозгъ даетъ физическому матеріалу то направленіе, въ которомъ находится сущность самосознанія, обусловливаемая устройствомъ мозга (Чольбе).“

„Перемѣна матеріи въ тканяхъ тѣла обусловливаетъ мысли; но сама мысль, прошедши сквозь мозгъ и кровь, сожигается, превращаясь въ простыя соединенія, изъ которыхъ возобновляетъ свою жизнь распускающееся растеніе (Молешотъ).“

„Ничто не существуетъ, кромѣ того, что можетъ быть постигаемо тѣлесными чувствами (Молешотъ).“

„Органическія существа одолжены своимъ бытіемъ совокупности дѣйствій естественныхъ силъ и матерій; по образованіи и охлажденіи земли, зародыши всего живущаго спустились изъ міроваго пространства и достигли своего развитія тамъ, гдѣ сродство и общность условій благопріятствовали имъ (Бюхнеръ).“

„Изъ первобытной тины вѣчныхъ атомовъ матеріи, частью случайно, частью по необходимости, чрезъ скучиваніе матеріи, развилась первая органическая ячейка; изъ нее возникли сперва растительныя, а потомъ и животныя формы, которыя, посредствомъ безконечныхъ метаморфозъ, развились наконецъ въ обезьянъ; а отъ нихъ произошелъ первый человѣкъ (?)Бюхнеръ).“

Какое основаніе взаимныхъ отношеній между человѣками?

„Каждый человѣкъ есть ближній только самаго себя (Фохтъ и Штирнеръ)“.

„Общій итогъ разумнаго права слѣдующій: выше всего люби себя (Гоббесъ и Штирнеръ)“.

„Служеніе нашему Я есть единственная разумная и честная религія (Максъ-Штирнеръ)“.

Послѣ всей изложенной здѣсь премудрости матеріалистовъ, спрашиваю: можетъ ли не только ученый, но просто здравомыслящій человѣкъ, хотя нѣсколько образованный и ознакомленный съ пріемами философскихъ разсужденій, можетъ ли хотя на минуту остановить свое вниманіе на подобныхъ дефиниціяхъ, въ которыхъ нѣтъ ни одного слова, опредѣляющаго значеніе вещи или идеи? Такіе философы подобны мальчику, который, не имѣя понятія о математическихъ вычисленіяхъ, набралъ бы кусочковъ бумаги съ написанными на нихъ цифрами, и увѣрялъ бы своихъ товарищей, что если перемѣшать эти бумажки, и потомъ разомъ бросить ихъ на полъ, то они дадутъ точно такой результатъ того вычисленія, котораго они не понимаютъ въ школѣ. Читая эти дефиниціи матеріалистовъ невольно приходимъ къ заключенію, что эти псевдо-философы должны быть, или въ высшей степени самолюбивые лѣнивцы, нехотѣвшіе учиться основательно, а только лишь нахватавшіе научныхъ терминовъ и играющіе ими, чтобы удивлять невѣждъ своею ученостью; или это стачка шалуновъ, которые сами помираютъ со смѣху, видя какъ глупцы съ восторгомъ и удивленіемъ повторяютъ сказанную ими безсмыслицу; или наконецъ это стачка,—но не шалуновъ, а отъявленныхъ злодѣевъ, которые сами знаютъ, что говорятъ вздоръ, но проповѣдуютъ его, желая убить въ людяхъ всякое нравственное чувство, всѣ правила взаимныхъ отношеній, чувство совѣсти, попирая все, что есть священнаго для человѣчества;—уничтожить всякой законный порядокъ, развить необузданность страстей, и по головамъ погибающихъ жертвами ихъ разрушительнаго ученія достигнуть, хотя кратковременно, удовлетвореній своихъ корыстныхъ цѣлей.—Иначе не возможно думать, потому

что нельзя повѣрить, чтобы люди, не потерявшіе разсудка, и даже занимающіеся науками, говорили такія безсмысленныя положенія. Предоставимъ имъ предполагать, что все, что составляетъ вселенную, составилось какимъ бы то ни было порядкомъ, и въ продолженіи неопредѣленнаго времени изъ первобытныхъ элементовъ матеріи и силъ, но все же какъ ученый, такъ и самый простой, но мыслящій и не потерявшій разсудка человѣкъ прійдетъ къ неотразимому вопросу: откуда же возникли тѣ первобытные элементы, или атомы и силы? И если матеріалистъ и на этотъ вопросъ отвѣтитъ, что они возникли сами собою, или что они всегда были вѣчны,—тогда уже нечего болѣе у него спрашивать, а изъ состраданія отвести ему покойный теплый номеръ въ извѣстномъ заведеніи профессоровъ новѣйшей философіи.

Несомнѣннымъ доказательствомъ того, что нынѣшніе философы матеріалисты или вовсе не знаютъ новѣйшихъ основательныхъ выводовъ наукъ естественныхъ, или съ злымъ умысломъ искажаютъ ихъ, служитъ взглядъ на тѣ же науки извѣстнѣйшихъ ученыхъ нашего времени; такъ ученый геогностъ Марсель де Серрезъ говоритъ: „Съ какою недобросовѣстностою и невѣжествомъ называвшіеся философами прошедшаго столѣтія судили о книгѣ, которую не понимали, да и не могли понять тогда, когда науки еще не были достаточно усовершенствованы; только въ наше время изслѣдованія, произведенныя естественными науками, показали намъ, что сказанія Моисея о сотвореніи міра согласуются съ достовѣрнѣйшими геогностическими фактами, гораздо болѣе, чѣмъ всѣ системы, *придуманныя* самыми геніальными людьми.“

Такимъ же образомъ выражались объ этомъ предметѣ знаменитѣйшіе естествоиспытатели, физики, химики, мате-

матики и философы, начиная съ Коперника, Кеплеръ, Ньютонъ, Гауссъ, Эйлеръ, Гуфландъ, Гейнротъ, Фареде, Кювье, Фихте, Шеллингъ, Стеффенсъ и Гумбольдтъ. Такъ равно и о ученіи христіанскомъ, отдавая ему всю силу Божественнаго его начала и силу истины, говорятъ Мюллеръ, Шейтлинъ, Вагнеръ, Гумбольдтъ, и Гейне, извѣстный прежде своимъ вольнодумствомъ, искренно признается, что обратился къ истинѣ чтеніемъ Библіи т. е. Ветхаго и Новаго завѣта.

Въ заключеніе можно привести слова Гёте, (Aus meinem Leben) онъ говоритъ: „Пусть естественныя науки распространяютъ область своихъ изслѣдованій въ ширину и глубину, пусть умъ человѣческій совершенствуется, какъ только можетъ, онъ никогда не достигнетъ того величія и той нравственной христіанской образованности, которая открыта намъ въ Новомъ Завѣтѣ.“

Довольно, кажется, доказательствъ тому, что основательное изученіе природы и всѣхъ физико-математическихъ наукъ ведетъ къ глубокому познанію истинной вѣры и Священнаго писанія, которое отрицать могутъ только люди съ самыми поверхностными понятіями объ этихъ наукахъ, и что ихъ взгляды и выводы не достойны вниманія истинно ученаго человѣка.

По системѣ міроздания матеріалистовъ всѣ животные организмы произошли изъ перерожденія одного рода и вида въ другой, въ продолженіи *невообразимаго* количества тысячелѣтій. Такимъ же образомъ и человѣкъ, произойдя изъ какой нибудь инфузоріи, наконецъ дошелъ и до рода обезьянъ, и потомъ переродился въ человѣческій образъ.—Слѣдуя этой системѣ, можно предполагать, что и сами матеріалисты въ продолженіи многихъ вѣковъ могли бы переродиться въ людей разумныхъ, что впрочемъ весьма сомнительно; скорѣе

можно ожидать обратнаго хода метаморфозы. Бѣдныя, жалкія существа! Они не вѣдаютъ всей неизмѣримости милосердія своего Создателя, они не знаютъ того, что для возрожденія человѣка нужны не тысячелѣтія, и что одна минута полнаго, искренняго раскаянія и обращенія къ Богу съ любовію можетъ просвѣтить ихъ, переродить и доставить имъ вѣчное блаженство. Г. Р.

Еще для нигилистовъ.

Нигилисты наши не выходятъ у меня изъ головы. Познакомясь съ ними по нѣкоторымъ статьямъ, я вижу, что это, по большой части, народъ искренній, можетъ быть, и добрый, никакъ не отчаянный, что они могутъ выбраться на истинный путь. Жаль только, если это случится слишкомъ поздно. Нужно, чтобъ они читали не только то, что подходитъ подъ ихъ настоящее направленіе, но и то, что можетъ служить къ ихъ опроверженію.

На первый случай предлагаю имъ отрывокъ изъ Іова, по переводу-подражанію Ѳ. Н. Глинки, вновь вышедшему.

. . . . . .

О чудодѣнъ человѣкъ!—
Упорно подрывая горы,
Онъ подсѣкаетъ корни скалъ,—
И съ громомъ рушатся громады,
И тайны горъ обнажены!—
Изъ камней онъ выводитъ рѣки
И запинаетъ бѣгъ рѣчной;
И много, многое онъ знаетъ!!.
Откуда жъ мудрость?—Онъ молчитъ!
Откуда *вѣдѣнье и разумъ?*—

Объ этомъ онъ не говоритъ!
Вотще и горы подкопалъ,
Вотще и землю вопрошаетъ:
Богатства мудрости не въ ней!
«И я въ себѣ *ее* не вижу!«
Сѣдая бездна говоритъ...
Достань хоть золото *Офира*,
Анфракса и оникса дорогой,
Стань обладателемъ *сапфира*,
Сбери хоть всѣ богатства міра,—
Не купишь мудрости за нихъ!
Ни многочестный камень *Ромы*,
Сей многодивный *самосвѣтъ*,
Что свѣтится и въ мракѣ ночи,—
Ни свѣтлый сынъ пещеръ—*кристалль*,
Ни дорогой топазъ Ефійскій,
Не замѣняютъ незамѣнной...
Ни чашъ завѣтныхъ, дорогихъ,
Ни златокованныхъ сосудовъ,
Въ промѣнъ за мудрость не берутъ!..
А если ты *ее* добудешь,
Забудешь розовой *коралль*,
И миловидные *беріллы*,
И крупный жемчугъ дорогой:
Премудрость выше всѣхъ сокровищъ!—
И почвы Эеіопскій сынъ,
Смарагдъ, ничто предъ ней!—Откуда жъ
Премудрость сходитъ къ намъ? и гдѣ,
Гдѣ *равумьнія источникъ*—
Святый премудрости родникъ?...
Не отъ земли премудрость, нѣтъ!

Въ земномъ ее напрасно ищутъ:
Она сокрыта отъ людей!
Пошли орла въ разливъ лазурный,—
Онъ встрѣтитъ взоромъ солнца лучь,
Крыломъ прорѣжетъ область тучь,
И стерпитъ натискъ вихрей бурный:
Но мудрости ни выше тучь,
Ни въ царствѣ воздуха не встрѣтитъ!
И говорятъ и *Аввадонъ*
И *смерть*: «мы слышали ушами
Своими, что славна премудрость,
Но не видали мы ее!»
Никто не знаетъ волей Бога;
Таинственны Его пути;
Сокрытъ чертежъ міроправленья;
Въ глубокой тайнѣ скрытъ раздѣлъ
Людскаго счастья и несчастья:
Никто не знаетъ: *что, кому?*!..
Но все то вѣдаетъ премудрость,
Все ясно ей, что намъ темно...
Гдѣ жъ путь и ключь къ ея чертогу?
Гдѣ ненаходную найти?
Спроси у звѣздъ—онѣ молчатъ;
Спроси у безднъ—не отвѣчаютъ!..
Одинъ, одинъ лишь знаетъ Богъ,—
Куда къ премудрости дорога,
И *гдѣ* и *какъ* она живетъ!
Онъ вѣдаетъ, зане объемлетъ
И землю взорами кругомъ,
И всю безбрежность поднебесья;
Онъ вѣдаетъ, зане Онъ Самъ

И вѣтеръ взвѣшивалъ, и воды
Размѣривалъ и разливалъ...
Онъ предписалъ дождю законы,
Онъ молніямъ назначилъ путь,
И путь провелъ стрѣлѣ громовой...
Тогда—Всезиждущій позналъ
Чудотворящую премудрость;
Ее Онъ обнялъ, осязалъ—
И Самъ Господь, неизслѣдимый,
Изслѣдовалъ ее, и Самъ
Изрекъ завѣтно человѣку
Въ урокъ народамъ и вѣкамъ:
«*Премудрость*, (вѣдайте народы)!
Воистину *есть Божій страхъ*,
И *удаленіе отъ зла*,
Есть *вѣдѣнье* и вмѣстѣ *разумъ*!...»

. . . . . .

Ты-ль строилъ съ Богомъ небеса
И слилъ ихъ въ зеркало литое?
Твоя-ль заставила рука
Летать безъ крыльевъ облака?—
Пересчиталъ-ли купы звѣздны?
Леталъ ли внизъ въ бездонны бездны,
И повѣрялъ-ли солнца ходъ?
Міроправленія науки
Постигнулъ-ли ты глубину?
Твои-ли, слабый смертный, руки
Ломаютъ льды, ведутъ весну
Съ ея чудесной лѣпотою—
Весну, мать жизни и забавъ,
И мертвенный земли составъ

Ты-ль грѣешь дивной теплотою?
Ступай и переставь луну,
Или сзови къ себѣ свѣтила!
Не ты-ль устроилъ вышину?
Твоя-ль окуполила сила
И озвѣздила небеса?..
Почтожь пустыя словеса
Дерзаешь говорить на Бога?..
Онъ мудръ и благъ, могущь, великъ!
Таинственна къ Нему дорога...
Незримаго кто видитъ ликъ?
А Онъ, Богъ мира и Богъ рати,
Вездѣ слѣдитъ, и зритъ *своихъ*,
И *знакомъ* тайныя печати
Ладони печатлѣетъ ихъ.
Зачѣмъ-же противъ силы прати?—
Опутай крылья словъ твоихъ!
Зачѣмъ твой духъ роптать дерзаетъ?—
Богъ никого не обижаетъ!...
«Чтожь дѣлать?» спросишь ты. Молчать,
Любить, терпѣть и уповать!..
Земли мятежныхъ населенцевъ
Не любитъ освѣщать Отецъ;
Лобзаетъ часто онъ младенцевъ,
Но не узритъ Его мудрецъ!»

. . . . . .

Не видѣть Бога... это страшно!
Когда бъ изчезла вышина
Въ непроницаемомъ туманѣ,
И вѣчной ночи въ океанѣ
Погибли солнце и луна,—

Намъ легче было-бъ и отраднѣй
Ни звѣздъ, ни солнца не видать,
Чѣмъ, не видать Творца въ твореньи,
Въ дому хозяина не зрѣть! ...
Стократъ сноснѣе умереть,
Чѣмъ, всюду Богомъ окружаясь,
Въ Немъ плавая, Его не зрѣть!...
Но доброе, простое сердце,
Въ своей невинной чистотѣ,
Предчувствуетъ, провидитъ Бога
И тонетъ все въ Его любви!
Пади жъ предъ Нимъ... Его зови!
Онъ видѣнъ кроткимъ и смиреннымъ ..
Блаженъ, кто кротокъ и смиренъ:
Невримое онъ *часто видитъ*
Очами сердца, и въ тиши,
Ночной порою, въ слухъ души
Къ нему слетаютъ пѣсни неба:
Онъ ловитъ ихъ отрадный звукъ
И забываетъ горе мукъ!
Онъ видитъ: *тихій свѣтъ*, прелестный,
Съ высотъ невѣдомыхъ бѣжитъ,
Бѣжитъ посланникъ тотъ чудесный,
И душу нѣжитъ и свѣтлитъ—
И вотъ несчастный сталъ счастливцемъ!..
Однимъ лишь гордымъ нечестивцамъ
Не отвѣчаетъ Богъ.

. . . . . .

Кто звалъ Меня на состязанье,
И, въ дѣтской дерзости своей,
Предвѣчное предначертанье

Довѣчной мудрости Моей
Темнилъ безсмысліемъ рѣчей?!..
Встань, выступи сюда, борецъ!
Будь мужъ, препояшись, мудрецъ!—
И стану спрашивать—отвѣтствуй
И покажи свой умъ въ словахъ!
Скажи Мнѣ, старецъ-малолѣтокъ,
Скажи, Мой недоросль земной:
Ты много ль царствъ и поколѣній
И древнихъ пережилъ вѣковъ?
Какихъ премѣнъ и возрожденій.
Ты былъ свидѣтелемъ въ свой вѣкъ?..
Скажи, вчерашній человѣкъ:
Который годъ тебѣ?—Давно-ли,
Зачѣмъ и *какъ* пришелъ на свѣтъ!—
Ты былъ-ли при созданьи міра,
И предлагалъ-ли свой совѣтъ,
Какъ Мнѣ вселенную устроить?..
Ты знаешь-ли, когда и какъ
Я словомъ свѣтъ дневной составилъ,
И прогналъ довременный мракъ,
Осводилъ высь и сводъ уставилъ
Неизчислимостью свѣтилъ,
И яркій блескъ ихъ заслонилъ
Прозрачной тканію лазури.
Одной рукой—Я мракъ и бури,
Другою мощно оттѣснилъ
Боровшійся съ вѣками пламень...
Не ты-ль *краеугольный камень*
Землѣ въ подпору подкатилъ,
И ту разсыпчатую землю

Спаялъ на четырехъ углахъ?—
Ты ль далъ ей видъ и очертанье?—
Ты-ль утвердилъ ея столпы?..
Отвѣтствуй, и свое всезнанье
Въ отвѣтѣ мудромъ покажи!
И если вѣдаешь, скажи:
Чей шнуръ ея всѣ клинья смѣрилъ?
Не ты ль держалъ надъ ней отвѣсъ?..
Твоя-ль рука за мной носила
И наугольникъ и мѣрила?
Кто далъ землѣ объемъ и вѣсъ?
Кто ходъ младой земли размѣрилъ,
И кто ее, младенца, ввѣрилъ
Любви заботливой небесъ?..
Ты помнишь-ли, какъ рядъ чудесъ
Узря, всѣ звѣзды заиграли,
Зардѣлися, заликовали,
И издали хвалебный гласъ?—
И былъ тотъ гласъ, тотъ гимнъ священный—
Привѣтъ землѣ *новорожденной*...
Въ тотъ памятный на небѣ часъ,
Откинувъ мрачные покровы,
Вошелъ *въ семью свѣтилъ Мой міръ*,
Невиненъ, свѣжъ, блестящъ, какъ радость,
Свѣтлѣющій, какъ брачный пиръ!—
И закипѣли неба чада
Средь выспреннихъ своихъ круговъ;
Ихъ повлекла ко Мнѣ любовь,
И понеслась сія громада
Со всѣхъ высотъ, со всѣхъ небесъ,
По звѣзднымъ царствамъ, по лазури,

По златозарной вышинѣ,
И стала предъ Владычнымъ тропомъ,
Ликуя стройно и поя...
И рать несмѣтная сія
Мнѣ славу воздала *поклономъ*,

. . . . . .

Перемѣни часовъ порядокъ:
Вели разсвѣту раньше быть!..
А звѣзды можешь-ли гасить
И сокращать предѣлы ночи?—
Твоя-ли творческая сила
Такъ пышно небо освѣтила,
И ты-ль съ востока не закатъ
Двѣнадцать солнцевыхъ палатъ
На горнемъ поясѣ поставилъ,
И царскій путь на нихъ направилъ?—
Не ты-ль, взявъ бреніе земли,
Создалъ *глаголиваю*? * Ты-ли
Облекъ его въ высокій санъ
И посадилъ царемъ... Не ты ли,
Схвативши землю за края,
Тряхнулъ трещавшую такъ сильно,
Что нечестивыхъ родъ долой
Слетѣлъ съ нея въ бездонье *ада*?
Въ Моихъ рукахъ земля, какъ воскъ,
И Мнѣ помощниковъ не надо!..
Сходилъ-ли ты во глубину
И въ *неосновавныя* бездны?
Позналъ ли тайны дна морей?

*) Выраженіе славянскаго подлинника.

И видѣлъ-ли Мой міръ *подводный*—
Водоворотовъ и пещеръ?

. . . . . .

Кто во всемірномъ домоводствѣ
Все слышитъ, видитъ, бережетъ?
Кто, надъ гнѣздомъ приникнувъ врана,
Въ его отсутствіи, птенцовъ,
Кричащихъ къ Богу, грѣетъ, кормитъ,
Кто ихъ, *малютокъ*, стережетъ?...

Заключимъ наши выписки послѣдними стихами эпилога:

И жилъ нашъ патріархъ счастливецъ долго.
И внучатамъ твердили дѣды: „*Онъ*
Испытанъ Богомъ былъ—испытанъ строго:
Пустыня вся, страдальца слыша стонъ,
Дивилась, *какъ* онъ могъ стерпѣть такъ много!!
Но Богъ воззрѣлъ, и—все былое сонъ!—
Темнитъ насъ грѣхъ, но чиститъ огнь страданій,
И сладокъ плодъ отъ горькихъ испытаній!...

Дополненія и замѣчанія.

I.

Къ ст. 43. Ренанъ нехотя сознается въ непостижимостяхъ чудесъ, насъ окружающихъ.... „Солнце есть чудо, потому что наука далеко не объясняетъ его; зарожденіе человѣка чудо, потому что физіологія молчитъ еще объ этомъ; совѣсть есть чудо, потому что она составляетъ совершенную тайну; всякое животное есть чудо, ибо начало жизни есть задача, для рѣшенія которой у насъ нѣтъ ничего.“

(... le soleil est un miracle, car la science est loin d'avoir expliqué le soleil; la conception de chaque homme est un miracle car

la phisiologie se tait encore sur ce point; la conscience est un miracle, car elle est un mystere absolu; tout animal est un miracle, car l'origine de la vie est un problême sur lequle nous n'avons encore presque aucune donnée. (Les apotres, 1866. Jntroduction, XLVI).

Къ ст. 58. (изъ Замѣтокъ, помѣщ. въ Рус. Вѣстникѣ 1870, Сент.) „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ появился Бокль въ переводѣ. Книга новая, интересная, притомъ направленія отрицательнаго. У насъ она имѣла едвали не бо́льшой успѣхъ, чѣмъ въ Англіи. Ее принялись читать съ жаромъ и цитовать кстати и не кстати. Помимо ея направленія, успѣхъ такого блестящаго и талантливаго сочиненія, казалось бы, дѣло отрадное: Бокль пишетъ объ исторіи, Бокля читаютъ на расхватъ: значитъ у насъ любятъ исторію, любятъ читать о ней, цѣнятъ талантъ, интересуются знаніемъ. Ничего подобнаго однакожъ на дѣлѣ не было. Бокль понравился нашимъ скороходамъ не помимо своего направленія, понравилось въ немъ одно направленіе. Онъ является отрицателемъ прежняго способа писать исторію, и этого было достаточно, что бы поднять ихъ на усталыя ноги и погнать по новому ристалицу. Исторію писали не такъ, писали одни пустяки! Вотъ что мы извлекли изъ первыхъ страницъ Бокля: и дальше вникать намъ было недосугъ; мы опять полетѣли и подняли густую тучу пыли, которая скрыла отъ насъ и Бокля, и исторію.“ ст. 356.

„...Существуетъ духовная преемственость, въ силу которой каждое отрицательное возрѣніе или направленіе можетъ возникать только изъ предыдущихъ положительныхъ, и послѣдній выводъ невозможенъ безъ полнаго ряда предыдущихъ посылокъ. Для того чтобы уразумѣть отрицательное направленіе, мы должны брать его не отдѣльно, а во всей совокупности

направленій, и только въ этой перспективѣ оно выступитъ въ истинномъ своемъ значеніи, но наши скороходы берутъ отрицаніе отдѣльно, и съ его скудной и отвлеченной точки зрѣнія разсматриваютъ всѣ живыя явленія, которыя имъ попадаются подъ руку. с. 359, 360.“

„...Никогда, конечно, наиболѣе зрѣлая и серьозная часть читающаго круга не принимала на вѣру нигилистическія ученія, и по мѣрѣ того, какъ духъ этихъ ученій обозначался рѣзче, люди со здравымъ смысломъ расходились съ ними далѣе и далѣе, но въ юныхъ и незрѣлыхъ кружкахъ нигилизмъ могъ утвердиться, могъ пустить корни, которые до сихъ поръ живучи, а на время могъ стоять въ полномъ цвѣтѣ, который прекратился только вслѣдствіе практическихъ экспериментовъ, въ какіе пустились наиболѣе рьяные изъ тогдашнихъ фанатиковъ. Статьи нигилистовъ положительно нравились значительной доли читающей публики, мнѣнія, выраженныя въ рѣзкой и смѣлой формѣ, иногда съ внушительною туманностью, иногда съ подкупающимъ зубоскальствомъ, встрѣчали сочувственные отклики. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и то, что первый піонеръ нигилизма, Добролюбовъ, проводилъ его догматы далеко не въ той безстыжей наготѣ, какую они пріобрѣли въ послѣдствіи, что въ немъ была примѣсь направленія Бѣлинскаго и сороковыхъ годовъ, которая смягчала его крайности, и въ глазахъ новѣйшихъ „реалистовъ“ дѣлаетъ его отсталымъ выраженіемъ безвозвратно минувшаго времени; что Добролюбовъ обладалъ неподдѣльнымъ, ѣдкимъ остроуміемъ, которое могло подкупить людей, привыкшихъ считать правымъ того, кто ихъ разсмѣшитъ; и что преемникъ его Писаревъ далеко уступилъ ему почти во всѣхъ качествахъ писателя, кромѣ легкости слога. Не смотря на все это, успѣхъ Писарева въ извѣстныхъ круж-

кахъ былъ блистательный, и самыя изступленныя вѣщанія этого оракула принимались и повторялись съ восторженымъ благоговѣніемъ. Нынѣ остались безцвѣтные, усыпительные болтуны, но потребность въ нигилизмѣ и спросъ на него все еще держится въ недозрѣлой и недоучившейся публикѣ, и самое жидкое разбавленіе Писарева на страницахъ *Дѣла*, отвѣчаетъ какой то внутренней потребности его читателей. с. 365.

„...Люди склонны робѣть вида смѣлое отрицаніе того, что они привыкли принимать за вѣрное, и въ тоже время питать къ такому отрицанію какую-то тайную симпатію, находитъ въ немъ какое-то радостное удовлетвореніе. Это какой-то запрещенный плодъ, первый кусокъ котораго всегда кажется сочнымъ и сладкимъ. Статья, въ которой вы читаете самоувѣренное опроверженіе того, въ чемъ вы до сей минуты никогда не сомнѣвались, какъ бы возвышаетъ васъ надъ самимъ собою! Помимо болѣе или менѣе талантливой формы самое свойство отрицанія таково, что, передаваясь читателю, оно льститъ его самолюбію. И такъ, какъ мы бываемъ благодарны тѣмъ, кто намъ льститъ, намъ кажется, что и они, въ силу своихъ отрицательныхъ ученій, необычайныя умственныя величины. Какимъ экономистомъ долженъ быть критикъ впервые научившій насъ недовѣрять экономистамъ! Какимъ онъ долженъ быть сильнымъ философомъ, дерзая смѣяться надъ всей нѣмецкой философіей! Какимъ публицистомъ, если онъ клеймитъ презрѣніемъ весь современный политическій строй! Всѣ подвиги отрицателей такимъ образомъ становятся аттестатами, которые они выдаютъ своему собственному уму. И еслибъ отрицаніе умѣло остановиться на извѣстной границѣ, если бы всѣ публицисты этой школы были одарены печатнымъ тактомъ, читатели, быть можетъ, долго оставались бы въ этомъ заблужденіи. с. 370“.

Къ ст. 48. Къ Кор. 1, 11, 4—7. „Слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силѣ. Чтобы вѣра ваша утверждалась не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей. Мудрость же мы проповѣдуемъ между совершенными, но мудрость не вѣка сего и не властей вѣка сего преходящихъ; но проповѣдуемъ премудрость Божію, тайную, сокровенную, которую предназначилъ Богъ прежде вѣковъ къ славѣ нашей."

Къ ст. 75. „Въ предчувствіи безсмертія не есть ли также нѣчто согласное съ указаніями науки? За смертію и гробомъ, мы признаемъ лучшій міръ, жизни болѣе возвышенныя, формы (образы) болѣе прекрасныя, существа болѣе совершенныя,—этого вѣрованія не исторгнуть никому изъ человѣческаго сердца! Я не хотѣлъ бы считать этого вѣрованія только прозрѣніемъ въ дальнѣйшее развитіе жизни чрезъ будущіе періоды геологическіе; въ этомъ инстинктѣ (предчувствіи) лучшаго міра, заключается законъ, нынѣ открытый, оглашенный, обнаруженный наукой о природѣ."

„Dans le pressentiment de immortalité, n y a-t-il pas aussi quelque chose qui repond aux avertissements de la science? Par de là la mort et le tombeau, nous appelons un monde meilleur, des vies plus élevés, des formes plus belles, des etres plus achevés, et c'est lâ une croyance, que l'on n'arrachera pas du coeur del homme. Je ne voudrais pas borner cette croyance à n' etre que la vision anticipée des developpemments de la vie à travers les ages futurs geoloqiques; il est certain, que dans cet instinct d'un monde meilleur se trouve la loi qui est aujourd' hui relevée, publiée, manifestée par la science de la nature. (E. Кине Revue des deux mondes, 15 Novembre, 1870 c. 316).

Къ ст. 101. Въ Евангеліи все какъ будто предусмотрѣно: объ чемъ бы вы ни подумали, въ чемъ бы ни усомнились, на все получите соотвѣтствующій отвѣтъ.

Къ ст. 112. Луки гл. XII, 10. И всякій кто скажетъ слово на Сына человѣческаго прощенъ будетъ, а кто скажетъ хулу на Святаго Духа, тотъ не будетъ прощенъ.

Къ ст. 114. 1 Къ Кор. XIII, 9—12. Мы отчасти, и отчасти пророчествуемъ; когда же достигнемъ совершеннаго, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я былъ младенецъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески мыслилъ, по младенчески разсуждалъ, а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ, какъ бы сквозь тусклое стекло гадательно, тогда же лицемъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познанъ.

Къ Рим. VI, 13). Я говорю обыкновеннымъ языкомъ человѣческимъ, по немощи плоти вашей.

Къ Евр. V, 12. Для васъ нужно молоко, а не твердая пища. Всякій питаемый молокомъ не свѣдущъ въ словѣ правды, потому что онъ младенецъ. Твердая же пища свойственна совершеннымъ, у которыхъ чувства навыкли, пріучены къ различію добра и зла.

Къ ст. 115. Къ Рим. VIII, 5—8. Живущіе по плоти о плотскомъ помышляютъ, и живущіе по духу о духовномъ. Плотскія помышленія суть смерть, а духовныя помышленія, жизнь и миръ. Потому что плотскія помышленія суть вражда противъ Бога, поелику закону Божію не покаряются, да и не могутъ. Посему живущіе по плоти Богу угодить не могутъ.

Къ ст. 117. Къ Римл. XI, 33—36. О глубина богатства и премудрости и разума Божія! Яко неиспытани судове его. Кто бо разумѣ умъ Господень? Или кто совѣтникъ Ему бысть... Яко изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая: Тому слава во вѣки, аминь.

Къ ст. 118. Люкенъ (Die Gradationen des Menschengeschlechts oder die Uroffenbarung Gottes unter den Heiden, 1869) въ своихъ изслѣдованіяхъ пришелъ къ тому результату: „Что миѳологія, по преимуществу есть ничто иное, какъ ученіе о первобытномъ откровеніи, одичалое по причинѣ забвенія о единомъ Богѣ и разсѣянія человѣческаго рода по лицу земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ передѣлка исторіи человѣковъ на исторію боговъ, образовавшаяся вслѣдствіе того, что человѣкъ обоготворилъ самаго себя: такъ что боги язычниковъ—это только демоны и первоначальные люди, представленія о которыхъ, слившись въ разнообразныхъ сочетаніяхъ съ предметами природы, были возведены въ санъ властителей всего міра. Оправданіе этой идеи авторъ усматриваетъ въ миѳологіяхъ всѣхъ народовъ, какъ древняго, такъ и новаго міра, у цивилизованныхъ и дикарей, расположивъ миѳологическій матеріалъ по системѣ космогоніи. Сначала рѣшается вопросъ о первобытномъ единобожіи у всѣхъ народовъ; затѣмъ слѣдуетъ—сотвореніе міра и человѣка, рай, грѣхопаденіе, потопъ, сыновья Ноя, столпотвореніе. Это первый отдѣлъ книги. Второй посвященъ такъ называемой эсхатологіи, или ученію о концѣ міра. Глава о Мессіи служитъ переходомъ отъ перваго отдѣла ко второму. Въ этой главѣ излагаются чаянія языковъ объ Искупителѣ міра. За тѣмъ слѣдуетъ—конецъ міра, безсмертіе, небо, адъ, рай, чистилище и наконецъ

послѣдняя глава книги, въ которой авторъ вполнѣ высказываетъ свои понятія о миѳологіи и языческихъ богахъ, имѣетъ предметомъ ученіе язычниковъ о духахъ, куда онъ относитъ души усопшихъ героевъ, божества стихійныя и демоновъ. Каждый изъ сказанныхъ предметовъ разсматривается въ отношеніи библейской исторіи сравнительно, и въ послѣдовательномъ порядкѣ, сначала у народовъ азіатскихъ, потомъ еврейскихъ, африканскихъ и наконецъ дикарей Новаго Свѣта.

Въ связи со сказаніемъ о первобытномъ хаосѣ Люкенъ разсматриваетъ общераспространенный миѳъ о всемірномъ яйцѣ, въ формѣ котораго иногда представляется и самый хаосъ, и изъ котораго вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ и первый человѣкъ.

(Статья профессора Буслаева „Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи“, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1873 года Апрѣль, ст. 604.)

Къ ст. 120. I. Къ Кор. IV, 7. Что ты имѣешь чего бы не получилъ. А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ.

Къ ст. 128. Къ Галат. V, 13. Къ свободѣ призваны вы, братія; только бъ свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти, но любовію служите другъ другу.

Къ ст. 133. Валласъ, (Уелласъ), противникъ Дарвина, вотъ что говоритъ о нынѣшнемъ состояніи общества: Наше общество едвали имѣетъ какое либо реальное превосходство надъ обществомъ дикарей. Вотъ урокъ, почерпнутый мною изъ наблюденій надъ нецивилизованными племенами, ст. 621.

Къ ст. 135 „Преодолѣніе силъ природы повлекло за собою быстрое возрастаніе народонаселенія и значительное накопленіе богатствъ, что въ свою очередь имѣло слѣдствіемъ такое усиленіе бѣдности, порока и поощреніе столькихъ гнусныхъ чувствъ и лютыхъ страстей, что еще вопросъ, не понизился-ли вообще умственный и нравственный уровень нашего населенія, и не принесло-ли это движеніе болѣе зла, нежели добра. Въ сравненіи съ нашимъ удивительнымъ прогрессомъ въ физикѣ и ея практическихъ примѣненіяхъ, англійская общественная и нравственная организація остается въ состояніи варварства. И если мы будемъ продолжать обращать главныя наши силы къ утилизированію знанія законовъ природы только съ цѣлью дальнѣйшаго расширенія торговли и промышленности, то слѣдующій за этимъ неизбѣжно вредъ можетъ возрасти до такихъ гигантскихъ размѣровъ, что мы будемъ не въ силахъ справиться съ нимъ. Нужно признать тотъ фактъ, что богатство, знанія и культура, выпадающія на долю немногихъ лицъ, не составляютъ еще цивилизаціи, и не могутъ служить символомъ совершенства нашего общественнаго быта. Наши безпримѣрные успѣхи въ промышленности и торговлѣ, наши обширные и многолюдные города создали цѣлую армію пролетаріевъ и преступниковъ, ряды которыхъ увеличиваются съ каждымъ днемъ; они создали многочисленный классъ людей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ тяжеломъ неблагодарномъ трудѣ, между тѣмъ какъ на долю ничтожнаго меньшинства выпали одни лишь удовольствія; они видятъ вокругъ себя роскошь и довольство, наслаждаться которыми они лишены всякой надежды; въ этомъ отношеніи положеніе ихъ хуже дикарей“.

Къ ст. 140. „Въ новѣйшее время усиливается ученіе пантеистическое и матеріалистическое, которое, отвергая все непонятное для простаго ума, не хочетъ знать ни Бога, какъ индивидуальнаго существа, ни нравственнаго призванія въ человѣчествѣ. Какъ древніе старались возвысить человѣка до божества, такъ новѣйшая школа напротивъ усиливается низвести его прямо въ область животнаго міра. Простой эгоизмъ является единственною ея цѣлію, единственнымъ реалитетомъ. Нравственное благородство, сознаніе долга, самоотверженіе во имя вѣры, надежды и любви кажутся безуміемъ въ глазахъ этой школы, стремленіе къ идеаламъ, (царствію Божію по ученію Христа), нелѣпымъ сумасбродствомъ. Единственнымъ правиломъ и идеаломъ ея дѣйствительности считаются животныя стремленія, слѣдовательно эгоизмъ, обманъ и насиліе. Къ сожалѣнію, лозунгъ проповѣдываемый теоретически, и осуществляемый на практикѣ нашими побѣдоносными сосѣдями Macht geht vor Recht, La force prime le droit, сильно распространяется, и, чего нельзя отрицать, даже въ болѣе серіозныхъ кругахъ, угрожая ввергнуть Европу не только въ прежнее варварство, но и залить ее невиданными дотолѣ потоками крови. Впрочемъ ни современные Чингисханы, ни Тамерланы, не увѣрятъ меня въ *прочномъ* успѣхѣ своего адскаго дѣла: оно окончится, какъ обыкновенно оканчиваются дѣла подобнаго рода, и едвали проклятіе народовъ сохранитъ отъ забвенія имена ихъ. Эту надежду основываю я на всеобщемъ историческомъ свидѣтельствѣ о прогрессѣ человѣческаго духа; божественной искры въ человѣкѣ никоимъ образомъ нельзя ни заглушить, ни уничтожить; напротивъ, чѣмъ болѣе будутъ стараться безбожные о томъ, чтобы придавить ее и потушить, тѣмъ блистательнѣе будетъ освѣщать она темноту

нашего времени и мракъ будущихъ вѣковъ. Необходимо, правда, чтобы большинство благоразумныхъ людей не предавалось лѣни, нужно дѣйствовать, и бороться свѣту противъ тьмы, праву противъ насилія, благородной мысли противъ животныхъ стремленій" *).

Къ ст. 142. Вотъ еще подтвержденія и свидѣтельства изъ современной литературы:

(Англія въ книгѣ г. Тена, Notes sur l'Angleterre, статья г. Утина, въ Вѣстникѣ Европы, 1872 г. Сентябрь).

„Европа ухитрилась выработать себѣ такое положеніе, которое необыкновенно сильно раздражаетъ людей возможныхъ партій, всевозможныхъ воззрѣній, которое вызываетъ озлобленіе и вражду каждаго противъ всѣхъ, всѣхъ противъ каждаго, и наконецъ всѣхъ вмѣстѣ противъ направленія времени, противъ жизни, выработанной конституціонною Европою".

„...Кто же доволенъ? Никто. Всѣ жалуются, всѣ ропщутъ, всѣ проклинаютъ то время, въ которое они живутъ, и тѣ условія жизни, при которыхъ приходится жить. Что же значитъ это повальное недовольство, что значитъ всеобщее смущеніе и уныніе? Оно означаетъ, что хроническая болѣзнь недовольства находится въ своемъ остромъ періодѣ, и что на европейскую жизнь особенно сильно подулъ неблагопріятный, удушливый вѣтеръ".

„...Переберите всѣ страны континентальной Европы, посмотрите, что дѣлается во Франціи, Германіи, Австріи, Испаніи, и вездѣ вы увидите безурядицу, хаосъ, усиленное броженіе; вездѣ почти вы должны будете признать, что эпоха, пережи-

---

*) Я непомню, откуда сдѣлалъ я двѣ послѣднія выписки.

ваемыя этими государствами, есть эпоха переходная, полная внутренней борьбы. Смятеніе тяжеле неизвѣстности".

„Политическая неурядица въ странѣ обусловливаетъ собою неурядицу и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ жизни, обусловливаетъ неурядицу соціальную, неурядицу нравственную. Политическая неурядица всегда ведетъ за собою какое-нибудь крупное бѣдствіе, что нибудь въ родѣ внѣшней и внутренней войны, въ которой побѣда не болѣе заманчива, какъ и пораженіе. Результатъ одинъ: лучшія силы населенія гибнутъ, трудъ останавливается въ своемъ производствѣ, гибнетъ безплодно для народа. Бѣдные становятся всегда еще бѣднѣе, а богатые становятся богаче не силою труда, а большею бѣдностью бѣдныхъ. Труднѣе ли прослѣдить неурядицу нравственную? Нисколько. Литература блекнетъ, интересы становятся болѣе мелкими, исключительными; всѣ тѣ, которые работаютъ въ области мысли, по неволѣ отрѣшаются отъ общихъ вопросовъ, важныхъ одинаково для всего человѣчества. и замыкаются въ крошечные вопросики, волнующіе извѣстную партію, извѣстную группу. Нравственный уровень страны неизбѣжно понижается, и это пониженіе отражается въ наукѣ, литературѣ, въ драмѣ, комедіи – однимъ словомъ, во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности."

Вотъ еще свидѣтельство изъ другаго лагеря. (Струве, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1873 г. Январь, въ статьѣ о Гартманѣ:)

„Въ послѣднемъ произведеніи Нѣмецкой философской литературы, (Philosophie des Unbewussten) котораго въ короткое время вышло три изданія, вотъ какъ характеризуется наше время, ст. 559, 617. Гартманъ откровенно объясняетъ, что человѣчество приближается къ дряхлой старости, на которой естественнымъ образомъ и уменьшается желаніе и возмож-

ность читать и усвоять себѣ строго-научные труды. Вмѣсто юношеской силы и живаго интереса ко всѣмъ новымъ мыслямъ и умственнымъ произведеніямъ, все болѣе расширяется стремленіе къ удобствамъ жизни, комфорту и спокойствію, вслѣдствіе чего и наука должна принять форму общедоступную, способствующую къ усвоенію ее безъ особеннаго труда и напряженія.“

„Искусство“, говоритъ Гартманъ (въ стр. 619), будетъ для человѣчества въ зрѣломъ возрастѣ тѣмъ, что Берлинская фарса вечеромъ для Берлинскаго биржеваго купца. Такая же участь постигнетъ и науку, а потому нельзя удивляться, что, при подобномъ взглядѣ на современную публику, Гартманъ старался изложить свои взгляды, въ формѣ сколь возможно легкой и неутомительной, чтобы лѣнивый и умственно вялый старичекъ нашего времени безъ труда могъ понять и усвоить себѣ его воззрѣнія.“

Къ ст. 149. Человѣкъ родится безпомощнѣе всѣхъ животныхъ, и принужденъ по неволѣ трудиться, ибо безъ этого труда не могъ бы и жить: съ чѣмъ же сообразно назвать такой трудъ проституціей? О невѣжество, о, дерзость!

Примѣчательная эпитафія.

Къ с. 314. Письмо къ редактору Московскихъ Вѣдомостей, 1873 г. № 103.)

„На дняхъ случилось мнѣ быть въ Петербургѣ по одному печальному для меня обстоятельству: требовалось заказать памятникъ на могилу близкаго,—очень близкаго для меня существа. Указали мнѣ на одного монументальнаго мастера Баранова, живущаго на Васильевскомъ островѣ, по Камской улицѣ, въ домѣ № 7. У этого мастера, другимъ, какъ и я,

осиротѣлымъ отцомъ, заказанъ памятникъ съ надписью, которая, не сомнѣваюсь, потрясетъ глубоко сердце каждаго, какъ потрясла она меня.... Памятникъ,—простой камень—заказанъ Псковскимъ помѣщикомъ Семеномъ Егоровичемъ Лавровымъ для общей могилы погибшихъ отъ самоубійства дочерей его: Прасковьи Семеновны Гончаровой, не перенесшей смерти любимаго ею Жохова, убитаго на дуэли господиномъ Утинымъ, и Александры Семеновны Лавровой, лишившей себя жизни вслѣдъ за неудавшеюся попыткой отмстить господину Утину за смерть любимой сестры.* А надпись привожу въ точности:

Прасковья Гончарова 22 лѣтъ.
Александра Лаврова 19 лѣтъ.
Окончили свое существованіе въ 1872 и 1873 гг.
Двѣ жертвы
Безобразной школы нигилизма.
Самъ отецъ
Въ невѣдѣніи своемъ предалъ ихъ
Этой школѣ.
Боже милосердый!
Прости и возлюби ихъ!
Не поставь имъ въ вину
Грѣхъ предавшаго ихъ!
Боже, прости несчастному
Безпечность его!
Великій Боже, прости
Вовлекшихъ ихъ въ преступленіе
И заблужденіе!

Прекрасная, христіанская молитва, къ которой отъ души присоединится всякой благомыслящій Русскій человѣкъ!

---

* См. примѣчаніе на с. 314.

II.

Предложенныя мысли и случаи я посылалъ въ корректурныхъ листахъ ко многимъ своимъ знакомымъ, ученымъ и неученымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, богословамъ, философамъ, естествоиспытателямъ... Нѣкоторыми ихъ замѣчаніями я успѣлъ воспользоваться. Прочія, начиная съ частныхъ, передаю здѣсь съ своими по мѣстамъ отвѣтами.

Къ с. 1 и 2. „Съ разсужденіями объ отношеніяхъ науки и жизни не во всемъ можно согласиться. Религіозные вопросы несомнѣнно должны быть достояніемъ и спеціальныхъ изслѣдованій, и общаго сознанія“.

Отвѣтъ: Я и возражалъ только противъ исключительнаго присвоенія, что впрочемъ оговорено и словами: можетъ быть иначе и нельзя было, и проч.

Къ с. 3. „Таинственная лѣстница Іаковлева есть символъ общенія міра духовнаго съ людьми, и отнюдь не имѣетъ того значенія, какое здѣсь въ ней предполагается“.

Но развѣ непозволительно придавать ей и другія значенія?

Къ с. 3, ст. 5—9. „То, что изъ за средствъ люди потеряли изъ виду цѣль,—не можетъ быть порядкомъ въ высшемъ домостроительствѣ Божіемъ“.

Это возраженіе отстраняется приложеніемъ слова „допущенный“, которое мною прежде подразумѣвалось.

Къ с. 13. „Не понимаю, для чего вамъ было упоминать о поѣздкѣ въ Гейльбронъ, гдѣ вы не застали Юстина Кернера, и о намѣреніи писать письмо къ Штраусу?“

Въ введеніи я хотѣлъ представить нѣсколько случаевъ, побуждавшихъ меня приступить къ изданію своей простой рѣчи, чтобъ показать, въ какомъ настроеніи я находился, и слѣдовательно въ какомъ духѣ она предполагалась, чѣмъ

должна была начинаться: Штраусовы первыя строки привели меня въ негодованіе, Кернеру хотѣлъ разсказать случаи сверхъ-естественные, мнѣ извѣстные; слухъ о переводахъ студенческихъ огорчалъ меня; то или другое событіе наводило страхъ; къ Герцену влекло участіе и надежда обратить его, и тому под.

Къ с. 15. „Подъ алчущими *правды* разумѣются ищущіе праведности и оправданія, а не теоретической истины, о которой здѣсь рѣчь“.

Къ с. 26. „Совмѣстность мелочнаго тщеславія съ глубокимъ просвѣщеніемъ, въ такихъ великихъ поэтахъ, какъ Гете и Байронъ, дѣйствительно удивительна; но слава учености Гегеля теряетъ ли что нибудь отъ того, что онъ померъ отъ несваренія желудка?“

Мысль здѣсь состояла въ томъ, что всякая неумѣренность несовмѣстна съ истинной философіей, которая должна отражаться въ жизни.

Къ с. 32, ст. 16. „Что сказано въ скобкахъ о желудкѣ, не можетъ ли подать повода къ матеріалистическому представленію о началахъ жизни и Исторіи?“

Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой.—Чтобъ быть, надо ѣсть, а пріисканіе средствъ для удовлетворенія голода, это и есть содержаніе внѣшнее исторіи человѣческаго рода.

На с. 33 „первый параграфъ, ст. 1 · 5, отзывается отчасти преувеличеніями: онѣ не найдутъ себѣ полнаго подтвержденія въ ежедневномъ опытѣ; да и само откровенное ученіе возвѣщаетъ намъ, что грѣхомъ человѣка въ самую природу видимую внесены различные виды нестроенія и безпорядка“.

„Подобное преувеличеніе можно примѣчать и въ слѣдующемъ мѣстѣ: „звѣзды... составляютъ... одинъ тьмоголосный хоръ, въ которомъ не слышится ни одной фальшивой ноты“,

ибо извѣстно, что астрономія признаетъ такъ называемыя аберраціи въ движеніи свѣтилъ. Преувеличенія эти сами по себѣ неукоризненны, и допущены съ апологетическою цѣлью; но онѣ не желательны, потому что могутъ отчасти препятствовать полному достиженію апологетической цѣли, и тѣмъ, противъ кого эта апологетика направлена, подаетъ поводъ къ подозрѣнію, будто міровоззрѣніе защитниковъ религіозной истины держится на произвольномъ и несогласномъ съ дѣйствительностію оптимизмѣ."

Искать оптимизма въ такихъ ничтожныхъ преувеличеніяхъ, (относящихся собственно къ слогу,) сравнительно съ совокупностію законовъ непреложныхъ, едва ли кто можетъ изъ самыхъ придирчивыхъ скептиковъ. Аберраціи подлежатъ своимъ законамъ, и, главное, входятъ въ предѣлы законовъ.

Стр. 33 стр. 11 Слова: „*Рафаэль съ Мадонною*," желательно было бы видѣть исключенными изъ этого мѣста; потому что встрѣтить эти слова въ связи, въ которой онѣ въ этомъ мѣстѣ читаются, можетъ показаться оскорбительно благочестивому чувству нѣкоторыхъ, а между тѣмъ слова эти здѣсь не необходимы."

Указанное мѣсто можно исправить такимъ образомъ: Рафаэль съ *его* Мадонною, то есть, съ написаннымъ имъ изображеніемъ Мадонны.

С. 33, ст. 1. *Безумную силу* одинъ рецензентъ совѣтуетъ лучше назвать неразумною, а другой безъ—умною, съ чѣмъ я и согласенъ. Также и на с. 37.

С. 35, ст. 9. „*Наши невѣжи* слово бранное. Между матеріалистами много людей весьма образованныхъ, и даже, въ нравственномъ отношеніи, заслуживающихъ уваженіе. Другое дѣло—наши уличные матеріалисты, ничему съ толкомъ

неучившіеся, ни о чемъ серьезно недумающіе, матеріалисты съ вѣтру,—этихъ смѣло можно величать невѣжами".

Ихъ только я и имѣлъ въ виду.

С. 35, стр. 2 снизу: „*отвлеченное, духъ.* Это не одно и тоже. Богъ, Творецъ вселенной, перво-сила всего творенія, есть чистѣйшій духъ".

Я и не полагалъ употребленныхъ выраженій тождественными, а хотѣлъ собрать нѣсколько однородныхъ, синонимическихъ, коими моглобъ поясняться понятіе вообще о словѣ силы. О Богѣ же здѣсь нѣтъ и рѣчи.

С. 37, ст. 8. „*Частицы* мозга *не самознательны*".

„Если частицы мозга *самосознательны*," замѣчаетъ другой рецензентъ, „то значитъ, въ каждомъ изъ насъ столько же душъ, сколько частицъ. Эта фраза опровергается единствомъ сознанія".

Я назвалъ ихъ самосознательными въ томъ смыслѣ, что во время сна, безъ нашей воли, онѣ движутся и даютъ знать о себѣ.

Ст. 41, ст. 2 снизу. „Что всѣ народы способны къ образованію — это вѣрно, а что одинаково способны, —сомнительно. По крайней мѣрѣ выраженіе это не точное".

Одна и таже способность, одинакая, можетъ имѣть разныя степени и качества. Впрочемъ—согласенъ, что мое выраженіе можетъ казаться плеоназмомъ.

С. 42, ст. 2. „Вмѣсто *эту* неизвѣстную силу, не лучше ли сказать *свою* неизвѣстную силу". Точно—лучше.

С. 45, ст. 4. „*Его существованіе*". „Чье? Недосягаемаго? Но недосягаемое стоитъ въ текстѣ не въ значеніи непостижимаго Творца, а въ другомъ смыслѣ. Такъ, покрайней мѣрѣ, представляется".

Я не понимаю замѣчанія критика: въ указанномъ параграфѣ говорится вообще о недосягаемомъ, какое бы оно ни было.

С. 45, ст. 6, 7. *Отрицать что?* (безсиліе?); *произносить хулу—на кого, на что?* „Мысль высказана не полно".

Отрицать и произносить хулу употреблены въ смыслѣ глаголовъ среднихъ.

С. 47, ст. 16. *Поскудныя объясненія.* „Слово *поскуда* употребляется какъ брань, въ производномъ отъ него *поскудный* выражаетъ тотъ же и смыслъ. Если это слово написать съ раздѣленіемъ—по-скудныя, удерживая въ немъ представленіе скудости, тогда оно будетъ имѣть смыслъ, дѣлу приличный; только въ этомъ смыслѣ не получило оно еще хода въ литературѣ".

Слово—поскудныя я употребилъ въ смыслѣ—недостаточныя, бѣдныя, неполныя, мелкія.

С. 47, ст. 5, 6 снизу. *Объясненія.... относятся къ чудесамъ міра сего, (а тотъ?), какъ пылинка къ солнцу, какъ капля къ океану.* Слово въ скобкахъ—а тотъ! не догадываюсь къ чему относится"?

Къ тому міру; то есть: если наши объясненія относятся къ чудесамъ этого міра, какъ... капля къ океану, то въ какомъ же отношеніи онѣ находятся къ чудесамъ того міра!

С. 50, ст. 5, 6. „*На который низошла откуда-то особая невѣдомая сила.* „Для согласія всѣхъ идей съ основною мыслію монолога, слѣдуетъ прибавить: Невѣдомая и невѣдущая ничего слѣпая сила..."

Къ стр. 45 и 57. „И за чѣмъ же только отрицать и уничижать произведенія человѣческаго ума? Не суть ли онѣ высшее Божье чудо въ мірѣ".

Такъ и я думаю: См. с. 39, 57, 48.

С. 53, ст. 9. „Слова: *сознательная сила творящая—это Богъ. Сознательную силу управляющую—мы называемъ Божественнымъ Промысломъ*, не могутъ быть одобрены и требуютъ исправленія, потому что въ этихъ словахъ сопоставляются какъ бы на равнѣ съ одной стороны личное существо, а съ другой его дѣятельность.“

Недоуменіе происходитъ отъ пропущеннаго слова Его: Слѣдуетъ читать: Сознательная сила творящая—это Богъ. Сознательную силу управляющую—мы называемъ Его Божественнымъ Промысломъ.

С. 53, ст. 6. „Нѣкоторые тексты приведены по Славянскому подлиннику, другіе по Русскому переводу, смотря потому, какія выраженія казались яснѣе или выразительнѣе.

С. 53, ст. 2 снизу... *Который былъ всемъ во всемъ*. „Выраженіе это обоюдное. Лучше его избѣгнуть. Ни въ моральномъ, ни въ метафизическомъ смыслѣ оно не можетъ быть употреблено безъ особенныхъ объясненій.“

При этомъ параграфѣ имѣлось въ виду выраженіе Св. Апостола Павла 1, къ Кор. 15, 28... да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ. (Въ Русскомъ перезодѣ: дабы Богъ былъ все во всемъ). также къ Еф. 1, 23.

С. 54, ст. 7—9 снизу. „Смыслъ не ясенъ, какимъ образомъ въ трехъ понятіяхъ: *Богъ, вѣчность, всевѣдѣніе*, все заключается: всѣ міры съ ихъ населеніями и съ Исторіей этихъ населеній.“

Не въ трехъ понятіяхъ, а въ каждомъ изъ нихъ.

С. 54. „При рѣчи о томъ, для чего Творецъ создалъ міръ, сказано: „*Для чего? Для своей славы—это опять человѣческія условныя слова, неимѣющія понятнаго для насъ смысла!*“ „этого нельзя признать вполнѣ истиннымъ: слова эти не однѣ только человѣческія слова, но они извлекаются изъ слова Божія; да

и почему бы слова эти должно было признать неимѣющими понятнаго для насъ смысла? По извѣстному опредѣленію слава есть откровеніе, явленіе, отраженіе, обличеніе внутренняго совершенства.“

С. 55, ст. 5. „*Духовная вселенная*—такъ не говорятъ. Говорятъ духовный міръ, представляя совокупность духовныхъ существъ, высшихъ человѣка, или включая сюда и самаго человѣка со стороны высшей части его существа—духовной;—*нравственный міръ*, представляя совокупность существъ, одаренныхъ разумною свободою и способныхъ управляться требованіями нравственнаго закона;—*умственный міръ*, представляя совокупность идей созерцаемыхъ изъ разума или высшихъ понятій о мірѣ, получаемыхъ изъ разума, независимо отъ внѣшняго чувственнаго наблюденія. Въ настоящемъ случаѣ вмѣсто *духовная вселенная*, кажется, лучше употребить: *духовный міръ*.“

Духовною вселенною хотѣлъ я означить совокупность міровъ—духовнаго, нравственнаго, умственнаго.

„О духовномъ мірѣ мало сказать, что онъ столько же безпредѣленъ, какъ и вещественный!“

Такъ, но для него нѣтъ и выраженія.

С. 55, ст. 9—13. „Чье это представленіе о Существѣ вѣчномъ? Если какой либо философіи, то можетъ остаться такъ, какъ есть; только надобно чѣмъ-нибудь указать читателю, что это мысль чужая.—Если же это представленіе высказывается, какъ положительное понятіе о Существѣ вѣчномъ, въ такомъ случаѣ оно вызываетъ большое недоумѣніе: Вѣчному Существу усвояется какое то *страдательное* состояніе, неприличное живому Богу. Что это за участь Божества, которое не можетъ не быть, т. е. котораго бытіе необходимо, и которое должно оставаться всегда въ одномъ поло-

женіи, и это *чувствовать* вмѣстѣ съ невозможностію измѣняться, при всемъ своемъ всемогуществѣ и всевѣдѣніи? Это какое то скованное Божество, Божество обладающее всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ, и въ тоже время *чувствующее*, что Оно ничего не можетъ по своему положенію, которое никогда не можетъ измѣниться. Здѣсь, очевидно, спутаны свойства Божіи по бытію и по дѣятельности: Богъ *неизмѣнимъ*, это коренное свойство Божіе; но неизмѣняемъ какъ? по бытію, т. е., какъ вѣчное существо, Онъ не подлежитъ ни возрастанію, ни уменьшенію, не выходитъ изъ одного вида бытія въ другой; проще сказать: у Бога нѣтъ нашихъ возрастовъ, нѣтъ періодовъ, когда-бы у Него чего не было, что будетъ послѣ, или что было прежде; какъ вѣчно имѣющій въ себѣ полноту совершенствъ, Онъ всегда равенъ самому себѣ, всегда одинъ и тотъже. Но въ дѣйствіяхъ своихъ, при своемъ всевѣдѣніи и всемогуществѣ, Онъ совершенно свободенъ и полновластенъ: одного наказываетъ, другаго милуетъ; одному терпитъ, другаго поражаетъ и проч. Стало быть, въ отношеніи къ созданнымъ тварямъ, нельзя сказать, чтобы дѣйствія Божіи были неизмѣняемы; дѣйствія Его въ этомъ отношеніи измѣняются согласно съ Его всевѣдѣніемъ и премудростію".

Стр. 56. „*Всѣ атеисты, древніе и новые, всѣ нигилисты, признаютъ одного и того же Бога*. То правда, что и въ умозрѣніи самихъ атеистовъ и нигилистовъ можно примѣчать слѣды присутствія идеи о Богѣ, но у нихъ она облекается въ представленія совсѣмъ иного свойства, нежели какія признаетъ соотвѣтственными этой идеѣ правильный строй религіознаго міровоззрѣнія, а потому страшно сказать, будто и атеисты и нигилисты признаютъ *одного и того же* Бога".

Тоже замѣчаетъ и другой рецензентъ, говоря: „Въ послѣд-

нихъ трехъ монологахъ атеистамъ и нигилистамъ сдѣлана уступка слишкомъ большая. Нельзя сказать, что они чтутъ одного съ нами Бога, только подъ другимъ именемъ, тоже говорятъ о Богѣ, что и мы, только другими словами".

Совершенно согласенъ, и слова: „одного и того же" должны быть исключены.

С. 57. „Послѣдній параграфъ лучше выпустить. Подобія Троичности, взятыя отъ существа человѣка и отъ другихъ преметовъ (напр. мысль, звукъ, смыслъ), не только не объясняютъ догмата, напротивъ искажаютъ его. Если ими пользуются иногда, то неосмотрительно. Для нигилистовъ они не имѣютъ никакого значенія. Мы знаемъ, что наше Божество имѣетъ три лица, знаемъ отношеніе этихъ лицъ между собою и къ людямъ, на сколько указано оно въ Откровеніи; но что касается до существа этихъ лицъ,—это для насъ тайна, которая въ вѣчности останется непостижимою".

Другой рецензентъ замѣчаетъ: „Образъ и подобіе Божіе заключается въ духѣ человѣка, а не въ тѣлѣ, ибо Богъ есть духъ.

Третій говоритъ: „При совершенной правильности здѣсь мыслей представляется не довольно понятнымъ выраженіе: „*Единосущность*" (Пресвятой Троицы) „должна быть понятнѣе для нихъ (для нигилистовъ) чѣмъ для насъ". Почему же? По видимому для нихъ долженъ быть понятнѣе унитаризмъ, а не тріединство Божества".

Подъ единосущностію я разумѣлъ унитаризмъ, все-таки различающій мысль, звукъ, смыслъ, или тѣло, душу, духъ, по составнымъ частямъ, по дѣйствіямъ.

„Поэтому приведенное сейчасъ выраженіе должно бы быть или болѣе разъяснено, или, при невозможности сего, исключено изъ приведеннаго мѣста".

Разъяснить больше не умѣю, и при второмъ изданіи думаю лучше такое неясное сравненіе исключить.

Стр. 59. „Несутъ дичь, если не поютъ *аллилуію*. Относительно сего мѣста должно замѣтить, что отнюдь не желательно видѣть въ печати, хотя, къ сожалѣнію, житейскимъ говоромъ и допускаемое, подобное шуточное употребленіе слова священнаго.“

С. 80, ст. 4—12. „Не требуется ли отъ всякаго человѣка нѣчто подобное, возрожденіе духовное, обновленіе естества нашего по образу и дѣйствіямъ воплотившагося отъ Св. Дѣвы Спасителя міра? Какъ это можетъ быть? Спросимъ подобно Никодиму (Іоан. 3, 9). Отвѣтъ готовъ: читайте его въ Евангеліи.“

С. 83, ст. 4 снизу *Жизнь Іисуса Христа! Неужели можно примыслить въ ней что нибудь человѣческое?* „Многое примѣчается человѣческаго въ жизни Іисуса Христа; иначе Онъ не былъ бы подобенъ намъ во всемъ и т. д., кромѣ грѣха: Не лучше ли такъ сказать: *Жизнь Іисуса Христа!—Неужели это жизнь только земнаго человѣка?*“

Совершенно согласенъ.

С. 88. *Всѣ Евангелія должны быть писаны до разоренія Іерусалима.* „Это не вполнѣ согласно съ церковнымъ преданіемъ. Прибавьте: всѣ Евангелія, которыя содержатъ въ себѣ пророчества Христа Спасителя о разореніи Іерусалима, тогда это будетъ вѣрно, ибо не во всѣхъ излагается это пророчество. Въ Евангеліи Іоанновомъ его нѣтъ, а оно-то и писано послѣ разоренія Іерусалима.“

Къ с. 89. „О посланіяхъ нельзя сказать, что въ нихъ нѣтъ фактовъ. Относительно согласія въ ученіи, раскрываемомъ въ посланіяхъ, существуетъ много возраженій. Этотъ предметъ

требовалось бы раскрыть спеціальнѣе. Или не лучше ли совсѣмъ не касаться?

Я говорилъ въ томъ смыслѣ, что въ посланіяхъ нѣтъ почти сказаній о дѣлахъ Іисуса Христа, кои изложены въ Евангеліяхъ.

С. 89, ст. 7. „Вмѣсто *сочиненія* и *сочинителей* принято у насъ выражаться о богодухновенныхъ произведеніяхъ *писаніе* и *писатели*."

„Вмѣсто *предпочтеніемъ*, лучше сказать *выборомъ*.

Кромѣ ничтожныхъ мелочей. Лучше выпустить. И ничтожныхъ противорѣчій мы не допускаемъ въ Св. Писаніяхъ; а если встрѣчаются кажущіяся, стараемся и находимъ средство примирить ихъ. Вмѣсто *мелкія* лучше сказать *кажущіяся*; вмѣсто *впрочемъ неважныхъ*, лучше сказать: *нѣкоторыхъ*.

С. 90, ст. 5. „*Для пущаю обращенія*—не понимаю, что это значитъ."

Винюсь въ темнотѣ и недостаткѣ выраженія. Слѣдовало бы сказать: для возбужденія бо́льшой довѣренности.

С. 91, ст. 5. „Вмѣсто *поклонниковъ* лучше вѣрующихъ."

Къ с. 91. „Можно ли сказать, что ученіе Іисуса Христа совершенно противоположно Ветхому Завѣту?"

Отвѣтъ: Я говорилъ въ смыслѣ противоположности, выраженной Іисусомъ Христомъ у Матѳ. V 21—45.

Къ с. 92. „Притча о пастырѣ Іоан. VIII, 43, не ученикамъ говорилась собственно, а народу.

Къ с. 94. „*Искупленіе здѣсь какъ то представляется исторически*,—темно, непонятно."

Ходъ мыслей такой: изъ грубаго, жестокаго Римлянина произошелъ Божій человѣкъ. Слѣдовательно онъ переродился, но такъ переродиться не могъ самъ собою, слѣд. получилъ

новую способность, или освобожденъ отъ прежняго препятствія, искупленъ.

Къ с. 94. „Могутъ сказать, что подобія Алексѣю, человѣку Божію, были въ языческомъ мірѣ".

Едва ли.

Къ с. 95. „Слишкомъ рѣзко объ Апостолахъ, будто они на другой день забывали, что говорилъ имъ Христосъ."

Разумѣются нѣкоторые случаи.

С. 95, ст. 9. „Не подъ стражу, а стражею".

С. 96, ст. 5. *Какъ будто видѣлъ*. „Объ одномъ сказано, что видѣлъ онъ Іисуса Христа при страданіи своемъ. Это о Стефанѣ. Дѣян. VII, 56. Но здѣсь нѣтъ основанія прибавить: какъ будто".

У меня говорится о всѣхъ мученикахъ, въ выраженіи общемъ, безъ отношенія къ видѣнію Стефанову.

С. 103, ст. 14. *Первая проповѣдь*. „Думаю, не первую проповѣдь надлежитъ приписать Павлу, ибо онъ писалъ къ Римлянамъ посланіе, еще не бывъ у нихъ, и писалъ уже къ церкви, а не къ невѣрующимъ. Но судя по тому, что Апостолъ Павелъ такъ много заботился о церкви Римской и несомнѣнно трудился надъ ея распространеніемъ по крайней мѣрѣ два года, когда находился въ Римѣ въ узахъ, дѣйствительно скорѣе Павлу, чѣмъ Петру, котораго Римская дѣятельность исторически такъ не засвидѣтельствована, надлежало бы приписать первенство въ церкви Римской, какъ основанной изъ язычниковъ, чѣмъ Апостолу Петру, который принялъ въ свой удѣлъ Іудеевъ".

С. 117 къ послѣднимъ строкамъ. „Авторъ напрасно предста вляетъ, что въ богословіи ничего объ этомъ нѣтъ".

Нигдѣ я не представлялъ этого, а выразилъ только желаніе имѣть систематическое сочиненіе по описанному плану.

Къ с. 117. „Всякая наука имѣетъ свою длинную исторію, которую нужно конечно внимательно изслѣдовать, чтобы рѣшительно судить объ ней.

Къ с. 121, ст. 8. „Ограниченность ума не есть доказательство грѣхопаденія. Умъ ангеловъ ограниченъ, однакожъ они не падшія существа“.

С. 124, ст. 5 снизу. *Не позналъ онъ добра и зла*. „Какъ же? Прежде не зналъ онъ зла, а съ паденіемъ узналъ его опытомъ. Доброже зналъ и прежде. Впрочемъ фраза *знать добро и зло* можетъ означать и просто всевѣдѣніе. Къ сожалѣнію на этихъ страницахъ не вездѣ можно ясно отличить, своимъ ли языкомъ говорится, или языкомъ противниковъ“.

О добрѣ и злѣ въ этихъ словахъ говорено не въ смыслѣ способности, а въ смыслѣ приложенія ко всякому данному случаю.

Гдѣ я говорю своимъ языкомъ, т. е. отъ себя, и гдѣ предполагаю противныя мнѣнія, то есть, рѣчи противниковъ, или вопросы естественные, должна отвѣчать вся книга.

С 127, ст. 19. „Сознанія, что святые дѣлали именно то, что должны были дѣлать, отрицать нельзя. Только никто изъ нихъ не скажетъ, что онъ всегда и во всемъ такъ поступалъ.“

Виноватъ,—я думаю, что полной увѣренности въ этомъ смыслѣ ни у кого быть не можетъ.

Къ с. 129, ст. 6. „*Въ области вѣры все непостижимо*. Преувеличено“.

Къ ст. 130, ст. 5 снизу. „Богъ даетъ ее, кому хочетъ“. Лучше сказать: Богъ даетъ ее ищущимъ *сего дара*.

На общія замѣчанія отвѣтъ см. въ послѣсловіи.

Послѣсловіе.

Не стану распространяться о цѣли предлагаемаго изданія. Кто прочтетъ внимательно всю книжку, тотъ увидитъ ясно, для чего издана она, и для чего издана именно теперь. Я повторю только просьбу не смотрѣть на нее, какъ на литературное произведеніе, еще менѣе—какъ на сочиненіе, принадлежащее къ такъ называемой наукѣ, имѣющее какія бы то ни было ученыя притязанія.

Это—собраніе замѣтокъ, въ разныя времена, при разныхъ случаяхъ, среди чтенія и размышленія, внушенныхъ простымъ здравымъ смысломъ, до какой степени онъ достигъ въ авторѣ своего развитія. Это—мысли, проблески, выходки, вспышки, вопли.—Записывая, я не помышлялъ, что когда нибудь буду печатать ихъ въ первоначальномъ видѣ, пущу въ свѣтъ, такъ сказать, „какъ мать родила“, и только въ виду пагубнаго повѣтрія, заражающаго, часъ отъ часу болѣе, нашу злополучную молодежь,—въ надеждѣ принести ей и льзу, рѣшился я передать читателямъ свои замѣтки, оставляя на нихъ, въ доказательство ихъ совершенной независимости и свободы отъ всякаго внѣшняго преднамѣренія, печать ихъ разнообразнаго происхожденія.

Смотря съ этой точки на книжку, читатель пойметъ, почему иногда многія стороны, прикосновенныя къ тому или другому вопросу, оставлены какъ будто безъ вниманія; почему нѣтъ иногда нужной послѣдовательности между мыслями и ихъ группами; почему встрѣчаются по мѣстамъ пробѣлы; почему, при разсужденіи о томъ или другомъ предметѣ, не указаны извѣстныя подтвержденія или возраженія гораздо болѣе значительныя, лучшія доказательства или опроверженія; почему примѣчаются многія неровности въ языкѣ и въ тонѣ.

Замѣтки принадлежатъ къ сорока слишкомъ годамъ: не мудрено оказаться въ нихъ различіямъ всякаго рода! Каждая замѣтка есть особое цѣлое, хотя очень малое, въ родѣ атома: одна заключаетъ утвержденіе, другая вопросъ, третья сомнѣніе, недоумѣніе, отвѣтъ. Одна записана въ спокойномъ расположеніи духа, другая въ сердцахъ, третья была слѣдствіемъ негодованія. Въ однѣхъ замѣткахъ заключаются мысли автора, въ другихъ предполагаются возраженія противниковъ. Порознь могутъ иныя подвергаться всякимъ толкованіямъ, но въ совокупности передаютъ, надѣюсь, ясно образъ мыслей автора, который отстранитъ всякое недоразумѣніе, и опредѣлитъ смыслъ, въ какомъ должна быть принимаема та или другая двусмысленность, или неясность, исправитъ неправильность.

Касательно общихъ замѣчаній, полученныхъ мною отъ моихъ почтенныхъ рецензентовъ, кромѣ частныхъ, выше изложенныхъ въ дополненіяхъ, долженъ я объяснить слѣдующее:

Мои рецензенты, богословы, философы, ученые и неученые, стоятъ, каждый на своей точкѣ, и предъявляютъ требованія иногда совершенно противоположныя.

Начинаю съ духовныхъ.

Духовные рецензенты, привыкшіе къ строгому догматизму, къ юридической отчетности, къ формѣ силлогистической, со всегдашнимъ опасеніемъ отвѣтственности, никакъ не могутъ имѣть постоянно въ виду, съ одной стороны происхожденіе моей книжки, съ другой цѣль ея, и потому предъявляютъ иногда требованія, отъ исполненія которыхъ я отказался въ самомъ вступленіи,—нѣкоторыя мысли отвергаютъ какъ не вполнѣ доказанныя, или неясно выраженныя,—или требуютъ немедленныхъ отвѣтовъ на тотъ или другой вопросъ, разрѣшенный только впослѣдствіи.

(Это произошло впрочемъ отчасти потому, что книга доставлялась имъ по листамъ).

Постараюсь здѣсь объяснить ихъ недоразумѣнія, предполагая, что таковыя могутъ встрѣтиться и у читателей.

„Что касается размышленій и замѣчаній о религіозныхъ предметахъ,“ говоритъ одинъ рецензентъ,

„то въ нихъ еще много есть неточнаго, сбивчиваго, непослѣдовательнаго, даже невѣрнаго“.

„Нѣкоторые вопросы вмѣсто успокоенія,“ говоритъ другой рецензентъ, „могутъ наводить сомнѣніе и производить противоположное цѣли дѣйство.“

„Со с. 27 начинается“, говоритъ третій, „самая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ трактатъ о бытіи. Жаль, что въ присланныхъ листахъ не доведенъ до конца. Вѣроятно въ концѣ его будутъ выводы, какіе должны слѣдовать изъ набросанныхъ мыслей и выраженій. Но если они не предполагаются, (чего однакожъ я не думаю), то набросанныя мысли и выраженія произведутъ какое-то скептическое настроеніе. Положимъ, человѣкъ умомъ своимъ понять и объяснить не можетъ, какъ онъ существуетъ, какъ произошелъ, какъ произошли и существуютъ міры, цѣлая вселенная; положимъ, всѣ гипотезы и теоріи, придуманныя человѣческимъ умомъ, не разрѣшаютъ вопроса о *бытіи*, и только рождаютъ вопросы, но для человѣка долженъ быть поданъ откуда нибудь свѣтъ, при помощи коего онъ получаетъ возможное познаніе о вещахъ. Вѣроятно дальше будетъ это сказано“.

Одинъ изъ моихъ старинныхъ друзей, многоуважаемый С. А., отнесся къ этимъ вопросамъ даже еще строже, и требовалъ ихъ исключенія.

О первомъ общемъ осужденіи позволяю себѣ думать: такъ, можетъ быть, имѣетъ право сказать наука богословіи, но въ моей книжкѣ излагаются мысли свѣтскаго человѣка, которыя представляются уму въ естественномъ его положеніи. Наукѣ богословской онѣ могутъ служить примѣромъ возникновенія мыслей у мірянъ,—даже полезнымъ указаніемъ, что она должна имѣть въ виду для вразумленія несвѣдущихъ и назиданія оглашенныхъ, иже къ просвѣщенію.

На послѣднія же обвиненія могу отвѣчать вообще словами Архимандрита Михаила въ его предисловіи къ разсужденію о Евангеліяхъ и Евангельской исторіи, по поводу книги Ренана, которыми онъ хотѣлъ предупредить подобное обвиненіе.

„Да не оскорбится религіозно-нравственное чувство читателей, когда въ изложеніи этихъ изслѣдованій, а равно и основаній ихъ-философскихъ воззрѣній школъ, встрѣтится могущее оскорбить религіозно нравственное чувство. Что же дѣлать? Умалчивать о нихъ нельзя, когда самыя популяризаціи ихъ обнаруживаютъ, и, придавая имъ еще болѣе внѣшней плѣнительности, увлекаютъ“.

Подобаетъ и ереси знати, учитъ Апостолъ Павелъ.

Впрочемъ у меня идетъ рѣчь даже и не объ ересяхъ, а о вопросахъ простыхъ, которые представляются естественному уму, и не заключаютъ въ себѣ

ничего новаго; представляются же авторомъ эти вопросы, не имѣющіе отвѣтовъ въ естественномъ умѣ, какъ доказательство его ограниченности и необходимости въ вѣрѣ, см. с. 118.

Книга получила характеръ полемическій, противъ нигилистовъ и позитивистовъ: какъ же можно было обойтись безъ представленія ихъ ложныхъ основаній, парадоксовъ, кривотолкованій? Напротивъ, надобъ было собрать какъ можно болѣе главныхъ ихъ выходокъ, хоть in extenso, (вкратцѣ), придумать всѣ возможныя, чтобъ предупредить нападеніе, и показать слабость и ничтожность ихъ оружія предъ высшими соображеніями объ ограниченности разума, о необходимости вѣры, о божественности Евангелія.

Съ другой стороны, еслибъ исключить естественные неизбѣжные вопросы, какъ того хочетъ многоуважаемый С. А., то противная сторона получила бъ благовидный предлогъ къ обвиненію въ умолчаніи возраженій, въ утаеніи трудностей, въ недобросовѣстности полемики, и проч.

Исключенія дали бъ только поводъ къ объявленію недоумѣній въ выгоднѣйшей для нихъ формѣ, и дѣло ничего бъ не выиграло, а развѣ проиграло бъ въ глазахъ легкомысленной толпы.

„Чтобы въ афоризмахъ рѣчь была яснѣе, кажется, нужно,“ замѣчаетъ одинъ рецензентъ, „при нѣкоторыхъ

положеніяхъ прибавлять слово—говорятъ: тогда тезисы и антизисы будутъ выпуклѣе для читающаго".

По смыслу и ходу рѣчи внимательный читатель долженъ увидѣть самъ, что̀ говорится отъ имени автора, и что̀ приписывается его противникамъ.

Впрочемъ всѣ вопросы, сомнѣнія, недоумѣнія, если кому встрѣтятся или покажутся какія, относительно автора, разрѣшаются для него духомъ всей книжки, которая на всякой страницѣ указываетъ, гдѣ, по ея мнѣнію, всякій мыслящій, безпристрастный человѣкъ долженъ искать и можетъ найдти для себя путь, *истину* и животъ.

„Богословы могутъ сказать, что хотя Божія никто же вѣсть, только Духъ Божій, но человѣку, по свойству естественнаго богоподобія, дано нѣчто разумѣвать изъ дѣйствій Ума Божественнаго; за тѣмъ Откровеніе не только сообщило, но и объяснило многія тайны высочайшей премудрости Божественной. Богъ не оставилъ человѣка въ совершенномъ невѣдѣніи о Себѣ и открылъ многое, сколько нужно и возможно знать человѣку даже о существѣ своемъ. Если открылъ, то, значитъ, предоставилъ и самому человѣку право и возможность собственнымъ размышленіемъ проникать въ тайну открытаго. Спаситель открываетъ Ѳомѣ ребро и язвы гвоздиныя, и хотя отдаетъ превосходство вѣрѣ, но въ тоже время снисходитъ и къ невѣрію,

и показываетъ, что требуется для нагляднаго убѣжденія. Поэтому любознаніе и въ предметахъ вѣры нельзя порицать, можно только напоминать ему о предѣлѣ, далѣе котораго простираться оно не можетъ".

Отвѣтъ см. с. 119. ——

„На множество вопросовъ дается у васъ отвѣтъ одинъ—это тайна, не размышляй, а вѣрь. Область таинъ слишкомъ уже расширена; человѣку при такомъ представленіи становится безотрадно; онъ является слѣпымъ орудіемъ какой-то судьбы, какъ въ греческихъ трагедіяхъ или индѣйскомъ вѣроученіи. Евангеліе очень достаточно прояснило намъ наше земное положеніе, и если въ Новомъ Завѣтѣ встрѣчаются мѣста, говорящія о предопредѣленіи, то они понимаются условно: человѣкъ безъ Бога ничего не можетъ сдѣлать для своего спасенія; но и Богъ безъ самаго человѣка не можетъ спасти его".

Разсужденія и заключенія, соотвѣтственныя предложеннымъ замѣчаніямъ, см. 125—130 и проч.

Обращаюсь къ требованіямъ другаго рода.

Одинъ рецензентъ ищетъ полноты, напримѣръ къ с. 48 онъ замѣчаетъ: „все, что говорится объ ограниченности человѣческаго ума, и непостижимости основъ жизни, признаетъ новѣйшая позитивная философія; только она дѣлаетъ отсюда такой выводъ, что слѣдовательно и думать объ этомъ вздоръ. Слѣдовало бы разобрать этотъ выводъ".

Или „с. 52.“ „Вопросъ, почему являются отрицатели, рѣшенъ неудовлетворительно.“

Отвѣчаю: никакого вопроса авторъ не брался рѣшать, также и не думалъ разбирать никакого вывода, а передаетъ только то, что ему самому вспало на умъ объ томъ или другомъ вопросѣ.

Тотъ же отвѣтъ относится къ замѣчанію, что на с. 54 „мысли высказываются слишкомъ отрывочно“, и къ словамъ на 84 с. „сказанное объ Евреяхъ не для всѣхъ можетъ быть убѣдительно,“ с. 86: „относительно пророчествъ, могутъ возбуждаться возраженія, разъясненіе и опроверженіе которыхъ потребовало бы спеціальныхъ богословскихъ изслѣдованій.“

Другой рецензентъ, прочитавъ страницу о католичествѣ, говоритъ: „вообще вся рѣчь о папѣ и католичествѣ мало вяжется съ общимъ содержаніемъ и само по себѣ неудовлетворительно. Лучше бы ее опустить“.

Изъ этихъ словъ читатель видитъ, что рецензентъ ожидалъ также полнаго трактата о католичествѣ, и хочетъ, чтобъ онъ имѣлъ связь съ другими. Ни трактата я не думалъ писать, ни привязывать этого вопроса къ другимъ не хотѣлъ: мнѣ представился однажды текстъ, который, показалось мнѣ, говоритъ прямо противъ папской власти, другой о равенствѣ апостоловъ, ну, я и отмѣтилъ ихъ. Вотъ, де, какъ мірянину, внѣ церковной полемики, предстаавляется тотъ или другой

текстъ. А кто хочетъ узнать подробно и обстоятельно, тотъ читай спеціальныя сочиненія. Я впрочемъ оговорился даже объ этомъ, и заключилъ сказанное о папѣ въ скобкахъ. Здѣсь же привожу это возраженіе, чтобъ показать примѣръ, какъ не можетъ самый снисходительный рецензентъ отдѣлиться отъ требованій школы.

По такомуже недоразумѣнію онъ говоритъ: „если авторъ желаетъ говорить о Еврейскихъ школахъ, современныхъ Іисусу Христу, едва ли можно миновать вопросъ о Іессействѣ. Но всего этого вопроса нельзя, кажется, раскрыть обстоятельно безъ спеціальнаго изслѣдованія“.

Опять тотъ же отвѣтъ съ моей стороны: не думалъ я толковать о школахъ, а сказалъ объ нихъ по тѣмъ понятіямъ, которыя находятся въ оборотѣ.

Можетъ быть, прибавлю здѣсь кстати, у Іессеевъ, какъ у стоиковъ, найдутся нѣкоторыя нравственныя правила, соотвѣтствующія Христіанству, но любви Евангельской не найдено, кажется, нигдѣ, а любовь есть главное.

Всѣ полученныя замѣчанія я приложилъ. Приложу также съ благодарностію и всѣ тѣ, кои впередъ получать буду.

Дочитавъ послѣдніе листы, рецензентъ, которому принадлежитъ большая часть вышеприведенныхъ частныхъ замѣчаній, сдѣлалъ такое заключеніе, къ

которому я могу только съ благодарностію примолвить аминь.

„Теперь по прочтеніи послѣднихъ листовъ я понимаю ясно мысль, какую желали вы высказать въ своемъ сочиненіи, понимаю и самый строй сочиненія. Конецъ сочиненія привелъ меня къ этому:

„И въобласти естественной много для насъ тайнъ, тѣмъ больше въ области сверхъ-естественной все для насъ непостижимо. Безразсудно со стороны человѣка претендовать на постиженіе непостижимаго, на знаніе того, что сокрыто отъ его ограниченнаго и поврежденнаго разума. Человѣкъ долженъ безусловно вѣрить тому, что открылъ Богъ, и самою высшею мудростію со стороны его будетъ — предаться безусловно волѣ Божіей, и жить такъ, какъ училъ и показалъ въ собственномъ примѣрѣ Христосъ. Въ этомъ не только мудрость, но и счастіе, блаженство человѣка. А внѣ этого или безъ этого тьма тьмущая въ мірѣ, бѣдствія безвыходныя въ жизни человѣка и человѣчества“. Вотъ мысль, какую проводите вы въ своемъ сочиненіи,—мысль глубокая и въ высшей степени назидательная. Конецъ сочиненія весьма поучителенъ. Надъ нимъ задумаются и тѣ, которые не имѣютъ обычая ни о чемъ думать, и тѣ, которые ужъ слишкомъ много думаютъ о всемъ.“

Выражу для ясности еще другими словами содержаніе сочиненія, основныя мысли.

Всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину.

Твореніе заставляетъ предполагать Творца, Бога.

Влеченіемъ къ злу доказывается грѣхопаденіе.

Видимая, непостижимая премудрость заставляетъ предполагать Премудрость невидимую, еще высшую.

Слѣды ея слышатся, чуются, усматриваются имѣющими очи видѣти и уши слышати.

Очистимъ чувствія и узримъ...

Для нашихъ вопросовъ, здѣсь не разрѣшимыхъ, должны непремѣнно получиться гдѣ нибудь отвѣты.

Душа наша имѣетъ способности, которыхъ мы не знаемъ, но которыя могутъ обнаруживаться при усовершенствованіи.

Никакой жертвы на землѣ разумъ человѣческій не можетъ принести болѣе Вѣры.

Къ Вѣрѣ ведутъ и всѣ прочія безпристрастныя его изслѣдованія надъ собою и природою.

Ничего на землѣ не было сказано, не было совершено выше, чище, святѣе, сказаннаго и совершеннаго Спасителемъ рода человѣческаго, Іисусомъ Христомъ. Ему и надо вѣрить, молиться, и стараться о жизни по заповѣди Евангельской, о нравственномъ и умственномъ совершенствованіи, которое и должно считать единственною цѣлію человѣка на землѣ,—главною задачею правительствъ, замѣтимъ кстати, а она теряется ими изъ виду.

Послѣ богослововъ перехожу къ философамъ и ученымъ.

Нѣкоторыя выраженія мои подали поводъ обвинять меня въ недостаточномъ уваженіи къ философіи, и, вообще, къ такъ называемой наукѣ.

Долгомъ считаю объяснить, что я говорилъ о несостоятельности науки въ отношеніи къ основнымъ, первымъ вопросамъ бытія и жизни, природы и человѣка, а ни какъ не въ отношеніи къ ихъ явленіямъ во времени и пространствѣ. Изслѣдованіе объ ихъ естествѣ, связи, взаимномъ вліяніи, дѣйствіяхъ и явленіяхъ—вотъ законная принадлежность науки, ея высокая задача и цѣль.

Занятіе наукою, развитіе нашихъ высшихъ способностей, составляетъ одну изъ великихъ обязанностей человѣка на землѣ.

Искреннее, добросовѣстное занятіе наукою, какою бы то-ни было, возбуждаетъ благоговѣніе, и только половинное знаніе приводитъ къ невѣрію,—полное внушаетъ вѣру.

Честь, слава и благодарность благодѣтелямъ человѣчества, служителямъ науки, которые напрягаютъ свои силы, не щадятъ трудовъ, для изученія природы и человѣка, для представленія людямъ, какъ невидимое Его, Его вѣчная сила и Божество отъ самаго сотворенія міра видима чрезъ разсматриваніе тварей, но горе тѣмъ, которые, принявъ на вѣру слова дьявола: и вы бози будете, отвергаютъ и учатъ отвергать то, чего понять не могутъ.

Но наука, какъ грамота, какъ религія, какъ все, можетъ быть употребляема во зло. Вотъ ея злоупотребленія, увлеченія незванныхъ ея поклонниковъ, дерзость возгордившихся ея жрецовъ, возмущаютъ всякаго благочестиваго, скромнаго искателя истины.

Посвятивъ всю жизнь свою наукѣ, не дѣлавъ никакого дѣла внѣ занятій наукою, обязанный наукѣ и самымъ происхожденіемъ этой книги, находя единственное свое утѣшеніе и услажденіе въ наукѣ, могу ли я не только сдѣлать, но подумать что либо противъ науки, въ *настоящей* ея сущности!

Не бравъ на себя обязанности писать систематическое разсужденіе ни объ какомъ изъ затронутыхъ вопросовъ, я сообщу здѣсь кстати, для объясненія моего взгляда на дѣло этого рода, сравненіе, которое представилось мнѣ недавно, когда я читалъ замѣчанія Г. Кавелина о Психологіи, и возраженія Г. Сѣченова со стороны Физіологіи.

Гг. Кавелинъ и Сѣченовъ нашли заведенные часы, разбираютъ ихъ пружины, колеса и стрѣлки, изслѣдуютъ, какая пружина приводитъ въ движеніе то или другое колесо, которое прежде, которое послѣ, чрезъ какія посредствующія части, какое направленіе принимаютъ вслѣдствіе этого движенія стрѣлки, чьею помощію указываются секунды, минуты, часы, числа, мѣсяцы, дни, на циферблатѣ.

Положимъ, что психологъ и физіологъ согласятся между собою, опредѣлятъ назначеніе и свойство составныхъ частей, и объяснятъ удовлетворительно весь механизмъ движенія; положимъ, что они дойдутъ наконецъ до заключенія, что долженъ существовать ключикъ, которымъ завелась машинка, и ириведены въ движеніе всѣ части,—вообразятъ его какъ нибудь... задача ихъ исполнится блистательно. Но развѣ тѣмъ дѣло кончится? Откуда взялся ключикъ? Кто заводитъ имъ часы, откуда взялись матеріалы, изъ которыхъ часы сдѣлать было можно? Кому нужно ихъ движеніе? Для кого они указываютъ время? That is the question!

Опытныя науки должны сознаться, что на первые вопросы отвѣчать онѣ не могутъ.

Не бывъ же очевидно въ силахъ отвѣчать на эти вопросы, утверждать, что и отвѣчать нечего, что за часами, употреблю выше приведенный примѣръ, ни спереди, ни сзади нѣтъ ничего, что часы явились и завелись сами собою, и составляютъ perpetuum mobile, есть дерзость и невѣжество, которое оказываетъ пагубное вліяніе на современное молодое большинство.

Положительная философія не допускаетъ созданія чего бы то ни было изъ ничего.

А нашла ль она что нибудь происшедшее само собою?

О второмъ отдѣленіи книжки, (с. 166—252) замѣчаетъ

одинъ рецензентъ „Выписки, относящіяся до случаевъ, въ какомъ нибудь отношеніи замѣчательныхъ, не будучи освѣщены руководительнымъ объясненіемъ, направлены къ опредѣленнымъ положительнымъ цѣлямъ, могутъ давать пищу суевѣрію и обрисовать личность автора, какъ типъ суевѣра".

Объяснять, направлять — это было совершенно несогласно съ заявленною цѣлію. Напротивъ — необъяснимостію своею эти случаи соотвѣтствуютъ ей гораздо болѣе, принуждая предполагать что-то въ дѣлахъ міра сего, неподлежащее нашимъ чувствамъ, — опытамъ и наблюденіямъ.

Всякое объясненіе подало бъ только поводъ къ словопреніямъ, изъ-за коихъ позабылась бы ихъ сущность.

Нигилистамъ и позитивистамъ при этихъ случаяхъ можно только сказать: Вы наблюдаете въ разныхъ областяхъ природы явленія, которыя съ перваго знакомства съ ними кажутся непонятными, и бережете ихъ впредь до объясненія, которое послѣ иногда и находится. Почему же не хотите наблюдать явленія этого рода и беречь также впредь до объясненія?

Одно, засвидѣтельствованное, принятое, существованіе такихъ явленій, много значитъ, даже безъ объясненій.

Наконецъ одинъ изъ моихъ благопріятелей остерегаетъ меня въ личномъ отношеніи.

„Особенно, мнѣ кажется", пишетъ онъ „внимательно

нужно просмотрѣть все, что вы разсказываете о собственной жизни. Лучше здѣсь опустить все не такъ значительное, и все, что можетъ подавать поводъ къ какому нибудь соблазну или глумленію. Къ откровенной общественной исповѣди у насъ мало привыкли, и исповѣдь въ автобіографіи живаго человѣка принимается совсѣмъ иначе, чѣмъ исповѣдь, напримѣръ, въ посмертныхъ запискахъ. На людей серьезныхъ и искреннихъ ваши признанія конечно подѣйствуютъ назидательно, но на большинство читателей какъ бы онѣ не произвели другаго впечатлѣнія! Нельзя не принять во вниманіе того, что у васъ есть не мало литературныхъ и общественныхъ неблагопріятелей, а еще болѣе у насъ есть людей, готовыхъ поглумиться при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя бы надъ самымъ искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ и самымъ добрымъ движеніемъ сердца. Не нужно конечно смущаться людскими толками и глумленіями, но нужно и съ своей стороны предотвращать все, что можетъ подать поводъ къ соблазну особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о самыхъ глубокихъ основахъ и самыхъ высокихъ чаяніяхъ жизни".

„Случаи и наблюденія надъ собою," пишетъ другой рецензентъ, „могутъ подать поводъ къ великимъ глумленіямъ со стороны фельетонныхъ борзописцевъ и тому подобной братіи, а это было бы крайне прискорбно и больно для всѣхъ друзей вашихъ и для всѣхъ людей, уважающихъ вашу личность, для всѣхъ

друзей всякаго честнаго дѣла, для каждаго, кто дорожитъ интересами религіозными, общественными, народными".

Принимая совѣты, я сдѣлалъ нѣсколько исключеній въ этомъ отдѣленіи книжки, но скажу вообще, что будущія глумленія нисколько меня не смущаютъ, какъ не смущали прошедшія. Онѣ посыплются, я увѣренъ, въ обиліи, и доставятъ мнѣ удовольствіе, послужа для меня доказательствомъ, что въ книжкѣ ощутителенъ ладонъ.

Мнѣ остается объясниться еще съ нашими нигилистами. Пишучи это послѣсловіе въ спокойномъ расположеніи духа, я готовъ извиниться предъ ними въ нѣкоторыхъ рѣзкихъ своихъ выраженіяхъ, и привести имъ въ оправданіе старинную нашу пословицу, что на брань слово купится. И впрочемъ готовъ даже признать ихъ хорошую сторону: они безпокоятся о чемъ-то, чего-то желаютъ, о чемъ-то заботятся, въ противоположность равнодушію, безпечности, застою большинства. Вооружаясь противъ нихъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ искренно жалѣю объ нихъ, и, допуская ихъ ревность, благонамѣренность, огорчаюсь, что они способности свои употребляютъ не на пользу, а во вредъ себѣ и другимъ, вредъ, который они могутъ осязать, кажется, ежедневно въ извѣстіяхъ газетъ, приносимыхъ со всѣхъ сторонъ Россіи.

Во всякомъ случаѣ мнѣ очень жаль, что, переписывая и разбирая мои лоскуски подъ впечатлѣніями минуты, я вставлялъ шутливыя, а иногда бранныя, выходки противъ нигилистовъ, чѣмъ вѣроятно и повредилъ основному тексту, развлекая читателя. При второмъ изданіи я очищу первую часть отъ этихъ выходокъ, и составлю изъ нихъ особенное цѣлое, посвященное злобѣ дня.

Въ приложеніяхъ я намѣренъ былъ сначала помѣстить разборъ, написанный мною, системы Дарвиновой, которая сводитъ съ ума часть нашей интеллигентной (?) толпы, но получилъ отъ одного почтеннаго естествоиспытателя, которому отдавалъ его на разсмотрѣніе, возраженія, требующія отъ меня отвѣта. Не имѣя ни времени, ни расположенія, написать его теперь, я отлагаю печатаніе моего разбора вмѣстѣ съ возраженіями и объясненіями, до другаго изданія.

Заключу молитвою, которую воспѣваетъ въ нынѣшній день Святая церковь:

Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины, иже вездѣ сый и вся исполняяй, сокровище благихъ и жизни подателю, пріиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наша.

Духовъ день.
28 Мая,
1873.

М. Погодинъ.

Система Дарвина.

Знавъ Дарвина только по выводамъ его изслѣдованій и по нѣкоторымъ отзывамъ, выпискамъ нашихъ журналистовъ, я началъ читать его съ сильнымъ предубѣжденіемъ,—чтобъ не сказать со злобою, съ ненавистью: меня возмутили въ особенности безсовѣстныя объявленія спекулянтовъ-издателей вдругъ о трехъ переводахъ его сочиненія, въ которыхъ для зазыва покупателей-читателей провозглашалось съ торжествомъ во всеуслышаніе, что въ этой-де книгѣ доказывается происхожденіе человѣка не отъ обезьяны, а отъ четвероногаго звѣря, покрытаго волосами, съ клыками и хвостомъ.

Сознавшись въ своемъ предубѣжденіи, отдамъ теперь отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ во мнѣ книгою, а потомъ о самой книгѣ.

Дарвинъ представился мнѣ самымъ скромнымъ ученымъ, человѣкомъ, ищущимъ истины искренно.

Многообразныя свѣдѣнія его объ Естественной исторіи изумительны; зоркою наблюдательностію, способностію припоминать, обобщать наблюденія, имѣть всю природу какъ бы на ладони у себя, едвали кто изъ натуралистовъ обладалъ въ такой степени! Но онъ—систематикъ, и, подобно всѣмъ систематикамъ, или гораздо болѣе, соразмѣрно массѣ своихъ свѣдѣній, множеству имъ провѣренныхъ, несомнѣнныхъ для него заключеній, онъ натягиваетъ, подбираетъ и

привлекаетъ уже все въ свою систему, видитъ вездѣ ея подтвержденіе, и наконецъ нисколько не думаетъ о тѣхъ заключеніяхъ, которыя должна сдѣлать изъ ней неумытная логика, о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя произведутъ ея злоупотребленія.

Я увѣренъ, что Дарвинъ есть самый благочестивый человѣкъ, и лучше многихъ, яснѣе, созерцая премудрость творенія, преклоняется передъ нею, и передъ ея „превосходнымъ, таинственнымъ повелителемъ", точно какъ соотечественникъ его Ньютонъ снималъ шляпу, произнося имя Божіе.

Я увѣренъ, что онъ не только благочестивый человѣкъ, но и ревностный протестантъ, соблюдаетъ свято всѣ обряды своего вѣроисповѣданія, чтитъ воскресенья, пріобщается Святыхъ Таинъ вдвоемъ или втроемъ. Его изслѣдованія, его наука, сами по себѣ, а жизнь, а онъ—самъ по себѣ. *

Я увѣренъ, что между внимательными читателями Дарвина найдутся многіе, которыхъ поразятъ не выводы его, не сумма, а посылки, а слагаемыя, и эти читатели, видя въ очію раскрываемые предъ ними законы природы, почувствуютъ живо тотъ страхъ Божій, который почитается началомъ премудрости.

Смѣю даже думать, что еслибъ Дарвинъ измѣнилъ точку, съ которой теперь смотритъ на природу, и взглянулъ бы на нее съ *другой стороны*, то всѣ предметы его изслѣдованій

---

* Прибавлю еще: вмѣстѣ съ этимъ, Дарвинъ есть истый Англичанинъ, отъ головы до пятокъ, (вопреки нашимъ легкомысленнымъ невѣжамъ, которые, смѣясь надъ квасным патріотизмомъ, съ самодовольствіемъ восклицаютъ, что наука не знаетъ національностей).

представились бы ему, можетъ быть, иначе, и изъ Птолемея онъ сдѣлался какъ бы Коперникомъ, или Птолемеемъ изъ Коперника. Не оптическому ли обману великій ученый теперь подвергается со многими изъ своихъ послѣдователей.

По Моисею сотворено все Богомъ; по Дарвину произошло все постепенно, внутреннею собственною силою,—а сила то что такое? Откуда она взялась, и гдѣ пребываетъ?

Замѣняя средній глаголъ „происходить“ дѣйствительнымъ „творить“, и не принимая въ расчетъ времени, которымъ Дарвинъ распоряжается ad libitum, изъ его сочиненія можно почерпнуть многое для комментарія на Моисееву книгу Бытія.

Такъ и ученымъ противникамъ своимъ Дарвинъ принесетъ вѣрно много пользы, какъ они приносятъ ему. *

Не говорю о томъ, въ какой степени обогащается наука о природѣ, сравнительное естествовѣденіе, обширными, разнообразными наблюденіями и открытіями Дарвина.

Почему же, спросятъ, я былъ такъ смущенъ объявленіемъ или распространеніемъ книги Дарвиновой вдругъ въ трехъ переводахъ ?Да потому, что большинство Русскихъ читателей, особенно праздная, неучащаяся молодежъ, не будетъ читать ея, а удовольствуется только послѣднею страницею, или даже однимъ газетнымъ объявленіемъ, и, непщуя быть

* О первой его книгѣ (Происхожденіе видовъ) Писаревъ, въ изложеніи, говоритъ, напримѣръ, что великій палеонтологъ Овенъ, который смотритъ на Дарвина съ ужасомъ и отвращеніемъ, — Баррандъ, первокласный ученый и горячій противникъ Дарвиновскаго легкомыслія, — доставляютъ ему въ своихъ сочиненіяхъ много доказательствъ, въ подтвержденіе его мысли, что „вымершія животныя занимаютъ средину между нынѣ живущими группами“. Сочиненія Писарева, т. VI, с. 250.

впереди по пути прогресса, приложитъ ее, пожалуй, къ жизни непосредственно, оправдывая самыя нелѣпыя выходки.

А кто прочтетъ книгу Дарвина, за того я спокоенъ: наука, тщательно и искренно изучаемая, вреда принести не можетъ, и всякое чистое стремленіе къ ней вознаграждается рано или поздно, такъ или иначе, и приноситъ благіе плоды.

Обращаясь къ самому сочиненію Дарвина, предупреждаю опять моихъ читателей, что я профанъ, дилеттантъ, и, проработавъ во всю свою жизнь совершенно въ другой области, не имѣю уже ни времени, ни силъ, изучать новую систему обстоятельно, а сужу здѣсь съ перваго, такъ сказать, взгляда, руководствуюсь только здравымъ смысломъ, поколику онъ здравъ у меня, и слѣдовательно могу легко ошибиться; за то и не требую довѣренности, принадлежащей авторитетамъ.

Систему Дарвина можно выразить въ двухъ словахъ: Постепенность развитія.

„Человѣкъ", говоритъ онъ въ заключеніи послѣдняго своего сочиненія, „произошелъ отъ четвероногаго, покрытаго волосами, снабженнаго хвостомъ и остроконечными ушами, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, жилъ на деревьяхъ и былъ обитателемъ Стараго свѣта. *"

Чтобы объяснить, какую постепенность происхожденія предполагаетъ Дарвинъ, мы приведемъ слѣдующія слова его: „въ ряду формъ, незамѣтно переходящихъ одна въ другую, отъ какого либо обезьянообразнаго существа до человѣка

---

* Происхожденіе человѣка, Дарвина, Русскій переводъ подъ редакціею профессора Сѣченова, т. II стр. 434.

въ его современномъ состояніи, было бы *невозможно указать, которой* именно изъ этихъ *формъ* слѣдуетъ *впервые* дать наименованіе человѣка. **

Вотъ какую страшную постепенность между звѣремъ и человѣкомъ предполагаетъ Дарвинъ!!

Поведемъ его разсужденіе назадъ: Если совершеннѣйшее существо въ мірѣ, человѣкъ, такъ *неприметно* начинается въ царствѣ животныхъ, что трудно отдѣлить, отличить его отъ предыдущихъ существъ, такъ непримѣтно начинается, что невозможно опредѣлить срединное существо, человѣкъ ли *уже* оно или *еще* обезьяна, то вѣдь и родители его должны *такъже* соединяться съ своими предшественниками, и такъ далѣе, до самаго низшаго существа изъ царства животныхъ? Низшее существо изъ царства животныхъ должно такимъ же непримѣтнымъ образомъ соединяться съ высшимъ произведеніемъ изъ царства прозябаемыхъ, а это въ такомъ же порядкѣ съ царствомъ ископаемымъ? То есть—всѣ произведенія природы составляютъ одну цѣпь, въ коей всякое кольцо *происходитъ одно отъ другаго*, полнѣе и полнѣе, совершеннѣе и совершеннѣе; нѣтъ нигдѣ переходовъ рѣзкихъ; кольца соединяются непримѣтнымъ образомъ, и различаются только въ извѣстныхъ разстояніяхъ, одно отъ другаго, по своимъ, такъ сказать, краямъ; нельзя нигдѣ опредѣлить, гдѣ оканчивается одно существо, животное, растеніе, ископаемое, и начинается другое?

Допустить современное происхожденіе всѣхъ царствъ природы система не можетъ: какимъ бы образомъ одно царство могло подогнаться къ другому съ своими законами? Нѣтъ,

** Тамъ же, 1,268.

по системѣ онѣ всѣ должны образовать одно цѣлое, составившееся *во времени* постепеннымъ нарожденіемъ и умноженіемъ составныхъ его частей.

Восходя такимъ образомъ отъ человѣка къ царству животныхъ, оттуда къ царству прозябаемыхъ, и наконецъ ископаемыхъ, къ чему же мы дойдемъ? Къ какому начальному веществу, сѣмени, зерну, ядру, нѣдру, изъ котораго произошло все сущее!

Чуть ли не къ атому, точкѣ, Окенову нулю, въ пустотѣ, все-заключающей, изъ которой, мало по малу, то есть, чрезъ милліоны лѣтъ, происходило будто твореніе, наживалось одно существо за другимъ, камень, растеніе, животное, и наконецъ дѣдушка звѣрь съ хвостомъ, (который чуть ли не съ бабой ягою произвелъ животнаго, дикаго человѣка!)

Если должно принимать такое постепенное развитіе для трехъ царствъ, то его непремѣнно слѣдуетъ распространить уже и на всю природу, на всю вселенную!

Остановимся пока на этомъ и скажемъ: мы принимаемъ вашу систему постепеннаго развитія.

Чтобъ одному животному существу произойдти отъ другаго, чрезъ рядъ вашихъ микроскопическихъ постепенностей, должны пройдти, по вашей системѣ, вѣка, а чтобъ нынѣшній человѣкъ могъ произойдти отъ перваго зародыша природы, для этого нужны милліоны лѣтъ, столѣтій, тысячелѣтій. (Ученые смѣялись надъ китайскимъ време-счисленіемъ, а оно не значитъ ничего въ сравненіи съ тѣмъ, которое нужно Дарвину). Но такъ и быть, мы уступаемъ вамъ даже „океанъ тысячелѣтій," по выраженію Писарева,—мы допускаемъ вашу безчисленную генеологію, — мы принимаемъ вообще вашу систему, и спрашиваемъ: Откуда же взялось это начальное вещество, сѣмя, зерно, ядро, нѣдро, изъ котораго,

по вашему мнѣнію, произошло все? Кто положилъ въ него зародышъ жизни? Какимъ образомъ этотъ зародышъ началъ развиваться? Что произвело въ немъ движеніе? По какимъ законамъ родилось сначала такое существо, а потомъ это?

Въ виду потребованныхъ тысячелѣтій мы не смѣемъ уже произнести: когда? Хотя все таки ваша система исключаетъ понятіе о вѣчности, и вы полагаете ее все-цѣло во времени, и изслѣдуете происхожденіе всѣхъ существъ въ ихъ родословной послѣдовательности до человѣка!

Какъ бы то ни было, всѣ основные вопросы остаются при системѣ Дарвиновой въ тойже силѣ, въ какой онѣ находятся при всѣхъ прежнихъ системахъ.

— —

Дарвинъ, не ставя ихъ себѣ на подобающихъ мѣстахъ, проговаривается однакожъ мимоходомъ: *Какимъ образомъ развились впервые умственныя способности у нижшихъ организмовъ? Это такой же безотрадный вопросъ, какъ и тотъ, какимъ образомъ впервые развилась жизнь? Такія задачи принадлежатъ далекому будущему, если только ихъ когда либо суждено рѣшить человѣку.* * То есть, начало жизни, какъ и начало умственныхъ способностей, суть вопросы безотрадные (неразрѣшимые), отъ которыхъ Дарвинъ отказывается. — Его система принимаетъ вселенную, comme un fait accompli, и разбираетъ, изслѣдуетъ только происхожденіе ея явленій, ея историческую, генеологическую статистику.

Не тоже ли это сознаніе о непостижимости, о тайнѣ, о которой говорено нами во всей книгѣ? Не подходитъ ли система Дарвина подъ вышеприведенное замѣчаніе о доступности для насъ только статистики явленій, пожалуй, съ ихъ анатоміей, физіологіей, генеалогіей,—но не болѣе?

Д. 1, с. 33.

Что же мы выиграли? Мы выиграли новую систему, которою можно будетъ воспользоваться тѣмъ или другимъ образомъ, но которая отнюдь не разрѣшаетъ основныхъ вопросовъ человѣчества: они стоятъ передъ нами во всемъ своемъ грозномъ величіи.

Талантливый излагатель его системы, Писаревъ, говоритъ: „Исходная точка, самое возникновеніе органической жизни, до сихъ поръ остается неразгаданнымъ, потому что до сихъ поръ ни одному натуралисту не удалось приготовить въ своей лабораторіи изъ неорганическихъ или органическихъ веществъ ни одного, даже самаго простѣйшаго живаго организма; но процессъ развитія и перерожденіе органическихъ формъ разъясненъ въ значительной степени англійскимъ натуралистомъ Чарльзомъ Дарвиномъ, издавшимъ въ 1859 году знаменитое сочиненіе on the origin of species (О происхожденіи видовъ)." *

Поблагодаримъ г. Дарвина еще за слѣдующее его сознаніе, пропускаемое безъ вниманія нашими позитивистами. „Этотъ вопросъ (о томъ, имѣютъ ли всѣ дикіе понятіе о Богѣ) не имѣетъ конечно ничего общаго съ великимъ вопросомъ, существуетъ ли Творецъ и Управитель вселенной,—вопросъ, на который отвѣчали утвердительно величайшіе изъ когда либо жившихъ умовъ". **

Если Дарвинова система безмолвствуетъ предъ главными вопросами человѣка о бытіи, о жизни, о началѣ, то и въ самомъ своемъ составѣ, организмѣ, представляетъ множество затрудненій и сомнѣній, вызываетъ множество возраженій.

---

* Соч. Писарева Т. VI, с. 102. ** Д. 1, 68.

Дарвинъ прослѣдилъ свою систему болѣе или менѣе обстоятельно, хоть не безъ большихъ скачковъ, по царству животныхъ, а есть еще царство растеній, царство ископаемыхъ, шаръ земный! А есть еще стихіи: огонь, воздухъ, вода. А есть еще солнце, луна, звѣзды,—и млечный путь, миріады міровъ, ихъ движеніе, частное и общее, вселенское круговращеніе! Развѣ такая система, какъ Дарвинова, можетъ уклониться отъ того, чтобъ не дать своего мнѣнія обо всѣхъ этихъ предметахъ, и не связать его съ собою?

Происхожденію, напримѣръ, царства растеній, животныхъ, нужно солнце. Ниспровергая, какъ вы говорите, догматъ отдѣльныхъ твореній, вы должны бы объяснить происхожденіе этого источника жизни на землѣ, да и всей вселенной.

Иначе съ чего же вы начинаете?

Система предполагаетъ, по изложенію Писарева, какое то „далекое прошедшее, когда всѣ родоначальники всѣхъ безконечно разнообразныхъ типовъ находились въ общемъ хаотическомъ броженіи, безцвѣтности и безформенности. *“

Это вѣдь написано и въ книгѣ Бытія: „земля же была необразована и пуста, и тьма надъ бездною„,—съ прибавленіемъ только: „и Духъ Божій носился надъ водами,“ котораго вы не принимаете, замѣняя Его чѣмъ же?

Какъ представить себѣ земной шаръ, составившійся изъ чего то, округлившійся, нашедшій себѣ мѣсто во вселенной, пришедшій въ движеніе, завертѣвшійся около себя и около солнца, которое откуда-то показалось на горизонтѣ; пріобрѣтшій силу притяженія взаимнаго со всею вселенною,

---

* Неужели это не есть предположеніе, и очень смѣлое, хоть вы отвергаете всѣ предположенія.

и начавшій производить царство ископаемыхъ, растеній, животныхъ одного за другимъ, и наконецъ какого то звѣря, за которымъ слѣдовалъ человѣкъ дикій, обитатель лѣсовъ, начавшій собою новый періодъ, милліонно-лѣтный, своего развитія?

Неужели понятно, какъ могли всѣ зародыши и типы, (кѣмъ же проэктированные?) составлять одну сплошную массу? Но допускаемъ такую массу,—по какому сигналу она заворочалась, зародыши и типы начали отдѣляться одинъ отъ другаго, сосредоточиваться, сгущаться, плотнѣть, обособляться? Чѣмъ же, кѣмъ произведено было въ массѣ это первое самотвореніе, и по какому плану? Знакомые вопросы!*

Да и въ царствѣ животныхъ Дарвинъ представляетъ только отрывочныя замѣчанія, такъ или иначе между собою связанныя. Это болѣе матеріалы для системы, собранные въ одномъ духѣ, но не система, которая требуетъ полной картины, или исторіи царства, съ начала или съ конца: то есть,—какъ бы такъ она должна была сказать: вотъ человѣкъ; родитель его такой-то звѣрь; произойдти отъ этого звѣря могъ человѣкъ такъ-то, присоединивъ къ его наслѣдству такимъ-то образомъ, по такому-то закону, сперва вотъ что, а потомъ вотъ что! А предшественникъ его произошелъ отъ своего виновника, съ такимъ то приращеніемъ, такъ-то развившійся,—и такъ далѣе, до перваго, то есть, низшаго существа изъ царства животныхъ. Такого послѣдовательнаго изслѣдованія у Дарвина нѣтъ.

Читая Дарвина, подумаешь, что онъ попалъ въ какой-то обширный, непроходимый, дремучій лѣсъ, гдѣ *ни зги Божіей не*

---

*) Какъ относится къ нимъ Писаревъ, см. ниже.

видно, полный звѣринецъ, въ родѣ Ноева ковчега, пребываніе царства животныхъ. Въ потьмахъ, ощупью онъ началъ освидѣтельствовать, осматривать, наблюдать встрѣчныхъ объектовъ одного за другимъ; одаренный превосходною зоркостью, способный на продолжительныя наблюденія, онъ подмѣтилъ, что они одинъ другаго полнѣе, совершеннѣе, относительно своихъ составныхъ частей и способностей, какъ будто росліе,—читатели поймутъ, что я употребляю это слово не въ смыслѣ настоящаго роста.—На краю померещился ему покрытый шерстью, съ хвостомъ и клыками, звѣрь, а подлѣ него человѣкъ на четверенькахъ. Ему показалось, что всѣ эти существа происходятъ одинъ отъ другаго; онъ какъ бы считалъ: 1, 2, 3, 4, 5 ....., X, и заключилъ что X происходитъ отъ своего ближайшаго нумера, а тотъ отъ.....5, 4, и проч., человѣкъ отъ звѣря, звѣрь отъ обезьяны, обезьяна отъ....и такъ далѣе, посредствомъ естественнаго или половаго подбора.

Не то бы онъ сказалъ, не то бы почувствовалъ, продолжимъ уподобленіе, еслибъ выбрался изъ своего звѣринца, изъ темнаго лѣса на Божій свѣтъ, дохнулъ бы свѣжимъ воздухомъ, и увидѣлъ бы передъ собою синее небо, свѣтлое солнце, миріады звѣздъ, катящихся въ безпредѣльныхъ пространствахъ! Какъ отвратителенъ показался бъ ему въ этомъ смыслѣ его косматый звѣрь съ хвостомъ и клыками!

Но, положимъ, земной шаръ какъ нибудь окрѣпъ, и получилъ право гражданства въ системѣ міровъ, началась производительность природы.

Здѣсь является безконечное множество вопросовъ, о которыхъ у Дарвина и помина нѣтъ: онъ какъ будто вращается только въ своемъ заколдованномъ кругу. Какія

существа зародились прежде всѣхъ? Въ нихъ надо вѣдь предполагать прародителей всѣхъ послѣдующихъ! Гдѣ было первое зарожденіе? Въ одномъ мѣстѣ, или повсюду? Одинъ экземпляръ перваго существа начался или множество?

Одного экземпляра, разумѣется, нельзя принять; нельзя понять, чтобъ на всемъ шарѣ оказалась удобною одна точка, на которой могло бы зародиться новое существо, первый житель со своею подругою, или гермафродитъ съ сѣменемъ безконечнаго продолженія! Должны быть, по Дарвиновой системѣ, многія подобныя точки, мѣста, гдѣ при однѣхъ условіяхъ (какихъ же?) зародился одинъ и тотъ же родъ существъ! И всѣ экземпляры явились сходными между собою, какъ двѣ капли воды!!

Неужели это легко понять, а по теоріи выходитъ вѣдь такъ! Необходимо вѣдь такое предположеніе.

Зародились онѣ, первыя существа, въ одно время, или въ теченіи времени, и все таки одинакія?

„Происходить“—это есть такъ же слово очень эластическое, которое въ настоящемъ дѣйствіи вообразить трудно, то есть, трудно представить себѣ актъ происхожденія.

Далѣе—какимъ образомъ происходитъ развитіе формъ, постепенное ихъ усовершенствованіе?

Посредствомъ половаго подбора и вслѣдствіе борьбы за жизнь, за существованіе, говоритъ Дарвинъ.

„Законъ, по которому уничтожаются вредныя особенности, и сохраняются полезныя, называется у Дарвина закономъ естественнаго подбора“.

---

* Писаревъ, т. VI. с. 143.

Дарвину для его системы необходимо вмѣстѣ съ естественнымъ подборомъ предположить борьбу за существованіе. Это есть ея необходимое условіе, безъ котораго она быть не можетъ, уничтожается, падаетъ.

„Законъ постоянной борьбы господствуетъ надъ всѣми животными и растеніями во всякую минуту ихъ существованія“.

„Не трудно понять,“ объясняетъ Писаревъ, „что всего дольше долженъ продолжаться въ борьбѣ тотъ организмъ, который устроенъ всего удобнѣе для борьбы. Это положеніе совершенно очевидно, *и на этомъ* очевидномъ *положеніи основывается* весь прогресъ животныхъ и растеній, *и вся теорія Дарвина*!!“ *

Да вѣдь сначала было только по одному животному, роду, по одному растенію, роду? Съ кѣмъ же имъ было бороться? Съ кѣмъ брачиться?

И зачѣмъ же имъ было бороться, когда имъ на семъ свѣтѣ жить было слишкомъ просторно, — если и теперь, по истеченіи многихъ вашихъ милліоновъ тысящелѣтій, есть еще много порожняго мѣста, и на землѣ, и въ водѣ, — не мало и въ воздухѣ?

Молюсковъ или асцидій почитаетъ Дарвинъ одними изъ(?) первыхъ жителей земнаго шара. Какую же борьбу можно предположить между ними? Да и съ кѣмъ имъ брачиться кромѣ своей братьи? Съ чего произойдетъ новое подготовленіе къ существу втораго высшаго рода?

Изъ первыхъ, грубыхъ существъ, (асцидій, молюсковъ?) должны были посредствомъ браченья и послѣ побѣдоносной борьбы произойдти, съ непримѣтною послѣдовательностію, вторыя существа, съ какими то новыми придатками, повсемѣстно правильными, одинакими.

* ib 1. c. 141.

Ко вторымъ существамъ, произшедшимъ отъ первыхъ, относится тотъ же вопросъ, какой предложенъ о первыхъ: происходятъ ли онѣ единовременно? Точно также третьи, четвертыя и такъ далѣе—до извѣстнаго, или лучше, до неизвѣстнаго звѣря?

Метаморфозы должны были начаться въ множайшихъ мѣстахъ изъ зародившихся существъ, и вездѣ онѣ происходили также одинаково, то есть, какъ первыя существа вездѣ одинаково сплотились и образовались, такъ вездѣ одинаково произошли вторыя существа, такъже начали драку между собой на всѣхъ пунктахъ происхожденія; вездѣ осталисъ принялись лучшія, за браченье, и произвели существа третьяго рода, съ новыми надбавками, дальше и дальше, выше и выше, наконецъ явились такъже вездѣ одинакіе вышеупомянутые звѣри, звѣри-обезьяны, звѣри-люди, люди-гермофродиты, люди-мужчины, люди-женщины, борясь, дерясь и воюя между собою безостановочно! Вотъ это Дарвиновъ міръ!

Почему то или другое животное существо необходимо въ природѣ:—паукъ, носорогъ, колибри, саранча?—Все это вопросы, которые Дарвиномъ пропускаются.

Отъ всякаго животнаго происходятъ какъ будто двойни: такое-то, остающееся на племя, и другое, какъ будто предназначаемое для возвеличенія породы.

А со звѣремъ-прародителемъ произошло особенное чудо: онъ родилъ двойни: обезьяну и человѣка, а самъ пропалъ безъ вѣсти, и вотъ теперь возсозидается только ученымъ воображеніемъ Дарвина.

Какъ это случилось, что самое совершенное животное, ближайшее къ человѣку, перевелось, а его сосѣди, по обѣимъ сторонамъ, обезьяны и люди, благоденствуютъ?

Много такихъ звѣрей произошло въ разныхъ мѣстахъ на земномъ шарѣ, и отъ всѣхъ произошли люди, одинакіе или своеобразные! А сами родители какъ нарочно вездѣ пропали!

Почему же слабѣйшіе изъ двойней всѣхъ нумеровъ не могутъ никогда подняться, остаются заколдованные на вѣки вѣковъ in statu quo, и не достигаютъ никакаго лучшаго браченья?

Почему до происхожденія человѣка должны были произойдти тысячи родовъ животныхъ, милліонъ, X (иксъ), а не двѣ, не три, не У (игрекъ)?

Отъ первыхъ существъ произошли вторыя, отъ вторыхъ третьи, а между тѣмъ первыя остаются, и этимъ твореніемъ разыгрывается какъ бы фуга *.

Почему же онѣ остаются statu quo, на вѣки вѣковъ? То есть: отъ одного сына происходитъ улучшенный внукъ, правнукъ, праправнукъ, а отецъ все еще продолжаетъ вестись въ первоначальномъ своемъ видѣ, при сынахъ, внукахъ, правнукахъ, при всѣхъ потомкахъ?

Не суть ли это новыя искусственныя непостижимости въ дополненіе къ естественнымъ?

Половой подборъ при всякомъ новомъ браченьѣ производитъ въ плодѣ нѣчто новое, чего самъ не имѣетъ. И это новое является вездѣ само собою одинаково! Отъ чего оно возникаетъ, нарождается, развивается? По какимъ законамъ? Слонъ и бабочка, китъ и апельсинъ, левъ и жаворонокъ, человѣкъ и змія,—чтобъ

---

*Я вспомнилъ о фугѣ въ развитіи человѣчества, надъ которой вмѣстѣ съ діагональю смѣялись много во время оно судьи моихъ Историческихъ афоризмовъ, въ 1827 г.

это были братья, сестры, дяди, племянники, внуки и внучки, двоюродныя, троюродныя, одни отъ другихъ происшедшія,— нѣтъ, воля ваша, а это понять и допустить очень трудно!

Былъ, положимъ, одинъ родъ животныхъ, самцевъ и самокъ, отъ ихъ брака понятно рожденіе сына или дочери, съ лучшими органами, но съ тѣми же, а какъ могло произойти новое существо, съ совершѣнно иными особенностями?

Естественный половой подборъ!—Легко намъ теперь съ Берклеемъ и Берджесомъ, построивъ хорошіе хлѣва, заготовивъ вкусное сѣно, и посыпавъ его солью для услажденія вкуса, подбирать барановъ, случать ихъ надосугѣ и производить новые виды; легко Голландскимъ старымъ цвѣтоводамъ разводить всякіе тюльпаны, или нынѣшнимъ охотникамъ усовершенствовать георгины; легко разнообразить породы голубей, и производить новые виды; но произведеніе новыхъ родовъ, столько не сходныхъ между собою, опять таки неудобопонятно, хотя Дарвинъ и приводитъ нѣсколько остроумныхъ примѣровъ съ бѣлками, летучими мышами, медвѣдями.

Какія бы смѣшенныя скрещиванья и браченья ни дѣлали всѣ эти господа, но все таки они произведутъ барановъ, отличающихся между собою шерстью, цвѣтомъ, хвостами, мордами, ростомъ, мясомъ, и только! Все таки это бараны. Тоже сказать можно о георгинахъ, о тюльпанахъ: блѣдные, яркіе, пестрые, съ оттѣнками всѣхъ цвѣтовъ, но все таки это тюльпаны, георгины, а не пальмы, не нарцысы.

Могутъ происходить отмѣны и въ людяхъ отъ помѣсей: мулаты, смуглые, бѣлые, бронзовыя лица, волосы разныхъ цвѣтовъ, кудрявые, шелковистые, щетитистые, но не существа разныя.

Всѣ органы, благодаря тысячелѣтнимъ подборамъ, положимъ, улучшаются; глазъ, ухо, обоняніе, пять чувствъ, но шестаго, седьмаго, чувства не производится. Это почему? Какъ ограничилось ихъ число?

Цѣлесообразность усматривается при многихъ случаяхъ Дарвиномъ,—какъ же онъ объясняетъ вотъ такое совпаденіе: есть медъ на цвѣтахъ, произошло и насѣкомое для собиранія меда, и снабдилось всѣми нужными для того орудіями, и стало мастерицею, съ какой никто сравняться не можетъ? *

А пока не произошла пчела, медъ оставался и пропадалъ на цвѣтахъ милліоны лѣтъ, и цвѣты не терпѣли никакого вреда отъ излишняго отягощенія, и продолжали скрещиваться и брачиться между собою?!

Вотъ червякъ, гусеница, бабочка, вотъ яйцо и цыпленокъ, вотъ икра и рыба,—какіе здѣсь подборы, какія скрещиванья, какія браченья? Испоконъ вѣка, кажется, такъ происходитъ. Но, положимъ, ваша система развитія постепеннаго вѣрна,—а какъ изъ яйца вылупливается цыпленокъ, какъ изъ гусеницы вылетаетъ бабочка, что происходитъ съ тысячами икряныхъ зернышекъ, какъ забьется въ нихъ жизнь,—все это тайны, тайны и тайны!

---

* Я навѣстилъ недавно нашу знаменитую писательницу И С. Соханскую (Кохановская) въ ея уединенномъ прелестномъ хуторкѣ, въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи. По утру мы сидѣли за чаемъ. Вдругъ раздалось на дворѣ: рой прилетѣлъ! и всполохнулось все народонаселеніе? Мы выбѣжали смотрѣть, и увидѣли висящую на деревѣ темную массу... улей! улей! скорѣе! слышался шепотъ вокругъ. Я подумалъ: вотъ какія явленія надо бы наблюдать нашимъ философамъ. Одна жизнь пчелы должна бы заставить ихъ призадуматься, и сдерживаться въ своихъ умничаньяхъ.

Посредствомъ какаго половаго или естественнаго подбора могли пчелы выучиться собирать медъ и воскъ, устроивать ульи, выбирать матку, выгонять трутней, учреждать веселые балы съ танцами? Отъ кого по наслѣдству получили онѣ нужныя орудія, и какія новыя у нихъ прибавились? Какъ узнали о медѣ на цвѣтахъ и вздумали собирать его? и все это произошло въ милліонѣ разныхъ мѣстностей одинаково! Почему никто не перенимаетъ у нихъ ихъ искусство, и не усовершенствуетъ его по своему, а медкомъ полакомиться должны бъ, кажется, найдтиться охотники?

Никакой червякъ, никакой жукъ, не заползетъ къ нимъ въ улей для браченья, скрещиванія видовъ, и никакая бабочка не залетаетъ искать себѣ жениховъ между многочисленными трутнями, которые также, не смотря на бѣдственное свое положеніе между рабочими пчелами, не ищутъ себѣ однако нигдѣ другихъ невѣстъ.

Муравьи дѣлаютъ свое дѣло, и для этого дѣла имѣютъ всѣ нужныя средства и орудія. Никто другой этого дѣла не дѣлаетъ, не можетъ, не умѣетъ, за неимѣніемъ средствъ и орудій;— никого и выучить, никому и передать своего искусства, муравьи не могутъ: почему же бы это такъ?

Подбора нѣтъ въ природѣ: подборъ только бываетъ въ системахъ, и преимущественно проявился въ системѣ Дарвиновой.

По Дарвину все на свѣтѣ основывается на войнѣ. — Нѣтъ войною все распалось бы, истребилось, уничтожилось. Не вражда, не война, а миръ, любовь, созидаютъ и сохраняютъ.*

---

* Немудрено отчаяннымъ или легкомысленнымъ поклонникамъ такой системы возставать, злобствовать на христіанство, которое проповѣдуетъ любовь!

Вся земля есть одно поле сраженія: животныя, растенія, ископаемыя (?), первые люди, (да и послѣдніе, на свою руку охулки не кладутъ), боролись и борятся за свое существованіе? Это условіе ихъ жизни, conditio sine qua non! Какія печальныя картины!

Дарвиновой системѣ нужна борьба, безъ нея она быть не можетъ! Въ Дарвиновомъ мечтаемомъ звѣринцѣ происходитъ вѣчная борьба, а великому Божьему міру нужна не война, а миръ, никому не нужно драться, потому что мѣста для всѣхъ будетъ, просторно до сихъ поръ, а если дерутся англійскіе пѣтухи, такъ что перья вверхъ летятъ, если бодаются испанскіе быки, такъ что кровь льется изъ боковъ, рѣжутся Наполеонъ съ Бисмаркомъ, Прусаки съ Французами, то на это есть ихъ добрая, или лучше ихъ злая воля, безъ которой человѣчеству было бы даже пріятнѣе и полезнѣе обходиться!

Подтвердится, докажется, дополнится, видоизмѣнится, даже преобразуется, Дарвинова система, и законъ развитія, который теперь только мерещится, (скажемъ лучше: законъ аналогіи) мы уразумѣемъ вполнѣ, (чрезъ сколько еще вѣковъ!) но съ этимъ не объяснится вѣдь намъ ни его происхожденіе, ни его сила, ни его степени, не объяснится происхожденіе вещества, занятіе пространства, явленіе жизни: тѣже тайны, тѣже непостижимости, тѣже вопросы безъ отвѣтовъ!

Но довольно о веществѣ, о тѣлѣ, такъ сказать, природы, и въ особенности царства животныхъ, перейдемъ теперь къ умственнымъ, нравственнымъ, духовнымъ способностямъ, къ душѣ: Дарвинъ и ее видитъ въ подобномъ развитіи, отъ низшихъ существъ, по всѣмъ тремъ царствамъ природы, до человѣка, въ полномъ цвѣтѣ его разума.

Здѣсь натяженъ, неточностей, смѣлостей, скачковъ, разумѣется, несравненно болѣе!

Всѣ человѣческія способности Дарвинъ находитъ въ животныхъ. Читая его панегирики, иногда подумаешь: да почему же киты и тюлени до сихъ поръ не составятъ между собою флота, и никогда не вздумаютъ отразить нападенія Ньюфаундлендскихъ промышленниковъ? Почему обезьяны не воспользуются междоусобіями Южно-Американскихъ республикъ, и не завоюютъ себѣ какого нибудь города, гдѣ могли бъ какъ сыры въ маслѣ кататься? Я испугался даже за своихъ муравьевъ,— ихъ мозгъ, говоритъ Дарвинъ, несоставляющій и четверти булавочной головки, „есть одинъ изъ самыхъ удивительныхъ вещественныхъ атомовъ на свѣтѣ: можетъ быть удивительнѣе, чѣмъ мозгъ человѣка.“ Они насыпали множество кучекъ у меня по саду: какъ бы они не учинили между собою стачки, и не перекопали первой дорожки, чтобъ помѣшать моимъ прогулкамъ, въ знакъ благодарности, какъ водится, за мое гостепріимство!

Нѣтъ! люди могутъ оставаться спокойными: они поднимаются выше и выше, изобрѣтаютъ орудія, одно другаго убійственнѣе, а киты все еще допускаютъ себя бить по одиночкѣ, обезьяны не покидаютъ своихъ лѣсовъ, и въ города забѣгать боятся. Пчелы лѣпятъ свои соты искусно, но безъ всякихъ новыхъ узоровъ и орнаментовъ, а мои муравьи копышутся, какъ на другой день по своемъ происхожденіи, лишь бы ихъ не трогали.

Одинъ какой то звѣрь ухитрился произвесть человѣка съ какою то ничтожною по видимому надбавкою способностей, но не можетъ, ни онъ, ни родственныя обезьяны, ни какое либо существо изъ царства животныхъ, ни всѣ онѣ вмѣстѣ, съ разнообразными якобы зародышами всѣхъ способностей, не могутъ не только обороняться отъ человѣка, но не могутъ

сообщить ему какъ нибудь, хоть какими нибудь пантомимами, или звуками, ни своихъ мыслей, ни желаній. Никакія животныя не могутъ стакнуться между собою или произвесть какое нибудь хоть испанское pronuntiamento.

Между людьми, по крайней мѣрѣ, хоть квакеры поняли, что людямъ не за что драться между собою, и что мѣста на свѣтѣ будетъ со всѣхъ, а между животными даже геніальные муравьи все таки дерутся безъ зазрѣнія совѣсти!

Если у животныхъ мудрено допустить новое физическое пріобрѣтеніе, посредствомъ естественнаго подбора, то кольми паче у людей-животныхъ пріобрѣтенія нравственныя, духовныя.

Умственныя способности, по Дарвину, память, любознательность, воображеніе, разсудокъ развивались у человѣка также путемъ естественнаго подбора, какъ и у животныхъ.

А почему у животныхъ остановились? Почему у человѣка не идутъ по наслѣдству?

„Такъ могли“ (т. е. благодаря естественному подбору) „воспитываться, и дѣйствительно воспитывались, въ теченіи вѣковъ и тысячелѣтій, всѣ органы и всѣ способности всѣхъ организмовъ.“ *

Воспитываться,— пожалуй, а зародиться-то, повторяю, какъ они могли?

„Основаніе материнской любви у женщинъ и самокъ тожественны.“**

Пожалуй,—но что вы скажете объ ея продолжительности, объ осмысленности?

Такихъ тождествъ можно найдти множество: дитя плачетъ, собака ласкается, щенокъ визжитъ и т. д.

---

* Д. II с. 144. ** Д. I с. 39.

Дарвинъ очень часто повторяетъ: такъ было бы съ тѣмъ или другимъ животнымъ, еслибъ способность его развилася,— но въ томъ то и дѣло, что она не могла развиться, и что въ этой то возможности развиваться и заключается одна изъ особенностей человѣка!

Дарвинъ собираетъ дань со всего царства животныхъ, чтобъ показать у него существованіе человѣческихъ способностей.... да, онѣ разсыпаны по крошкамъ, что давно уже замѣчено,—но совокупность ихъ, осмысленность, способность совершенствоваться, принадлежитъ человѣку, и только человѣку, или, вѣрнѣе, составляютъ человѣка, въ противоположность всему царству животныхъ.

Самая крошка, кому какая досталась, такъ у него и остается, безъ малѣйшаго улучшенія. Попадутся онѣ къ человѣку, ну, онъ и выучитъ слона, медвѣдя, обезьяну, попугая, скворца дѣлать то или другое, двигаться по тому или другому звуку,—и только! *).

---

*) Вотъ сей часъ, какъ нарочно, читаю я объявленіе въ газетахъ о бенефисѣ ученой собаки Фриды въ звѣринцѣ г. Гейденрейха. Выпишу это объявленіе, въ дополненіе къ замѣчаніямъ о способностяхъ животныхъ, — подъ волшебнымъ жезломъ человѣка:

„Бенефисъ ученой собаки Фриды. Почтеннѣйшая публика извѣщается, что находящіяся въ звѣринцѣ М. Гейденрейхъ дрессированныя собаки: Фрида, Шнапсель и Лидія, въ субботу 19 Августа, въ теченіи цѣлаго дня будутъ давать представленія особаго рода, вновь заученныя, такъ напримѣръ, Фрида будетъ читать по русски, угадывать тѣ предметы, которые будутъ у гг. посѣтителей; за тѣмъ она будетъ пѣть арію изъ итальянской оперы и сыграетъ на фортепіано увертюру. По случаю бенефиса собачки Фриды, въ этотъ день дрессированный слонъ Боско дастъ представленія совершенно въ новомъ родѣ: слонъ будетъ вытаскивать мелкія монеты изъ воды, и наконецъ какъ паяцъ будетъ стоять на головѣ; онъ же Боско будетъ давать африканскій обѣдъ, за которымъ ему будетъ прислуживать ученая обезьяна. Бенефиціантка надѣется, что почтеннѣйшая публика не оставитъ ея бенефисъ безъ многочисленнаго посѣщенія!!

Въ обращикъ, какъ натягиваетъ Дарвинъ единство, тождество, царства животныхъ съ родомъ человѣческимъ, приведемъ въ примѣръ замѣчаніе его о микроцефалическихъ идіотахъ съ задержаннымъ развитіемъ мозга: „Они постоянно скачутъ, прыгаютъ и дѣлаютъ гримасы. Они часто взѣзжаютъ на лѣстницу на четвереньках, и очень любятъ лазать по мебели и деревьямъ. При этомъ невольно приходитъ на память страсть почти всѣхъ мальчиковъ лазать на деревья; а это въ свою очередь напоминаетъ, какъ любятъ овцы и козы, по происхожденію горныя животныя, взлѣзать на холмы, хотя бы и не высокіе.“*

Это сближеніе очень остроумно, но нельзя не замѣтить, что если мальчики любятъ лазать по деревьямъ, то любятъ также и кататься съ горъ.

Ужъ гораздо бы лучше и вѣроподобнѣе принять вамъ послѣднія Европейскія войны съ усовершенствованными орудіями за зачаточные остатки звѣриныхъ инстиктовъ вашихъ человѣческихъ прародителей!

Но всего разительнѣе, отвратительнѣе, и вмѣстѣ всего поучительнѣе, до чего систематикъ, даже честный и искренній, можетъ заблуждаться, или невидяще—видѣть, выпишу сполна параграфъ Дарвина о религіи, которой задатки онъ видитъ въ животныхъ: „Религіозное поклоненіе чрезвычайно сложное чувство, состоящее изъ любви, полной покорности, страха и уваженія, благодарности, надежды на будущее, и можетъ быть еще изъ другихъ элементовъ. Никакое существо не могло бы испытывать такого сложнаго чувства, пока оно не возвысилось до довольно значительной степени въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Мы видимъ впрочемъ нѣкоторое отдаленное сходство съ этимъ состояніемъ

* Д. I. с. 133.

ума въ привязанности собаки къ своему хозяину, этой горячей любви, соединенной съ полной покорностью, нѣкоторой боязнею и, можетъ быть, еще съ другими чувствами. Пріемы собаки, возвращающейся къ хозяину, послѣ долгой разлуки,— и я могу прибавить пріемы обезьяны относительно любимаго ею сторожа,—совершенно отличны отъ пріемовъ этихъ же животныхъ при встрѣчѣ съ своими товарищами. Въ послѣднемъ случаѣ радость не такъ сильна и чувство равенства выражено въ каждомъ дѣйствіи. Проф. Браубахъ утверждаетъ даже, что собака смотритъ на хозяина, какъ на Бога.“*

Далѣе этого простираться, кажется, не можетъ ослѣпленіе человѣческое!

Осмѣливаюсь сдѣлать заключеніе.

Система Дарвина есть примѣчательное, важное явленіе въ Исторіи науки, которой, принесетъ она пользу, посредственно и непосредственно; посредственно, вызывая возраженія и содѣйствія укрѣпленію другихъ возрѣній; непосредственно,—доставляя свои наблюденія и замѣчанія, поступающія въ общую сокровищницу.

Дарвинъ видитъ въ природѣ постепенность развитія. Другіе видятъ на всѣхъ произведеніяхъ единовременный законъ аналогіи.

Это было извѣстно издавна, и въ этомъ смыслѣ всегда говорилось, что человѣкъ есть вѣнецъ творенія, существо совершеннѣйшее. У Шеллинга и Окена, въ такъ называемой Натуральной философіи, это понятіе развито съ отвлеченной точки зрѣнія, и подтверждено показаніями Естественной Исторіи.

---

* Д. I. с. 71.

Въ этомъ отношеніи самъ Дарвинъ оказалъ, можетъ быть, великую услугу наукѣ о природѣ, подмѣтивъ и подобравъ наибольшее количество этихъ аналогій.

Окенову систему Натуральной философіи можно ими много дополнить или иллюстрировать.

Не господствуетъ ли повсюду законъ аналогіи? Галль узнаетъ способности человѣческія судя по черепу, Лафатеръ по физіономіи, и хиромантикъ по рукѣ.

Сюда относятся, можетъ быть, и всѣ древнія гаданія по полету птицъ и по внутренностямъ животныхъ, равно какъ и новыя гаданія разныхъ родовъ.

Припоминаются мнѣ стихи Хераскова, подписанные подъ какою-то картинкою при Русскомъ переводѣ Эккартсгаузеновыхъ Важнѣйшихъ гіероглифовъ для человѣческаго сердца:

И что по смерти людямъ сулятъ небеса,
То видятъ на землѣ премудрыхъ очеса.

Не мѣшаетъ припомнить и о томъ многомъ, о чемъ не грезится нашей философіи, и что замѣтилъ недюжинный наблюдатель природы и человѣка, Шекспиръ.

Въ нашей книжкѣ сообщено нѣсколько событій особаго рода: какъ объяснитъ ихъ Дарвинова философія?

Если Дарвинъ пролилъ много свѣта для изученія природы своими наблюденіями, то нельзя не сознаться, что онъ сгустилъ также и тьму надъ многими важными для человѣка вопросами.

Въ утѣшеніе можно сказать развѣ то, что эта тьма, разсѣянная, возвыситъ цѣну свѣта!

А какое отношеніе имѣетъ эта система съ милліонами тысячелѣтій ко мнѣ, къ человѣку, къ индивидууму? Для меня всего вѣдь важнѣе я, даже и по ея торжественному заявленію, что „полнѣйшій эгоизмъ составляетъ основный законъ жизни для всего органическаго міра.“*

Я, говоритъ человѣкъ, хочу быть доволенъ, покоенъ, счастливъ. Доставляетъ ли ваша система ему удовольствіе, спокойствіе, счастіе? Указываетъ ли новые пути къ блаженству.

Такіе вопросы смѣшны въ отношеніи къ системѣ Дарвина. Она имѣетъ значеніе въ исторіи науки, можетъ содѣйствовать къ объясненію явленій, какъ всякая другая наука, Физика, Филологія, Исторія. Но надо быть такимъ увлекающимся юношей, какъ покойный Писаревъ и ему подобные, чтобы увидѣть здѣсь крайніе предѣлы человѣческаго вѣдѣнія, и произнести почти проклятіе всѣмъ прочимъ знаніямъ, заняться мухами и лягушками, и пренебречь, напримѣръ, историческими нравственными дѣятелями человѣчества! Всѣ науки сестры, и Исторія человѣческаго рода заслуживаетъ вниманіе не менѣе Естественной Исторіи. Лягушками заниматься похвально, но бѣда, если изъ за лягушекъ потеряется способность восхищаться природою, искусствомъ, человѣческими достоинствами, и если весь Божій міръ сосредоточится для созерцанія въ болотѣ.

Мы замѣтили выше, какую печальную картину, даже и не для Стерна, представляетъ Дарвинова система, которая видитъ на всемъ земномъ шарѣ только поле сраженія, которая для всего органическаго міра условіемъ жизни считаетъ

* Д. 1, с. 147.

войну, которая силѣ предоставляетъ право *), и побѣдою оправдываетъ всѣ средства.

Положимъ, это относится у васъ собственно къ царству растеній и животныхъ, но вы вѣдь обобщаете свои замѣчанія, говоря, что въ мірѣ человѣческомъ господствуютъ тѣ же отысканные вами законы борьбы, въ чемъ помогаетъ вамъ отчасти и Бокль?

Если образъ борьбы совершенствуется между животными, скажутъ шутники, то кольми паче она должна утончаться и облагораживаться между людьми, что впрочемъ происходитъ и въ самомъ дѣлѣ. Шулеры и жулики явятся прогрессистами и настоящими дѣятелями человѣчества. Отсюда неумолимой логикѣ легко оправдать всѣ преступленія требованіями побѣды, и слѣдствіями борьбы за жизнь.

Странно, что наши рьяные адвокаты не воспользуются до сихъ поръ такимъ сильнымъ аргументомъ. Но они уже на пути! А въ концѣ концевъ недалеко дойти до такихъ положеній, что по послѣднему слову науки не только собственность есть кража, но что добродѣтель вообще есть уклоненіе отъ общихъ мировыхъ законовъ, а порокъ есть достоинство; что любовь есть безуміе, а ненависть и злоба высшее проявленіе ума, или воли!

Это шутки, но и безъ шутокъ изъ системы, подобной системѣ Дарвиновой, невѣжи, негодяи, люди злонамѣренные, могутъ выводить слѣдствія, въ высшей степени вредныя для общества.

---

*) Не могу не припомнить, какъ во время оно, слова Бѣлинскаго, (неимѣвшаго впрочемъ никакихъ ясныхъ и твердыхъ понятій ни о какихъ системахъ), за Турокъ противъ Славянъ «гдѣ сила, тамъ и право,» или что то въ этомъ родѣ, возмутили насъ всѣхъ и привели въ негодованіе!

Чтобъ пояснить для читателей наши сужденія о системѣ Дарвиновой, и представить ее подлинными словами автора, мы сообщимъ теперь нѣсколько выписокъ изъ его сочиненія, относящихся къ главнымъ положеніямъ, нами выше разобраннымъ. Читатели увидятъ, что мы не приписывали Дарвину ни единой мысли, ни единаго выраженія, безъ достаточнаго основанія.

I. О состояніи первоначальнаго человѣка.

„Древніе родоначальники человѣка были безъ всякаго сомнѣнія покрыты нѣкогда волосами, и оба пола имѣли бороды; ихъ уши были заострены и подвижны, а тѣло снабжено хвостомъ съ принадлежащими къ нему мышцами; ихъ конечности и туловище были приводимы въ движеніе многими мышцами, которыя появляются лишь случайно у теперешняго человѣка, но составляютъ нормальное явленіе у четырерукихъ. Главная артерія и нервъ плеча проходили черезъ надмыщелковое отверстіе. Въ этотъ, или еще болѣе ранній періодъ кишки образовывали еще большій слѣпой мѣшокъ, coekum, чѣмъ существующій теперь у человѣка. Нога, судя по формѣ большаго пальца у зародыша, была въ это время хватательнымъ орудіемъ; наши предки были безъ всякаго сомнѣнія древесными животными, и населяли какую нибудь теплую лѣсистую страну. Самцы имѣли большіе клыки, которые служили имъ грознымъ оружіемъ.“ [1]

„Человѣкъ *не имѣетъ* достаточнаго *права* учреждать особый отрядъ для помѣщенія въ немъ самаго себя, [2] но онъ,

---

[1] Д. 1, с. 233.

[2] Вотъ какъ! Даже и не особенное, не отличное существо, есть человѣкъ.

быть можетъ, [1] имѣетъ право на мѣсто въ особомъ подъ-отрядѣ или семействѣ. Профессоръ Гексли въ своемъ послѣднемъ сочиненіи дѣлитъ приматовъ на три подъ отряда, именно, anthropidae, въ которомъ стоитъ одинъ человѣкъ, simiadae, заключающемъ обезьянъ всѣхъ видовъ, и lemuridae, въ которомъ соединены различные роды лемуровъ. На сколько вопросъ касается различій въ нѣкоторыхъ важныхъ чертахъ строенія, человѣкъ можетъ съ полной справедливостью требовать себѣ мѣста въ особомъ подъ-отрядѣ,—это мѣсто окажется даже слишкомъ низкимъ, [2] если главное вниманіе будетъ обращено на умственныя способности человѣка. Но съ генеалогической точки зрѣнія приходится сознаться, что и это мѣсто слишкомъ высоко, [3] и что человѣкъ долженъ былъ бы составлять лишь особое семейство, а можетъ быть даже только подсемейство.“ [4]

„Что касается до формы тѣла или силы, то мы не знаемъ, произошелъ ли человѣкъ отъ какаго нибудь сравнительно малаго вида обезьянъ, въ родѣ чимпанзе, или отъ такого мощнаго, какъ горилла; по этому и не можемъ сказать, сталъ ли человѣкъ больше и сильнѣе, или наоборотъ меньше и слабѣе своихъ прародителей. При этомъ нужно однако имѣть въ виду, что животное, обладающее большимъ ростомъ, силой и дикостью, и способное, подобно гориллѣ, защищаться отъ всѣхъ враговъ, едвали, хотя это и не есть

---

[1] Изъ милости дается ему мѣсто въ особомъ хоть под-отрядѣ или семействѣ животныхъ! По тѣмъ или другимъ частностямъ, пожалуй, но посовокупности то ихъ, неужели онъ радикально не отличается отъ всѣхъ существъ въ мірѣ?

[2] Ага!

[3] Милость не надолго!

[4] Д. 1. 219. Это тотъ человѣкъ, которому змѣй говорилъ: боги будете.

необходимость,—сдѣлается общественнымъ; это же обстоятельство всего болѣе помѣшало бы развитію у человѣка его высшихъ духовныхъ способностей, какъ напр. симпатіи и любви къ ближнимъ. По этому для человѣка *было бы безконечно выгоднье* произойти отъ какой нибудь сравнительно слабой формы. [1]

„Еслиже допустить, что прародители человѣка были гораздо болѣе безпомощны и беззащитны, чѣмъ существующіе теперь дикіе, то и тогда они не подвергались особенной опасности, въ случаѣ если бы жили на какомъ нибудь теплomъ материкѣ или на большомъ островѣ, [2] въ родѣ Австраліи, или Новой Гвинеи, или Борнео (послѣдній островъ населенъ теперь орангами). На пространствѣ, равняющемся поверхности одного изъ этихъ острововъ, соревнованія между племенами было достаточно (!?), чтобы поднять, при благопріятныхъ условіяхъ, человѣка до его настоящаго высокаго положенія въ ряду органическихъ существъ, при посредствѣ начала переживанія наиболѣе приспособленныхъ индивидуумовъ вмѣстѣ съ унаслѣдствованнымъ дѣйствіемъ привычки. [3]

„Ежели можно сомнѣваться, что человѣкъ произошелъ отъ обезьянъ стараго свѣта, и что съ геологической точки зрѣнія онъ долженъ быть отнесенъ къ отдѣлу узконосыхъ.“ [4]

„Если даже допустить, что человѣкообразныя обезьяны составляютъ естественную подъ-группу, то на основаніи

[1] Д. 1.174. Премудрость ошиблась!

[2] Чтоже—въ одномъ только мѣстѣ произошелъ человѣкъ, или въ нѣсколькихъ, и вездѣ произошли одинакія явленія!

[3] Д. 1. 175. [4] Д.1. 221.

сходствъ между ними и человѣкомъ, не только по признакамъ, которые онъ раздѣляетъ со всей узконосой группой, но и по другимъ, напр. по отсутствію хвоста, сѣдалищныхъ мозолей и по общему виду, мы имѣемъ право предположить, что нашимъ родоначальникомъ былъ какой нибудь древній членъ человѣкообразной подъ-группы. Мало вѣроятія, чтобы одинъ членъ какой либо изъ другихъ низшихъ подъ-группъ могъ посредствомъ аналогичныхъ измѣненій дать начало человѣкообразному существу, сходному въ столь многихъ отношеніяхъ съ человѣкообразными обезьянами. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ пережилъ *громадное количество видоизмѣненій*, сравнительно съ большинствомъ своихъ родичей, какъ видно изъ значительнаго развитія его мозга, и стоячаго положенія. Тѣмъ не менѣе мы должны помнить, что онъ представляетъ лишь одну изъ нѣсколькихъ исключительныхъ формъ „приматовъ.“ [1]

„У людей нѣкоторыя изъ худшихъ свойствъ, проявляющіяся иногда въ семьяхъ безъ всякихъ понятныхъ причинъ, представляютъ, можетъ быть, случаи возврата къ дикому состоянію, отъ котораго мы не удалены слишкомъ большимъ числомъ поколѣній. Этотъ взглядъ, повидимому, лежитъ въ основѣ Англійскаго названія для такихъ выродковъ изъ семьи black scheeps.“ [2]

„Причина, почему относительно нѣкоторыхъ признаковъ древнія расы приближаются къ низшимъ животнымъ чаще, чѣмъ новѣйшія, заключается въ томъ, что послѣднія стоятъ въ длинной родословной линіи нѣсколько дальше отъ своихъ древнихъ получеловѣческихъ прародителей.“ [3]

---

[1] Д. 1. 222. [2] Д. 1. 149. [3] Д. 1. 138.

„Наши древніе получеловѣческіе прародители не убивали дѣтей потому, что инстинкты низшихъ животныхъ никогда не бываютъ такъ извращены, чтобы привести ихъ къ систематическому уничтоженію своего собственнаго потомства. [1] Тогда не было разумнаго ограниченія браковъ, [2] и оба пола соединялись свободно въ раннемъ возрастѣ.“ [3]

„Человѣкъ одинъ остался двуногимъ; и мы можемъ, я думаю, отчасти понять, какимъ образомъ онъ дошелъ до вертикальнаго положенія, составляющаго одно изъ наиболѣе рѣзкихъ отличій его отъ ближайшихъ родственниковъ. Человѣкъ не могъ достигнуть своего настоящаго преобладающаго положенія въ свѣтѣ безъ рукъ, которыя такъ удивительно приспособлены къ дѣйствіямъ, по указанію воли. Серъ Ч. Бель говоритъ: „рука замѣняетъ человѣку всѣ инструменты, и, при совмѣстномъ дѣйствіи съ разумомъ, [4] даетъ ему всемірное господство.“ Однако руки едвали-бы могли усовершенствоваться на столько, чтобы выдѣлывать оружіе, или метать камни и копья вѣрно въ цѣль, пока ими пользовались для передвиженій и для поддержанія всего вѣса тѣла, или пока онѣ спеціально были приспособлены къ лазанію по деревьямъ.“ [5]

---

[1] Вотъ и животныя берутъ нравственное преимущество передъ людьми: животныя не истребляютъ своихъ дѣтей, а люди истребляютъ!

Да отъ чего же высшія животныя такъ отстали отъ низшихъ, и въ такомъ важномъ случаѣ жизни?

[2] Ну-не Англичанинъ ли говоритъ это, который вмѣстѣ съ другими двумя высоко-образованными учеными, Мальтусомъ и Милемъ, никакъ не могутъ понять, что помѣху естественной потребности человѣка нельзя оправдывать никакими парадоксами, основанными на неестественномъ изуродованіи человѣка его цивилизаціей.

Хороша съ этой стороны и цивилизація, хороша и наука!

[3] Д. с. 140.

[4] «При совмѣстномъ дѣйствіи»? Да безъ разума—то что она можетъ сдѣлать?

[5] Д. 1. с. 156.

„Если человѣку выгодно имѣть руки свободными и стоять твердо на ногахъ, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, при его выдающихся успѣхахъ въ жизненной борьбѣ, то я не вижу причины, почему бы не было выгодно для прародителей человѣка принимать болѣе вертикальное положеніе и дѣлаться двуногими.“ [1]

II. О постепенномъ развитіи царства животныхъ, или о генеологіи человѣка.

„При попыткахъ прослѣдить генеалогію млекопитающихъ, а слѣдовательно и человѣка, спускаясь все ниже по ступенямъ животнаго царства, мы погружаемся въ болѣе и болѣе темныя области науки.— Каждый послѣдователь теоріи постепеннаго развитія согласится, что главные пять классовъ позвоночныхъ, именно млекопитающія, птицы, пресмыкающіяся, земноводныя и рыбы—всѣ произошли отъ однаго первоначальнаго типа, такъ какъ у всѣхъ ихъ много общаго, въ особенности въ зародышевомъ состояніи. Такъ какъ классъ рыбъ представляетъ самую низшую степень организаціи, и появился раньше другихъ, то мы можемъ заключить, что всѣ члены позвоночнаго царства произошли отъ какого либо рыбообразнаго животнаго, организованнаго ниже всѣхъ во всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ низкихъ формахъ рыбъ.“ [2]

„Въ чрезвычайно отдаленный періодъ времени существовала группа животныхъ, сходныхъ во многихъ отношеніяхъ, съ личинками теперешнихъ асцидій, раздѣлившаяся на двѣ

---

[1] Д. l. c. 158. [2] Д. 1. c. 229.

большія вѣтви, изъ которыхъ одна понизилась въ развитіи и образовала теперешній классъ асцидій, другая же поднялась до высшей ступени животнаго царства, давъ начало позвоночнымъ.“ [1]

„Три скрытныхъ хвостовые позвонка у (Macacus inornatus), совершенно соотвѣтствуютъ четыремъ сросшимся позвонкамъ человѣческой копчиковой кости.“ [2]

„Скоро придетъ время, (??) когда всѣмъ покажется непостижимымъ, какъ натуралисты, знакомые съ сравнительной анатоміей и эмбріологіей человѣка и другихъ млекопитающихъ, могли допустить мысль, что каждое животное было произведеніемъ отдѣльнаго акта творенія.“ [3]

„Когда въ отдаленную эпоху прародители человѣка находились въ переходномъ состояніи, и измѣнялись изъ четвероногихъ животныхъ въ двуногихъ, наслѣдственныя вліянія усиленнаго или ослабленнаго упражненія различныхъ частей тѣла много помогало дѣйствію естественнаго подбора.“ [4]

„Самые древніе родоначальники царства позвоночныхъ, о которыхъ мы можемъ составить себѣ хоть не ясное представленіе, были очевидно морскими животными съ личинками живущихъ теперь асцидій. Изъ этихъ животныхъ развилась, повидимому, группа рыбъ, организованныхъ такъ же низко, какъ ланцетникъ; изъ послѣдней же твердочешуйныя и другія рыбы, подобныя чешуйчатнику. Незначительный шагъ впередъ приводитъ насъ отъ этихъ рыбъ къ

---

[1] Д. 1. с. 232. [2] Д. 1. с. 168. [3] Д. 1. с. 30. [4] Д. 1. с. 133.

земноводнымъ... Птицы и пресмыкающіеся были нѣкогда близко соединены между собою, а птицезвѣри представляютъ теперь въ слабой степени соединительное звено между млекопитающими съ пресмыкающимися. Тѣмъ неменѣе никто не можетъ сказать въ настоящее время, по какой родословной линіи три высшіе и родственные класса, именно млекопитающія, птицы и пресмыкающіяся, произошли отъ того или другаго изъ низшихъ позвоночныхъ классовъ, т. е. земноводныхъ и рыбъ. Въ классѣ млекопитающихъ не трудно представить себѣ степени, ведущія отъ древнихъ птицезвѣрей къ древнимъ сумчатымъ, и отъ этихъ къ древнимъ предкамъ живородящихъ млекопитающихъ. Мы можемъ подняться такимъ образомъ до лемурныхъ, а отъ послѣднихъ уже не великъ промежутокъ до обезьянъ. Обезьяны раздѣлились съ теченіемъ времени на двѣ большія вѣтви: обезьянъ Стараго и Новаго свѣта. Отъ послѣднихъ же произошелъ въ отдаленный періодъ времени человѣкъ, чудо и слава міра.“ [1]

III. Объ умственныхъ способностяхъ человѣка.

„Можно ясно доказать, что основной разницы въ общемъ характерѣ умственнаго склада между человѣкомъ и животными не существуетъ.“ [2]

„Для того, чтобы первичные люди, или обезьянообразные родоначальники человѣка сдѣлались общественными, они должны были *пріобрѣсти* тѣ же инстинктивныя чувства, кото-

[1] Д 1. с. 239 Нельзя не сознаться, что Дарвинова система наноситъ жестокой ударъ понятіямъ объ аристократіи.

[2] Д. 1. с. 32.

рыя побуждаютъ *другихъ животныхъ* жить, какъ одно цѣлое, и, безъ сомнѣнія, обладать тѣми-же общими наклонностями. Они должны были чувствовать скуку вдали отъ своихъ товарищей, къ которымъ имѣли извѣстную долю любви; должны были предупреждать другъ друга объ опасности, и помогать одинъ другому при нападеніи и оборонѣ. Все это предполагаетъ извѣстную степень сочувствія, вѣрности и храбрости. Такія общественныя качества, громадную важность которыхъ никто не оспариваетъ для низшихъ животныхъ, были безъ сомнѣнія *пріобрѣтены* родоначальниками человѣка аналогичнымъ образомъ, т е. *путемъ естественнаго подбора*, вмѣстѣ съ наслѣдственной привычкой." [1]

„Человѣкъ измѣняется и физически и умственно, и измѣненія происходятъ прямо или косвенно, отъ тѣхъ-же самыхъ общихъ причинъ, и по тѣмъ-же самымъ фактамъ, какъ и у низшихъ животныхъ. Человѣкъ распространился далеко по поверхности земли, и, впродолженіи своихъ переселеній, долженъ былъ подвергаться весьма разнообразнымъ условіямъ." [2]

„Во всѣ времена и на всей землѣ одна раса вытѣсняла другую; а такъ какъ нравственность [3] составляетъ одинъ изъ элементовъ успѣха, то ясно, что уровень нравственности и число одаренныхъ людей *должны* постоянно стремиться къ увеличенію и распространенію." [4]

---

[1] Д. 1 с. 180.

[2] А сохранилъ вездѣ единство и тождество своего существа!

[3] Хороша нравственность, или хоть способности нравственныя хороши, которыя стремятся бить, истреблять, вытѣснять, и возлегать на упраздненныя мѣста, наслаждаться плодами побѣды! Касательно животныхъ такъ и быть! А къ человѣку-то какъ примѣнить эту обязанность? Нѣтъ, видно человѣческія и животныя способности и обязанности—различны, и законы неорганической и органической природы нельзя прилагать къ человѣческой.

[4] Д. 1. с. 185.

„Эти разнообразныя открытія, которыми человѣкъ такъ выдался, будучи еще въ самомъ грубомъ состояніи, суть прямыя послѣдствія развитія его наблюдательной способности, памяти, любознанія, воображенія и разсудка.“ [1]

„Поэтому я не могу понять, какъ можетъ м-ръ Уоллесъ утверждать, что путемъ естественнаго подбора человѣкъ могъ лишь пріобрѣсти мозгъ нѣсколько выше развитый, чѣмъ у обезьяны.“ [2]

„Умственныя и нравственныя способности измѣнчивы, и мы имѣемъ полное право думать, что измѣненія способны наслѣдоваться. По этому, если онѣ были вначалѣ очень важны для первобытнаго человѣка и его обезьянообразныхъ прародителей, то совершенствовались и развивались подъ вліяніемъ естественнаго подбора. Сомнѣваться въ великомъ значеніи умственныхъ способностей невозможно, потому что человѣкъ обязанъ главнѣйшимъ образомъ имъ своимъ высокимъ положеніемъ въ мірѣ.“ [3]

„Современный человѣкъ даже въ самомъ грубомъ состояніи есть все-таки самое могущественное животное, какое когда-либо появлялось на землѣ. Онъ распространился дальше всѣхъ другихъ высоко-организованныхъ существъ, и всѣ другія отступили передъ нимъ. Очевидно онъ обязанъ этимъ неизмѣримому превосходству своихъ умственныхъ способностей, физическому строенію и общественнымъ инстинктамъ,

---

[1] Д. 1. с. 150. [2] Д. 1. с. 152.

[3] Д. 1. с. 177 „Невозможно“,—да кто-же можетъ думать о возможности? Не ясенъ-ли здѣсь систематикъ, зоологъ, который смотритъ на вещь съ одной ея стороны?

которые научили его помогать своимъ товарищамъ и защищать ихъ. *Высокое значеніе этихъ свойствъ высказалось въ окончательномъ результатѣ борьбы за существованіе.* [1] Благодаря умственнымъ способностямъ, у него развилась членораздѣльная *рѣчь*, [2] а отъ нея главнымъ образомъ зависѣло его удивительное развитіе. Онъ изобрѣлъ и умѣетъ употреблять въ дѣло различное оружіе, снаряды, западни и пр., которыми онъ защищаетъ себя, убиваетъ или ловитъ добычу, и вообще добываетъ себѣ пищу. Онъ строитъ себѣ плоты и лодки, чтобы ловить рыбу или переѣзжать на сосѣднія плодоносные острова. Онъ открылъ искусство добывать огонь, при помощи котораго твердые, деревянистые корни можно сдѣлать удобоваримыми, а ядовитые корни и травы безвредными. Это послѣднее открытіе, вѣроятно, самое великое изъ всѣхъ, за исключеніемъ рѣчи, [3] сдѣлано еще до историческихъ временъ.

„М-ръ Уоллесъ доказываетъ, что послѣ того, какъ человѣкъ отчасти усвоилъ себѣ тѣ умственныя и нравственныя способности, которыя отличаютъ его отъ низшихъ животныхъ, онъ былъ мало способенъ къ измѣненіямъ своего физическаго строенія, посредствомъ естественнаго подбора или другими какими-либо способностями, [4] потому что, въ силу

---

[1] Вотъ гдѣ окончательное доказательство—не въ Мадоннѣ Рафаэлевой, не въ Софокловой трагедіи, не въ сочиненіи Ѳомы Кемпійскаго! Это только степени, не качества!

[2] И членораздѣльной рѣчи зародышемъ должно считать мычаніе коровы, кудахтанье курицы, крикъ индѣйскаго пѣтуха, ну и пѣніе соловья.—Боже мой, неужели въ самомъ дѣлѣ это все одно и тоже, различающееся между собою только по степени!!

[3] Открытіе высѣкать огонь—можно приравнивать къ открытію (!) языка!

[4] Вотъ еще примѣръ натяжки! Физическое измѣненіе не нужно для системы, такъ его и по боку; нравственное нужно—ну и подбираются доказательства.

своихъ умственныхъ дарованій, человѣкъ способенъ „поддерживать гармонію между неизмѣняющимся тѣломъ и измѣняющейся вселенною.“ [1]

„Очень вѣроятно, что у людей умственныя способности постепенно совершенствовались путемъ естественнаго подбора; этого заключенія достаточно для нашихъ цѣлей. Безъ сомнѣнія, было-бы очень важно прослѣдить развитіе каждой способности въ отдѣльности, начиная отъ состоянія, въ которомъ она находится у низшихъ животныхъ, и кончая состояніемъ ея у человѣка; но у меня не достаетъ ни умѣнья, ни знанія, чтобъ взяться за это“ [2]

„Если я ошибся, придавая естественному подбору большое значеніе, чего я однако не думаю, или преувеличивъ его значеніе, что въ самомъ дѣлѣ имѣетъ вѣроятность, [3] то по крайней мѣрѣ я оказалъ, надѣюсь, услужу тѣмъ, что способствовалъ ниспроверженію догмата объ отдѣльныхъ твореніяхъ.“ [4]

„Мы знаемъ (?) теперь, благодаря удивительнымъ трудамъ м-ра Гольтона, что геній, представляющій удивительно-сложное сочетаніе высокихъ способностей, имѣетъ наклонность къ наслѣдственности. [5] Съ другой стороны, слишкомъ хорошо извѣстно, что помѣшательство и ограниченность умственныхъ способностей подобнымъ же образомъ держатся въ однихъ и тѣхъ-же семействахъ.“ [6]

---

[1] Д. 1, с. 176. [2] Д. 1, с. 179.

[3] Нельзя не замѣтить этихъ словъ въ доказательство скромности и искренности Дарвина.

[4] Д. 1, с. 170. Судъ объ этихъ доказательствахъ впереди: можетъ быть это только шагъ, въ смыслѣ пособія, къ уразумѣнію догната.

[5] Русская Исторія представляетъ совершенно противоположныя явленія.

[6] Д. 1, с. 121.

„Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ огромная разница между умомъ самаго низкаго человѣка и самаго высшаго животнаго. Если-бы человѣко-образная обезьяна могла имѣть безпристрастный взглядъ на счетъ самой себя, она-бы допустила, что, хотя она умѣетъ составить планъ грабежа сада, знаетъ употребленіе камней для драки или разбиванія орѣховъ, мысль объ устройствѣ изъ камня инструмента далеко выше ея силъ. Она-бы допустила, что она еще менѣе могла-бы слѣдить за ходомъ метафизическихъ разсужденій или разрѣшить математическую задачу, или размышлять о Богѣ, или восхищаться величавой картиной природы. Впрочемъ нѣкоторыя обезьяны вѣроятно объявили бы, что способны восхищаться, и въ самомъ дѣлѣ восхищаются красотой цвѣтной кожи и шерсти своихъ брачныхъ товарищей. Онѣ бы допустили, что, хотя онѣ способны дать другимъ обезьянамъ понять нѣкоторыя изъ своихъ ощущеній и простыхъ нуждъ посредствомъ криковъ, имъ никогда не приходила въ голову мысль о выраженіи опредѣленныхъ понятій опредѣленными словами. Онѣ могли бы утверждать, что готовы помогать другимъ обезьянамъ одного съ ними племени на разные лады, рисковать за нихъ своею жизнью и заботиться объ ихъ сиротахъ, но должны были бы признаться, что безкорыстная любовь ко всѣмъ живымъ существамъ, благороднѣйшее свойство человѣка, далеко выше ихъ понятія.“.[1]

[1] Д. 1 с. 114. Отдаемъ полную справедливость такому безпристрастію мнимой обезьяны, но человѣкъ-то, ученый человѣкъ, какъ можетъ съ такимъ презрѣніемъ смотрѣть на свои божественныя способности, и видѣть въ нихъ только случайное слѣдствіе какого-то естественнаго подбора! Не стыдно-ли ему передъ его обезьяною?

„Какъ бы ни было велико умственное различіе между человѣкомъ и высшими животными, оно состоитъ только въ степени, а не въ качествѣ.“ [1]

„Едвали можно сомнѣваться, что человѣкоподобное животное, владѣвшее настолько искусною рукою, чтобы бросать вѣрно камни или дѣлать изъ кремня грубое оружіе, могло, насколько дѣло состоитъ въ механической ловкости, дѣлать, при достаточномъ упражненіи, почти тоже самое, что и цивилизованный человѣкъ. Устройство руки, въ этомъ отношеніи, можно сравнить съ устройствомъ голосовыхъ органовъ, которые у обезьянъ употребляются или для различныхъ сигнальныхъ криковъ, или, какъ въ одномъ видѣ, для музыкальныхъ кадансовъ; тогда какъ у человѣка очень близкіе по устройству голосовые органы сдѣлались вслѣдствіе унаслѣдствованныхъ вліяній, постояннаго упражненія, способными къ членораздѣльной рѣчи.“ [2]

„Всѣмъ извѣстно, какъ силенъ материнскій инстинктъ, заставляющій даже робкихъ птицъ идти на встрѣчу большимъ опасностямъ,—хотя правда съ нѣкоторымъ колебаніемъ и борьбой противъ чувства самосохраненія. Не смотря на это перелетный инстинктъ такъ силенъ, что поздней осенью ласточки и стрижи часто покидаютъ своихъ птенцовъ, оставляя ихъ въ гнѣздахъ на произволъ мучительной смерти.“ [3]

[1] Ньютонъ, Дарвинъ, отличаются отъ обезьянъ только степенью своихъ умственныхъ способностей, а не качествомъ!!

Качество не можетъ измѣняться: сладкое остается сладкимъ, кислое кислымъ, но степень по существу своему можетъ увеличиваться; почему-же ни обезьяна, ни муравей, съ своими удивительными мозгами, нисколько не подвигаются впередъ, не умнѣютъ!

[2] Д. 1, с 154.

[3] Д. 1, с. 89. Ну не есть-ли здѣсь доказательство противъ вашего утвержденія что человѣческія способности отличаются отъ животныхъ только въ степени, а не въ качествѣ? Неужели и здѣсь видите вы только степень, а не качество?

„Слѣдующее положеніе кажется мнѣ въ высокой степени вѣроятнымъ,— именно, что всякое животное, одаренное ясно-выраженными общественными инстинктами, должно роковымъ образомъ пріобрѣсти нравственное чувство или совѣсть, какъ только его умственныя способности достигнутъ такого-же, или почти такого-же высокаго развитія, какъ у человѣка.“ [1]

„Я считаю необходимымъ заявить съ самаго начала, что я далекъ отъ мысли, будто каждое общежительное животное, умственныя способности котораго развиваются до такой дѣятельности и высоты, какъ у человѣка, пріобрѣтетъ нравственныя понятія, сходныя съ нашими. Подобно тому, какъ всѣмъ животнымъ присуще чувство прекраснаго, хотя онѣ и восхищаются очень разнородными вещами, онѣ могутъ имѣть и понятіе о добрѣ и злѣ, хотя это понятіе и ведетъ ихъ къ поступкамъ совершенно противоположнымъ нашимъ. Если-бы напримѣръ,—я намѣренно беру крайній случай, мы были воспитаны въ совершенно тѣхъ-же условіяхъ, какъ улейныя пчелы, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что наши незамужнія женщины, подобно пчеламъ-работницамъ, считали-бы священнымъ долгомъ убивать своихъ братьевъ; матери стремились-бы убивать своихъ плодовитыхъ дочерей, и никто не подумалъ-бы протестовать противъ этого. (!?) Тѣмъ не менѣе пчела (или всякое общежительное животное) имѣла-бы въ приведенномъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, понятіе о добрѣ и злѣ или совѣсть Въ самомъ дѣлѣ всякое животное должно имѣть внутреннее сознаніе, что одни изъ его инстинктовъ болѣе сильны и долговѣчны, а другіе менѣе; въ каждомъ должна иногда возникать борьба между этими инстинктами,

[1] Д. 1, с. 74. Мало чего нѣтъ! Какъ только достигнутъ—да отъ чего же недостигаютъ?

и въ сознаніи должно оставаться удовольствіе или неудовольствіе при сравненіи прошлыхъ впечатлѣній, безпрерывно пробѣгающихъ въ умѣ. Въ этомъ случаѣ внутренній голосъ будетъ говорить животному, что лучше было-бы слѣдовать тому, а не другому инстинкту, должно было поступить такъ, и не иначе; это было-бы хорошо, а то дурно. [1]

Считаю не лишнимъ дополнить краткія замѣчанія о системѣ Дарвиновой выписками изъ статьи Писарева: „Прогрессъ въ мірѣ растеній и животныхъ“, въ которой онъ мастерски изложилъ содержаніе перваго сочиненія Дарвинова „О происхожденіи видовъ“, [2] —также съ своими замѣчаніями.

„Если мы возмёмъ, три формаціи, лежащія одна на другой, напримѣръ, силурскую, девонскую и каменноугольную, то мы увидимъ, что органическія формы средней эпохи, девонской, составляютъ нѣкоторымъ образомъ переходъ отъ древнѣйшихъ, силурскихъ формъ, къ болѣе новымъ каменоугольнымъ.—Это обстоятельство также можетъ быть объяснено только по идеямъ Дарвина.—Если всѣ органическія формы медленно и постепенно развивались изъ *общаго начала*, [3] если каждая новѣйшая форма оказывается, въ буквальномъ смыслѣ слова, дочерью другой формы, болѣе древней. если, такимъ образомъ, каждая геологическая эпоха составляетъ только отдѣльную сцену одной общей, громадной драмы, не перерывавшейся ни разу съ самаго своего начала, [4] —тогда

---

[1] Д. 1, с. 76.

[2] Сочиненія Д. И. Писарева, Т. VI, 97—279.

[3] Общее начало,—ну, вотъ и опять вопросъ безотвѣтный: Что оно такое! Откуда? Когда и проч.

[4] А началась то эта драмма когда, какъ? и проч.

понятно, почему эти сцены находятся въ связи между собою, и почему, напримѣръ, вторая сцена служитъ переходомъ отъ первой къ третьей.“ [1]

„Даже между царствами животнымъ и растительнымъ, которыя должны были отдѣлиться другъ отъ друга еще раньше, существуютъ нѣкоторыя промежуточныя формы, которыя никакъ не могли возникнуть послѣ того, какъ это раздѣленіе уже совершилось. Полипы очень долго считались растеніями, и только въ половинѣ прошлаго столѣтія окончательно перечислены въ категорію животныхъ, не смотря на то, что у большей части полиповъ до сихъ поръ не доказано существованіе нервной системы.—Губки очень недавно включались въ растительное царство, а теперь ихъ также перевели въ разрядъ животныхъ, хотя тутъ и рѣчи не можетъ быть о нервной системѣ.—Любопытно замѣтить, что эти промежуточныя формы, занимающія теперь самое низшее мѣсто въ царствѣ животныхъ, занимали также одно изъ низшихъ мѣстъ въ ряду растеній.—Эти живые остатки того далекаго прошедшаго, когда органическая жизнь находилась въ зачаточномъ состояніи, и когда всѣ зародыши и всѣ родоначальники теперешнихъ безконечноразнообразныхъ типовъ, были похожи другъ на друга и сливались между собою въ общемъ хаотическомъ броженіи, безцвѣтность и безформенность,—это выкидыши органической природы, оставшіеся въ живыхъ, не смотря на свою недодѣланность.—Очень понятно, что выкидышъ самаго высшаго животнаго менѣе развитъ въ своей организаціи, чѣмъ вполнѣ сложившееся животное низшаго разряда. — Поэтому и не трудно понять, что такія формы, какъ полипы и губки, всегда будутъ

[1] II. VI. c. 251.

занимать послѣднее мѣсто въ цѣпи органическихъ существъ, къ какому-бы царству не относили ихъ классификаторы.“ [1]

„Встрѣчаясь съ разновидностями, намъ пришлось-бы или предположить, что онѣ существуютъ отъ начала вѣковъ, или допустить, что онѣ выработались изъ одной *общей формы*, способной измѣняться.“ [2]

„Всѣ разновидности, виды, роды, семейства, порядки и такъ далѣе, развились изъ одной общей формы посредствомъ той самой борьбы и того самаго выбора, которые въ настоящее время кажутся намъ слѣдствіями существующаго разнообразія. *Какая была эта общая, первобытная форма организма, этою никто никогда не узнаетъ,* [3] —потому что та эпоха, когда зарождалась на нашей планетѣ органическая жизнь, не оставила, да и не могла оставить намъ рѣшительно никакихъ геологическихъ документовъ.—Въ пластахъ земной коры могли сохраниться только твердыя части организма, кости, раковины, дерево, а такой организмъ, который состоитъ изъ твердыхъ и мягкихъ частей, представляетъ уже очень развитое и сложное явленіе.—Такое явленіе никакъ не можетъ быть принято за исходную точку органической жизни, во первыхъ потому, что всѣ организмы безъ исключенія начинаютъ свое развитіе съ простой ихъ точки, въ которой, разумѣется, нѣтъ ни костей, ни раковинъ, ни дерева, а есть *только слизь, да тоненькая оболочка!* [4] Стало быть, о первобытныхъ формахъ и объ исходной точкѣ органической жизни нечего и толковать,

---

[1] Ib. c. 195. [2] ib. c. 99.

[3] Вотъ то-то и есть.

[4] Вотъ онъ источникъ жизни, зародышь природы!

потому что гдѣ нѣтъ фактовъ, тамъ не можетъ быть ни научнаго изслѣдованія, ни даже серьезнаго разговора.—Тамъ ужъ пускай дѣйствуютъ поэзія и метафизика. [1]

„Летучая рыба намѣкаетъ на возможность перехода отъ рыбы къ птицѣ, и напоминаетъ о тѣхъ страшно далекихъ временахъ, когда вся наша планета была покрыта водою, когда главнѣйшими представителями органической жизни были моллюски и хрящевыя рыбы, и когда эти рыбы, самыя совершенныя изъ тогдашнихъ живыхъ существъ, подъ вліяніемъ борьбы за жизнь [2] и естественнаго подбора стали постепенно перерождаться въ крылатыхъ гадовъ и въ птицеобразныхъ животныхъ, или вѣрнѣе, въ рыбообразныхъ птицъ“. [3]

„Всѣ приспособленія животныхъ къ ихъ теперешнему образу жизни выработались по немногу, путемъ постепенныхъ и незамѣтныхъ видоизмѣненій. Водяное животное могло превратиться въ земное, ходячее—въ летучее, дневное—въ ночное, и такъ далѣе, причемъ, разумѣется, всѣ эти превращенія могли совершиться и наоборотъ.“ [4]

„Черви были родоначальниками насѣкомыхъ, подобно тому какъ рыбы были родоначальниками пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ.“ [5]

---

[1] ib. c. 155.

[2] Вотъ было морское сраженіе-то! Надо вѣдь предположить для этой борьбы всемірное пространство наполненнымъ а еслибъ было не полно, такъ борьбы немогло бы вѣдь быть, потому что разгуляться рыбамъ было гдѣ.

[3] 1, c. 194.

[4] 1b c. 175. Тверды же основы системы!

[5] 1b. c. 266.

„По словамъ Дарвина, можно было бы наполнить цѣлыя страницы доказательствами, что вымершія животныя занимаютъ середину между нынѣ живущими группами. И особенно интересно то обстоятельство, что всѣ эти доводы можно цѣликомъ заимствовать изъ сочиненій великаго полеонтолога Оуэна, который на теорію Дарвина смотритъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Другой первокласный ученый, Боррандъ, также горячій противникъ Дарвиновскаго легкомыслія, говоритъ, что безпозвоночныя животныя прошедшихъ геологическихъ періодовъ принадлежатъ къ однимъ порядкамъ, семействамъ и родамъ съ нынѣ живущими, но не были въ тѣ времена разграничены на такія рѣзкія группы, какъ нынѣ.“ [1]

„Группы близкихъ между собою видовъ составили въ былое время одну общую форму; а эта общая форма образовала въ прошедшемъ одинъ видъ, и связывалась съ другими видами въ родовыя и семейныя группы, которыя всѣ вмѣстѣ въ болѣе отдаленную эпоху имѣли своимъ родоначальникомъ также одну форму, еще болѣе общую; и такимъ образомъ, переходя постоянно отъ частнаго къ общему, къ болѣе общему, и къ еще болѣе общему, мы дойдемъ наконецъ до того предѣла, гдѣ кончаются геологическіе документы, и гдѣ слѣдовательно начинается *темное царство* поэзіи и метафизики. —Туда ужъ мы не пойдемъ.“ [2]

„Дробленіе формъ на новыя формы составляетъ въ жизни природы необходимое явленіе.—Когда дробленіе началось, тогда крайнія формы одерживаютъ перевѣсъ надъ промежуточными и стремятся сдѣлаться еще болѣе крайними.—Такимъ образомъ, легкія и индивидуальныя особенности даютъ

[1] Ib. c. 250. [2] Ib. c 156

начало прочнымъ развидностямъ, разновидности, постоянно удаляясь другъ отъ друга, превращаются въ отдѣльные виды; дробятся и становятся родовыми группами; въ родовой группѣ крайніе виды развиваются обыкновенно лучше среднихъ; средніе уничтожаются; изъ одной родовой группы, вслѣдствіе этого выпаденія среднихъ видовъ, образуются двѣ отдѣльныя группы, которыя вмѣстѣ составляютъ семейство. —И этотъ процессъ развѣтвленія идетъ все дальше и дальше; *проходятъ милліоны лѣтъ, милліоны вѣковъ, милліоны тысяче-лѣтій;* одни отдѣлы разростаются и дробятся, другіе слабѣютъ и уничтожаются; изчезаютъ независимо цѣлыя семейства, порядки и классы, и наконецъ получаются тѣ безконечно-разнообразныя и рѣзко очерченныя формы, съ которыми въ настоящее время никакъ не умѣютъ справиться классификаторы. [1]

„Во всей органической природы нѣтъ ничего неизмѣннаго, кромѣ тѣхъ общихъ законовъ, [2] которыми управляется вся матерія.“ [3]

„Непобѣдимая и роковая сила вещей.... вездѣ одна и таже; она дѣйствуетъ и на скотномъ дворѣ англійскаго сквайра, и въ дѣвственномъ лѣсу тропической Америки, и въ развалившейся клѣтушкѣ русскаго мужика, и въ холодной глубинѣ полярнаго океана.—Законъ тяготѣнія управляетъ движеніемъ тѣхъ частицъ жира, которыя поднимаются на поверхность вашего супа, и тотъ-же законъ господствуетъ надъ тѣми тысячами міровъ, которые представляются нашимъ сильнѣйшимъ телескопамъ въ видѣ неясныхъ туманныхъ пятенъ. А законъ тяготѣнія отличается отъ

[1] Ib. 164.

[2] Кто же далъ эти общіе законы? Откуда же явились и когда зачались.?

[3] Ib. c. 100.

тѣхъ законовъ, по которымъ совершается развитіе органической жизни, только тѣмъ, что послѣдніе гораздо сложнѣе перваго, и гораздо менѣе изслѣдованы. Но всѣ *законы природы*, простые и сложные, изслѣдованные и не изслѣдованные, физическіе или психологическіе, одинаково непоколебимы, одинаково не терпятъ исключеній, потому что всѣ они одинаково вытекаютъ изъ необходимыхъ свойствъ *безпредѣльнаго міроваго вещества*." [1]

„Цѣль естественныхъ наукъ никакъ не формированіе міросозерцанія, а просто увеличеніе удобствъ жизни, расширеніе и расчищеніе того русла, въ которомъ текутъ наши интересы, занятія, наслажденія, словомъ — *все то, что мы называемъ жизнью* [2] Для естествоиспытателя нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть міросозерцаніе. [3] Если вы думаете, что Фохтъ, Молешотъ, и другіе подобные имъ, имѣютъ міросозерцаніе, то вы сильно ошибаетесь. Эти люди просто на столько сильны умомъ, что откинули всѣ бредни, [4] которыми наслаждались, а подъ-часъ и пугали себя (!) окружающіе ихъ взрослые дѣти въ очкахъ, въ парикахъ, съ бородами и бакенбардами. Они рѣшились каждую вещь брать въ руки, осматривать, класть ее подъ микроскопъ, опускать въ кислоту, и потомъ сообщать публикѣ описанія своихъ опытовъ съ рисунками и чертежами; какъ

[1] Ib. с.127. Безпредѣльное міровое вещество! — Оно понятно г. Писареву, который на немъ и успокоивается!

[2] Пожалуй,такъ,разумѣя подъ этою жизнію жизнь тѣлесную, вещественную.— Но есть еще другая жизнь, жизнь духовная, которая имѣетъ свои требованія. Несчастный юноша думалъ, что кромѣ естественныхъ наукъ другихъ не существуетъ, и существовать недолжно!

[3] Для естествоиспытателя мастероваго, но не для мыслящаго, одушевленнаго человѣка.

[4] Какія же бредни?

люди, способные работать мозгомъ, они конечно видѣли нѣкоторую связь между наблюдаемыми явленіями, и даже старались находить эту связь, располагая свои наблюденія въ извѣстной послѣдовательности; общихъ результатовъ они не нашли еще, потому-ли, что *ихъ вовсе нѣтъ* (!!), или-же потому, что фактическая часть науки еще малоизвѣстна; какъ-бы-то ни было, на своей теоріи міра они не построили, и въ этомъ, вообразите себѣ, и *состоитъ величайшая ихъ заслуга.*“ [1]

„Мы все еще сильно заражены наклонностью къ натурфилософіи, къ познанію общихъ свойствъ естества, *основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка, и прочей дребедени*, [2] которая смущаетъ даже многихъ спеціалистовъ и мѣшаетъ имъ обращаться, какъ слѣдуетъ, съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножемъ.“ [3]

„Если все это не одно чистое шарлатанство, что̀ предположить какъ-то совѣстно, то это продукты скороспѣлыхъ теорій, а скороспѣлыя теоріи—остатокъ средневѣковой методы восходить къ *началу всѣхъ началъ*, когда знаешь факты изъ пятаго въ десятое, и когда почва еще колышется подъ ногами.“

„Изучая природу, вы имѣете дѣло съ слѣпыми силами, но съ силами громадными, постоянно дѣйствующими, которыя не подадутся для васъ ни вправо, ни влѣво.—Управлять вы ими можете, но для этого вы должны знать ихъ, а не составлять себѣ объ нихъ произвольныя теоретическія понятія.“

„Каждая естественная наука имѣетъ свои практическія приложенія; отъ степени развитія этихъ практическихъ приложеній зависитъ вся наша жизнь; самохраненіе, удобства жизни,

[1] Ib. c. 3.

[2] Вотъ до чего договаривается дерзкое невѣжество!

[3] Ib. c. 2.

наслажденія—все это возможно только при знаніи все окружающей природы, тутъ ужъ на теоріи далеко не уѣдешь.[1]"

„Въ природѣ совершаются или могутъ совершаться тысячи мельчайшихъ явленій, которыя то здѣсь, то тамъ доставляютъ одной изъ сражающихся сторонъ перевѣсъ надъ другою; многія изъ этихъ явленій, по тѣмъ или другимъ неизвѣстнымъ причинамъ, могутъ остаться первыми звѣньями такой цѣпи событій, которая потянется чрезъ длинный рядъ столѣтій, уничтожитъ множество существующихъ породъ, и создастъ на ихъ мѣсто множество видоизмѣненій."

Приводя это мнѣніе, Писаревъ замѣчаетъ, „что очень немногіе люди, и притомъ только самые замѣчательные, способны просто и откровенно сказать: „не знаю", и что эта превосходная способность начала развиваться у мыслящихъ людей только въ очень недавнее время."[2]

Дай Богъ, чтобъ эта способность развилась у насъ какъ можно больше и успѣшнѣе.

Въ странныя противорѣчія можетъ впадать человѣкъ! Писаревъ требуетъ отъ чистаго сердца благоговѣйнаго вниманія къ самымъ мелкимъ явленіямъ въ природѣ, и въ тоже время глумится надъ высочайшими задачами и вопросами человѣка!

Если вы привѣтствуете,—и очень хорошо дѣлаете, съ великимъ почтеніемъ людей, которые говорятъ: „не знаю" о мельчайшихъ явленіяхъ, то какъ въ тоже время вы осмѣливаетесь говорить: „знаю" и утверждать или отрицать высочайшія истины?—Съ какимъ духомъ, напримѣръ, вы произносите такого рода нелѣпость: „въ природѣ нѣтъ и никогда не было цѣльныхъ и крупныхъ явленій?"[4]

[1] А вы несчастные, куда доѣхали! Все таки это относится къ тѣлу, а не къ душѣ.
[2] Ib. c. 3. [3] Ib. c. 136. [4] Ib. c. 317.

Ну, да происхожденіе-то природы, начало вашего вещества, возникновеніе жизни,—что-же это? Не ужели не цѣльное и не крупное явленіе?

Какое явленіе цѣльнѣе и крупнѣе видите вы изъ вашихъ трущобъ?

Вы изслѣдуете такія-то мелкія явленія, ну и объявляйте о нихъ свое мнѣніе, объ ихъ отношеніяхъ къ ближайшимъ явленіямъ, а что касается до первыхъ основныхъ вопросовъ, приложите печать молчанія на уста свои.

Вы заставляете человѣка заниматься тщательно изслѣдованіемъ о явленіи такаго-то червячка на сосѣднее растеніе, и запрещаете ему наблюдать, изучать самого себя,—есть ли тутъ смыслъ?

Вы глумитесь надъ 23-хъ лѣтнимъ Карамзинымъ, за чѣмъ онъ, приведенный въ восторгъ прекраснымъ видомъ въ Швейцаріи, записалъ у себя въ дневникѣ „прекрасная природа и проч.,“ вы не позволяете наслаждаться видами природы (слѣд. и пейзажи Пусселя, Рюисдаля, Айвазовскаго, отдаете въ придачу съ Пушкинымъ къ Шекспиру за пару сапоговъ),—ну есть ли тутъ смыслъ?

На брань слово купится: не учинить-ли намъ такую мѣну съ вами, разумѣется, не на систему Дарвина, а на ваши приложенія къ ней, на ваши разсужденія объ ней?

А что касается до ея изложенія по книгѣ „О происхожденіи видовъ“, то надо согласиться, что Писаревъ исполнилъ это мастерски: живо и ясно.

Такой легкости въ изложеніи подобныхъ случаевъ встрѣтить рѣдко и у Французовъ. Изложеніе было какъ-бы продолженіемъ его университетскихъ занятій, кои назначались ему профессорами, напр., отчета о системѣ Гумбольта и проч.

Онъ показалъ въ этомъ случаѣ свой талантъ, очень замѣчательный, но, въ самоосклабленіи, *) вздумалъ самъ судить и рядить о высшихъ человѣческихъ задачахъ, и, разумѣется, дошелъ до нелѣпостей, какъ мы видимъ выше.

Писареву въ образованіи вѣроятно предстояло еще много метаморфозовъ, если-бъ онъ не погибъ преждевременно.

Надо сожалѣть, что другіе несчастные юноши, не имѣя его таланта, остановились на его парадоксахъ, и начали колобродить не только словомъ, но и дѣломъ.

---

*) Мнѣ попалось подъ перо это слово, о происхожденіи котораго кстати сдѣлать примѣчаніе.—Въ 30-хъ годахъ выходилъ въ Москвѣ журналъ «Московскій Наблюдатель», занявшій мѣсто Московскаго Вѣстника.—Редакторомъ былъ В. П. Андросовъ, человѣкъ очень умный и острый, имѣвшій о Статистикѣ понятія, неуступающія нынѣшнимъ.—Журналомъ заниматься ему стало скучно на другой или третій годъ; изъ сотрудниковъ, принадлежавшихъ прежде къ Московскому Вѣстнику, одни оставили Москву, другіе принялись за свои дѣла, и Андросовъ затруднялся въ изданіи. Явились другіе охотники взять на себя изданіе, и онъ передалъ журналъ молодой редакціи, которую составили Бѣлинскій, Бакунинъ, Кудрявцевъ и проч. Андросовъ говорилъ объ нихъ: прежнихъ своихъ сотрудниковъ я никакъ не могъ привести въ движеніе, а на этихъ удержу нѣтъ! Первая книжка открылась статьею Бакунина о философіи, которой никто не понималъ, начиная съ автора, и которая прославилась тогда въ Москвѣ именно этимъ словомъ, часто въ ней употребленнымъ: самоосклабленіе.

О разборѣ Дарвиновой системы.

(Письмо естествоиспытателя).

М. Г. М. П. Вы желаете непремѣнно, чтобы я подробно и откровенно высказалъ Вамъ, почему мнѣ было такъ прискорбно видѣть Ваше рѣшеніе напечатать написанныя Вами замѣтки о Дарвинѣ, почему отъ напечатанія ихъ я вижу только вредъ, и не надѣюсь ни на какой полезный результатъ.

Я Васъ глубоко уважаю, а по моему уваженіе къ человѣку всего лучше выражается и доказывается тѣмъ, что ему говорятъ правду. Простите же невольную рѣзкость моихъ словъ за то, что мотивомъ ихъ служитъ правда, и уваженіе этой правды въ Васъ. Можетъ быть, я ошибаюсь въ нашемъ сложномъ вопросѣ, но ошибаюсь правдиво, т. е. съ полнымъ убѣжденіемъ и не вслѣдствіе минутнаго только увлеченія. Призовите же свое безпристрастіе историка и выслушайте дружелюбно и нелицепріятно мнѣніе, прямо противоположное Вашему, хотя бы оно шло только отъ ученика учениковъ Вашихъ.

Итакъ начинаю. Въ прошломъ письмѣ я выразилъ слѣдующія мысли: 1) что Вы стоите на ошибочной, какъ мнѣ кажется, точкѣ зрѣнія относительно Дарвина; во 2) что, желая написать критику на ученіе Дарвина и указать его слабыя стороны, Вы написали только каррикатуру на него, и въ 3) что, для отдѣленія доказаннаго и вѣрнаго отъ гипотетическаго и шаткаго въ ученіи Дарвина, нужно быть естественникомъ, нужно спеціально знать ходъ естественно-историческихъ изслѣдованій, нужно быть знакомымъ съ методомъ, задачами и цѣлями естествознанія не по популяр

нымъ только сочиненіямъ, но по изученію самой науки, самой природы. Въ виду этихъ соображеній я высказалъ желаніе не видѣть Вашей статьи въ печати.„ Избави Богъ отъ каррикатуры„ сказали Вы на это; „я лучше разорву свое сочиненіе, чѣмъ подамъ имъ поводъ къ каррикатурѣ въ научныхъ такой важности вопросахъ.“ Вы захотѣли имѣть болѣе подробныя данныя, на коихъ я основываю свое мнѣніе, и я исполняю Вашу волю, хоть съ нѣкоторымъ насиліемъ съ своей стороны: полезно спорить о Дарвинѣ можно только въ спеціальномъ изслѣдованіи, въ сочиненіи, основывающемся на новой разработкѣ массы фактовъ. Въ общихъ же чертахъ исписали столько по поводу Дарвина, и въ особенности противъ него, столько разъ проводили въ сотняхъ сочиненій одни и тѣже доводы за и противъ, что всѣмъ, слѣдившимъ за Дарвиновскою литературою, всѣ эти споры набили оскомину, подбавлять которую, или возбуждать ее снова въ себѣ, мнѣ всегда крайне не хотѣлось. Кто не писалъ о Дарвинѣ, и чего только не написано, но путнаго, основательнаго и новаго встрѣтишь врядъ ли въ одномъ процентѣ между всею этою грудою печатныхъ листовъ. Неужели же и нашъ дорогой Михаилъ Петровичъ прибавитъ нѣсколько листовъ къ этой печальной исторіи толченія воды, и притомъ по доброй волѣ, а не по журнальному наряду? Эта мысль такъ мнѣ не нравится, что я, никогда не писавшій длиннѣйшихъ писемъ, а тѣмъ болѣе по Дарвиновскому вопросу, рѣшился сдѣлать отступленіе отъ принятаго разъ навсегда правила, и досадить Вамъ своею оппозиціею, которая, вѣроятно, я это чувствую, останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Все, написанное Вами о Дарвинѣ, идетъ въ разрѣзъ со всею тою задачею, которую Вы преслѣдуете: 1) какъ чело-

вѣкъ науки, 2) какъ историкъ, 3) какъ философъ 4), и какъ религіозный вполнѣ человѣкъ. Простите это смѣлое слово, но прочтите нижеслѣдующіе пункты и положите рѣшеніе.

1) Какъ человѣкъ науки, Вы даете Вашею статьею возможность бросить комомъ въ науку невѣжеству, и это вотъ почему: форма, содержаніе написаннаго Вами о Дарвинѣ можетъ дѣйствовать только на малообразованныхъ, на людей, черпающихъ свои убѣжденія относительно естествовѣденія изъ общедоступныхъ книгъ, написанныхъ даже не естествоиспытателями. Всякаго, хотя нѣсколько знакомаго съ критическимъ методомъ порядочныхъ популярныхъ сочиненій по естествознанію, Ваша статья не только не убѣдитъ, но и не удовлетворитъ. Остаются слѣдовательно тѣ, которые или никогда ничего путнаго не слыхали объ естествознаніи, или же слышали изъ такихъ источниковъ, по которымъ естествознаніе считается наукою, прямо ведущею къ аду, въ которыхъ она отождествляется съ матеріализмомъ, нигилизмомъ и всякими вредными измами, на которыя падко наше время, кричащее такъ много о развитіи науки, но въ дѣйствительности имѣющее сильныя поползновенія заставить говорить науку не то, что она послѣдовательно выработываетъ, а то только, что сказать полезно съ точки зрѣнія во все не научной, а иной... Въ это ли, не установившееся относительно научныхъ вопросовъ и изысканій, время маститому историку правды русской бросать насмѣшкою въ попытку человѣка геніальнаго, добросовѣстнаго, въ дѣйствительности вовсе не матеріалиста? Въ это ли время, заподозрѣвать геніальнаго представителя естествознанія передъ толпою, незнакомою съ наукою вообще и естествознаніемъ въ частности, и давать ей орудіе противъ науки вообще? Ваши доказательства вреда Дарви-

низма бьютъ не на мыслительныя способности, а на чувства, и чувства глубоко почтенныя, религіозныя; но развѣ исторія не показывала Вамъ случаевъ, когда высокія, религіозныя чувства, возбужденныя повидимому съ хорошею цѣлію, въ толпѣ мало подготовленной, мало знающей, возбуждали варварскія проявленія? Развѣ не этими высшими человѣческими чувствами играетъ католицизмъ въ борьбѣ со всякимъ человѣческимъ знаніемъ, со всякою человѣческою правдою? Разбивать идола предъ толпою бываетъ полезно, еще полезнѣе доказать суевѣріе и обманъ въ почитаніи идола; мнѣ кажется, что, возставая противъ Дарвина и его ученія, Вы именно убѣждены, что возстаете противъ такого новаго идола, являющагося со стороны науки въ новомъ матеріалистическомъ ученіи; Вы желаете его разбить передъ толпою, показать его ложность, суетность, недостаточность. Это было бы хорошо, если бы то, противъ чего Вы возстаете, имѣло дѣйствительно только значеніе идола вреднаго и ложнаго, и если бы кромѣ того молотъ, которымъ Вы намѣреваетесь разбить идола, былъ самъ крѣпокъ, и былъ крѣпокъ въ Вашихъ рукахъ. И относительно идола врядъ ли достигли бы Вы цѣли, еслибы для достиженія цѣли Вы ограничились только тѣмъ, что надѣли бы на него смѣшной колпакъ и привѣсили бы нѣсколько бубенчиковъ. Но пристало ли серьозному ученому передъ толпою одѣвать философскую попытку въ смѣшной костюмъ и давать ей въ руки комъ для бросанія въ нее? Что если нѣсколько человѣкъ отъ Вашей статьи засмѣются не надъ шаткими сторонами частной теоріи, а надъ наукою и знаніемъ вообще: пріятенъ ли Вамъ будетъ этотъ результатъ, какъ представителю науки?

2) Какъ историку, теорія Дарвина Вамъ не должна быказаться чѣмъ то случайнымъ, съ неба свалившеюся, зна-

меніемъ нашего времени. Нова только форма нѣкоторыхъ формулъ, но не нова суть дѣла. Вамъ, какъ и всякому, слѣдившему за ходомъ знанія вообще, даже внѣ сферы собственно естественныхъ наукъ, хорошо извѣстно, что весь быстрый прогрессъ науки въ нынѣшнемъ столѣтіи, и въ особенности въ послѣднее десятилѣтіе, объясняется тѣмъ, что ученые, отбросивъ предвзятыя идеи относительно результатовъ своихъ изслѣдованій, просто изучаютъ факты, и стремятся найти необходимую послѣдовательность и связь между ними. Порядокъ и законъ найденъ наукою даже въ такихъ явленіяхъ, которыя съ перваго раза кажутся совершенно случайными, произвольными. Облака, вѣтры, температура, для науки не случайныя явленія, но подчинены строгимъ законамъ. Извѣстная правильность, извѣстный законъ замѣчается въ числѣ рожденій, въ числѣ смертности, въ числѣ половъ, даже въ числѣ писемъ, отправленныхъ безъ адреса, и въ числѣ самоубійствъ. При такомъ направленіи всѣхъ наукъ, овладѣть представляющимися имъ фактами на столько, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ изслѣдованій, предметомъ мысли, тоже стремленіе должно было развиться и въ наукахъ органическаго міра. Человѣкъ образованный отъ человѣка необразованнаго отличается тѣмъ, что въ то время, какъ послѣдній только поражается страхомъ или восторгомъ предъ какимъ либо явленіемъ, не стремясь логически, научно связать наблюдаемое явленіе съ другими ему сродными или сопричинными, первый, т. е. образованный, ищетъ смысла явленія, его причину, его законъ. Если это дѣлаетъ образованный человѣкъ, то каждая наука тѣмъ болѣе должна искать связи, причинности и законности въ тѣхъ явленіяхъ, которыя составляютъ ея сущность. И біологія подчиняется этому и ищетъ порядка и закона въ

своихъ явленіяхъ. Наука выработала, что небесныя тѣла управляются такими строгими законами, что они доступны цыфрѣ и вычисленію, ихъ можно предсказывать. Геологія, въ теоріи актуализма Лейля, показала, что ходъ образованія земной коры подчиняется тоже правильнымъ, въ извѣстномъ смыслѣ строго математическимъ законамъ. Физика и Химія на нашихъ почти глазахъ подвела подъ формулы всѣ свои главнѣйшія явленія, и сдѣлала ихъ вполнѣ научнымъ достояніемъ, т. е. достояніемъ Логики, мысли, а не сердечныхъ изліяній и умиленій. Физіологія, когда обратилась къ ножу, микроскопу и Химіи, и позабыла умиляться жизненною силою, стала быстро получать могущество и силу дѣйствительнаго знанія, и эта сила увеличивается все болѣе по мѣрѣ того, какъ большая и большая часть явленій отходитъ въ область числа, мѣры и вѣсовъ и математической формулы. Статистика, съ легкой руки Кетле, даетъ доказательство закона въ соціальныхъ явленіяхъ, въ той сферѣ, которая кажется совсѣмъ случайною, произвольною. Всѣ эти факты Вамъ хорошо извѣстны, какъ историку, изучавшему ходъ развитія знанія и цивилизаціи. По этому естественно было ожидать, что, основываясь на своемъ глубокомъ знаніи Исторіи, на знакомствѣ съ современнымъ состояніемъ научнаго метода, идущаго все болѣе и болѣе расширяющимся потокомъ чрезъ всѣ науки, касаются ли онѣ природы или человѣка, или общества, Вы сдѣлаете такое заключеніе: вездѣ анализъ, математическій методъ, изысканіе естественныхъ законовъ, быстро двинуло знаніе, и только оно одно сдѣлало его истиннымъ знаніемъ. До настоящаго времени только одна наука объ органическихъ формахъ, только Ботаника и Зоологія стоятъ какимъ то бѣльмомъ въ стройномъ ряду другихъ наукъ; только въ нихъ—что ни форма, то и отвѣтъ: незнаю-

Только у нихъ — что ни явленіе, то загадка; у нихъ даже курица сама по себѣ, а пѣтухъ самъ по себѣ. Міры, громадныя небесныя тѣла, образуются, движутся, измѣняются по опредѣленнымъ, величественнымъ по своей простотѣ законамъ, доступнымъ не только нашей мысли, но даже нашему вычисленію, а всякій грибъ, всякая водоросль, всякая блоха, въ своей исторіи являются случайностію, необъяснимостію. Очевидно, сказалъ бы историкъ, такое отношеніе науки къ органическимъ тѣламъ не нормально, оно вызывается нашимъ недоразвитіемъ. Но теперь, когда первоначальныя науки, необходимыя для выясненія явленій органической жизни, окрѣпли, заручились несомнѣнными законами, необходимо долженъ явиться въ наукѣ вопросъ и о томъ, по какому естественному закону связаны другъ съ другомъ органическія формы, въ какомъ отношеніи стоятъ нынѣ живущія формы къ ископаемымъ, исчезнувшимъ. Весьма естественно было бы и слѣдующее Ваше предсказаніе, какъ историка: такъ какъ на органическія формы можно смотрѣть или какъ на появившіяся раздѣльно другъ отъ друга на землѣ, или же какъ на естественно развившіяся однѣ изъ другихъ; такъ какъ первое начало исключительно до сихъ поръ господствовало въ наукѣ, и такъ какъ Зоологія и Ботаника его эксплуатировали до дна, и дошли только до ревизской сказки организмовъ, именуемой систематикой, и въ своихъ попыткахъ выше табели о рангахъ въ классификаціи не выработали, то естественныя науки сдѣлаютъ поворотъ: онѣ станутъ разработывать иную возможную точку зрѣнія, и посмотримъ, не будетъ ли съ нею счастливѣе. Такой поворотъ тѣмъ неизбѣжнѣе, что наука и прежде обращалась къ этой точки зрѣнія въ трудахъ Ламарка и др. и предчувствовала въ ней иной путь, но

не могла вступить на него потому, что не было средствъ пропитанія на пути, не было достаточнаго числа фактовъ, не было необходимыхъ, подготовительныхъ свѣдѣній. Такою неизбѣжною для науки попыткою и является теорія Дарвина. Для Васъ, какъ для историка цивилизаціи и науки, она должна бы являться необходимостью, естественнымъ шагомъ развитія, періодомъ, который *должна* прожить наука, и необходимо переживетъ, и тѣмъ болѣе впадетъ въ крайности, чѣмъ болѣе лицъ будутъ вызывать реакцію статьями и отзывами о Дарвинѣ, подобно написаннымъ Вами.

3) Какъ отъ человѣка, знакомаго не по слуху только съ Философіею, съ ея исторіею, странно слышать отъ Васъ боязнь отъ Дарвиновскаго ученія и отъ обезьяны, имъ опоэтизированной. Боязнь предъ научнымъ изслѣдованіемъ понятна въ Папѣ и его дѣтищахъ, которыя боятся даже Библіи для простонародія. Для нихъ свалить вину на Дарвина, да на обезьяну, дѣло подходящее, потому что не самимъ же признаваться, что антикатолицизмъ выращивается ими, а не біологами. Да, при непогрѣшимости и всевѣдѣніи дѣйствительно должны казаться странною продерзостью и опаснымъ вредомъ попытки искать объясненій причинъ явленій въ наукѣ, а не въ силлабусѣ. Но вѣдь у насъ, русскихъ, слава Богу, нѣтъ тѣхъ причинъ пугаться такъ, какъ пугаются католическіе духовные, не пастыри, а полиціймейстеры. Мы можемъ смотрѣть спокойно на изслѣдованіе природы, если, хотя нѣсколько, съ философской точки зрѣнія посмотримъ на то, что дѣлается у другихъ. Во Франціи исторія Дарвина не принялась; даже въ академіи наукъ онъ наслушался за свое сочиненіе такихъ эпитетовъ, какихъ Вы, по мягкосердечію Вашему, никогда ему не дадите; нигдѣ у Дарвина нѣтъ столькихъ противниковъ, какъ во Франціи, но гдѣ же матеріализмъ и антирелигіозность въ пол-

номъ смыслѣ слова такъ господствуютъ, какъ во Франціи, въ церквахъ которой вы видите только женщинъ и дѣтей? Посмотрите теперь на Англію, гдѣ Дарвинъ печатаетъ свое сочиненіе, и гдѣ въ нѣсколько дней раскупаются его сочиненія: тамъ вѣдь его ученіе никакаго матеріалистическаго движенія не произвело, за исключеніемъ пущенной газетами утки о томъ, что одинъ человѣкъ бросился въ Темзу съ отчаянія, убѣдившись, что онъ происходитъ отъ обезьяны. Посмотрите на Германію: тамъ были и Штраусы и Бюхнеры и переводы Дарвина; нѣмцы читали и все оставались католиками, пока Папѣ не вздумалось провозгласить себя Богомъ. Припомните изъ недавняго прошлаго: отпѣтые матеріалисты выходили ли изъ медиковъ и изъ естественниковъ, или же изъ семинаристовъ (у насъ), и адвокатовъ, и философовъ, т. е. занимающихся утилитарными науками (за границею)? Не забудьте также того факта, что въ духовныхъ академіяхъ на первыхъ семестрахъ при началѣ философскаго изученія студенты заражаются временно критицизмомъ, позитивизмомъ, матеріализмомъ, и что это скоро уступаетъ другому настроенію, глубоко религіозному и тѣмъ болѣе крѣпкому, чѣмъ оно сознательнѣе выработано, послѣ борьбы и размышленій.

Много ли изъ думавшихъ и естественно развивавшихся не переживало внутри себя періода религіозныхъ сомнѣній, колебаній, и много ли осталось навсегда матеріалистами? Остались тѣ, повѣрьте, у кого въ организаціи мясо и кровь на столько преобладаютъ, что они были бы матеріалистами и безъ всякихъ Бюхнеровъ и Дарвиновъ. У насъ много напускающихъ на себя религіозный индиферентизмъ, дѣлающихъ себѣ изъ него родъ украшенія; но присмотритесь къ нимъ поближе, и Вы разубѣдитесь въ ихъ безучастности къ религіи. Наконецъ припомните, что лучшее средство для

распространенія чего либо вреднаго, это кричать объ опасности его и проповѣдывать запрещеніе: тогда на вѣрное Вы поспособствуете распространенію.

Ученіе Дарвина, хотя бы объ обезьянѣ, или вѣрно, или же нѣтъ. Если оно вѣрно, если оно основано на фактахъ, *и будетъ безспорно доказано фактами*, то, что бы Вы ни дѣлали, оно станетъ господствовать. Если же оно увлеченіе, то наука сама вымететъ его, сама найдетъ такія доказательства, противъ которыхъ не устоятъ ему.

Посмотрите, какъ смотрятъ истинные естествоиспытатели на мысль Дарвина, считаютъ ли они ее на столько же доказанною, какъ вращеніе земли вокругъ солнца? Нѣтъ; они берутъ ее, какъ одну изъ возможныхъ гипотезъ, и всячески изучаютъ ее на фактахъ. Они усиленно отыскиваютъ ея слабыя стороны. Дайте же, какъ философъ, окончиться этому критическому труду; отнеситесь съ уваженіемъ къ необходимой попыткѣ въ естествознаніи Дарвинова ученія, и не передавайте въ легкой формѣ насмѣшливыхъ замѣтокъ на униженіе и посмѣяніе строго научную и философскую попытку человѣческаго ума, и ума геніальнаго, на разтерзаніе тѣмъ, которые не обладаютъ ни достаточнымъ знакомствомъ съ научными изслѣдованіями и требованіями, ни достаточною подготовкою, чтобы быть судьями дѣла.

4) Странно видѣть у Васъ именно то раздраженіе, которое высказываете Вы противъ сочиненія Дарвина съ религіозной точки зрѣнія; странно также, что Вы требуете отъ научнаго сочиненія формы акаѳиста, или богословскаго упражненія. Вамъ бы все хотѣлось, чтобы все естествознаніе писалось въ духѣ Бриждватеровскихъ трактатовъ, или по любимому рецепту англійскихъ популярныхъ сочиненій, вездѣ кстати и не кстати умиляющихся чудесностями явленій. Такая форма,

какъ показываетъ Исторія, всего болѣе способна повести къ реакціи; научныя же изслѣдованія, потому-же показанію, не вредятъ религіозному чувству. Вспомните, что религія не пошатнулась ни на іоту, ни отъ того; что земля стала по наукѣ обращаться вокругъ солнца; ни отъ того, что весь звѣздный міръ подчинился математической формулѣ въ своихъ движеніяхъ; ни отъ того, что Геологія показала громадную продолжительность явленій, содѣйствовавшихъ образованію земли. Когда всѣ эти научные результаты появлялись впервые, то казалось, что съ принятіемъ ихъ подрывается авторитетъ священныхъ преданій, а сколько книгъ, не только что замѣтокъ, написано было въ предостереженіе невинныхъ сердецъ отъ принятія этихъ ложныхъ научныхъ ученій, этихъ стремленій наукъ къ возбужденію невѣрія; дѣло не ограничивалось только книгами и брошюрами, а иногда соединялось съ темницею, пыткою и анаѳемою. И не странно ли, не жалко ли намъ смотрѣть теперь на эти опасенія, на эти элегіи? Теперь и въ духовныхъ академіяхъ учатъ объ обращеніи земли вокругъ солнца, теперь о геологическихъ періодахъ спокойно, научно критически и безпрестанно, пишутъ и читаютъ лекціи и богословскіе авторитеты. Имѣете ли Вы основаніе предполагать, что и изъ теоріи Дарвина въ окончательной ея формѣ не выработается такихъ-же простыхъ, ясныхъ данныхъ относительно біологическихъ формъ, какія выработали Геологія и Астрономія по предметамъ своихъ изслѣдованій, съ которыми Вы тоже помиритесь съ религіозной точки зрѣнія, какъ помирились съ неподвижностью солнца? И это будетъ непремѣнно. Наука имѣетъ идеаломъ истину, религія ее своею основою; если наука окончательно выработала истину, то эта истина непремѣнно окажется какъ результатъ, какъ частное истинъ религіознаго изученія, но

дайте только наукѣ свободу дойти до этаго, помогите ей серьознымъ изслѣдованіемъ, а не насмѣшкою.

Вспомните, какую борьбу выдержали и Библія, и Евангелія, какія ученія противуположныя имъ не разбились объ этотъ несокрушимый и неистощимый источникъ мудрости; ихъ ли вліянію можетъ принести вредъ появленіе новой теоріи, когда они пережили ихъ, можетъ быть, болѣе сотни тысячъ? Я знаю, что Вы мнѣ на это возразите. Вы скажете, что Вы боитесь не за религію, а за тѣхъ малыхъ, которые увлекутся ложнымъ ученіемъ и отклонятся отъ свѣта. Не бойтесь, Михаилъ Петровичъ, и не бойтесь именно по твердой увѣренности въ истинѣ ученія вѣры. Бываютъ и въ жизни каждаго человѣка и въ жизни каждаго поколѣнія періоды, когда переживается сомнѣніе, когда впадаютъ въ крайности, когда одной богинѣ разума ставятъ алтарь, но онъ не долговѣченъ, и религіозная правда беретъ свои права и выходитъ съ новою побѣдою. Матеріализмъ вредный, хроническій, трудно излѣчимый, возбуждаютъ не Штраусы, и Ренаны, не Дарвины и Лейли, а стремленіе къ непогрѣшимости не священнаго ученія, а тѣхъ представителей религіи, которые временное и недостаточное свое пониманіе природы, исторіи и нравственнаго развитія человѣчества хотятъ обставить догматомъ непогрѣшимости.

Ваши нападки на Дарвина тѣмъ теперь не своевременнѣе, что и въ Россіи первое увлеченіе его теоріею прошло, и къ ней даже молодежъ стала относиться спокойнѣе и разсудительнѣе.

Простите за эти строки, идущія прямо въ разрѣзъ съ Вашимъ взглядомъ. Простите и за отрывочность высказаннаго. Какъ ни длинно мое нисьмо, но въ нѣсколькихъ страницахъ не напишешь удовлетворительно о такомъ сложномъ и важномъ предметѣ. Обратите вниманіе на побужденіе и источникъ этого письма, и за него простите неудачи его формы и изложенія.

N N

Отвѣтъ естествоиспытателю.

Искренно благодарю Васъ, многоуважаемый N. N. за Ваше искреннее мнѣніе. Печатаю его вполнѣ, даже безъ подстрочныхъ замѣчаній, и отвѣчаю особымъ письмомъ. Письма этого до сихъ поръ я не имѣлъ времени написать, и, изъ уваженія къ Вашему мнѣнію, хотѣлъ было даже отложить печатаніе своего разбора до втораго изданія книги, чтобъ, печатая его безъ возраженій, не присвоивать себѣ лишняго довѣрія отъ читателей, но нечаянная задержка въ типографіи доставила мнѣ досугъ, и, слѣдовательно, возможность соблюсти безпристрастіе и вмѣстѣ оборонить свое возрѣніе, т. е. напечатать вмѣстѣ разборъ, Ваше опроверженіе и свою оборону.

Прежде всего, замѣчу Вамъ, съ Вашею жъ искренностью, что Вы увлеклись частностями въ моемъ разборѣ, соблазнились отдѣльными выраженіями, слишкомъ огорчились мнимымъ неуваженіемъ къ любимому писателю, и читая полемическій конецъ, забыли неутральное начало, отъ чего письмо Ваше и составилось, извините, изъ сплошныхъ недоразумѣній.

Все написанное мною о Дарвинѣ, пишете Вы ко мнѣ, „идетъ въ разрѣзъ съ тою задачею, которую я преслѣдовалъ, 1, какъ человѣкъ науки, 2, какъ историкъ, 3, какъ философъ, 4, какъ религіозный вполнѣ человѣкъ“.

Мнѣ стоитъ только привести къ одному знаменателю мысли, разсѣянныя въ моемъ разборѣ и въ Вашей статьѣ о предметахъ нашей бесѣды, и всѣ тяжелыя обвиненія по четыремъ пунктамъ разсѣются какъ дымъ; филиппика потеряетъ смыслъ и самое имя за неимѣніемъ филиппа, то есть, предмета обороны.

Отвѣчаю по первому пункту. Въ началѣ моего разбора обороны:

„Кто прочтетъ книгу Дарвина, за того я спокоенъ; наука, тщательно и искренно изучаемая, вреда принести не можетъ, и всякое чистое стремленіе къ ней вознаграждается рано или поздно, и приноситъ благіе плоды“.

Или: „система Дарвина есть примѣчательное; важное явленіе въ исторіи науки, которой принесетъ она пользу посредственно и непосредственно; посредственно—вызывая возраженія и содѣйствуя укрѣпленію другихъ воззрѣній; непосредственно—доставляя свои наблюденія и замѣчанія, поступающія въ общую сокровищницу“.

Надѣюсь, что послѣ такихъ словъ Вы возмете назадъ обидное подозрѣніе, возложенное на меня, какъ на служителя науки?

Второе обвиненіе относится ко мнѣ, какъ къ служителю именно исторіи. Здѣсь позволяю себѣ распространиться болѣе.

Въ этомъ параграфѣ Вы жалуетесь сперва, „что до настоящаго времени только одна наука объ органическихъ формахъ, только Ботаника и Зоологія, стоятъ какимъ-то бѣльмомъ въ стройномъ рядѣ другихъ наукъ; только въ нихъ, что ни форма, то и отвѣтъ: не знаю“.

Утѣшьтесь: въ Ботаникѣ и Зоологіи формы поставлены по крайней мѣрѣ рядомъ, по какимъ ни на есть признакамъ, а въ Исторіи, неужели Вы думаете, что найдена связь между Индійскою пагодою, Египетскою пирамидою, Аѳинскимъ партеноном̀ъ, Стазбургскимъ соборомъ, храмомъ Св. Петра? Или между Навуходоносором̀ъ, Киром̀ъ, Александром̀ъ Македонскимъ, Цесарем̀ъ, Карлом̀ъ Великимъ, Чингисъ-Ханом̀ъ, Фридрихом̀ъ Великимъ, Наполеоном̀ъ? Между ведами, ученіем̀ъ Зороастра и Конфуція, стоической философіею, закономъ Магометовымъ и міром̀ъ Сѣверной Едды? Зданія, ученія, люди, стоятъ рядомъ только въ хронологіи, а органическая связь принадлежитъ по большой части къ pia desideria.

Вы говорите мнѣ: „Весьма естественно было бы (при знакомствѣ съ Дарвиновой системой) слѣдующее ваше предсказаніе, какъ историка: такъ какъ на органическія формы должно смотрѣть или какъ на проявившіяся раздѣльно другъ отъ друга на землѣ, или же какъ на естественно развившіяся однѣ изъ другихъ; такъ какъ первое начало исключительно до сихъ поръ господствовало въ наукѣ, и такъ какъ Зоологія и Ботаника его эксплуатировали до дна, и дошли только до ревизской сказки организмовъ, именуемой систематикой, и въ своихъ попыткахъ выше табели о рангахъ въ классификаціи не выработали, то естественныя науки сдѣлаютъ поворотъ: онѣ станутъ разработывать иную возможную точку зрѣнія, и посмотримъ, не будутъ ли съ нею счастливѣе.... Для васъ, какъ для историка цивилизаціи и наукъ (теорія Дарвина) должна бы являться необходимостью, естественнымъ шагомъ развитія, періодомъ, который *должна* прожить наука, и необходимо проживетъ, и тѣмъ болѣе впадетъ въ крайности, чѣмъ болѣе лицъ будутъ поддерживать реакцію статьями и отзывами о Дарвинѣ, подобно написаннымъ Вами".

Очень радъ, что могу порадовать Васъ, любезнѣйшій рецензентъ, не только скорымъ, но даже заблаговременнымъ исполненіемъ Вашего лестнаго ожиданія: слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ вотъ что я писалъ въ своихъ афоризмахъ относительно Исторіи:

„Въ Исторіи царствовалъ доселѣ эмпиризмъ и необходимо. Только съ эмпирическими познаніями можно строить системы. Пусть работаютъ эмпирики, собираютъ, очищаютъ, распредѣляютъ событія: тогда изъ самой Исторіи явится и разовьется ея система. Прикладывать Исторію къ готовой теоріи—тоже, что класть ее на Прокрустово ложе. Эта наука даже въ рукахъ эмпириковъ начнетъ теперь перемѣнять лице свое. Она

занимается теперь еще разностями, экземплярами,— но ихъ естественно будутъ подводить подъ итоги и уменьшать число собственныхъ именъ. Одни опыты будутъ удачнѣе другихъ".

Не хотите ли послушать еще нѣчто, ближе подходящее къ вашимъ pia desideria?

„(Тогда) откроется положительно то, что теперь предугадывается: *вездѣ царствуетъ одинъ законъ*. Монархическій, республиканскій образъ правленія, торговля, изящныя искусства, развивались и развиваются потому же закону, по которому развивались и развиваются *царство произбаемыхъ*, умъ человѣческій, планетная система, языкъ, наука Исторіи и пр. и пр."

„Всѣ (частныя) Исторіи могутъ быть вытянуты параллельными линіями своего рода: всѣ онѣ суть виды одного рода и находятъ себѣ разительное подобіе *въ развитіи царствъ природы*".

Наконецъ вотъ что было сказано въ заключеніи вступительной лекціи на каѳедрѣ Всеобщей Исторіи, въ 1833 году, (тѣмъ курсамъ, замѣчу кстати, гдѣ были: Станкевичъ, Строевъ, Константинъ Аксаковъ, Бодянскій и проч.):

„Сотвореніе міра физическаго происходило высокимъ порядкомъ,—это сказуетъ намъ Моисей, и объясняютъ и доказываютъ Лапласъ, Кювье, Филаретъ. Царство произбаемыхъ, напримѣръ, возможно прежде животныхъ, а суша устроилась, когда слились воды; свѣтъ сосредоточился по раздѣленіи хаоса, и за вторымъ днемъ не могъ слѣдовать пятый, но третій. Такъ вѣрно происходило и въ Исторіи. Вѣрно духъ человѣческій такъ же постепенно выдѣлывался, *какъ природа*; вѣрно дѣйствія его составляютъ такую же непрерывную *цѣпь*, *какую составляютъ естественныя произведенія, въ которой всякое кольцо необходимо, безъ излишку и недостатку, держится всѣми*

предыдущими и держитъ въ свою очередь всѣ послѣдующія; вѣрно и для сотворенія природы нравственной есть вторые шесть дней творенія, коихъ историкомъ долженъ быть новый Моисей.“

Пересмотрите мои Историческіе афоризмы, и Вы найдете тамъ, можетъ быть, еще что нибудь въ оправданіе мое по второму пункту. *

По третьему, философическому, пункту Вы сосредоточиваете смыслъ Вашего обвиненія въ совѣтѣ „не передавать въ легкой формѣ насмѣшливыхъ замѣтокъ на униженіе и посмѣяніе строгонаучную и философскую попытку человѣческаго ума, и ума геніальнаго, на растерзаніе тѣмъ, которые не обладаютъ ни достаточнымъ знакомствомъ съ научными изслѣдованіями и требованіями, ни достаточною подготовкой, чтобъ быть судьями дѣла.“

Отдаю на Вашъ судъ, нуженъ ли этотъ совѣтъ, можетъ ли онъ быть данъ сказавшему:

„Ученымъ противникамъ своимъ Дарвинъ принесетъ вѣрно много пользы, какъ они приносятъ ему“;

„Дарвинъ оказалъ, можетъ быть, великую пользу наукѣ о природѣ, подмѣтивъ и подобравъ наибольшее количество.... аналогій. Окенову систему натуральной философіи можно много ими дополнить или иллюстрировать.“

„Не говорю о томъ, въ какой степени обогащается наука о природѣ, сравнительное естествовѣденіе, обширными, разнообразными наблюденіями и открытіями Дарвина“.

По какому же праву спрашиваете Вы меня, имѣю ли „основаніе предполагать, что и изъ теоріи Дарвина въ окончательной

---

* Обращаю вниманіе читателей на эти Историческіе афоризмы, писанные въ 20-хъ, и напечатанные въ 30 годахъ: они соотвѣтствуютъ содержанію нынѣшней Простой рѣчи. Обращу вниманіе также въ этомъ смыслѣ на вторую часть повѣсти „Невѣста на ярмаркѣ: Счастіе въ несчастіи“

ея формѣ не выработается такихъ же простыхъ, ясныхъ данныхъ относительно біологическихъ формъ, какія выработали Геологія и Астрономія по предметамъ своихъ изслѣдованій, съ которыми Вы тоже помиритесь съ религіозной точки зрѣнія, какъ помирились съ неподвижностію солнца".

Помилуйте, не тожели самое сказалъ я, даже не съ Вашею воздержностію и неизвѣстностію, а съ твердымъ убѣжденіемъ еще въ слѣдующихъ словахъ:

„Я увѣренъ, что между внимательными читателями Дарвина найдутся многіе, которыхъ поразятъ не выводы его, не суммы, а посылки, слагаемыя, и эти читатели, видя во очію раскрываемые предъ ними законы природы, почувствуютъ живо тотъ страхъ Божій, который почитается началомъ премудрости".

По четвертому пункту я не знаю, гдѣ Вы нашли у меня требованія „отъ научнаго сочиненія формъ акаѳиста или богословскаго упражненія".

„Такія формы", продолжаете Вы, „всего болѣе способны повести къ реакціи, научныя же изслѣдованія, по тому же показанію, не вредятъ религіозному чувству".

Вы просто приводите меня въ недоумѣніе, любезнѣйшій рецензентъ, повторяя мои мысли почти моими словами, какъ возраженія, противъ меня обращенныя (см. выше ст. 449), Я вижу теперь ясно, что Вы, прочитавъ мой разборъ, начали писать противъ него по памяти, подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ частныхъ замѣчаній.

Въ началѣ моего разбора сказано:

„Я увѣренъ, что Дарвинъ есть самый благочестивый человѣкъ, и лучше многихъ, яснѣе созерцая премудрость творенія, преклоняется предъ нею и передъ ея „таинственнымъ Повелителемъ," точно какъ соотечественникъ его Ньютонъ снималъ шляпу, произнося имя Божіе".

„Я увѣренъ, что онъ не только благочестивый человѣкъ, но и ревностный протестантъ, соблюдаетъ свято всѣ обряды своего вѣроисповѣданія. Его изслѣдованія, его наука—сами по себѣ, а онъ—самъ по себѣ".

„Дарвинъ представляется мнѣ самымъ скромнымъ человѣкомъ, человѣкомъ, ищущимъ истины искренно."

„Многообразныя свѣдѣнія его объ естественной Исторіи изумительны; зоркою наблюдательностію, способностію припоминать, обобщать наблюденія, имѣть всю природу какъ бы на ладони у себя, едвали кто изъ натуралистовъ обладалъ въ такой степени".

Скажите, спрашиваю кстати, неужели человѣкъ, выражавшійся такъ о Дарвинѣ, можетъ думать объ его осмѣяніи, или предполагать бросаніе грязью въ науку?

Итакъ въ опытѣ диллетантскаго разбора моего, смѣю надѣяться, воздана, по мѣрѣ силъ, должная справедливость геніальности Дарвина и показана относительная важность, польза, его изслѣдованій,—относительная, а не безъусловная, какая приписывается ей у нашихъ философовъ-попугаевъ.

Дарвинова система въ исторіи науки съ ея изученіемъ и Дарвинова система съ ея распространеніемъ среди молодежи, въ толпѣ, безъ изученія—двѣ вещи, совершенно разныя; первая можетъ идти своимъ путемъ или порядкомъ; второй должно всячески мѣшать и не давать ходу, по моему крайнему разумѣнію.

У насъ появилось вдругъ три перевода Дарвинова сочиненія, и въ объявленіяхъ газетныхъ, для зазыва и приманки читателей, печаталось во всеуслышаніе, что у Дарвина доказывается происхожденіе человѣка не отъ обезьяны, какъ прежде, а отъ какаго-то косматаго звѣря.

Въ родственныхъ журналахъ разнеслись тотчасъ клики о послѣднемъ словѣ науки, о наступленіи новой эры, о торжествѣ прогресса, какъ будто рѣшены были всѣ высшія человѣческія задачи. Такъ падки всѣ у насъ на новизну, столько охотниковъ попользоваться даровщинкой, прослыть ревнителями науки на шаромыгу.

Явился молодой, талантливый писатель, который взялся быть истолкователемъ, популяризаторомъ системы, и дѣйствительно исполнилъ это съ блескомъ.

Судьбѣ угодно было, чтобъ онъ вскорѣ утонулъ, и вотъ за гробомъ его идутъ двѣсти человѣкъ, между которыми было много дѣвушекъ, а въ газетахъ выражается удивленіе, какъ могло случиться, чтобъ явилось такъ мало провожатыхъ— (во тьму, въ ничтожество!) и собирается капиталъ для основанія стипендіи въ память его журнальной-философской дѣятельности.

Пропаганда дѣйствуетъ; переводятся подходящія книги, о которыхъ должно сказать тоже, что и о Дарвинѣ, касательно ихъ употребленія; сочиняются свои книжки для дѣтскаго чтенія; учреждаются учебные сады; устанавливаются, слышно, пени въ семействахъ между неофитами за исполненіе прежнихъ семейныхъ обязанностей; нынѣ слышишь объ одномъ убійствѣ, завтра о такомъ-то покушеніи, о бѣгствѣ изъ родительскаго дома, вотъ и отзывъ Швейцарскаго муниципалета о поведеніи Русскихъ дѣвушекъ съ обрѣзанными косами! Въ тоже время легкомысленная, чтобы не сказать болѣе, журналистика подвергаетъ ругательствамъ и насмѣшкамъ всякое замѣчаніе о злѣ, происходящемъ отъ совокупности новыхъ ученій, не выразумленныхъ, перетолкованныхъ, злоупотребленныхъ! Отсталые, невѣжи, друзья тьмы, гасильники, враги прогресса, кричатъ на предостерегателей продажные или ослѣпленные борзописцы, и несмысленная толпа ободряется,

а у общества, очень впрочемъ не зрячаго, глаза отводятся въ сторону. Оно увидитъ наконецъ вредъ отъ покровительствуемыхъ канкановъ, да уже, можетъ быть, поздно, и получитъ достойное себѣ наказаніе.

Въ виду этихъ печальныхъ обстоятельствъ, я отвлекся отъ своего любимаго дѣла, разсуждая: заниматься отношеніями Мстиславовъ и Ярополковъ любопытно, Сильвестры и Скопины—лица достойныя, но нельзя же оставлять безъ вниманія той Исторіи, которая совершается во очію: долгъ гражданской совѣсти требуетъ, чтобъ всякій, завидя издали пожаръ, бросалъ свои занятія и бѣжалъ скорѣе съ своимъ ведромъ на мѣсто опасности. Вотъ въ силу какого соображенія принялся я за Дарвина, и постарался написать свое мнѣніе, какъ можно простѣе,—да впрочемъ я и не умѣю писать иначе,—постарался представить молодежи, стоящей на распутіи, какъ можно яснѣе, положеніе дѣла, сущность системы, или, лучше сказать, гипотезы, и доказать, что напрасно она выставляется невѣжами, какъ послѣднее, конечное слово науки, имѣющее быть путеводною звѣздою для жизни. Руководствуясь здравымъ смысломъ, я старался указать ея слабыя стороны, какъ онѣ мнѣ представились, безконечные и безчисленные пробѣлы, наконецъ ея слѣдствія, выводимыя математически, по правиламъ логики, кои оканчиваются прямо абсурдомъ, нелѣпостію. Чтобы изъ алмаза выродился когда нибудь розанъ, или изъ утробы кита, дельфина, вылетѣлъ соловей, изъ бабочки, змѣи, выработалась обезьяна, и потомъ человѣкъ съ совѣстью, любовью, фантазіею, такое заключеніе нельзя назвать, кажется, иначе, какъ абсурдомъ, нелѣпостію; точно также какъ и предположеніе, чтобъ изъ всякаго рода животныхъ одна часть, побѣдоносная, служила всегда къ усовершенствованію породы, и продолженію, развитію творенія,

а другая оставалась на вѣки вѣковъ in statu quo, и не могла бъ никакъ возвышаться, въ противоположность родной, счастливой половины. Я старался представить, что взглядъ Дарвиновъ на царство животныхъ многообъемлющій, но заключеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики; что указанія Дарвиновы могутъ подвинуть, и подвинутъ, безъ сомнѣнія, науку впередъ, а заключеніе, какъ произвольное, ни на чемъ не основанное, и ни чѣмъ не подтвержденное, непремѣнно отвергнется, какъ и отвергается многими достойными учеными; премудрость творенія представится яснѣе, вслѣдствіе начатыхъ изслѣдованій по указаніямъ Дарвина, но основные вопросы человѣка возстанутъ еще настоятельнѣе. Наконецъ мнѣ хотѣлось напомнить, что самъ Дарвинъ преклоняется предъ вопросомъ о возникновеніи жизни, и считаетъ его для себя, для науки, неразрѣшимымъ; что самъ Дарвинъ ссылается „на величайшіе изъ когда либо жившихъ умовъ, которые утверждали бытіе Божіе“, а это умалчивается нашими борзописцами.

Отдавая на судъ Вашъ мою статью, я ждалъ отъ Васъ замѣчаній и объясненій, такъ ли я понялъ то или другое мнѣніе Дарвина, правильно ли я вывелъ то или другое заключеніе изъ его мыслей, не пропустилъ ли какого положенія, противорѣчащаго моимъ заключеніямъ. Въ шутливыхъ моихъ выраженіяхъ, обращенныхъ къ обществу, къ толпѣ, а не къ ученымъ, заключается однакожъ смыслъ, имѣющій право, смѣлъ я думать, на вниманіе, но Вы не опровергли ни одного моего замѣчанія научнымъ, такъ называемымъ, образомъ, а вооружились на меня только общими мѣстами о наукѣ, о философіи, о религіи, и абсурдъ, извлекаемый изъ гипотезы, назвали каррикатурою, мною сочиненною, обвинили меня въ доставленіи толпѣ повода бросать грязью въ науку.

Бросать грязью въ религію, Вы утверждаете между прочимъ, не принесетъ вреда религіи, а бросать грязью въ науку, наоборотъ, мѣшаетъ ея успѣхамъ. Позвольте остановиться на этихъ положеніяхъ: здѣсь есть двойное противорѣчіе. Бросать грязью въ религію не принесетъ, правда, вреда религіи, въ глазахъ людей образованныхъ, благочестивыхъ, ученыхъ, а на молодежь, склонную по своему возрасту къ отрицаніямъ и сомнѣніямъ, а на грубую массу, склонную къ порокамъ, неужели эта грязь, родственная съ необузданностію, не произведетъ соблазнительнаго, пагубнаго дѣйствія?

Бросать грязью въ науку постыдно,—кто можетъ о томъ спорить,—но скромное замѣчаніе, хотя бы и въ шутливой формѣ, о той или другой ошибкѣ, о томъ или другомъ неправильномъ заключеніи, никакъ нельзя приравнивать къ грязи,—и равнодушная толпа, не имѣющая никакого отношенія къ наукѣ, не получитъ въ подобныхъ замѣчаніяхъ никакого новаго для себя, липняго побужденія къ оскорбленію науки, а еслибъ даже и получила по недоразумѣнію, то наукѣ самой отъ расположенія такой отчаянной толпы вреда произойдти не можетъ.

А кто занимается наукою по любви, того не поколеблетъ никакая насмѣшка надъ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ.

Вы говорите, что время возьметъ свое, истина всегда одержитъ верхъ. Это такъ, но надо вѣдь думать и о тѣхъ поколѣніяхъ, которыя будутъ страдать, пока истина одержитъ верхъ.

Въ отвѣтѣ Вашемъ Вы, любезнѣйшій мой рецензентъ, расширяете слишкомъ съ одной стороны права науки, а съ другой стѣсняете ихъ не въ мѣру, не позволяя никому судить ни объ чемъ, къ ней относящемся, кромѣ посвященныхъ

жрецовъ, штатныхъ чиновниковъ въ особыхъ мундирахъ. О частностяхъ, подробностяхъ, я согласенъ съ Вами, не могутъ разсуждать профаны, но объ общностяхъ, о заключеніяхъ, о мнѣніяхъ, запретить имъ слово—не справедливо.

Позвольте напомнить Вамъ эпиграмму Пушкина, (присланную имъ мнѣ для альманаха Уранія, въ 1825 году,) которая, какъ нельзя лучше, изображаетъ наши взаимныя съ Вами отношенія:

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый,
Другой смолчалъ, и сталъ предъ нимъ ходить.

Въ своей филиппикѣ за науку Вы какъ будто не дозволяете ходить предъ учеными отрицателями движенія; Вы не позволяете произносить ни слова о системѣ Дарвиновой никому, у кого нѣтъ въ рукахъ микроскопа или скальпеля, кто не можетъ разсуждать, разбирать, девять или десять хвостовыхъ позвонковъ у macacus inornatus.

Позвольте Вамъ замѣтить, что законы Логики принадлежатъ одинаково спеціалистамъ и не спеціалистамъ, и восклицаніемъ procul profani не слѣдуетъ казнить неспеціалистовъ, оглашенныхъ, относящихся съ должнымъ почтеніемъ къ вопросамъ той или другой науки.

Я осматривалъ на дняхъ строющійся храмъ Спасителя, и думалъ о Вашемъ запрещеніи: не архитекторъ, я не могу цѣнить вполнѣ ту или другую красоту, или осуждать по правиламъ искусства то или другое безобразіе, но соразмѣрности частей, отношеніе длины къ ширинѣ, высотѣ,—помилуйте,—эти явленія подлежатъ общему суду. Такъ и ваша наука имѣетъ стороны, доступныя для всякаго образованнаго человѣка.

Прочитавъ внимательно Ваше письмо, я осмѣливаюсь стоять на своемъ, и повторить свое мнѣніе съ подтвержденіемъ.

Дарвинова система разсматриваетъ и объясняетъ природу, или, лучше сказать, царство животныхъ, какъ она есть, и предлагаетъ догадку объ его происхожденіи; другія системы разсматривали и разсматриваютъ его иначе; вотъ третья, на вчерашнемъ почти съѣздѣ естествоиспытателей, въ Лондонѣ, обращаетъ вниманіе, что „въ нашей атмосферѣ есть частицы, которыя не поддаются ни микроскопическому, ни химическому анализамъ, которыя непомрачаютъ воздуха, и которыя, тѣмъ не менѣе, существуютъ. Должно ясно отдать себѣ отчетъ, что между микроскопическою и истинно молекулярною гранью есть свободное пространство для безконечныхъ видоизмѣненій и комбинацій. Въ этой-то области располагаются полюсы атомовъ, силы получаютъ направленіе, такъ что когда эти полюсы и силы могутъ свободно дѣйствовать, и встрѣчаютъ подходящій стимулъ въ удобной средѣ, ими опредѣляется сперва зародышъ, а потомъ полный организмъ. Ясно, что за настоящими предѣлами микроскопическаго изслѣдованія лежитъ неизмѣримое поле для упражненія воображенія. Впрочемъ только привиллегированные умы, знающіе какъ пользоваться свободою, не злоупотребляя ею, способны работать здѣсь съ какою либо пользою.“

Дарвинъ представилъ не систему, а гипотезу о системѣ, въ которой по нѣкоторымъ, положимъ, многимъ, открытымъ имъ даннымъ, изъ безчисленной цѣпи колецъ, ниже ни въ какихъ двухъ, не представлено имъ строгой научной связи, какая требуется системою. А вся система должна бы представить вѣдь полную генеалогію природы по всѣмъ ея царствамъ!

Самъ Дарвинъ говоритъ, что даже, въ вѣнцѣ системы, „между человѣкомъ и низшими формами, отъ которыхъ произошелъ онъ, до сихъ поръ не открыто еще соединительныхъ звеньевъ.“*

Или: „что касается до величины тѣла или силы, то мы не знаемъ, произошелъ ли человѣкъ отъ какого нибудь сравнительно малаго вида обезьянъ, въ родѣ чимпанзе, или отъ такаго мощнаго, какъ горилла. Поэтому и не можемъ сказать, сталъ ли человѣкъ больше и сильнѣе, или, наоборотъ, меньше и слабѣе своихъ прародителей.“ **

А съ кѣмъ мнимые прародители находились въ ближайшемъ родствѣ, — ни слова, и т. д. Дарвинъ не указываетъ даже на дѣда.

Не станемъ останавливаться и затрудняться временемъ, которое потребуется для наполненія, подтвержденія (со всѣми спорами) намѣченной гипотезы; положимъ, что это, чрезъ сколько было ни было лѣтъ, будетъ достигнуто: безпристрастный посторонній наблюдатель, пожалуй, профанъ увидитъ, съ благодарностію къ почтеннымъ труженикамъ науки, послѣдователямъ Дарвина, тожество, единство закона, всемірную аналогію, соотвѣтствіе, — которыя напечатлѣваются по какимъ-то таинственнымъ законамъ на всѣхъ, даже случайныхъ, временныхъ явленіяхъ въ жизни, но чѣмъ же докажется *происхожденіе* одной формы отъ другой, спроситъ онъ, какъ спрашиваетъ и теперь? Кто видѣлъ это происхожденіе, кто былъ крестнымъ отцемъ? Дарвинъ показываетъ постепенности творенія, утверждаетъ, что одно произведеніе, существо, растеніе, животное, сложнѣе, совершеннѣе другаго, но по какому праву онъ утверждаетъ, что онѣ произошли одна отъ другой, — это только его догадка!

---

* Д. 1, с. 208. ** Д. 1, с. 174

Догадка, гипотеза постепеннаго происхожденія въ царствѣ животныхъ станетъ рядомъ съ аксіомой аналогіи, господствующей во всей вселенной, и подтверждаемой безпрестанно всѣми открытіями. Немудрено предвидѣть, кто кого переспоритъ, на чьей сторонѣ останется побѣда.

Наконецъ и аксіома и гипотеза, за океаномъ тысячелѣтій, должны умолкнуть со страхомъ и трепетомъ предъ роковыми вопросами о началѣ происхожденія, о началѣ аналогическаго закона: откуда первоначальное вещество, какъ возникла въ немъ жизнь, и началось именно это развитіе, какъ и чѣмъ оно кончится? То есть наши потомки, чрезъ милліоны тысячелѣтій, найдутся въ томъ же положеніи, въ какомъ находимся мы и теперь, останавливаясь на однѣхъ позитивныхъ наукахъ.

Заключу мой отвѣтъ выпискою изъ рѣчи, произнесенной знаменитымъ Тиндалемъ на послѣднемъ съѣздѣ Британскихъ естествоиспытателей, въ оправданіе предъ любезнымъ рецензентомъ моей дилетантской дерзости судить о системѣ Дарвана, и печатать свое мнѣніе. Читатели увидятъ, что въ рѣчи Тиндалевой говорится тоже, что сказано и въ моемъ разборѣ.

„Дарвинъ рискованнымъ образомъ посягнулъ на матерію въ своей исторіи пангенеза. По этой теоріи микроскопическій зародышь есть уже цѣлый міръ меньшихъ зародышей. Не только организмъ, какъ цѣлое, заключенъ весь въ зародышѣ, но каждый органъ организма имѣетъ въ немъ свое особенное сѣмя. Наблюденіе, воображеніе и разумъ, совокупными силами, способствовали Дарвину прослѣдить мысленно *съ изумительнымъ остроуміемъ* и *успѣхомъ* извѣстный рядъ біологическихъ послѣдовательностей. Руководясь аналогіей, онъ въ его сочиненіи „о происхожденіи видовъ“ поставилъ корнемъ жизни первообразный зародышъ, изъ котораго, по его понятію,

можетъ быть выведено все изумительное богатство и разнообразіе жизни, нынѣ населяющей земную поверхность. Но если бы его теорія и была справедлива, на этомъ *дѣло некончилось бы.* Человѣческое воображеніе неизбѣжно заглянуло бы далѣе зародыша, и стало бы вопрошать исторію его происхожденія." *

„Въ чемъ въ самомъ дѣлѣ заключается вся суть этой гипотезы естественнаго развитія? Разоблачите ее до нага, и предъ вами предстанетъ мысль, будто не только самыя низшія формы животной жизни, не только болѣе благородныя формы коня и льва, не только изящный и удивительный механизмъ человѣческаго тѣла, но что самый духъ человѣческій,— чувство, умъ, воля и всѣ ихъ проявленія,—все это было нѣкогда скрыто въ огненномъ облакѣ.(?) Конечно простое заявленіе такого понятія есть уже само по себѣ *больше, чѣмъ его опроверженіе.* Я не думаю, чтобы кто нибудь изъ сторонниковъ эволюціонной гипотезы сказалъ мнѣ, что я преувеличиваю ее." **

Позвольте и изъ Вашего нисьма, любезнѣйшій рецензентъ, выписать въ заключеніи моего отвѣта слѣдующее мѣсто, въ которомъ убѣжденіе выражается тверже моего:

„Наука имѣетъ идеаломъ истину, религія ее своею основою; если наука окончательно выработала истину, то эта истина непремѣнно окажется какъ результатъ, какъ частное истинъ религіознаго изученія."

Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ почтеніи.

Іюля 3, 1873 г.

---

* Русскій Вѣстникъ 1870 г. Сентябрь с. 332.

** Ib. с. 333.

По окончаніи отвѣта естествоиспытателю, мнѣ попалась на глаза въ послѣдней книгѣ Вѣстника Европы статья о Литтре.

Выпишу изъ нея нѣсколько строкъ, съ замѣчаніями, къ поясненію мыслей, выше предложенныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Не сознавая обязанности заботиться о сохраненіи плана, котораго въ извѣстномъ смыслѣ нѣтъ во всей книжкѣ, имѣющей цѣлію преимущественно произвесть только настроеніе, возбудить вниманіе, дать поводъ задуматься, — я не хочу, до послѣдней минуты передъ выходомъ ея въ свѣтъ, не опускать ничего, что можетъ содѣйствовать въ пользу этого настроенія, вниманія, размышленія, и готовъ печатать найденное хоть на обверткѣ,—и вотъ послѣ всѣхъ вступленій, дополненій, объясненій и даже послѣ послѣсловія, еще пять вставокъ, или, какъ говорилъ Даль, привѣсковъ къ сказанному.

1. Литтре о позитивной философіи.

„Въ основѣ своей положительная философія отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что, разъ признавъ „относительность“ человѣческаго знанія, она никогда и нигдѣ не забываетъ этого факта и строго сдерживается въ его границахъ. Подъ относительностью человѣческаго знанія слѣдуетъ разумѣть то, что *нашему знанію есть предѣлы;* все что находится въ предѣлахъ познавательной способности разума,—все это составляетъ положительное знаніе; все другое, въ познаніи чего играетъ главнымъ образомъ фантазія,—все это положительная философія отвергаетъ, какъ знаніе гипотетическое, положительнымъ наблюденіемъ и опытомъ не доказанное. Какъ бы вѣроятными эти гипотезы ни казались, она не принимаетъ ихъ, и не выводитъ изъ нихъ никакихъ заключеній, не строитъ на нихъ ни системъ, ни предположеній,

ми догадокъ. *Мы никогда не можемъ узнать всего*,—говоритъ позитивизмъ,—*и всѣ наши усилія достичь абсолютнаго, безусловнаго знанія, не могутъ дать положительныхъ результатовъ*; будемъ-же скромны и ограничимся въ нашихъ научныхъ стремленіяхъ тѣмъ полемъ, гдѣ открытъ просторъ наблюденію и опыту, и станемъ принимать за истину лишь то, что можетъ быть изслѣдовано и провѣрено научнымъ образомъ,—только такимъ путемъ мы пріобрѣтемъ дѣйствительныя, положительныя знанія, изъ которыхъ можно выводить вѣрныя заключенія какъ для нашей матеріальной жизни, такъ и для нравственной. (?!) Все прочее, что сочиняютъ разныя абсолютныя теоріи, всегда вело лишь къ заблужденіямъ и ошибкамъ, и продолжаетъ вести къ тому же и теперь. Согласимся разъ навсегда, что и наши конценціи, наши доктрины, наши системы, никогда не могутъ стать абсолютными, и должны оставаться, и по сущности своей и по необходимости, относительными. Матеріальное пространство есть ничто иное, какъ образъ пространства умственнаго: что ограничиваетъ одно, тѣмъ же ограничено и другое. Наши концепціи, наши доктрины, наши системы, могутъ быть вѣрными лишь для человѣчества и среди человѣчества. Тщетною и ребяческою оказалась бы гордость наша, еслибъ мы вздумали достигнуть чего-нибудь универсальнаго въ опредѣленномъ и безусловномъ смыслѣ. Но благородно и справедливо можетъ хвалиться человѣкъ тѣмъ, что посредствомъ генія и терпѣнія ему удалось вызвать свѣтъ, постоянно возрастающій—интеллектуальное солнце, которое просвѣщаетъ его въ созерцаніи вещей и ведетъ его по пути коллективной жизни.“ *

---

* Вѣстникъ Европы 1873 г. Іюнь. с. 899. Въ подлинникѣ La science au point devue philosophique. стр. 14.

...„Я никогда не найду лишнимъ повторить,“—прибавляетъ Литтре,—„что все мыслимое или немыслимое имѣетъ приложеніе лишь въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ: таковъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ результатовъ психической физіологіи. Въ этихъ предѣлахъ эти термины обладаютъ истиной, достовѣрностью, вѣрностью, но при первой попыткѣ перенести ихъ за наши предѣлы, мы уже лишаемся увѣренности въ томъ, что они имѣютъ какое-либо значеніе, и они падаютъ на насъ какъ оружіе, неудачно брошенное въ пространство. Извѣстно, что человѣческій разумъ не предугадываетъ міра, а открываетъ его посредствомъ опыта, и извѣстно также, что *опытъ не имѣетъ никакаго значенія въ вопросахъ сущности и начала.* *

...„Ничто ни даетъ намъ правъ распространять психическую теорію нашего сознанія и сознанія животныхъ на *всѣ* вещества, во *всѣ* времена и во *всѣ* пространства“.

...„Положительная философія имѣетъ въ виду разъяснять лишь то, что подлежитъ *человѣческому опыту и наблюденію*, но каждый разъ, когда логика даннаго времени пытается проникнуть за предѣлы опыта и наблюденія, философія позитивистовъ благоразумно останавливается, и скромно сознается *въ безсиліи человѣческаго разума*. За этими предѣлами,—говоритъ Литтре,—„положительная наука *ничего не отрицаетъ и ничего не утверждаетъ*; она, однимъ словомъ, *не знаетъ непознаваемаго, но констатируетъ о существованіи его*. Такова высшая философія; идти еще далѣе химерично, не доходить до этого значило бы бѣжать отъ нашего назначенія.“ **

---

* Стр. 321. ** Стр. 562.

„Человѣческій разумъ, въ продолженіи своего развитія, не разъ принималъ вещи, которыя прежде казались ему немыслимыми, и отказывался отъ другихъ, которыя считалъ единственно логичными: *эта психическая несостоятельность въ немъ есть.*“

Что же говоритъ здѣсь Литтре, представитель такъ называемой позитивной философіи, предъ которымъ преклоняется скопище нашихъ обезьянъ, попугаевъ, сорокъ и прочихъ рыцарей Петербургской свистопляски со всѣми прихвостнями in partibus.? (Мы отмѣтили важныя для насъ слова курсивомъ).

Человѣческому знанію здѣсь положены предѣлы.

Позитивная философія признаетъ своимъ предметомъ только подлежащее наблюденію и опыту, то есть, подлежащее только нашимъ пяти чувствамъ.

Опытъ не имѣетъ никакого значенія въ вопросахъ сущности и начала, то есть, о сущности и началѣ мы не можемъ знать ничего по опыту, слѣдовательно и толковать объ нихъ позитивная философія неимѣетъ права.

За предѣлами опыта и наблюденія философія позитивистовъ благоразумно останавливается, и скромно сознается въ безсиліи человѣческаго разума.

За этими предѣлами позитивная философія ничего не отрицаетъ, и ничего не утверждаетъ, незнаетъ непознаваемаго, но констатируетъ о существованіи его.

Въ человѣкѣ есть психическая несостоятельность.

Есть непознаваемое.

Прекрасно! Позитивная философія приняла вселенную, comme un fait accompli, отмежевала себѣ пространство, и занялась сочиненіемъ его толковой генеалогической статистики.

Никто неимѣетъ права нарушать ея спокойствія, и мѣшать ея важнымъ и многополезнымъ изслѣдованіямъ. Должно желать ей успѣховъ, и содѣйствовать всѣми силами, кто

сколько можетъ, ея благороднымъ трудамъ, но благоволитъ же и она относиться хоть съ такою же скромностію, къ вопросамъ духовнымъ, лежащимъ, по собственному ея сознанію, внѣ предѣловъ, ей подвѣдомственныхъ.

„Положительная философія не допускаетъ созданія чего бы то ни было изъ ничего.“ Но вѣдь она не можетъ также допустить, чтобъ что нибудь произошло *само собой*.

Позитивная философія разсматриваетъ то, что есть, но откудаже это сущее явилось. Ученые, увлекаясь, могутъ иногда довольствоваться ею, и наслаждаться своими открытіями въ ея предѣлахъ, но чтоже дѣлать всякому простому человѣку съ вопросами, отъ которыхъ никуда уйдти онъ не можетъ, которые не даютъ ему покоя, мучатъ его съ первой минуты сознанія: Что онъ? Откуда? Зачѣмъ онъ здѣсь? Что ему дѣлать, какъ жить? Что ожидаетъ его по смерти?

Роковые вопросы эти присущи человѣку, и никакая позитивная философія, какія бы открытія ни сдѣлала въ отмежеванныхъ себѣ границахъ, не заглушитъ ихъ, то есть не удовлетворитъ духовной жаждѣ человѣка.

Религія и церковь принимаютъ человѣка въ свои объятія, ободряютъ, укрѣпляютъ, утѣшаютъ: за чѣмъ же мѣшать ихъ благодатному дѣйствію, отъ котораго философія и естествоиспытатели отказываются. Оставьте простыхъ людей, со здравымъ разсудкомъ, безъ предвзятыхъ идей, вѣрить, и даже мечтать, или молиться: вѣруемъ, Господи, помози нашему невѣрію.

Иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, сказалъ Іисусъ Христосъ, не вжаждется во вѣки; но вода, юже дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный. Іоан. IV, 14. Сей есть хлѣбъ сшедый съ небесе; не якоже ядоша отцы ваши манну. и умроша. Ядый хлѣбъ сей живъ будетъ вовѣки. VI, 58.

2. Два слова къ статьѣ Профессора Сѣченова.

Профессоръ Сѣченовъ въ превосходной статьѣ (1873 г. Апрѣль, В. Е.), хочетъ, кажется доказать, что Психологія должна быть, и не можетъ иначе быть, какъ продолженіемъ Физіологіи, другими словами, что вся наша умственная, нравственная, духовная дѣятельность находится въ исключительной зависимости отъ первоначальныхъ впечатлѣній, и ихъ такъ сказать, суммъ, плодовъ. — Но чтоже изъ этого?

Физіологія такъ соединяется съ Психологіей, какъ душа съ тѣломъ, мысль съ словомъ, законъ необходимости съ закономъ свободы, или предопредѣленіе съ случаемъ. Такъ соединяется артерія съ веною. Но артерія не есть вена, мысль не есть слово, свобода не есть необходимость, душа не есть тѣло, и Психологія не есть Физіологія.

Соединеніе противоположностей, крайностей или полюсовъ, соединеніе законовъ необходимости съ законами свободы въ Исторіи, при которыхъ случай дѣлается рабомъ судьбы, есть таинство, которое можно развѣ чувствовать, а не понимать— покамѣсть!

3. Засѣданіе у Г. Юма.

Мнѣ случилось, вмѣстѣ съ И. С. Аксаковымъ, быть у Г. Юма въ Петербургѣ, въ Январѣ 1872 года. Осмеро насъ сѣло за большой круглый столъ, покрытый толстымъ зеленымъ сукномъ. Мы всѣ положили руки на столъ. Я сидѣлъ рядомъ съ Г. Юмомъ. Лице Г. Юма простое и открытое, внушающее довѣренность. Начался разговоръ между присутствующими о посторонникъ предметахъ. Мнѣ было это непріятно, и я замѣтилъ, что, въ ожиданіи чего бы то ни было особеннаго, развлекать вниманіе мелочами не прилично. Мнѣ отвѣчали, что

напротивъ это содѣйствуетъ успѣху. Чрезъ нѣсколько минутъ столъ началъ двигаться, приподниматься съ одной стороны, со стоявшею на немъ свѣчею, послышались на разныхъ точкахъ какъ бы удары чѣмъ то твердымъ. Карандашъ, колокольчикъ, изъ рукъ, которыя держалъ кто нибудь послѣ подъ столомъ, вынимался кѣмъ-то или чѣмъ-то ощутительно, и передавался другому лицу на противной сторонѣ. Я почувствовалъ при этомъ какъ будто прикосновеніе чьей-то руки. Послѣ Г. Юмъ посадилъ меня за особый столъ съ мраморной доской, и я чувствовалъ, что мраморъ подъ моей рукою чрезъ нѣсколько минутъ дрожалъ. Вотъ все, что происходило въ этомъ и другомъ послѣдовавшемъ засѣданіи. Фальши никакой предполагать было не льзя. Засѣданія происходили на квартирѣ Академика по части Химіи Бутлерова, съ участіемъ извѣстнаго ревнителя спиритизма А. Н. Аксакова, котораго я знаю съ дѣтства, и въ добросовѣстности котораго совершенно увѣренъ.

Всѣ происходившія явленія—вынуть колокольчикъ изъ рукъ однаго и отдать другому, постучать, пошевелить столомъ,— какъ будто дѣтскія шалости: *а есть что-то!*

Если есть что-то, то и это уже важно, и вызываетъ на размышленіе.

4. Отрывокъ изъ бесѣдъ отца Гіацинта въ Женевѣ въ 1873 году.

„...Софисты-философы стали раскапывать вопросы, которые новѣйшая наука объявляетъ недоступными для рѣшенія; стали доискиваться въ таинствѣ смерти, и увидѣли въ немъ одну мечту и выдумку; стали углубляться въ происхожденіе человѣчества, и у колыбели его признали, вмѣсто библейскаго Адама, изъ земли созданнаго, какое-то невѣдомое существо, медленно выдѣляющееся изъ животной жизни,

выраждающееся сперва въ обезьяну, потомъ въ человѣка. И вотъ, поставивши этого человѣка и у начала его, и у исхода, въ сплошную среду животной жизни, унизивъ его до предѣловъ гніенія, они стали привѣтствовать его величіе: „Какъ ты великъ человѣкъ въ атеизмѣ, и въ матеріализмѣ, и въ свободѣ самочинной, ничему не покоряющейся нравственности!“ Но посреди всего этого страннаго величія человѣкъ этотъ оказался подавленъ грустью. Онъ утратилъ Бога, но сохранилъ потребность религіи. Такъ ощутительна эта потребность, что возможна, мы видимъ, религія даже безъ Бога: таковъ буддизмъ,—религія, одушевляющая милліоны послѣдователей. И въ самомъ дѣлѣ, хотя бы и правда была, что первый человѣкъ выродился изъ среды животной,—что мнѣ въ томъ? Въ книгѣ Бытія указана еще грубѣе матерія, изъ которой созданъ человѣкъ — грязь и прахъ, персть земная. Какая бы ни была та матерія—развѣ въ ней, развѣ въ оболочкѣ весь человѣкъ? Онъ пріялъ отъ Создателя своего, если хотите, скажемъ— отъ природы живую душу, то дыханіе жизни религіозной и нравственной, отъ котораго не можетъ, еслибъ и хотѣлъ, отдѣлаться. Вотъ что не допуститъ его никогда отречься отъ Христіанской религіи.“

(Гражданинъ, № 19), 5. 539.

5. Два слова о Гумбольдтѣ и Паскалѣ.

Подписывая послѣднюю корректуру, получилъ я отъ одного высоко-поставленнаго духовнаго лица письмо, изъ котораго извлекаю два мѣста:

„Объ авторѣ Космоса покойный Митрополитъ Филаретъ, сдавая книгу его въ академическую библіотеку, написалъ на ней слова Апостола Павла: въ премудрости Божіей не

разумѣ міръ (o kosmos) премудростію (своею) Бога. 1 Кор. 1,21 Дѣйствительно Космосъ ничего не говоритъ у Гумбольдта о своемъ Творцѣ.“

„...Главная мысль Паскаля состоитъ въ томъ, что въ Божественномъ откровеніи не все и не для всякаго съ перваго взгляда является свѣтлымъ. Господь нарочито и здѣсь, какъ вездѣ, — въ области природы и въ области разума, — даетъ мѣсто тѣни подлѣ свѣта. Не все свѣтъ, — чтобъ было мѣсто вѣрѣ, чтобъ было мѣсто добровольной преданности, Божію водительству; но и не все тьма: иначе откровеніе было бы однимъ простымъ словомъ. Но на столько здѣсь свѣта, чтобъ при искреннемъ стремленіи къ истинѣ, дойти до нея; и настолько мрака, чтобъ всегда желать новыхъ и новыхъ приливовъ свѣта. Настолько свѣта, чтобы не быть безвиннымъ предъ Богомъ въ своемъ блужданіи, и настолько мрака, чтобъ никогда не чувствовать довольства въ своемъ познаніи божественнаго.“

Сими глубокими мыслями Французскаго мыслителя, славнаго и въ области философіи позитивной, заключу я свой слабый усердный опытъ.

Vade, sed incultus.

ОГЛАВЛЕНІЕ. *)

	Стр.
Предметъ сочиненія. . . .	1
Происхожденіе.	3
Опыты вступленій и случаи.	7
Примѣры непостижимостей.	27
Объ ограниченности разума.	44
О бытіи Божіемъ.	48
Недостатки модной философіи	58
О душѣ.	69
Продолженіе творенія. . .	71
О другомъ мірѣ	73
Что намъ дѣлать.	78
О жизни по смерти. . . .	80
Іисусъ Христосъ.	82
Его ученіе.	83
О подлинности Евангелій.	87
Дѣянія апостольскія. . . .	99
О католичествѣ.	101
Сомнѣнія и недоумѣнія . .	107
О наукѣ богословія. . . .	117
Состояніе человѣка	120
Необходимость вѣры . . .	128
Вообще о современномъ положеніи государствъ . .	131
Современныхъ обществъ. .	133
Современнаго человѣка . .	142
Обращеніе къ нашимъ псевдофилософамъ.	146
Вступленіе къ описанію случаевъ, такъ называемыхъ сверхъ-естественныхъ. .	163
Странная смерть В. Н. Татищева	166
Сонъ Ломоносова.	168
Предвѣстіе М. Филарету о днѣ его кончины. . . .	169
Разсказъ Дмитріева о снѣ Карамзина.	170
Предсказаніе Пушкину объ его смерти.	171
Предсказаніе С. И. Муравьеву-Апостолу	179
Свадьба Н. А. Майкова. .	180
Примѣры предвидѣній. . .	181
Явленія умирающихъ въ минуту смерти.	183
Примѣры внѣшняго участія въ дѣлахъ человѣческихъ.	192
Разсказъ Графа Д. Н. Толстаго	205
Обращеніе Князя В. М. Волконскаго.	211
Изъ жизни Принца Евгенія.	214
Изъ записокъ Бахтина. . .	218
„ „ Лубяновскаго	227
„ „ Греча. . . .	231
„ „ Графини А. Д. Блудовой . .	235
„ „ Барон. Оберкиркъ. . . .	247

*) Оглавленіе предлагается здѣсь приблизительное, такъ какъ строгаго разграниченія предметовъ въ книгѣ нѣтъ и не могло быть по существу ея происхожденіи; нѣкоторые не могли и войдти въ назначенныя рамки.

	Стр.
Изъ записокъ автора . . .	256
Историческія замѣтки. . .	264
Приложенія. Нигилистамъ по поводу дѣла объ изданіи сочиненій Писарева. 269, 288,	293
Эманципація женщины . .	294
О мозговыхъ рефлексахъ .	308
Къ злобѣ дня	311
Петербургское самоубійство	314
Мысли о матеріализмѣ . .	316
Отрывки изъ Іова	328
Дополненія и объясненія..	337
Примѣчательная эпитафія .	349
Замѣчанія.	351
Послѣсловіе	354
Разборъ системы Дарвиной	383
Возраженіе Естествоиспытателя	436
Отвѣтъ автора.	448
О позитивной философіи Литре	464
Два слова къ статьѣ Пр. Сѣченова.	468
Засѣданіе у Юма	469
Изъ бесѣдъ О. Гіацинта. .	470
Отзывы М. Филарета о Космосѣ Гумбольта	471
Мысль Паскаля.	472

Замѣченныя опечатки.

Стр. 23,	стр. 1 снизу,	пропущено названіе журнала: Заря.
Стр. 33,	стр. 11.	съ Мадонною — съ его картиною мадонны.
Стр. 43,	стр. 6 снизу,	же — еже.
Стр. 53,	стр. 9,	называемъ — называемъ Его.
—	стр. 3 снизу,	истинный — истины.
Стр. 56,	стр. 12,	пропущены слова: разумѣется каждой въ извѣстной своей степени.
Стр. 70,	стр. 13,	со смертію — со смертію, смертнымъ.
Стр. 80,	стр. 3,	сынъ — сѣмя
Стр. 86,	стр. 7,	пріиметъ — зачнетъ.
—	стр. 8,	VI — VII.
—	стр. 13,	12 — 2.
—	стр. 17,	Ис. — Ис. IX.
—	стр. 19,	VIII, 61, 17. — LIII, 4.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

И. Г. Соловьева, А. И. Глазунова и прочихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ можно получать слѣдующія сочиненія и изданія М. П. Погодина.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕДШІЯ:

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ИСТОРІЯ ДО МОНГОЛЬСКАГО ИГА

въ трехъ томахъ, въ четвертку, съ атласомъ историческимъ, археологическимъ, генеалогическимъ, географическимъ, заключающимъ около 200 рисунковъ съ современныхъ памятниковъ и проч.

Содержаніе тома I. Введеніе. Великіе князья—Рюрикъ съ братьями. Олегъ. Игорь. Святославъ. Ярополкъ. Володимеръ. Ярославъ. Образованіе государства. Состояніе общества. Сравненіе Русской Исторіи съ Исторіей западныхъ Европейскихъ государствъ. Исторія княжествъ: Кіевскаго. Черниговскаго. Новгородъ-Сѣверскаго. Тмутараканскаго. Переяславскаго. Смоленскаго. Владимиро-Волынскаго. Галицкаго. Туровскаго. Полоцкаго. Новгородъ. Псковъ. Суздальское или Владимирское великое княжество. Муромское. Рязанское. Обозрѣніе внѣшнихъ войнъ и отношеній. Половцы, Ляхи, Ятвяги, Литва, Чудь, Нѣмцы, Датчане, Шведы.

Содержаніе тома II. Обозрѣніе составныхъ частей государства и отношеній ихъ между собою. Князья (ихъ происхожденіе, размноженіе, раздѣленіе княжествъ, право наслѣдства, значеніе великаго князя, отношеніе его къ прочимъ князьямъ, междоусобныя войны за владѣнія изъ за доходовъ, сношенія между собою, власть князя).

Дружина, (раздѣленіе, ея значеніе, отношенія, наслѣдственность званій).—Города (населеніе, вѣча). Земля, волости, дань.—Сельское населеніе. — Общее замѣчаніе. — Неопредѣленность и случайность въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ князей.—Законы.—Общія замѣчанія.—Управленіе. — Торговля, куны (деньги). — Цѣны, пени. Промышленность, земледѣліе.—Скотоводство.—Звѣроловство.—Птицеловство.—Пчеловодство. — Рыболовство. — Солевареніе. — Ремесла. — Частная жизнь.—Пища. — Питье. — Одежда. — Обувь. — Жилища. — Военное дѣло.—Церковь, распространеніе христіанской вѣры.—Слѣды язычества.—Церковное управленіе. — Богослуженіе. — Святцы. — Времясчисленіе. — Посты, кресты, церковное пѣніе, храмы, иконы, сосуды, одежды и пр. Монастыри. — Печерскій монастырь.—Житія святыхъ угодниковъ.—Грамотность и духовное образованіе. — Свѣтское образованіе. — О былинахъ.—Духовные стихи.—Пѣсни.—Слово о Полку Игоревѣ.—Слово Даніила заточеника.—Языкъ главнаго племени, нравы и обычаи. — Народные праздники.—Пословицы.—Сказки.—Загадки. — Заклятія.—Общее обозрѣніе.—Первое Татарское нашествіе.—Продолженіе междоусобій.—Второе нашествіе.—Заключеніе.

Томъ III состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Первое заключаетъ собраніе слѣдующихъ **рисунковъ**, съ объясненіемъ.

Листъ 1. Поверхность Европ. Россіи. 2, 3. Разселеніе племенъ Славянскихъ, по Карамзину. 4. Обозрѣніе Слав. Городства въ Сѣверо-Западной Россіи, Ходаковскаго. 5, 6. Обозрѣніе городищъ, и пр. по всей Россіи, егоже. 7. Образчикъ городища, егоже. 8, 9. Кіевскія древнія насыпи, по Грабовскому. 10. Курганы и камни въ Тверской губ. Ѳ. Н. Глинки. 11. Карпатскія надписи, Русское письмо, по Неднму, Труворовъ камень. 12. Надпись на плитѣ во Владимирѣ Во-

лынскомъ. 13, 14. Вещи, найденныя въ Переяславскихъ курганахъ, Влад. губерніи. 15, 16. Вещи, найденныя въ Звенигородскомъ уѣздѣ Московской губ. 17. Каменныя орудія. 18. Украинскія стрѣлы. 19. Отрывки изъ древнѣйшихъ списковъ св. Кирилловой Похвалы и Меѳодіева житія, XII вѣка. 20, 21, 22, 23, 24. Снимки съ древнѣйшихъ списковъ лѣтописей: Несторовой, Кіевской, Суздальской, Новгородской. 25. Планъ Старой Ладоги, Куника. 26 и 27. Орудія при употребленіи Греческаго огня, изъ Лаланна. 28. Константинопольскій дворецъ 10 ст. 29. Ольгины бани, могила Олега Святославича, около Овруча. 30 и 31. Рисунки къ Болгарской войнѣ Святослава. 32. Планъ послѣдняго сраженія Святослава съ Греками, Черткова. 33 и 34. Корсунскія развалины. 35. Основаніе Десятинной церкви въ Кіевѣ, Мит. Евгенія. 36. Гробницы, въ Десят. церкви отрытыя, полъ и проч. 37. Кресты, въ развалинахъ Десят. церкви найденные. 38. Кіевскія гривны и прочія древности. 39, 40, 41. Развалины церкви св. Василія въ Овручѣ, фрески. 42. Черниговская золотая гривна и прочія ей подобныя. 43. Древнѣйшія панагіи. 44. Древнѣйшіе образки мѣдные, костяные, деревянные. 45, 46, 47, 48. Рисунки изъ житія св. Бориса и Глѣба. 49. Изображеніе св. Володимера и дѣтей его, Бориса и Глѣба, Греческія изображенія для сравненія. 50, 51. Чертежъ древняго Любеча съ сраженіемъ между В. К. Святополкомъ и Ярославомъ, Бороздина. 52. Кіево-Софійскій соборъ. 53. Мозаическое изображеніе Божіей Матери въ олтарѣ (Нерушимая стѣна). 54, 55. Мозаическія украшенія. 56. Стѣнопись. 57, 58, 59. Изображенія по стѣнамъ на лѣстницахъ. 60. Развалины Золотыхъ воротъ, въ 1651 году. 61. Развалины монастыря Св. Ирины, планъ Михайловскаго монастыря. 62. Начало Русской Правды Ярославовой, по древ-

нѣйшему списку. 63. Софійскій соборъ, въ Новгородѣ.— Планъ церкви св. Михаила въ Выдубицкомъ монастырѣ. 64. Каменный крестъ, въ стѣнѣ Соф. 65, 66, 67. Планы Новгорода и его окрестностей. 68. Новгородскія гривны и полугривны. 69. Гробница В. К. Ярослава Володимеровича 70, 71. Карта древней Россіи, къ объясненію походовъ первыхъ князей по рѣкамъ. 72. Мѣста нахожденія Арабскихъ монетъ. 73. Древніе Греческіе кресты, сохранившіеся въ Скандинавіи. 74. Древній Кіевъ и его окружности, до Татаръ, изъ Бороздинскаго собранія. 75, 76. Древній Кіевъ, по Максимовичу. 77, 78. Дѣленіе Ярославово, чертежъ Н. И. Павлищева. 79, 80. Великое княжество Кіевское, по Бороздину. 81. Пещеры Кіевскія. 82. Древнѣйшія изображенія Св. Антонія и Ѳеодосія. 83. Лаврская икона Божіей Матери. 84, 85. Чертежъ Чернигова и его окрестностей, (изъ Бороздинскаго собранія). 86. Черниговское княжество, планъ Бѣлой вежи, (оттуда же). 87. Изображеніе Ев. Луки изъ Остромирова Евангелія. 88, 89. Снимки съ Остр. Евангелія съ заглавными буквами и заставками. 90. Азбука изъ Остр. Евангелія. 91, 92, 93. Изображенія Святославова (Ярославича) семейства, изъ его сборника. 94. Первый листъ Святославова сборника (1073 г.). 95. Разныя изображенія изъ Святославова сборника и другихъ памятниковъ. 96. Тмутораканскій камень 1068 года. 97. Шапка Преп. Авраамія и ризы Пр. Леонтія. 98. Почерки древнѣйшихъ рукописей. 99. Крестъ складной Марка пещерника. 100, 101. Остатки мозаики въ Михайловскомъ монастырѣ. 102. Карта Палестины къ путешествію игумена Даніила. 103. Икона Святителя Николая Мокраго, отъ времени В. К. Всеволода. 104. Одежды Св. Никиты, Епископа Новгородскаго. 105. Рипиды Новгородскія, XII в. 106. Древняя шапка Новгородская. 107, 108.

Признаки границъ и укрѣпленій Руси, въ XII в., Пассека. 109, 110. Земляныя насыпи по Сулѣ, изъ Борозд. собранія. 111, 112. Происшествія изъ жизни Володимера Мономаха, по барельефамъ царскаго мѣста въ Успенскомъ Соборѣ. 113. Мономахова шапка. 114, 115. Чертежъ Ладожской крѣпости, Прохорова. 116, 117. Старо-Ладожская крѣпость, съ западной стор., Прохорова. 118. Ходъ изъ башни въ крѣпость. 119. Входъ западной средостѣнной башни съ воротами въ крѣпость 120. Церковь Св. Георгія въ Старой Ладогѣ, и образъ его на стѣнѣ, изъ Борозд. собранія. 121. Тотъ же образъ, Г. Прохорова. 122, 123. Видъ церкви Св. Георгія. 124. Разрѣзъ ея. 125. Фрески въ куполѣ, съ рисунковъ Г. Прохорова. 126. Видъ Изборской крѣпости, Г. Мартынова. 127, 128. Юрьевское Евангеліе, около 1120 г. 129, 130, 131, 132. Заглавныя буквы изъ Юрьевскаго Евангелія. 133. Окладъ Мстиславова Евангелія, около 1125 г. 134. Мстиславова грамота, около 1128 г. 135. Изъ Галичскаго Евангелія, 1143 г. 136. Икона Б. М., предъ коей молился В. К. Игорь Ольговичь въ 1147 г. 137, 138. Антиминсъ Епископа Новог. Нифонта, 1149 г. 139. Чара Князя Володимера Давыдовича Черниговскаго. около 1152. 140. Планъ и разрѣзъ ц. Св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ, 1152 г. 141. Чертежъ города Остра, изъ Борозд. собранія. 142. Нѣжинскій кладъ, (монеты Св. Володимера, Ярослава, Святополка, Мономаха, Георгія). 143. Изъ нотнаго Стихираря, 1157 г. 144. Образъ Владимирской Божіей Матери, принесенный Андреемъ Боголюбскимъ изъ Вышегорода. 145. Шатеръ надъ мѣстомъ явленія Б. М. Андрею Боголюбскому, при переселеніи его во Владимиръ. 146. Покровская церковь, основанная Андреемъ Боголюбскимъ. 147. Златыя ворота во Владимирѣ, построенныя Андреемъ Боголюбскимъ. 148, 149. Чертежъ Новагорода въ 1169 году, съ образа Знаменія. 150.

Осада Новагорода, оттуда же.151. Великокняжеская горница и сѣни въ Боголюбовѣ, рис. Г. Доброхотова. 152. Мѣсто убіенія В. К. Андрея. 153. Церковь св. Спаса, въ монастырѣ св. Евфросиніи, около 1160 г. 154. Входъ въ монастырь св. Евфросиніи. 155. Крестъ преп. Евфросиніи, 1161 г. 156. Рогвольдовъ Оршанскій камень. 157. Хутынская грамота; преп. Варлаама. 158. Чертежи развалинъ Борисо-Глѣбской церкви близь Гродно. 159, 160. Рязанскія древности, съ рисунка К. Ѳ. Калайдовича. 161, 162. Владимирскій кладъ, съ рисунковъ В. И. Стасова. 163, 164. Металлическіе предметы Владимирскаго клада. 165, 166. Образчики древнихъ тканей, найденныхъ во Влад. губ. 167. Надпись въ Нередицкой церкви, близь Новагорода, около 1200 г. 168. Крестъ Новогородскаго епископа Антонія, 1212 г. 169. Шлемъ Переяславскаго князя Ярослава Всеволодовича, около 1216 г. 170. Отрывокъ изъ толковаго Апостола, 1220 года. 171. Надпись на крестахъ 1211 и 1224 г. 172. Образъ Николая Зарайскаго, 1223 г., съ рисунка Г. Селиванова. 173. Надпись на крестѣ 1234 г., 174, 175. Карта Ливоніи къ лѣтописи Генриха Латыша. 176, 177. Курганы на берегахъ Сити, на мѣстѣ сраженія Русскихъ съ Татарами, въ 1237 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

178, 179, 180, 181. Каменныя бабы, наход. въ Новороссійскихъ степяхъ. 182, 183. Даки съ колоны Траяновой. и соотвѣтственныя Славянскія изображенія. 184. Жилища Даковъ. 185, 186, 187, 188, 189, 190. Изображенія Скиѳовъ съ Керченскихъ древностей. 191, 192 Норманны съ Матильдиныхъ обоевъ. 193. Норманнъ и Норманка, по рисунку Проф. Крузе, по вещамъ, найденнымъ въ Балтійскомъ поморьѣ.

194. Норманскія суда; корабль по былинамъ. 195, 196, 197. Древнѣйшія Славянскія надписи въ Македоніи. 198. Снимокъ съ Манассеиной лѣтописи, по Ватиканскому сп., откуда взяты рисунки о войнѣ Святославовой, (см. листы 31 и 32).

Во 2 отдѣленіи помѣщены таблицы: Общее обозрѣніе междоусобныхъ войнъ. Обозрѣніе ихъ по Княжествамъ. Обозрѣніе набѣговъ Половецкихъ, Русскихъ походовъ на Половцевъ, войнъ Новгородскихъ съ Чудскими племенами, Нѣмцами, Шведами, Литвою. Мѣста, бывшія поприщемъ междоусобій. Генеалогическія таблицы князей съ означеніемъ ихъ степени, старшинства, годовъ рожденія, кончины или упоминовенія. Списокъ князей по степенямъ и старшинству. По княжествамъ и удѣламъ. По азбучному порядку, съ указателемъ, гдѣ упоминаются въ Исторіи. Князья, коихъ родство опредѣлить нельзя. Русскія княгини и княжны, упоминаемыя въ Исторіи. Русскія княжны, отданныя въ замужство за иностранныхъ государей. Списокъ Русскихъ святыхъ. Указатель собственныхъ именъ, иностранныхъ, уп. въ Исторіи. Географическій списокъ городовъ и селъ Русскихъ, по азбучному порядку, съ показаніемъ, гдѣ и подъ какимъ годомъ они упоминаются въ первый разъ въ лѣтописяхъ, къ какимъ княжествамъ принадлежали. Списокъ монастырей и церквей, уп. въ Исторіи. Указатель именъ иностранныхъ. Алфавитный указатель предметовъ. Послѣсловіе. Цѣна за три тома съ атласомъ, 25 р. Для книгопродавцевъ, 23 р.

Это сочиненіе, въ другомъ изданіи, въ 8 долю, въ 2 т. безъ атласа, ц. 5 р. Оно составляетъ 1 и 2 томы полнаго собранія сочиненій М. П. Погодина.

Р Ѣ Ч И,

произнесенныя М. П. Погодинымъ въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ, 1830—1872.

О назначеніи университетовъ вообще, и въ особенности русскихъ. Объ ученомъ сословіи. С. С. Уварову, министру, посѣтившему автора въ его домѣ. Похвальное слово Карамзину, въ Симбирскѣ. Въ Одессѣ, на обѣдѣ, данномъ автору студентами Моск. Университета. На обѣдѣ, въ честь Ѳ. Н. Іордана и Н. К. Айвазовскаго. На прощальномъ обѣдѣ, съ М. С. Щепкинымъ. Въ Моск. Коммерческой Академіи, въ память о днѣ ея основанія. Воспоминаніе о Ломоносовѣ. Въ Губернской Московской гимназіи. На студенческомъ обѣдѣ, по случаю университетскаго юбилея. На кладбищѣ, по погребеніи Проф. Грановскаго. На 50-лѣтнемъ юбилеѣ М. С. Щепкина. На обѣдѣ, въ честь генерала Хрулева. На обѣдахъ, данныхъ въ Москвѣ въ честь Севастопольскихъ моряковъ. А. П. Ермолову, по его избраніи начальникомъ Московскаго ополченія. На обѣдѣ, въ честь Графа Остенъ-Сакена. Церковному старостѣ. Воспоминеніе объ А. С. Хомяковѣ. По случаю Высочайшаго рескрипта для улучшенія быта крестьянъ. Рѣчь для произнесенія на обѣдѣ, въ честь Фельдмаршала Князя Барятинскаго. Для задуманнаго обѣда, въ честь Барона М. А. Корфа. Предъ началомъ и въ заключеніи диспута съ пр. Костомаровымъ. Рѣчь на юбилеѣ Князя П. А. Вяземскаго. При вступленіи въ должность предсѣдателя Общесва любителей Р. Словесности. На обѣдѣ, данномъ друзьями-товарищами Князю Одоевскому, по возвращеніи его въ Москву. При образованіи Городской Думы. Въ общемъ собраніи сословій. Въ Дворянскомъ собраніи, въ Комисіи адреса. Въ день открытія Голицынскаго

Музея. По освященіи церкви въ Единовѣрческомъ монастырѣ. Рѣчь въ Думѣ, на обѣдѣ, въ честь Американскаго Посольства. Въ отвѣтъ на привѣтствія автору за дружескимъ обѣдомъ. За первымъ общимъ ужиномъ, по пріѣздѣ Славянскихъ гостей въ Москву. На обѣдѣ, въ честь Славянъ. На разставаньи съ Славянскими гостями. Митр. Филарету, въ день 50-лѣтія его архіерейской службы, изъ Парижа, съ выставки. За ужиномъ у князя В. Ѳ. Одоевскаго, въ честь новаго судоустройства. При открытіи особаго помѣщенія для женщинъ въ Смирительномъ домѣ. По открытіи Шуйско—Ивановской дороги. На юбилеѣ С. А. Маслова. Князю Черногорскому, при поднесеніи ему хлѣба-соли отъ Слав. Комитета, въ Петербургѣ и въ Москвѣ. При открытіи Археол. съѣзда въ Москвѣ. Слова за обѣдомъ, въ домѣ автора, о древнихъ кушаньяхъ и напиткахъ. Воспоминаніе о Князѣ Одоевскомъ, и проч.

Рѣчи составляютъ третій томъ полнаго собранія соч. Ц. 3 р. Четвертый томъ печатается и заключаетъ въ себѣ Политическія письма, писанныя впродолженіи Крымской войны.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ,

ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ

М. Погодина, о древней Русской Исторіи. Семь томовъ. 1848—1857.

Томъ I. Объ источникахъ. Глава I. О достовѣрности древней Русской Исторіи и лѣтописи вообще. II. О времени и мѣстѣ сочиненія первой лѣтописи. III. Лѣтописецъ Несторъ. IV. Его лѣтопись. V. Источники его. VI. О договорахъ Олега, Игоря и Святослава съ Греками. VII. Обозрѣніе лѣтописи по источникамъ. VIII. Сказки въ Несторовой лѣтописи. IX.

Достовѣрность извѣстій Ч. Заключеніе лекцій о Несторѣ. X. Русская правда. XI. Церковной уставъ Володимера. XII. О сѣверныхъ сагахъ. XIII. Прочіе источники. XIV. О скептическомъ повѣтріи. Итогъ скептическихъ положеній и возраженія на оныя.

Томъ II. Происхожденіе Варяговъ-Руси. Глава I. Кто были Варяги-Русь вообще. II. Отвѣты на возраженія противъ Скандинавскаго происхожденія. III. Кто были именно Варяги—Русь. VI. Откуда происходитъ ихъ имя. V. Прочія мнѣнія о происхожденіи Варяговъ-Руси, съ разборомъ. VI. Лекція по Шафарику о Славянахъ вообще, объ отношеніи, какое имѣютъ Славянскія древности къ Русской Исторіи, о племенахъ Славянскихъ въ эпоху прибытія Норманновъ.

Томъ III. Норманскій періодъ. Глава I. Первое поселеніе Варяговъ, дань, изгнаніе. II. Призваніе. Догадки о причинахъ призванія. Разборъ ихъ. III. Рюрикъ. IV. Олегъ. V. Родъ Кіевскихъ князей VI. Дѣйствія ихъ до кончины Ярослава. VII. Военное дѣло. VIII. Торговля. IX. Религія. X. Грамотность, языкъ, образованіе. XI. Право. XII. Частная жизнь. XIII. Характеръ народный. XIV. Лекціи о формаціи государства. XV. Параллель Русской Исторіи съ Исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала.

Томъ IV. Періодъ удѣльный. 1054—1240. Глава I. Источники. II. О хронологіи въ Русскихъ лѣтописяхъ. III. Ярославово дѣленіе. Города и предѣлы первыхъ княжествъ. IV. О родахъ князей. V. О правѣ наслѣдства. VI. О достоинствѣ Великаго князя и объ отношеніяхъ его къ прочимъ князьямъ. VII. Объ отношеніи князей между собою.

Томъ V. Глава I. Междоусобныя войны. II. О сношеніяхъ удѣльныхъ князей между собою III. Внѣшнія войны. Половцы.

IV. Прочія войны и внѣшнія сношенія. V. Очерки внѣшней исторіи княжествъ. VI. Новгородъ.

Томъ VI. Біографическій словарь Русскихъ князей до покоренія Россіи Монголами.

Томъ VII. Глава I. Князь II. Дружина,—бояре, отроки. О наслѣдственности званій. Списокъ бояръ и мужей. III. Города и ихъ обитатели. IV. Посадники, Тіуны и проч. Старшинство. V. Волости, смерды. VI. Военное дѣло. VII. Право. VIII. Торговля, куны, деньги IX. О церкви. Граматность и образованіе, языкъ. X. Частная жизнь князей. Цѣна за 7 томовъ 10 руб.

ИСТОРИЧЕСКО-КРИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

М. Погодина, въ двухъ томахъ. 1846—1867.

Томъ I. Взглядъ на Русскую Исторію. Очеркъ Русской Исторіи. О старшинствѣ между князьями. О Москвѣ. Приращенія Москвы. О мѣстничествѣ. О характерѣ Іоанна Грознаго. Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія. Нѣчто объ Отрепьевѣ. Петръ Великій. Крестьянинъ Иванъ Посошковъ. За русскую старину. Цѣна 2 р.

Томъ II. Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе первоучители. Взглядъ на удѣльный періодъ, отъ кончины Ярослава до нашествія Монголовъ. Древняя Русская аристократія. Царь Іоаннъ Васильевичь Грозный, (въ отношеніи къ новымъ толкамъ). Былъ ли Борисъ Годуновъ основателемъ крѣпостнаго права? Отвѣтъ г. Костомарову на его возраженія. Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Царевичъ по вновь найденнымъ документамъ. Наше время въ отношеніи къ исторіи. Воспоминаніе объ А. П. Ермоловѣ. Цѣна 2 р., за оба тома вмѣстѣ 3 р.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ,

по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. 1866.

Два тома, съ 3 портретами и 5 листами снимковъ съ черневой исторіи и проч. Цѣна 5 р.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ,

Собраніе разсужденій и замѣчаній 1830—1865.

Историческія размышленія объ отношеніяхъ Польши къ Россіи. О Польской исторіи Бандтке. Письмо о Польшѣ. Посланіе къ Полякамъ. Отрывокъ изъ статьи о Петерб. пожарахъ, относительно Поляковъ. Нѣсколько словъ о западныхъ губерніяхъ. По поводу новыхъ слуховъ. Письмо къ Гизо. Отповѣдь французскому журналисту. Письмо къ Гарибальди. По поводу депешъ князя Горчакова. Система Велепольскаго. Итого. Письмо къ Палацкому. Книга г. Шедо-Ферроти. Послѣ посѣщенія Варшавы и Вильны въ 1865 году и проч. Цѣна 1 р.

Остзейскій вопросъ,

Письмо къ профессору Ширрену, по поводу его книги о сочиненіи Г. Самарина, 1869. 60 коп.

СОЧИНЕНІЯ КРЕСТЬЯНИНА ИВАНА ПОСОШКОВА,

о времени Б. Петра, изданныя М. Погодинымъ въ двухъ частяхъ. (1842—1863 г.)

Часть 1. Книга о скудости и богатствѣ. (О духовности. О воинскихъ дѣлахъ. О правосудіи. О купечествѣ. О художествѣ (рукодѣліи). О разбойникахъ. О крестьянствѣ. О дворянахъ, крестьянахъ и земляныхъ дѣлахъ. О царскомъ интересѣ.) О ратномъ поведеніи. Отеческое поученіе

сыну, посланному для обученія въ дальнія страны. **Донощеніе** митрополиту Стефану Яворскому,—съ приложеніемъ снимокъ съ его руки и съ подписью. Цѣна 2 р.

Часть II. Зерцало суемудрія раскольнича. О хулѣ. О ругателяхъ. О осужденіи. О крестѣ Господнѣ. О висѣніи Христовѣ на крестѣ. О разбойникахъ. О церкви. О пресвитерахъ. О покаяніи. О причащеніи Тѣла Христова. О раскольникахъ, и еретикахъ, и подцерковникахъ. Мірянину учителемъ не быть. О лжеучителяхъ и лжепророкахъ. О крещеніи. О символѣ, еже не будетъ конца и проч. Объ антихристѣ. О прочитаніи книгъ. О сложеніи перстовъ. О молитвѣ Іисусовой. О направленіи заблудившихъ. О седмочисліи. О царствіи Божіемъ и о царствѣ діавольскомъ и проч. Цѣна 2 р. За обѣ части вмѣстѣ 3 р.

КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКІЙ СБОРНИКЪ,

изданный М. Погодинымъ,

По опредѣленію Московскаго Общества любителей Русской словесности. 1865. Цѣна 2 р.

(Изслѣдованія профессора Горскаго, архіеп. Филарета, проф. Казанскаго, Григоровича, Невоструева, Гильфердинга, Викторова, Безсонова, Арсеньева, и проч.).

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ,

по новымъ документамъ.

Письма его духовнику, гормилицѣ, отцу, вельможамъ. Его выписки расходы, письма къ нему духовника. Слѣдственныя дѣла, къ нему относящіяся, и проч. 1863. Цѣна 1 р. 50 коп.

А. П. Ермоловъ,

матеріалы для его біографіи: записки, письма, журналы, приказы, анекдоты, воспоминанія. 1864. Ц. 2 руб.

РАЗСКАЗЫ

СТАРАГО ВОИНА О СУВОРОВѢ

(Полковника Старкова-третьяго).

1845. Ц. 1 р. 50 к.

Историческіе афоризмы, 1838. Ц. 75 к.

Норманскій періодъ Русской Исторіи, 1859. Ц. 50 к.

Андрей Боголюбскій, изслѣдованія и повѣствован. 1852. Ц. 50 к.

Исторія въ лицахъ о Царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ *Годуновѣ*, 1868. Ц. 75 к.

Исторія въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ, 1835. Ц. 75 к.

Лѣтопись событій въ Югозападной Россіи, Самуила *Величка*, въ 3 т. 3 р.

Біографическій *Словарь свѣтскихъ писателей*, Митрополита *Евгенія*, въ 2 т. 2 р.

Русскій историческій альбомъ (*почерки* примѣчательныхъ Русскихъ людей, числомъ 261,) 1837. Ц. 5 р.

Образцы Славяно-Русскаго древлеписанія, въ 2 тетрадяхъ, 1840. Ц. 5 р.

Начертаніе Русской исторіи, для гимназій, 1837. Ц. 50 к.

Начертаніе Русской исторіи, для низшихъ училищъ, 15 к.

Повѣсти въ 3 частяхъ, (Русая коса; Какъ аукнется, такъ и откликнется; Нищій; Сокольницкій садъ; Черная немочь; Невѣста на ярмаркѣ; Счастіе въ несчастіи; Адель; Васильевъ вечеръ; Преступница; Петруся; Суженой и пр. 1835. Ц. 2 р.

Годъ въ чужихъ краяхъ. 1839. 4 части, ц. 2 р.

Невѣста на ярмаркѣ, повѣсть въ 2 ч. Ц. 20 к.

Марѳа Посадница, трагедія въ 5 дѣйс. въ стихахъ, 1832. Ц. 1 р.

Похвальное слово Карамзину, 1845. Ц. 50 к.

Вѣнокъ на могилу Высокопреосвященнаго *Иннокентія*, біографическія свѣдѣнія, избранныя слова изъ произнесенныхъ въ Вологдѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ. 1867. Ц. 1 р.

Гецъ фонъ Берлихингенъ, трагедія Гете, пер. съ Нѣмецкаго, 1829. Ц. 50 к.

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАННАЯ

ПЕТРЪ I,

ТРАГЕДІЯ ВЪ 5 ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ.

Цѣна 1 р.

„УТРО“

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ. (1858—1868 г.)

Содержаніе: Липы, повѣсть въ стихахъ, *П. М. Языкова*. Взглядъ на Русскую литературу въ 1858 году, *Б. Н. Алмазова*. Два первыя дѣйствія трагедіи «Петръ Первый», *М. П. Погодина*. О поэзіи Пушкина, *Б. Н. Алмазова*. Конь, басня *И. А. Крылова*. Щедринъ и новѣйшая сатирическая литература. *Е. Н. Эдельсона*. Благочестивому Меценату, *А. С. Хомякова*. Свѣтскія язвы, повѣсть *С. П. Колошина*. Поединщики, разсказъ *Г. П. Желѣзнова*, Американская женщина. Двѣ записки *Татищева* о вступленіи на престолъ императрицы Анны. Стихотворенія Миллера, Алмазова и проч. и проч. Цѣна 2 р.

„**УТРО**“ (второе). Дѣтство, воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина (*М. П. Погодина.*).—Нигилистъ, поэма въ стихахъ (*графа В. А. Соллогуба*).—Восточный вопросъ (*проф. Лавровскаго*).—О народности и національности

въ литературѣ, (*М. А. Дмитріева*). Памяти П. А. Плетнева. (*князя П. А. Вяземскаго*)—*Его же* Венеція (фотографіи I—VIII). —Замѣтки (I—VIII). Письма *Батюшкова*, *Карамзина*, *Жуковскаго*, *графа Блудова*, *граф. Каподистріи*.—Три дня на Италіанскихъ озерахъ, *С. П. Колошина*. — Кара судьбы, ломбардское преданіе. Письма о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи, къ N. N. Кобдену, Прудону и проч. (*М. П. Погодина*)—*Мнѣнія, голоса и вампчанія гласнаго по дѣйствіямъ Московской Городской Думы* 1863—1866 г. (*М. П. Погодина*).—Мальчикъ въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ (*Ѳ. Н. Глинки*).—Дорога (*М. А. Дмитріева*).—Изъ Мицкевича (*Н. В. Берга*).—Изъ Рюккерта (*А. Ѳ. Фета*).—Просьба (*Н. С. Кохановской*).—Для біографіи Хомякова (*Графа Остен-Сакена*).—Къ молодымъ людямъ напутственное слово (*А. И. Иванцева-Платонова*).—Къ сборнику приложена авто біографическая записка Карамзина (fac-simile). Цѣна 2 р.

„УТРО“ (третье) Нѣмецкій вопросъ, 1859 (Гр. *Д. А. Толстаго*.)—Рейнскій вопросъ (*С. П. К.*).—Міроздапіе (думы, *М. М. Магницкаго*).—Первая проповѣдь, 1806 г., митр. *Филарета*, обратившая на него вниманіе митр. Платона.—Изслѣдованіе о гробницѣ внуки Донскаго въ Константинополѣ (*архимандрита Леонида*).—Записки путешественника по Чехіи (*П. А. Лавровскаго*).—Записки Штелина объ имп. Петрѣ III.—Свѣдѣнія объ ихъ открытіи. (*М. П. П*). Три послѣднія дѣйствія изъ трагедіи «Петръ I» (*М П. Погодина*). Матеріалы для біографіи высокопр. Иннокентія и митрополита Евгенія (*П. И. Савваитова*.).—Гетманъ Ходкевичъ (*М. А. Максимовича*.). —О селѣ Знаменскомъ, лѣтнемъ пребываніи Карамзина въ его молодости (*М. Н. Лонгинова*.).—О духовныхъ училищахъ (*Д. Р.*) и проч. Цѣна 2 р.

Исторія *Пруссіи*, соч. Профессора Пелица, съ древнѣйшихъ временъ, въ 4 ч. съ картою послѣдняго распространенія Прускихъ владѣній въ Германіи и разными таблицами, объясняющими приращеніе пространства, народонаселенія, морскихъ силъ, сравнительно съ прочими Европейскими государствами, 1870. Цѣна 2 р.

— *Ломбардіи*, въ 4 частяхъ, 1 р. 50 к.

— *Неаполя и Сициліи*, въ 5 частяхъ, 1 р. 50.

— *Саксоніи*, въ 2 ч. 1 р.

— *Ганвы*, въ 2 ч. 1 р.

Исторія древняя, Герена, пер. съ нѣмец. Кояндера. 1836. 1 р.

Исторія среднихъ вѣковъ, Демишель, пер. съ франц. въ 2 ч. Цѣна 1 руб.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ КАРАМЗИНА

въ 3 компактныхъ томахъ, въ коихъ заключаются прежніе девять. Ц. 4 р.

Полное собраніе соч. **И. Екатерины II**, въ 3 т. 3 р.
Богдановича, въ 2 томахъ, 2 р.
Княжнина, въ 2 томахъ, 2 р.
Муравьева, въ 2 томахъ, 2 р.
Кн. И. М. Долгорукаго, въ 2 томахъ, 2 р.
Нелединскаго и Дельвига, 1 р.
Нахимова, Милонова, Судовщикова, 1 р.
Кострова и Аблесимова, 1 р.
Хмѣльницкаго, въ 3 томахъ, 3 р.
Полное собраніе сочиненій **Капниста**, 1 р.

Сочиненія **Писемскаго,**

въ 3 томахъ, 2 р. (повѣсти и разсказы: **Тюфякъ, Питерщикъ, М. Батмановъ, Сергѣй Петровичъ Хазаровъ и Мари Ступицына, Бракъ по страсти, Комикъ**).

Сочиненія **Кокорева,**

Ивана Тимоѳеевича, въ 3 т., 2 р. (очерки и разсказы: **Самоваръ, Извощики, Лихачи и Ваньки, Мелкая промышленность въ Москвѣ, Публикаціи и выставки, Русское сердце, Чужое добро. Отцовскій долгъ, Чай въ Москвѣ, Саввушка, Сборное Воскресенье, Кулаки и барышники, Сибирка, Старьевщикъ, Ярославцы въ Москвѣ, Московскіе рынки, Мое почтеніе, Ѳоминъ понедѣльникъ и проч**).

Сочиненія **Потѣхина**: Крестьянка, ром. въ 3 т. 2 р.

Загоскина,

послѣдній романъ: **Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія** 2 ч. 2 р.

Его же: **Поѣздка за границу, ком. 50 к.**

Мея, Царская невѣста, драма въ стихахъ 50 к.

Островскаго, драмы: Свои люди сочтемся, 1 р.
— **Бѣдная невѣста, 50 к.**
— **Не такъ живи, какъ хочется, 50 к.**
— **Не въ свои сани не садись 50 к.**

Верга, Пѣсни разныхъ народовъ, 2 р.
Стаховича, Наѣздники, комедія въ 5 д. въ стихахъ, 50 к.
Полонскаго, Дареджана, трагедія въ 5 д. въ стихахъ, 50 к.
Гр. Ростопчиной, Нелюдимка, драма въ 5 д. въ стих. 50 к.
Вельтманъ Е. И. Викторъ, повѣсть, 50 к.
Дмитріева М. А. Стихотворенія, 1 р.
Диккенса, Духовидецъ или договоръ съ привидѣніемъ, 50 к.

Міроздание, для первоначальнаго чтенія, съ 50 политипажами, 20 к.

Опытъ ариѳметическаго рѣшенія астрономическихъ вопросовъ, Студицкаго, 20 к.

Совѣтъ оберегаться холеры, Профессора Страхова, 20 к.

Физіологія Нижегородской ярмарки, 20 к.

Красное яичко для крестьянъ, 10 к.

Московскій вѣстникъ,

ученo-литературный журналъ 1827, 1829 и 1830 г. 10 р. (издававшійся съ непосредственнымъ участіемъ Пушкина, помѣстившаго въ немъ многія свои стихотворенія). Кромѣ его въ изданіи принимали участіе: Дмитрій Веневитиновъ, Шевыревъ, Хомяковъ, Ознобишинъ, Титовъ, Князь Одоевскій, С. Т. Аксаковъ, Ѳ. Н. Глинка, Д. В. Давыдовъ, М. А. Дмитріевъ, Рожалинъ, Раичъ, Языковъ, кн. З. Ал. Волконская, Томашевскій, Туманскій, Максимовичъ, Князь Шаховскій, В. Ѳ. Оболенскій, Востоковъ, Стемпковскій, Кеппенъ, Снегиревъ, Ганинеъ, Арцыбышевъ, Давыдовъ, А. А. Шишковъ и проч.

Москвитянинъ,

учено-литературный журналъ 1841—1856 г. 80 т. 16 лѣт. 120 р.

Въ Москвитянинѣ помѣщено множество матеріаловъ для Русской Исторіи и Исторіи Русской Словесности, для біографій Третьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, и проч. Нѣсколько проповѣдей преосв. Иннокентія. Стихотворенія: Князя Вяземскаго, Ѳ. Н. Глинки, Гр. Ростопчиной, Павловой, Раича, Дмитріева, Ознобишина, Хомякова, Шевырева, Миллера и проч.

Первыя комедіи и драмы Островскаго, первыя повѣсти Писемскаго, пѣсни Н. В. Берга, первые опыты Мея, Щербины, Фета, переводъ Данта, Мина. Романы и повѣсти Загоскина, Вельтмана, С. Т. Аксакова, Писемскаго, Квитки, Даля, Мельгунова, Титова (Н. П.) Кокорева, (И. Т.) и проч.

Ученыя статьи и изслѣдованія: Преосв. Филарета, профессоровъ — Горскаго, Максимовича, Перевощикова, Срезневскаго, Щуровскаго, Лешкова, Бѣляева, Грановскаго, Буслаева, Березина, Давыдова, О. Іакинѳа, Сахарова, Снегирева, Самарина, Кирѣевскихъ, Березина, Спасскаго, Шевырева, Погодина, и проч.

Критическіе разборы важнѣйшихъ книгъ, по части Русской Исторіи (Погодина), и Словесности, (Шевырева), вышедшихъ въ продолженіи 1816—1856.

Русская Бесѣда 1856—1860, 20 т. 20 р.

Русскій, политическая и литературная газета, изд. М. Погодинымъ. 1867, 1868, болѣе 200 лист. Ц. 5 р.

Альманахъ на 1850 г. (**Вельтмана**: Златой и Бела, повѣсть въ стихахъ. Екатерининскій пажъ, изъ записокъ **Вашилова**; Гр. **Ростопчиной**: Гуссейнъ-Бей; **Шевырева**, Прогулка по Аппенинскимъ горамъ; **Мея**, отрывокъ изъ драмы: Псковитянка; **Погодина**. Къ ученому, Дочь Матроса, повѣсть; стихотворенія Берга, Дмитріева, Миллера, и проч.) Ц. 50 к.

Гостинецъ, альманахъ для дѣтей, (статьи Бѣляева, Зонтагъ, Пассекъ, Студитскаго, Миллера, Красова, Сушкова и проч). 1850 г. Ц. 50 к.